ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2020 № 56

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»

Высшей аттестационной комиссии

(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru: Рыкун А.Ю. (Томск, Россия) - зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: а rykun@mail.ru; Щербинин А.И. (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; Агафонова Е.В. (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; Сухушина Е.В. (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; Скочилова В.Г. (Томск, Россия) - ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск. Россия) – доктор филос. наук. профессор: Оглезнев В.В. (Томск, Россия) доктор филос. наук, профессор; Сыров В.Н. (Томск, Россия) доктор филос, наук, профессор: Черникова И.В. (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; Лалов В.А. (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; Южанинов К.М. (Томск, Россия) – кандидат филос, наук, доцент: Шербинина Н.Г. (Томск. Россия) – доктор полит. наук, профессор; Кашпур В.В. (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона,

ситет, Дрезден, ФРГ); Шефлер Уве (Техниче-

Сиэтл, США); Ренч Томас (Технический универ-

ский университет, Дрезден, ФРГ); Вяткина Н.Б.

(Институт философии НАНУ, Киев, Украина); Васильев В.В. (Московский государственный университет, Москва, Россия); Микиртумов И.Б. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); Целищев В.В. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); Диев В.С. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); Джонсон Марк С. (Университет Висконсина, Мэдисон, США); Балцер Харли С. (Университет Джорджтауна, США); Чалаков Иван (Университет Пловдива, Болгария); Вавилина Н.Д. (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); Константиновский Д.Л. (Институт социологии РАН, Москва, Россия); Черныш М.Ф. (Институт социологии РАН, Москва, Россия); Ярская-Смирнова Е.Р. (Государственный университет - Высшая школа экономики, Москва, Россия); Малинова О.Ю. (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия);

Соловьев А.И. (Московский государственный

сия); Чахор Рафал (Нижнесилезская высшая

университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Рос-

школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский

государственный университет им. М.В. Ломоно-

сова, Москва, Россия); Шуберт Клаус (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) -Editor-in-Chief; Rvkun A.U. (Tomsk. Russia) -Deputy Editor-in-Chief (Sociology); Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) -Deputy Editor-in-Chief (Political Science); Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) - Executive Editor: Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) -Executive Editor (Sociology); Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) -Executive Editor (Political Science); Borisov E.V. (Tomsk, Russia); Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia); Syrov V.N. (Tomsk, Russia); Chernikova I.V. (Tomsk, Russia); Ladov V.A. (Tomsk, Russia); Uzhaninov K.M. (Tomsk. Russia): Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia); Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); Rentsch T. (Technical University Dresden, Germany); Scheffler U. (Technical University Dresden, Germany); Viatkina N.B. (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); Vasilvev V.V. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Mikirtumov I.B. (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); Tselishcev V.V. (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); Diev V.S. (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); Johnson M.S. (University of Wisconsin, Madison, USA); Balzer H.S. (Georgetown University, USA); Tchalakov I. (University of Plovdiv, Bulgaria); Vavilina N.D. (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); Konstantinovskyi D.L. (Institute of Sociology, Moscow, Russia); Chernysh M.F. (Institute of Sociology, Moscow, Russia); Iarskaia-Smirnova E.R. (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); Malinova O.Y. (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); Soloviov A.I. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Czachor R. (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); Shestopal E.B. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Shubert K. (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Андрушкевич А.Г. Аскриптивные выражения и конструирование реальности
Антух Г.Г. Психопатология повседневной коммуникации с точки зрения иерархическо-
го подхода к решению проблемы парадоксов
Нехаев А.В. «Стандартный Лжец»: Витгенштейн, языковые игры и самореференция
Резников В.М. Философские предпосылки математических дискуссий в контексте кри-
тики условий применения математики по Колмогорову
Черникова И.В., Букина Е.Е. Этический дискурс технонауки
Яцевич М.Ю. Экологическое мировоззрение в условиях становления научных пара-
дигм
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
·
Аверков М.С., Дерябин А.А., Попов А.А. Наука о данных и искусственный интеллект
как инструменты практической реализации философии открытого образования
Бажанов В.А., Краева А.Г. Музыка под углом зрения биокультурного со-
конструктивизма
Волкова С.В., Малышева Н.И., Поляков А.В., Юдина М.И. А.П. Куницын и пробле-
мы формирования российской идеи правовой справедливости
Столярова О.Е. Наука сегодня – профессия или призвание
Тулупова О.Н., Петрова Г.И. Теоретико-методологические установки определения
понятий «профессия» и «трансфессия»: сравнительный анализ
Чаплинская Я.И. Профессиональное выгорание как процесс отчуждения
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
Stasiulis N. The meaning of rationality in Heidegger's philosophy
Гашков С.А. Философия истории у М. Фуко и К. Касториадиса: эволюция методов и
механизмы онтологических противопоставлений исторического
Хвастунова Ю.В. Гедонистический императив и райская инженерия Дэвида Пирса как
нравственно-религиозная основа современного трансгуманизма
СОЦИОЛОГИЯ
Вялых Н.А. Социальные представления о модели здравоохранения в российском обще-
СТВе
Кранзеева Е.А. Специфика политического сознания и поведения современных женщин
Полякова И.Г. Социально-психологический портрет и особенности мотивации донора
спермы на безвозмездной основе
Рахманов А.Б. Бизнес-элиты ведущих стран мира в 2020 году: комплексное исследова-
ние
Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Агентная позиция людей с инвалидностью в го-
родском пространстве
ПОЛИТОЛОГИЯ
Асланов С.А. Миграционная политика Италии как индикатор нерешенности миграци-
онного вопроса в ЕС.
Боброва Г.Е. Эволюция имиджа В.В. Путина в "Der Spiegel" в контексте украинского
кризиса
Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Геоэтнополитология: предмет, содержание, факторы раз-
вития
михайленок О.М., Назаренко А.В. Сетевые сообщества: прошлое и будущее
, 1
Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политическое конструирование образа будущего
МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ
Фишман Л.Г. Мораль и капитализм: конец дармового ресурса?
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Andrushkevich A.G. Ascriptive Expressions and the Construction of Reality	. 5
Antukh G.G. The Psychopathology of Ordinary Communication in Terms of a Hierarchical	
Approach to Solving the Paradoxes Problem	
Nekhaev A.V. The "Standard Liar": Wittgenstein, Language-Games and Self-Reference	. 23
Reznikov V.M. The Philosophical Premises of Mathematical Discussions in the Context of	
the Critique of Kolmogorov's Conditions for Using Mathematics	
Chernikova I.V., Bukina E.E. The Ethical Discourse of Technoscience	
Yatsevich M.Yu. Environmental Consciousness Under the Formation of Scientific Paradigms	. 53
SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY	
Averkov M.S., Deryabin A.A., Popov A.A. Data Science and Artificial Intelligence as Tools	
for the Practical Implementation of the Philosophy of Open Education	
Bazhanov V.A., Kraeva A.G. Music Through the Lens of Biocultural Co-Constructivism	. 85
Volkova S.V., Malysheva N.I., Polyakov A.V., Judina M.I. Aleksandr Kunitsyn and the Is-	
sues of the Development of the Russian Idea of Legal Justice	
Stoliarova O.E. Is Science a Profession or a Vocation Today?	. 107
Tulupova O.N., Petrova G.I. Theoretical and Methodological Principles of Defining "Pro-	
fession" and "Transfession" Concepts: A Comparative Analysis	. 113
Chaplinskaya Ya.I. The Burnout Syndrome as a Process of Alienation	. 122
HISTORY OF PHILOSOPHY	
Stasiulis N. The Meaning of Rationality in Heidegger's Philosophy	. 129
Gashkov S.A. The Philosophy of History by Michel Foucault and Cornelius Castoriadis: An	
Evolution of Methods and Mechanisms of Ontological Oppositions in History	. 137
Khvastunova Yu.V. David Pearce's Hedonistic Imperative and Paradise Engineering as a	
Moral and Religious Basis of Modern Transhumanism	. 145
SOCIOLOGY	
Vyalykh N.A. Social Representations on the Healthcare Model in Russian Society	. 157
Kranzeeva E.A. The Specifics of Modern Women's Political Consciousness and Behavior	
Polyakova I.G. The Sociopsychological Profile and Motivations of Altruistic Sperm Donors	
Rakhmanov A.B. The Business Elites of the Leading Countries in 2020: A Complex Study	
Iarskaia-Smirnova E.R., Yarskaya V.N. The Agency of People with Disabilities in Urban	
Space	. 223
POLITICAL SCIENCE	
Aslanov S.A. Italy's Migration Policy as an Indicator of the Uncertainty of the Migration Is-	
sue in the EU	. 235
Bobrova G.E. The Evolution of the Image of Vladimir Putin in <i>Der Spiegel</i> in the Context of	2.42
the Ukrainian Crisis.	
Isaev B.A., Ignatyeva I.F. Geo-Ethno-Politology: Subject, Content, Development Factors	
Mikhaylenok O.M., Nazarenko A.V. Network Communities: Past and Future	
MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS	
Fishman L.G. Morality and Capitalism: Depletion of the Free Resource?	. 300
INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	308
UNDURIVIA LIUINS ABUILL LHB. ALLIHUKS	508

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 81:1

DOI: 10.17223/1998863X/56/1

А.Г. Андрушкевич

АСКРИПТИВНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ¹

В статье рассматривается специфика механизма введения в онтологию новых объектов посредством употребления аскриптивных выражений обыденного языка. Выявляется сложная перформативная составляющая аскриптивных выражений. Определяются внеязыковые предпосылки для осуществления аскрипции, на основании которых осуществляется конструирование реальности.

Ключевые слова: язык, онтология, аскрипция, правила.

В настоящей работе мы обратим внимание на ряд языковых выражений, по форме очень напоминающих дескриптивные, - на аскриптивные выражения. Герберт Харт из всего многообразия языковых выражений выделил аскриптивные выражения, т.е. те, «чья первичная функция состоит не в том, чтобы описывать вещи, события, лиц... но в том, чтобы производить действия, например заявлять о правах... признавать права, заявленные другим... приписывать права... передавать права... а также признавать, приписывать или вменять ответственность» [1. С. 343]. Хотя Харт и ограничивал сферу применения аскрипции исключительно юридическим языком, мы утверждаем, что в обыденном языке также встречаются аскриптивные выражения. В связи с этим далее мы постараемся приводить примеры приписывания некоего статуса посредством выражений именно обыденного, а не юридического языка. Выражения «пиджак, который надел Билл» «преступление, которое совершил Билл» действительно очень схожи по своей форме. Однако если первое представляет собой описание некоего объекта, то второе – приписывание некоему событию статуса преступления. Более того, нами было выявлено, что «аскриптивность языка предполагает конструирование реальности посредством введения нового объекта» [2. С. 12]. Мы предполагаем, что данное конструирование онтологии представляет собой не произвольный процесс, инициируемый одним лишь желанием индивида утвердить некоторый новый объект. Напротив, мы полагаем, что имеют место некоторые внеязыковые и не зависящие от воли агента речи обстоятельства, напрямую влияющие на формирование реальности посредством употребления аскриптивных языковых выражений. Выявлению данных оснований посвящена настоящая работа.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

Рассмотрим пример с выражением обыденного языка — «гол, который забил Джордж Бест», которое употребляется рефери во время футбольного матча с целью квалификации некоторого положения дел в качестве взятия ворот или гола. Мы утверждаем, что рассматриваемое языковое выражение является именно аскрипцией, т.е. приписыванием соответствующего статуса некоему положению дел, при котором мяч полностью пересек линию ворот и при этом ни один из игроков команды, забившей гол, не нарушил правила. Исходя из анализируемой нами теории аскриптивизма языка, вне высказывания имеет место описанное выше и зафиксированное рефери положение дел. Такой объект, как «гол», возникает в результате приписывания статуса взятия ворот данному положению дел, т.е. посредством употребления соответствующего аскриптивного выражения. Аскриптивность обыденного языка подводит нас к выводу о том, что язык предполагает механизм конструирования реальности.

Очевидно, что судья, который фиксирует то, что Джордж Бест забил гол, и передает эти сведения, чтобы на табло могли изменить счет, посредством рассматриваемого выражения совершает некоторое действие. Перформативная составляющая выражения «гол, который забил Джордж Бест», как мы полагаем, выражена именно в том факте, что посредством рассматриваемого выражения рефери совершает вполне определенное действие, а именно приписывает данному положению дел статус взятия ворот или гола. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что аскриптивные выражения как минимум в ряде случаев являются перформативными выражениями, т.е. такими, посредством которых совершается некоторое действие, а именно приписывание определенного статуса. Однако мы можем усилить наши выводы, предположив, что любое аскриптивное выражение имеет перформативную составляющую.

Однако употребление рассматриваемого языкового выражения, помимо реализации акта приписывания, предполагает также и совершение некоторого иллокутивного акта. Серль пишет: «...я мог бы сказать, что разграничиваю иллокутивный акт и пропозициональное содержание иллокутивного акта» [3. С. 156]. Очевидно, что пропозициональным содержанием выражения «гол, который забил Джордж Бест» в общих чертах будет суждение о том, что Джордж Бест забил гол. Однако каков в таком случае непосредственно иллокутивный акт? Для ответа на этот вопрос мы можем представить, к примеру, следующие языковые выражения: «Джордж Бест забил гол?», «Джордж Бест, забей гол!» или «гол забил Джордж Бест?». Общим для всех этих выражений будет, очевидно, референция к Джорджу Бесту. Разница же, с точки зрения Серля, между этими выражениями в том, что каждое из них содержит различные иллокутивные акты. В общих чертах эта разница сводится к намерениям агента речи, с которыми он, собственно, и использует соответствующее выражение. Так, например, при употреблении вопроса «Джордж Бест забил гол?» агент речи интересуется о том, удалось ли Бесту забить гол. Тогда как в случае с «Джордж Бест, забей гол!» агент речи выражает желание увидеть взятие ворот в исполнении Беста. В последнем случае агент речи интересуется, является ли Бест автором забитого гола. Исходя из разницы намерений, логично предположить, что в изначальном варианте, когда арбитр матча употребляет выражение «гол, который забил Джордж Бест», арбитр руководствуется намерением утвердить то, что Джордж Бест осуществил взятие ворот.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что перформативная составляющая выражения «гол, который забил Джордж Бест» сводится не только к приписыванию некоему положению дел статуса взятия ворот, но и к утверждению того, что Бест осуществил взятие ворот. В определенной степени эти две перформативные составляющие тавтологичны, т.е. в иллокутивном акте утверждения о взятии ворот Бестом имплицитно содержится квалификация произошедшего на поле как взятия ворот. Однако мы полагаем, что это два различных действия. Следовательно, употребление как минимум некоторых из аскриптивных выражений обыденного языка представляет собой единовременное совершение двух действий: совершения некоего иллокутивного акта и приписывания некоего статуса.

Далее попробуем выявить основания для совершения каждого из действий, совершаемых при употреблении аскриптивного выражения «гол, который забил Джордж Бест». Сперва обратим внимание на совершение иллокутивного акта. На наш взгляд, рефери совершает иллокутивный акт в силу того, что имеет соответствующее намерение, т.е. судья намеренно утверждает, что Бест осуществил взятие ворот. Мы полагаем, что наличие некоторого намерения при употреблении языка не является одним из тех фактов, которые влияют на конструирование реальности. Наличие намерения, которое сопровождает употребление тех или иных языковых выражений, скорее свидетельствует о целеполагании агентов речи. Мы употребляем язык не случайным образом, за каждым предложением в той или иной мере стоит некоторое намерение, которое определяет языковые средства, к которым мы прибегаем, и позволяет сформулировать ряд своеобразных психологических правил употребления различных языковых выражений. Джон Серль достаточно подробно рассматривает этот вопрос в своей статье «Что такое речевой акт». Однако рассматриваемые американским исследователем правила не в состоянии претендовать на то, чтобы регулировать совершение акта приписывания. Далее мы рассмотрим фундаментальные основания осуществления аскрипции в обыденном языке, которая наряду с иллокутивным актом составляет перформативную составляющую употребления аскриптивных выражений.

Следует отметить, что в рамках аналитической философии права уже поднимался вопрос о следовании правилу при употреблении аскриптивных выражений. Так, в частности, В.В. Оглезнев и В.А. Суровцев пишут: «Итак, с точки зрения теории речевых актов предварительно можно отметить, что императив удовлетворяет условиям речевой ситуации, которая содержит принуждающий элемент действовать определенным образом и при этом выражает регулятивное правило» [4. С. 51]. Также отметим, что понятие регулятивного правила вводит Серль в уже упомянутой работе «Что такое речевой акт», где он разделяет все возможные правила на два класса – регулятивные и конститутивные. «Регулятивные правила регулируют деятельность, существование которой логически независимо от существования правил. Конститутивные правила создают (а также регулируют) деятельность, существование которой логически зависимо от этих правил» [3. С. 154]. Следовательно, в рамках юридиче-

ского языка употребление аскрипции регулируется теми или иными регулятивными правилами. На наш взгляд, здесь речь идет сугубо о юридических высказываниях, т.е. об императивных велениях того или иного законодательства. Это могут быть, к примеру, такие веления, как «вовремя плати налоги», «не воруй» или «не причиняй вреда государственной собственности». Приведенным выше и другим аналогичным велениям всегда с необходимостью соответствует одно или несколько положений законодательства, распространяющегося на субъекта. В данном случае именно законодательство и его отдельные положения представляют собой регулятивные правила. Регулятивными эти правила являются, с точки зрения Серля, в силу того, что они возникают с целью регуляции уже существующей практики. Это могут быть различные социальные, экономические или политические практики во всем их многообразии, для которых с помощью закона и, в частности, государственного принуждения (которое и придает положениям закона императивный характер) устанавливаются границы допустимого поведения людей. В данных обстоятельствах квалификация действий Билла, который силой отнял у женщины принадлежащую ей сумку, как преступления совершается на основании конкретного правила (соответствующей нормы уголовного права), которое призвано регулировать поведение людей, в том числе и поведение

Серль выдвигает гипотезу, согласно которой «семантику языка можно рассматривать как ряд систем конститутивных правил и что иллокутивные акты суть акты, совершаемые в соответствии с этими наборами конститутивных правил» [3. С. 155]. Это достаточно масштабное заявление, в котором, тем не менее, содержится необходимая нам в рамках настоящего исследования идея. Идея эта заключается в том, что как минимум некоторый сегмент обыденного языка представляет собой языковые выражения, для употребления которых имеются соответствующие конститутивные правила. Как было показано выше, такими выражениями не являются аскриптивные выражения юридического языка в силу того, что их употребление осуществляется в соответствии с некоторым регулятивным правилом, каким является та или иная норма права. В задачу нашего исследования не входит прояснение оснований употребления языка вообще, мы ограничиваемся исключительно употреблением аскриптивных выражений. Однако если употребление аскрипций в рамках юридического языка регулируется, с точки зрения В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева, исключительно некоторыми регулятивными правилами, то как обстоят дела с обыденным языком?

Если обратиться к выражению «Джордж Бест забил гол», то, очевидно, правило, на основании которого рефери фиксирует взятие ворот, безусловно является конститутивным. Оно является конститутивным не только в силу того, что правила игры в футбол в принципе являются конститутивными, т.е. создают возможность для некоторой новой деятельности, которая является невозможной вне данных правил. Однако данное правило, на наш взгляд, является конститутивным не только в силу того, что является одним из правил игры в футбол, которые, как сказано выше, являются конститутивными. Мы утверждаем, что правило взятия ворот в футболе является конститутивным, поскольку вводит принципиально новый объект (или новое событие) — гол. Вне данного правила гол как результат действий игроков на футбольном поле

представляется чем-то в высшей степени невозможным. Безусловно, приведенный нами аргумент в определенной степени является избыточным, поскольку не сообщает нам ничего нового. Однако при рассмотрении некоторых других высказываний подобная аргументация способна привнести нечто новое. Далее мы рассмотрим выражение «преступление, которое совершил Билл» и определим характер правила, регулирующего его употребление.

Поскольку понятие преступления вне всяких сомнений представляет собой юридический термин, постольку правило для квалификации действий Билла в качестве преступных необходимо искать именно в рамках системы права. Право же, как уже было сказано выше, представляет собой совокупность конститутивных правил. На основании этого данное правило, касающееся определения действий Билла в качестве преступных, также следует отнести к правилам регулятивным, что в той или иной мере выглядит в должной мере логичным. Безусловно, значительная часть правовых норм направлена на регулирование тех или иных сфер жизни общества, которые предшествуют соответствующим нормам права. Их мы, безусловно, определяем как регулятивные правила. Однако мы предполагаем, что некоторые из положений права представляют собой конститутивные правила. Обычно их специфика упускается из виду, поскольку они рассматриваются не как самостоятельные правила, но исключительно в рамках системы права. Так, в частности, мы утверждаем, что ряд правовых норм инициирует принципиально новые отношения, которые представляются невозможными вне соответствующих правил. К таким нормам права мы относим все многообразие правоприменительных и правоохранительных практик. То или иное положение закона, помимо указаний на обстоятельства и характер его применения, содержит также и указания на юридические последствия его нарушения. Следовательно, ряд норм права, связанных с последствиями нарушения закона и / или правоприменительной практикой в случае таких нарушений, представляют собой конститутивные правила. Мы не можем признать их в качестве регулятивных правил в силу того, что до возникновения системы права феномен правонарушения представляется как абсурдный. Следовательно, хотя значительная часть правовых норм направлена на регулирование отношений, предшествующих данным нормам, нарушение нормы права становится возможным лишь в силу того, что было введено некоторое правило. Другими словами, те нормы права, которые касаются правонарушений, их последствий и правоприменительных практик, вводятся не с целью регулирования уже существующей практики. Следовательно, их не следует рассматривать в качестве регулятивных правил. так как они представляют собой правила конститутивные.

Итак, вернемся к рассмотрению выражения «преступление, которое совершил Билл». Очевидно, что действия Билла квалифицируются в качестве преступных на основании определенной нормы права. Исходя из принадлежности данного правила к системе права, его следует квалифицировать в качестве регулятивного правила. Однако если рассматривать данное правило обособленно, т.е. вне его принадлежности к совокупности правовых норм, то мы сталкиваемся со следующими обстоятельствами. Допустим, что Билл совершил ограбление. Безусловно, норма права, запрещающая ограбление, представляет собой регулятивное правило, поскольку регулирует деятель-

ность, которая предшествует соответствующей норме права. У нас не возникает вопросов по поводу квалификации данной нормы права в качестве регулятивной, поскольку, очевидно, ограбления совершались до создания системы и введения в нее соответствующей нормы. Однако возникают вопросы по поводу оснований, позволяющих нам привлечь Билла к уголовной ответственности за совершенный им грабеж, и квалифицировать действия Билла как преступления. Мы полагаем, что вне системы права не имело место никакой деятельности, регулировать которую призвана норма права, предусматривающая уголовную ответственность за грабеж. Более того, юридическое понятие преступления представляется как невозможное без соответствующей нормы права. Следовательно, данная норма права представляет собой конститутивное правило, которое инициирует принципиально новые отношения, а именно приписывание статуса преступления действиям Билла. Следовательно, приписывание действиям Билла статуса преступления происходит на основании определенного конститутивного правила, которое представляет собой норму права, предусматривающую уголовную ответственность за грабеж. Как мы только что продемонстрировали, подобный подход позволяет установить характер правил, которые определяют специфику акта приписывания статуса.

В качестве примера мы неслучайно выбрали выражение «преступление, которое совершил Билл». Мы предполагаем, что данное языковое выражение можно рассматривать не только как выражение юридического языка, но и как принадлежащее к обыденному языку. Основанием для определения принадлежности к тому или иному языку выступает контекст употребления данного выражения. Безусловно, имеют место сугубо юридические контексты, какими могут быть разговор Билла со своим адвокатом или, к примеру, употребление данного выражения в рамках судебного заседания. Однако в ситуации, когда мы делимся тем, что знаем о своих однокурсниках из университета, и говорим «преступление, которое совершил Билл, действительно сломало его жизнь», данное выражение, на наш взгляд, следует определять как относящееся к обыденному языку. Таким образом, возможны ситуации, при которых правилом для употребления аскрипции выступает та или иная норма права.

На основании всего вышесказанного мы делаем вывод, что конструирование онтологии посредством употребления аскриптивных выражений представляет собой совершение конкретного действия (акта приписывания), сопровождаемого рядом иных действий (иллокутивных актов). На конструирование онтологии никак не влияет намерение агента речи, и, в свою очередь, оно определяется именно актом приписывания. Возникает вопрос: действительно ли иллокутивный акт не представляет для нас никакого интереса? Поскольку мы рассматриваем процесс введения новых объектов при употреблении аскриптивных языковых выражений, постольку преобладающее значение имеют их специфические свойства, каким, определенно, будет свойство аскриптивности. Иллокутивная составляющая не является отличительной чертой употребления аскрипции. Так, к примеру, при употреблении выражения «Джон, сейчас же вставай!» имеет место намерение агента речи, которое можно обозначить как веление Джону немедленно встать. Следовательно, выражение намерения посредством языка характерно для самых разных языковых выражений, в том числе и для аскриптивных. Однако только употребление аскриптивных выражений посредством приписывания некоего статуса определенному положению дел вводит в онтологию новые объекты.

Подводя итоги, обозначим, что данный процесс конструирования онтологии не следует рассматривать как произвольный. Как было показано выше, намерения агента речи не являются достаточным основанием для того, чтобы актуализировать некоторый новый объект, каким может быть гол или преступление. Введение новых объектов в онтологию посредством приписывания статуса определяется фактом следования определенному внеязыковому правилу. Полагаем, мы привели достаточные обоснования для того, чтобы утверждать, что данные правила могут быть как конститутивными, так и регулятивными.

Поскольку введение новых объектов в онтологию осуществляется на основании внешних по отношению к языку и агенту речи правил, постольку индивид может допускать ошибки и безосновательно вводить в онтологию те или иные объекты. Так, например, если судья зафиксировал взятие ворот, т.е. приписал статус гола имевшему на футбольном поле положению дел, но видеоповтор позволил установить факт нарушения правил. Допустим, футболист в момент удара находился в положении вне игры. Практика подсказывает нам, что гол при таких обстоятельствах будет отменен. Возникает вопрос: мы определили основания введения объектов в онтологию, но на каком основании эти объекты «отзываются»? Аскриптивные выражения, согласно Харту, обладают также и свойством отменяемости. Именно отменяемость как свойство аскриптивных выражений позволяет нам «отзывать» ранее введенные в онтологию объекты. Так, например, можно отменить гол или реабилитировать Билла после выяснения обстоятельств, при которых он силой отобрал у прохожего сумку.

Литература

- $1. X apm \Gamma. J.A.$ Приписывание ответственности и прав // Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара, 2014. С. 343–367.
- 2. Андрушкевич А.Г. Онтологический статус аскриптивных выражений в обыденном языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 5–13.
- 3. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–169.
- 4. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 236 с.

Alexandr G. Andrushkevich, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 5–12. DOI: 10.17223/1998863X/56/1

ASCRIPTIVE EXPRESSIONS AND THE CONSTRUCTION OF REALITY

Keywords: language; ontology; ascription; description; Hart.

The use of ascriptive expressions leads us to the theory of constructing reality through the use of language. Since new objects, such as goals in football or crimes, are introduced into ontology by attributing statuses, it is necessary to determine the basis for this mechanism. The performative component of ascriptive expressions, which is a one-time performance of several actions, is defined. Firstly,

this is a certain illocutionary act. Secondly, it is directly an ascriptive act, that is, the act of attributing a certain status to a certain position. The basis for the fulfillment of the illocutionary act is the intention of the agent, while the basis for the performance of the ascriptive act is a certain rule. If it is the act of attribution, and not the illocutionary act, that is related to the construction of reality, then it is necessary to identify the fundamental grounds for performing this kind of action. Since the question of following the rule when using ascriptive expressions in the framework of legal statements has already been raised within the framework of the analytical philosophy of law earlier, the analysis begins with the expressions of the legal language. It is demonstrated that a rule of law is not always a regulatory rule. At least some of the legal norms belong to a constitutive rule, that is, a rule that creates the possibility of some new activity. Furthermore, the expressions of everyday language are considered. It is demonstrated that the act of attribution is also carried out on the basis of constitutive rules, from which it is concluded that the construction of an ontology through the use of ascriptive expressions is possible when the individual has a corresponding rule. In a situation when an individual makes a mistake, an object introduced into the ontology can be "recalled", since ascriptive expressions have the property of cancellability.

References

- 1. Hart, G.L.A. (2014) Pripisyvanie otvetstvennosti i prav [Assignment of responsibility and rights]. In: Kasatkin, S.N. *Kak opredelyat' sotsial'nye ponyatiya? Kontseptsiya askriptivizma i otmenyaemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta* [How to define social concepts? The concept of ascriptivism and revocability of the legal language by Herbert Hart]. Samara: [s.n.], pp. 343–367.
- 2. Andrushkevich, A.G. (2019) The Ontological Status of Ascriptive Expressions in Ordinary Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 51. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/1
- 3. Searle, J.R. (1986) Chto takoe rechevoy akt [What is a speech act]. In: Kobozeva, I.M. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Issue 17. Moscow: Progress. pp. 151–169.
- 4. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2016) *Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskiy yazyk i filosofiya prava* [Analytical philosophy, legal language and philosophy of law]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 1.16

DOI: 10.17223/1998863X/56/2

Г.Г. Антух

ПСИХОПАТОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИЕРАРХИЧЕСКОГО ПОДХОДА К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПАРАДОКСОВ 1

В статье обсуждается проблема практической применимости абстрактного знания в повседневной коммуникации. Контекстуализм «позднего» Л. Витгенштейна подводит к вопросу об абстрактной природе метакоммуникативных высказываний. Эксплицируются логико-эпистемологические основания теории коммуникации и психопатологии Г. Бейтсона. Анализируются парадокс негативного самореференциального метавысказывания и пути его преодоления. Демонстрируется невыполнимость принципов иерархического подхода в приложении к задачам повседневной коммуникации. Делается вывод о неприменимости иерархической модели метаязыков к структурированию обыденного языка и мышления.

Ключевые слова: языковые игры, контекст, коммуникация, метаязык, double-bind, парадокс, Витгенштейн, Бейтсон, Рассел.

Нередко философов обвиняют в том, что результаты их теоретической работы неприменимы к реальной жизни. Это роднит философию с еще одной оторванной от запросов повседневности наукой — чистой математикой. Общеизвестно, что математику и философию связывает давнее родство. Менее известно то, что в период активного развития математической теории в XIX—XX вв. глобальные задачи математики оказались в прямой зависимости от философских решений [1]. Некоторые из этих решений, став существенным вкладом в математическую теорию, повлияли и на общенаучную методологию. В настоящей статье рассматривается конкретный пример междисциплинарного диалога на стыке эпистемологии, оснований математики и психопатологии повседневной коммуникации. Основная цель работы — ответить на вопрос, насколько идеалы чистой теории отвечают запросам обыденной жизни и отвечают ли вообще?

Языковые игры

Сложно представить более привычную, но вместе с тем настолько непостижимую для человеческого разумения вещь, чем язык. Впечатляет безграничная выразительность языковых средств, усваиваемых человеком в чрезвычайно короткие сроки. Раньше уверенной походки ребенок овладевает способностью выстраивать неограниченное количество новых предложений, используя при этом конечный набор правил. Данный факт заставляет ученых раз за разом пересматривать концепцию базовых свойств языка. До конца неясно, какая из функций языка сыграла решающую роль в эволюции человеческого мышления — коммуникативная или познавательная [2]. Впрочем, полемический характер данного вопроса не отменяет общей проблемы, свя-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

14 Γ . Γ . Антух

зывающей по рукам сторонников различных точек зрения. Препятствием, затрудняющим вынесение вердикта, выступает следующее обстоятельство: любое высказывание о языке не может существовать вне языка, из чего вместе с тем следует, что всякая характеристика языка включает в себя свойства языка, на котором она дается. Если эти свойства принадлежат характеризуемому языку, известная характеристика не является исчерпывающей, в то время как не принадлежащие характеризуемому языку свойства могут быть либо приведены к свойствам данного языка, и тогда характеристика является неполной, либо они неприводимы к свойствам характеризуемого языка, и тогда они не имеют силы в отношении данного языка. Стало быть, исследование языка как внешнего по отношению к самому языку объекта не представляется возможным, допустимо ли изучение языка в качестве части самого себя?

В современной философии предпринималось немало попыток решения этой задачи - как строго научных, так и демонстративно непоследовательных. Отсутствие консенсуса в отношении релевантной запросам философии методологии не помешало представителям различных школ и направлений прийти к единому выводу: язык как замкнутая на себе система значений не может быть надежным инструментом познания, поскольку в нем нет ничего, что могло бы служить мерой истины или лжи кроме него самого. Образ заточенного в «тюрьму языка» познания эксплуатировался постмодернистами, наиболее радикальные из которых не оставляли языку ни малейшего запаса строгости и однозначности [3]. Интуиции постмодернистов подкреплялись доводами философов-аналитиков, так или иначе разделявших мнение: формальные языки невыразительны, естественные языки не фиксируют устойчивых значений [4]. С пониманием ограниченности выразительных средств языка росло понимание неправомерности обобщений относительно эпистемологического статуса значений языковых выражений. Невозможно отказать семантике естественных языков в сколько-нибудь устойчивой выразительности, сохранив при этом смысл утверждения о ее относительности. В обход навязываемого релятивистской эпистемологией скептицизма могло быть только одно решение. Что, если язык есть нечто большее, чем слова и их значения? Тогда что есть язык? Такое решение среди прочих предлагают «теории языковых игр» Л. Витгенштейна [5].

Несколько обобщая, позиция «позднего» Витгенштейна состоит в том, что выражения языка в принципе не имеют устойчивых значений. Решающую роль в смыслообразовании играет ситуационный контекст, в который по воле действующих лиц погружаются языковые выражения. Более или менее устойчивая коммуникация возникает вследствие совместной лингвистической практики, позволяющей лингвистическим агентам соотносить свое понимание предложений с контекстной ситуацией. В рассуждениях Витгенштейна отмечается вполне определенная корреляция между ключевыми аспектами лингвистического опыта: значение языкового выражения суть его понимание, понимание его суть умение употреблять (воспроизводить) языковое выражение. В более широком эпистемологическом ракурсе это означает, что знание невозможно без понимания, понимание – без умения употреблять данное знание [6]. Для примера, известно ли вам, что означает слово «мокромай»? Теперь договоримся называть «мокромаем» каждый дождливый поне-

дельник мая после 2021 г. Можно считать, языковая игра только что состоялась. В отличие от данного экстравагантного примера, регулярные связи между языковыми выражениями и способами их употребления создают прочную основу для межличностного взаимодействия. В ответ на «Добрый день!» следует ожидать заурядную реакцию, несущественная вариативность которой поддерживает иллюзию стабильности повседневной коммуникации. Однако с увеличением вариативности символических и ситуационных связей такая иллюзия пропадает.

Стоит полагать, что лингвистический опыт не ограничивается вычурным словообразованием и обыденной лексикой. Все, что требует погружения в ситуационно-смысловые контексты словоупотребления и словообразования, так или иначе связано с принципом языковых игр – будь то наука, религия, миф, литература, юмор, этика и т.д. Не требует доказательств, что способность к анализу лингвистических и коммуникативных контекстов является важнейшим аспектом социализации. Психологи, социологи и клиницисты поразному оценивают неспособность личности распознавать ситуативные нюансы словоупотребления. Особый интерес для специалистов представляет иносказательность обыденной речи, которая нередко становится барьером для эффективной коммуникации. Трудности с интерпретацией фигуральных выражений могут быть следствием как социокультурных аспектов коммуникации, так и индивидуально-психологических. Далеко не каждый англичанин знаком с выражением «Ездить в Тулу со своим самоваром», а швед - с идиомой «To carry coals to Newcastle», что между тем поправимо. Даже в тех случаях, когда культурные различия оказываются слишком велики, надежда на взаимопонимание все же остается, остается она и в случае более грубых искажений мировосприятия. Известно, что люди, страдающие синдромом Аспергера, нередко испытывают трудности с интерпретацией фигуральных и иносказательных выражений. Т. Эттвуд рассказывает про юную девушку, которая на заданный ей по телефону вопрос «Здесь ли Пауль?» ответила «Нет» только потому, что тот находился в этот момент в другой комнате [7]. В литературе также описываются примеры, когда люди с данным недугом, демонстрируя интеллектуальную сохранность в оперировании абстрактными объектами, оказываются неспособны в полной мере понимать юмор или иронию [8]. Существуют и другие виды патологий, при которых человек не обладает или со временем утрачивает способность к фигуральному и иносказательному диалогу. В этот список входят некоторые расстройства личности, психотические и шизофреноподобные расстройства, олигофрения, нейродегенеративные процессы и т.д. Не будем спекулировать на столь сложной в моральном и научном плане теме, отметим лишь то, что и так было понятно: способность погружаться в ситуативно-смысловые контексты предопределяет роль лингвистического агента в межличностной коммуникации.

Вместе с тем общая картина описанной Витгенштейном действительности как нельзя лучше отображает специфику обыденного словоупотребления. Повседневный язык выразителен, гибок, но наряду с этим референциально непрозрачен. Прояснение значений конкретных выражений — задача участников конкретной языковой игры, и только от их способностей, широты кругозора и желания зависит, состоится эта игра или нет. Если язык это не просто слова, тогда что есть язык? Согласно «позднему» Витгенштейну, язык как

16 $\Gamma.\Gamma.$ Антух

предмет совместной практики не исчерпывается одним лишь вербальным содержанием, но также включает в себя культурные, социальные и индивидуально-психологические предпосылки словоупотребления. Многообразие языковых форм умножается неограниченной вариативностью коммуникативных контекстов, среди которых, как представляется, не существует и не может существовать однозначных связей, указывающих на единственный смысл или способ употребления языкового выражения. Примечательно, что прагматика обыденного языка демонстрирует прямо противоположные эффекты, чтобы понять это, достаточно обратиться к фактам повседневной коммуникации. Как правило, редкие эпизоды недопонимания быстро устраняются или же списываются на некомпетентность одной из сторон коммуникации. Вопрос, вызывающий наибольшую озабоченность, состоит в следующем: возможно ли при условии неограниченной вариативности языковых форм судить о коммуникативных способностях и навыках другого человека в положительную или отрицательную сторону? Буквальное прочтение примера Эттвуда не указывает на то, что юная девушка допустила ошибку, скорее наоборот - ее буквальная реакция кажется наиболее осмысленной для мира слов, не имеющих того самого смысла. Если слова, в сущности, ничего не обозначают, на ком лежит ответственность за их непонимание? Способна ли в таком случае общая теория языка и коммуникации решить проблему нормы и патологии словоупотребления? Для того чтобы разобраться с этим, обратимся к теории психопатологии, разработанной в середине прошлого века американским ученым Г. Бейтсоном.

Метакоммуникация и психопатология

Теория психопатологии Бейтсона сочетает в себе нестандартные концептуальные решения, важнейшим из которых становится экстраполяция принципов теории коммуникации на социальный фактор в этиологии психических расстройств [9]. Патологии мышления и восприятия могут проявляться поразному, нетипичный стиль коммуникации и словоупотребления выступает одним из таких проявлений. Таким образом, коммуникация становится предметом психопатологического исследования, при помощи которого можно обнаружить причины или, по меньшей мере, признаки психопатологии. Проблема, следующая за этим, состоит в необходимости формулирования общего критерия нормы и патологии, согласно которому было бы возможно говорить о патологических типах коммуникации. Решение этой проблемы Бейтсон начинает с принятия нескольких руководящих гипотез.

Гипотеза 1. Вербальная коммуникация в человеческом обществе происходит на различных уровнях абстракции: от наиболее простого описательного уровня до уровней металингвистических и метакоммуникативных сообщений. Простейшие формы вербальной коммуникации служат для обмена фактическим знанием или намерением в отношении определенного или подразумеваемого положения дел, выражения по их поводу удовольствия или неудовольствия, согласия или несогласия, одобрения или неодобрения и т.д. Например: «Это яблоко красное», «Мне по душе дождливая погода», «Вторая половина года обещает быть насыщенной» и т.п. Предметом прямой коммуникации могут быть не только дескриптивные, но также нормативные и перформативные сообщения, только если они не содержат сведений о лингви-

стических и коммуникативных формах, как, например: «Переходя дорогу, следует быть внимательным», «Подай мне ножницы» и т.п. Уровень металингвистических сообщений включает в себя высказывания о языковых формах, где нечто утверждается или отрицается в отношении отдельно взятых знаков, значений, предложений, классов значений или о языке в целом: «В слове "корова" две буквы "о"», «Это предложение содержит ошибки», «Слова бесцветны и не пахнут», «Повседневный язык не имеет стабильных значений» и т.п. Метакоммуникативный уровень служит для передачи сообщений о фактах или намерениях относительно специфики самой коммуникации, иными словами, о взаимоотношениях ее участников: «Я не вру», «Это не игра», «Мне не следует доверять», «Все, что я делаю, не имеет смысла», «Вам стоит быть аккуратнее в выражениях» и т.п. На метакоммуникативном уровне могут быть задействованы самые разные средства, как вербальные, так и невербальные, это могут быть жесты, мимика, поза, интонация и прочие определяющие модальность послания факторы, будь то время дня или года, пол собеседников, статус или должность, степень родства и т.д. В большинстве случаев металингвистические и метакоммуникативные сообщения остаются имплицитными, выраженными в неявной вербальной или невербальной форме в процессе коммуникации, что, в свою очередь, создает дополнительные трудности в интерпретации ситуативных контекстов.

Гипотеза 2. По мнению Бейтсона, эволюция коммуникации потребовала от живых существ развития способности к интерпретации состояний других организмов и своих собственных в качестве сигналов, которые могут быть приняты, отвергнуты, фальсифицированы, усилены или скорректированы. Замах не всегда обещает быть ударом, улыбка не всегда означает, что вас рады видеть, многое зависит от того, какие новости вы принесли с собой. Косвенное подтверждение этой гипотезы можно обнаружить в распространенном среди многих видов животных «игровом поведении». Данный тип поведения, полагает Бейтсон, мог возникнуть только в случае описанной выше многоуровневой структуры коммуникации, предполагающей возможность обмена метакоммуникативными сигналами. Стоит отметить, что модель игрового поведения, развиваемая Бейтсоном в теории игры и фантазии, охватывает множество феноменов поведения животных и человека, таких как притворство, угроза, фантазия, обман, блеф и т.п. В основе своей «игровое поведение» состоит из симуляционных действий, при которых имитируемые поведенческие паттерны не имеют реальных причин или не направлены на достижение целей имитируемого поведения. Если действия, в которых мы участвуем, не имеют реальных причин, реально ли наше участие в этих действиях? Буквальное прочтение сообщения «То, что сейчас происходит - игра» означает следующее: «Действия, в которых мы участвуем, не означают того, что могли бы означать в случае нашего в них участия». По всему видно, что прямая интерпретация имитационных паттернов поведения генерирует бессмыслицу. Однако если предположить, что логические элементы имитационного поведения располагаются на различных уровнях абстракции, затруднение как таковое снимается. Главное требование к такой расстановке Бейтсон заимствует из логико-математического учения Б. Рассела и А.Н. Уайтхеда: «Наш подход, - пишет Бейтсон, - основан на той части теории коммуникации, которую Б. Рассел назвал теорией логических типов... Главное положе Γ . Γ . Антух

ние этой теории состоит в указании на принципиальную разрывность (discontinuity) между логическим классом и его членами. Класс не может быть членом самого себя, и ни один из членов класса не может быть самим классом, поскольку понятия, употребляемые для обозначения класса, находятся на другом уровне абстракции — принадлежат к другому логическому типу, нежели понятия, употребляемые для членов класса» [9. С. 149]. Таким образом, в основу теории коммуникации и психопатологии Бейтсона полагается иерархический подход, заимствованный из оснований математики. Как будет показано ниже, применение данного подхода в теории коммуникации имеет свои недостатки.

Следствия. Иерархическая модель организации уровней коммуникации накладывает определенные ограничения на форму и содержание коммуникативных актов. Первое из них заключается в том, что сообщения на более высоком уровне абстракции имеют приоритет перед сообщениями на уровне низлежащем, второе - метакоммуникативные и коммуникативные послания должны отличаться друг от друга как свойства логического класса от свойств входящих в него членов. Нарушение данных правил может стать причиной бессмысленных посланий, логически изоморфных парадоксам расселовского типа. Для примера обратимся к высказыванию «Приказываю не исполнять моих приказов». Следуя логике Бейтсона, мы должны согласиться, что данное сообщение некорректно, так как в нем содержится негативное самореференциальное метаутверждение. Смешение ролей логического управления, начинающегося с директивы «Приказываю...», продолжается метакоммуникативным утверждением «не исполнять моих приказов». Разрешить это противоречие можно только в случае распределения уровней управления логическими связями, как в следующем примере: «Приказываю не исполнять моих приказов об x, где x не есть сообщение о моих приказах».

Используя принцип парадоксальных метавысказываний, Бейтсон разрабатывает концепцию психопатологии. Критическим с точки зрения психопатологии аспектом негативных самореференциальных метаутверждаений является ситуация, получившая название «double-bind». Термин «double-bind» описывает феномен коммуникации, в котором двое или больше участников обмениваются парадоксальными метавысказываниями при том, что для одной из сторон данные отношения оказываются в психологическом смысле губительными. В ситуации double-bind объект неблагоприятного воздействия не способен принять ни положительного, ни отрицательного решения о намерениях своего собеседника и, что самое важное, не способен отказаться от этих взаимоотношений. Представим ситуацию, в которой авторитетный начальник, обращаясь к подчиненному, сообщает: «Принимать всерьез мои распоряжения не стоит». Допустим, что у объекта такого послания нет никакой возможности прояснить смысл данного обращения. В случае развития психопатологического сценария, описанного Бейтсоном, объект парадоксального метаутверждения оказывается перед выбором без возможности самого выбора. И в самом деле, невозможно представить осмысленную реакцию на бессмысленный сигнал. Парадоксальное метаутверждение со стороны значимого лица ставит жертву double-bind в условия, когда 1) ничего невозможно предпринять, 2) ничего невозможно не предпринять, 3) невозможно обсуждать.

Конечно, приведенный пример сильно упрощает модель коммуникации и психопатологии Бейтсона. В действительности патологические формы коммуникации по типу double-bind часто остаются неявными и включают в себя вербальные и невербальные коммуникативные и метакоммуникативные сигналы. Рассмотрим следующий пример. Все знают, что чрезмерное курение оказывает пагубное влияние на здоровье и в некоторых случаях способствует развитию тяжелых заболеваний. Несмотря на активное сопротивление табачных компаний, современное общество дает однозначную оценку этой разрушительной привычке. Ни один здравомыслящий «курящий взрослый» не пожелает своему или чужому ребенку подобной наклонности, что отнимает у него самого и здоровье, и средства. Более того, каждый здравомыслящий курящий взрослый, скорее всего, при удобном случае не прочь поведать подрастающему поколению о вреде курения. Вероятнее всего, никакой пользы от такого рода пропаганды не будет по причине нарушения управления уровнями коммуникации. Всего лишь представьте! После очередной горькой затяжки отец говорит сыну: «Курение – это очень вредно, тебе лучше никогда не курить, сын». Все в этом примере разворачивается по сценарию double-bind: есть авторитетное лицо, есть коммуникация, есть метакоммуникация и есть порочное метакоммуникативное самоотрицание. Если курение неприемлемо в принципе, то почему о его вреде говорит человек, для которого оно в целом приемлемо? Оказавшись в ситуации противоречивых коммуникативных связей, объекту назидания остается только самостоятельно решить для себя, что для него лучше. В довершение следует отметить, что совет о вреде курения, с точки зрения бейтсоновского подхода, оказывается неэффективным даже в том случае, когда его дает некурящий взрослый, ведь за плечами такого взрослого нет личного опыта, оправдывающего запрет на курение. Если я выношу запрет на то, о чем знаю лишь понаслышке и не имею необходимых для этого компетенций, мои слова теряют силу для данного коммуникативного контекста. Возможно ли выйти из данной ситуации с одинаковой пользой для взрослого и ребенка, с одной стороны, сохранив авторитет взрослого, с другой – здоровье ребенка? Дальнейшие рассуждения покажут, что вербальная коммуникация в человеческом обществе парадоксальна по своей природе и едва ли найдется хотя бы один пример, удовлетворяющий требованиям концепции Бейтсона.

Неидеальный язык

Идеалы теоретического знания бесконечно далеки от реальности, с которой нам приходится иметь дело каждый день. В одном случае они помогают понять несовершенство окружающего мира, в другом — перенимают его недостатки. Теория коммуникации, разработанная Бейтсоном, — как раз тот случай, когда идеалы чистого разума едва ли способны оправдать несовершенство человеческого языка и мышления. Модель негативных самореференциальных метаутверждений заимствуется Бейтсоном из логико-математического учения, оттуда же заимствуется способ устранения парадоксальных посланий. Однако вместе с достоинствами данного учения заимствуются и его изъяны.

Парадоксы расселовского типа, лежащие в основе самореференциальных метаутверждений, продолжают активно изучаться. Единого мнения о причи-

20 Γ.Γ. *Α*μ*myx*

нах и способах преодоления парадоксов данного типа пока нет. Иерархический подход стал для логики XX в. классическим вариантом устранения, но не решения проблемы парадоксов. Согласно предположению, выдвинутому А. Тарским в начале прошлого века, причиной парадокса негативного автореферентного тождества выступает то обстоятельство, что язык, используемый для описания мира, вместе с тем используется для описания самого себя. Естественный язык — язык повседневной коммуникации, без сомнения служит для обеих целей, а значит, возникновение парадоксов, по мнению автора концепции метаязыка, в нем неизбежно. Чего нельзя сказать о формальных системах, где запрет на самореференциальные тождества стал если не решением проблемы парадоксов, то способом не замечать эту проблему. Неудивительно, что в современной логико-философской литературе иерархический подход Рассела—Тарского все чаще подвергается критике [10]. Помимо технических деталей логической аргументации, критические доводы затрагивают фундаментальные вопросы метафизики и эпистемологии.

С наивно онтологической точки зрения абстрактные объекты существуют лишь в той степени, в которой они противопоставляются объектам реальным. И в самом деле, немыслимо, чтобы в мире чистой абстракции существовали еще более абстрактные объекты. Принимая во внимание, что формальные ограничения, накладываемые принципом рациональности на познание, не могут быть отвергнуты в пользу стохастических регулярностей, следует также не забывать, что исключительная роль, которую исполняет данный принцип, не может подменять собой целей самого познания. Задачи формализма не могут быть выше тех целей, ради которых раз за разом изобретаются формальные системы. Рассуждая таким образом, можно было бы, конечно, прийти к поспешному выводу, что всякая формальная модель, будучи частью некоей реальности и одновременно описывая одну из ее частей, не может в то же время претендовать на статус учения о целом, т.е. о реальности как таковой. Более или менее убедительным этот вывод кажется в случае неоправданных требований, предъявляемых формальной системой к миру, частью которой она и является, как в случае с ограничениями, что устанавливает иерархический подход.

На противоречие, возникающее с признанием иерархической модели метаязыков, обратил внимание X. Патнэм. «Парадоксальный аспект теории Тарского, – отмечает Патнэм, – как и на самом деле любой иерархической теории, состоит в том, что нужно находиться вне иерархии даже просто для того, чтобы сказать, что иерархия существует. Но, как представляется, это "место вне" – неформальный язык" – не может быть "обыденным языком", поскольку обыденный язык, согласно Тарскому, семантически замкнут и, следовательно, противоречив. Он не может быть специально построенным языком, поскольку ни один специально построенный язык не может делать семантических обобщений в отношении самого себя и в отношении языка более высокого порядка» [11. С. 478].

Приведенный фрагмент подводит к заключительной части работы, основным итогом которой становится пессимистичный, но вполне закономерный для философских исканий вывод: идеалы чистой теории несбыточно далеки от запросов повседневности. Концепция Бейтсона, призванная очертить границы рационального дискурса в коммуникации, — еще одно тому под-

тверждение. Человеческий язык несовершенен по своей природе, ожидать от него логической строгости не приходится; как выяснилось, логической строгости не приходится ожидать даже от логической теории. Иерархическая модель метаязыков, заложенная Бейтсоном в основу теории коммуникации, была призвана структурировать и упорядочить многообразие коммуникативных форм. Но разве разговор о коммуникации не есть коммуникация? Какого же порядка этот разговор? Сколько еще уровней метаанализа нужно создать, чтобы прийти к осознанию непостижимости бесконечной циркулярности, порождаемой рекурсивно-комбинаторным механизмом языка?

Литература

- 1. Ладов В.А. Идея ограничения теории типов в философии математики в контексте критики эпистемологического релятивизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 43–52.
 - 2. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2019. 304 с.
- 3. *Пинкер С.* Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. Г. Бородина. М. : АНФ, 2018. 608 с.
- 4. Куайн У.В.О. С точки зрения логики / пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 272 с.
- 5. Витенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. І. С. 75–319.
- Антух Г.Г. Очевидность, мышление, следование правилу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 5–16.
- 7. Attwood T. Asperger's Syndrome: A Guide for Parents and Professionals. Jessica Kingsley Publishers, 1998. 224 p.
- 8. *Kasari C., Rotheram-Fuller E.* Current trends in psychological research on children with high-functioning autism and Asperger disorder // Current Opinion in Psychiatry. 2005. Vol. 18, № 5. P. 497–501.
- 9. Бейтсон Γ . Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М. : Смысл, 2000. 476 с.
- 10. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 11–24.
- 11. *Патнем X*. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Дом интеллект. кн.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 466–494.

Gennady G. Antukh, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: g.antukh@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 13–22.

DOI: 10.17223/1998863X/56/2

THE PSYCHOPATHOLOGY OF ORDINARY COMMUNICATION IN TERMS OF A HIERARCHICAL APPROACH TO SOLVING THE PARADOXES PROBLEM

Keywords: language-game; context; communication; metalanguage; double-bind; paradox; Wittgenstein; Bateson; Russell.

The origin of human language is one of the most difficult issues of human sciences. The uniqueness of the language puts the natural-science worldview, in which the language appears to be an unprecedented evolutionary phenomenon, in a vulnerable position. At the moment, there is no answer to the question of which of the functions of the language – communicative or cognitive – played a key role in the evolution of human thinking? The main difficulty is that human language, the language of everyday communication, is used both to describe oneself and to describe the world of which one is a part. In terms of the logical doctrine defended by Bertrand Russell and Alfred Tarski, paradoxes are inevitable in the language used to describe oneself. The relativization of objects of cognition fixed in a semantically closed language makes any judgment about such a system of meanings unlawful. Thus,

22 Г.Г. Антух

purely logical problems extend to the fundamental sections of philosophy, and the question of the origin of language is transformed into the question of the boundaries of reality and cognition. This article discusses the practical applicability of abstract knowledge in ordinary language at the intersection of epistemology, the foundations of mathematics, and psychopathology. The main aim of the work is to answer the question of how much the ideals of a pure theory meet the demands of everyday life, and whether they meet them at all. The contextualism of the later Ludwig Wittgenstein leads to the question of the abstract nature of metacommunicative statements. The logico-epistemological foundations of Gregory Bateson's theory of communication and psychopathology are explicated. The paradox of a negative self-referential meta-statement and ways to overcome it are analyzed. The impossibility of the principles of a hierarchical approach in the application to the tasks of ordinary communication is demonstrated. The conclusion is made about the inapplicability of the hierarchical model of metalanguages to the structuring of ordinary language and thinking.

References

- 1. Ladov, V.A. (2019) The Idea of Limiting the Type Theory in the Philosophy of Mathematics in the Context of the Criticism of Epistemological Relativism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 51. pp. 43–52. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/5
- 2. Chomsky, N. & Berwick, R. (2019) *Chelovek govoryashchiy. Evolyutsiya i yazyk* [Why Only Us. Language and Evolution]. Translated from English by S.V. Chernikov. St. Petersburg: Piter.
- 3. Pinker, S. (2018) *Chistyy list. Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat' ee segodnya* [The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature]. Translated from English by G. Borodin. Moscow: ANF.
- 4. Quine, W.V.O. (2010) *S tochki zreniya logiki* [From a logical point of view]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
- 5. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis, pp. 75–319.
- 6. Antukh, G.G. (2019) Evidence, Thinking, Rule-Following. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 49. pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/1
- 7. Attwood, T. (1998) Asperger's Syndrome: A Guide for Parents and Professionals. Jessica Kingsley Publisher.
- 8. Kasari, C. & Rotheram-Fuller, E. (2005) Current trends in psychological research on children with high-functioning autism and Asperger disorder. *Current Opinion in Psychiatry*. 18(5). pp. 497–501. DOI: 10.1097/01.yco.0000179486.47144.61
- 9. Bateson, G. (2000) *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikhiatrii i episte-mologii* [Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution and Epistemology]. Translated from English. Moscow: Smysl.
- 10. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
- 11. Putnem, H. (1998) Realizm's chelovecheskim litsom [Realism with a human face]. In: Gryznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical philosophy: formation and development. Translated from English and German. Moscow: Dom intellektual knigi; Progress-Traditsiya. pp. 466–494.

УДК 161.25

DOI: 10.17223/1998863X/56/3

А.В. Нехаев

«СТАНДАРТНЫЙ ЛЖЕЦ»: ВИТГЕНШТЕЙН, ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ И САМОРЕФЕРЕНЦИЯ 1

В статье критически рассматриваются эвристические возможности и способы применения отдельных инструментов философской грамматики Витгенитейна для борьбы с различными семантическими патологиями (парадоксами «Лжеца», «Правдолюба» и др.). Правильное понимание концепции языковых игр показывает, что критерий, с помощью которого мы формируем множество объектов, соответствующих устанавливаемым этим критерием стандартам, не может быть описан тем же способом, что и объекты этого самого множества. Аналогичным образом предложения семейства «Лжеца» и «Правдолюба» следует трактовать как своеобразные стандарты истины и лжи, которые мы используем в наших языковых играх, чтобы судить об истинностном значении других предложений.

Ключевые слова: семантический парадокс, парадокс Лжеца, языковая игра, самореференция, самопредикация.

Грамматике нашего языка не хватает наглядности. *Людвиг Витенитейн* [ФИ §122]

1. Языковые игры, грамматика и парадоксы

Рассмотрим следующие два предложения:

- (L) Это предложение ложно.
- (T) Это предложение истинно.

Предложения (L) и (T) являются типичными примерами семантических патологий². Традиционные методы борьбы с ними вроде иерархического подхода Рассела—Тарского накладывают определенные ограничения на язык, делая формулирование подобных языковых выражений невозможным³, чтобы заблокировать связанные с ними проблемные выводы. В своих взглядах на язык сторонники традиционных методов придерживаются нормативной, а не дескриптивной точки зрения, — вместо описания того, как работает язык, они просто хотят сделать его правила более строгими и согласованными.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

² Семантические патологии обычно делят на два класса – гиподоксы и парадоксы. Гиподоксами принято называть недостаточно детерминированные семантические патологии – такие логические конструкции, для которых последовательные приписывания противоположных истинностных значений являются одинаково хорошо согласованными [1. Р. 381–382]. Самым известным примером подобной семантической патологии может служить семейство предложений «Правдолюба» [Truth-Teller]. Подлинные парадоксы вроде предложений семейства «Лжеца» [Liar], напротив, являются чрезмерно детерминированными семантическими патологиями – логическими конструкциями, которым невозможно приписать последовательно ни одного истинностного значения [2. Р. 5205–5206].

³ Наиболее распространенным вариантом таких ограничений служит запрет на самореференцию (ср. с этим: [3. Р. 32; 4. С. 1–12]). Семантическая теория Тарского, например, строго воспрещает предложениям высказываться о себе самих [5. Р. 402–403; 6. Р. 158–165, 186–188, 265–267; 7. С. 99–100], а теория типов Рассела трактует самореферентные предложения как образцы бессмысленных выражений [8. С. 22–26, 64–65].

24 А.В. Нехаев

Сторонники традиционных методов убеждены, что именно грамматика языка, при помощи которой мы определяем, как формировать правильные языковые выражения, является главным источником возникновения семантических патологий. Правила грамматики слишком либеральны — они позволяют некоторым проблемным цепочкам языковых знаков становиться полноценными предложениями. Неудивительно, что сторонники традиционных методов с большим подозрением относятся к грамматическим регулярностям естественных языков и стремятся заменить их логически более точными формальными конструкциями.

В Логико-философском трактате Витгенштейн придерживается традиционного понимания причин и источников возникновения семантических патологий вроде предложений (L) и (T), и отстаивает строгий запрет на самореференцию (ср. с этим: [10. Р. 41–42]). Однако позднее в Философских исследованиях он разрабатывает альтернативную теорию значения предложений, в основе которой лежат понятия языковой игры, семейного сходства и следования правилам. Ядром такой теории служит идея регулярной языковой практики, согласно которой предложение имеет значение только в контексте его употребления (т.е. в границах некоторой конкретной языковой игры); чистый же логический смысл, с которым привыкла работать формальная логика, является мифом (ср. с этим: [11. Р. 57]).

Ключевой принцип для понимания изменений во взглядах Витгенштейна на причины и источники различных семантических патологий содержится в $\S 50 \ DM$: «Об одном предмете, а именно об эталоне метра в Париже, нельзя сказать ни того, что его длина 1 метр, ни того, что его длина не 1 метр. – Но этим мы, разумеется, не приписали ему какого-то диковинного свойства, а только признали его специфическую роль в игре измерения в метрах» [12. С. 103]. Кажется, в этом утверждении мы сталкиваемся с очевидным образцом парадоксального выражения $\sim [M(x) \land \sim M(x)]$, поскольку сама длина объекта x, который мы называем «эталонным метром» и используем для определения длины ровно в 1 метр, оказывается не равна 1 метру и не равна не 1 метру. Разве это не абсурдно? По мнению Витгенштейна, — нет. Видеть в этом утверждении подлинный парадокс означало бы не понимать правил соответствующей языковой игры, — практики измерения объектов, основанной на метрической системе, критерием которой и служит эталонный метр.

Рассмотрим два предложения такой языковой игры:

- (M) Это имеет длину 1 метр.
- (M^*) Это не имеет длину 1 метр u не 1 метр.

Предложение (M) обычно употребляется в ситуациях, когда мы измеряем длины различных объектов. Мы прикладываем эталонный метр к таким объектам и, глядя на них, произносим что-то вроде предложения (M). Наша практика измерения, основанная на метрической системе, включает в себя явное обязательство сравнивать измеряемые нами объекты с эталонным метром, именно она и составляет значение понятия «иметь длину 1 метр». Предложение (M*) может казаться парадоксальным, только если мы не понимаем правила нашей практики измерения и принимаем выражение «иметь длину

 $^{^{1}}$ В § 3.332 $\mathcal{I}\Phi T$ Витгенштейн открыто заявляет об этом: «Ни одно предложение не может высказывать что-либо о самом себе, потому что пропозициональный знак не может содержаться в самом себе...» [9. С. 66].

1 метр» в качестве функции, которая охватывает все (без исключения) протяженные объекты нашего мира (в том числе и сам эталонный метр). Только тогда может возникнуть соблазн говорить о том, что длина 1 метр является в точности длиной того самого объекта х, который служит нам образцом эталонного метра 1. Однако, по мнению Витгенштейна, этот объект х играет особую роль в наших практиках измерения длины: он служит критерием, согласно которому другие средства измерения (линейки, рулетки и пр.) оцениваются как точные или неточные² (ср. с этим: [13. P. 128; 15. P. 195]). Ведь если возникает вопрос относительно того, является ли наше измерение правильным, он может быть решен только путем обращения к эталонному метру как критерию, с помощью которого устанавливается определенный стандарт метрической системы (ср. с этим: [16. Р. 129-130]). Чтобы обратить наше внимание на этот важный для понимания языковых игр принцип, Витгенштейн поясняет в § 50 ФИ: «...данный образец – инструмент языка, с помощью которого мы формулируем высказывания о [длине]. В этой игре он является не изображаемым предметом, а средством изображения» [12. С. 103] (корректура моя. -A.H.).

Но как тогда эталонный метр может помочь нам определить, равна ли длина того или иного объекта 1 метру, если он сам, согласно предложению (M^*) , такой длины не имеет? И какова все же его длина? Понять это нам помогут два новых предложения:

(ЭМ) Эталонный метр имеет длину, равную 39,3701 дюйма.

(ЭМ*) Эталонный метр не имеет длины 1 метр.

Что мы можем сказать о таких предложениях? Первое, что бросается в глаза, – при помощи этих предложений мы не пытаемся отрицать *протиженность* самого эталонного метра³. Мы могли бы описать длину эталонного метра с помощью других известных нам стандартов длины [18. Р. 57–58; 19. Р. 150; 20. Р. 128]. Например, мы могли бы сказать, что эталонный метр имеет длину, *равную* 39,3701 дюйма (или 3,28084 фута, или 1,09361 ярда)⁴. Однако тогда критерием длины (стандартом) для нашей практики измерения объектов стал бы эталонный дюйм / фут / ярд, а не эталонный метр. Поэтому

¹ Ср. с этим § 279 ФИ: «Представь себе человека, который говорит: "Я-то знаю, какой я рослый!" – и в доказательство своих слов кладет руку на свою макушку» [12. С. 179]. По мнению Витгенштейна, в рассматриваемом контексте такой жест является бессмысленным: ведь одним и тем же жестом человек одновременно устанавливает собственное тело в качестве стандарта для измерения своего роста и использует этот самый стандарт для указания своего роста (ср. с этим: [13. Р. 127; 14. Р. 132]).

² Критерий для Витгенштейна есть то, что обеспечивает носителя языка простым и надежным практическим тестом, позволяющим определить, действительно ли тот или иной предикат применим к некоторым объектам.

³ В частности, об этом говорит небольшая ремарка, которая содержится в так называемой «Большой рукописи» Витгенштейна (*The Big Typescript*): «В случае измерительного стержня [measuring stick] вы не можете сказать: "Да, измерительный стержень измеряет длину, несмотря на свою телесность, но измерительный стержень, который имел бы одну только длину, был бы идеальным, *чистым* измерительным стержнем". ...даже если я действительно понимаю, что в определенном смысле измерения делает только длина измерительного стержня, все же то, что я кладу в карман: все еще измерительный стержень – тело, а не длина» [17. Р. 352e].

⁴ Ср. с этим фрагмент из *Лекций по основаниям математики* Витгенштейна: «Может показаться странным, что евклидова геометрия говорит о "длине" и "равенстве длин", но не о каком-либо методе сравнения длин. Тем более, что предложение "эта длина равна этой" меняет свое значение, когда меняется метод сравнения… Но мы могли бы сказать, что евклидова геометрия дает правила для применения слов "длина", "равная длина" и т.д. Не все правила, потому что некоторые из них зависят от того, как длины измеряются и сравниваются» [21. Р. 256].

26 А.В. Нехаев

предложение (ЭМ) может осмысленно употребляться в ситуации, когда используемые нами методы или практика измерения длин объектов изменились (например, мы отказались от метрической системы и перешли на Имперские стандарты – дюймы, футы и ярды). С другой стороны, предложение $(3M^*)$ показывает, как можно вызвать путаницу и создать непонимание, если мы пытаемся описывать стандарты, используемые в нашей системе измерения, с помощью тех же самых стандартов. Ведь в этом предложении говорится только лишь о том, что прежняя система стандартов измерения перестала существовать, хотя никакая новая и не была введена взамен [20. Р. 132–133]. Согласно Витгенштейну, если мы знаем, что всякое измерение длины протяженного объекта означает сравнение его с некоторым принятым нами стандартом, мы также должны понимать и бессмысленность любых попыток измерить длину такого стандарта в действующей на его основе измерительной системе¹. Поэтому вопрос «Какова длина эталонного метра?» на самом деле является бессмысленным, если в качестве стандарта измерений мы продолжаем пользоваться метрической системой. Такой вопрос указывает, что мы просто не понимаем правил языковой игры в измерении длины и согласно стандартам метрической системы. И поскольку не может быть ответа на бессмысленный (неправильный) вопрос, нет никакого смысла также и говорить, что эталонный метр имеет или не имеет длину 1 метр (ср. с этим: [11. Р. 67-68]).

2. Языковые игры и «стандарты» для истины и лжи

Языковые игры с использованием предикатов истины и лжи во многом аналогичны нашим привычным практикам измерения длины при помощи метрической системы. В случаях предложений семейств «Лжеца» и «Правдолюба» мы сталкиваемся с похожими на предложения (M^*) и $(9M^*)$ примерами философской путаницы.

Рассмотрим следующие два предложения:

- (L^*) Это $[\rightleftarrows]^2$ предложение ложно.
- (T^*) Это [\rightleftarrows] предложение истинно.

Изъятые из контекста своего употребления, подобно предложениям (M^*) и $(\mathcal{I}M^*)$, они кажутся нам парадоксальными. При этом мнение Витгенштейна о том, что предложения, подобные (L) и (T), не имеют смысла [22. Р. 51е], не означает, что они совершенно бессмысленны и бесполезны для наших языковых игр. Для прояснения условий использования таких предложений в наших языковых играх следует обратиться к примеру, в котором могли бы осмысленно употребляться слова «истинно» и «ложно», а значит, и предложения семейств «Лжеца» и «Правдолюба».

Представим себе аналог простой и многим знакомой детской игры «Верю – не верю». Каждый участник этой игры по очереди говорит что-либо о себе (о своем прошлом, внешности, мыслях, убеждениях или действиях), в то

¹ Очевидно, что эталонный метр не может измерить себя сам, поскольку это потребовало бы логически бессмысленных действий, и даже физически невозможных, ведь для *правильного* измерения эталонного метра в метрической системе нам потребовалось бы каким-то образом приложить этот «метр» к самому себе, чтобы видеть, как он измеряет.

² Символ [∠] не является собственной частью предложения и используется здесь только для указания на необходимость рефлексивного прочтения токена этого предложения (reflexive sentences).

время как другой участник пытается угадать, является ли сказанное истиной или ложью, выражая это с помощью предложений наподобие (L) и $(T)^1$. Что произошло бы, если бы один из участников такой игры произнес: «То, что я сейчас говорю, являются ложью»?! Мы бы посчитали, что он не понимает правил нашей игры 2 , в которой предложения (L) и (T) служат эталонами — стандартами того, что мы считаем истинным и ложным (ср. с этим: [14. Р. 131–133]). С этими эталонами мы сравниваем все остальные используемые в нашей игре предложения, однако, сами они не могут быть объектами для сравнения (ср. с этим: [13. Р. 128–129; 16. Р. 129]).

Наш пример с детской игрой «Верю – не верю» показывает, что предложения (L^*) и (T^*) не играют никакой роли ни в одной языковой игре³ [22. Р. 51e; ср. с этим: 21. Р. 207; также см.: 23. Р. 197], а значит, такие предложения сами по себе лишены всякого смысла (ср. с этим: [23. Р. 191]). Подобно эталонному метру, предложения (L) или (T), используемые в наших языковых играх в качестве стандартов для чего-то тривиально ложного и тривиально истинного, служат простыми практическими тестами, позволяющими определить, является ли что-либо ложным или истинным⁴, несмотря на то, что сами эти предложения не являются ни ложными, ни истинными, т.е. не могут нами использоваться в смысле (L^*) или $(T^*)^5$. Ведь согласно принципам философской грамматики Витгенштейна, критерий, фиксирующий стандарт для некоторого свойства, не должен служить примером свойства, для которого он служит практическим тестом (ср. с этим: [27. Р. 53]). Предложения (L) и (T) видятся нам парадоксальными, только если мы игнорируем контекст их употребления, - только и если только такой контекст отсутствует (ср. с этим: [28. С. 17]). Правильный метод борьбы с подобными «парадоксальными» предложениями, по мнению «позднего» Витгенштейна, состоит в том, чтобы просто найти отсутствующий контекст их употребления, т.е. обратить внимание на языковую игру, в которой они встречаются⁶.

¹ Ср. это с похожей игрой, в которой токенами предложений были бы не слова, а движения участников (кивки головой, жесты руками и пр.).

² Например, по мнению Голдстейна: «Если кто-то искренне высказывает открытое противоречие или предложение... Лжеца, было бы неправильно говорить, что его утверждение является истинным или ложным. Поскольку говорящий здесь не владеет языком, мы не можем приписать значение тому, что он высказал, его высказывание просто недоступно для истинной оценки» [11. Р. 72].

³ В своих *Заметках по основаниям математики* Витгенштейн прямо указывает: «...никто не делает выводы из "Лжеца"» [22. Р. 170e].

⁴ Это проливает дополнительный свет на мои утверждения, что предложения семейств «Лжеца» и «Правдолюба» являются *тривиально* ложными и *тривиально* истинными (подробнее см.: [24. С. 40–41; 25. С. 97–98]). Быть тривиально ложным или тривиально истинным предложением — значит выполнять роль критерия в языковых играх, где предикаты «быть ложным» и «быть истинным» могут быть осмысленно чему-либо приписаны.

⁵ Также это дополнительно проясняет, почему любое изменение токена самореферентного предложения может существенным образом повлиять на его значение (ср. с этим: [26. Р. 402]). Например, рассмотрим следующие два предложения: (S) «Это [⇄] предложение содержит два слова из одного слога» и (S*) «Это [⇄] предложение содержит 2 слова из одного слога». Предложение (S) является истинным, в то время как предложение (S*) – ложным, хотя оно и было образовано путем использования в своей формулировке очевидного синонима, поскольку используемые в них выражения «два» и «2» имеют казалось бы одинаковое лингвистическое значение.

⁶ В частности, § 65 *Заметок о философии психологии* содержит следующий пассаж, важный для понимания концепции языковых игр Витгенштейна: «Предложение оказывается парадоксом только если мы отвлекаемся от его употребления» [28. С. 17]. Ср. с этим также § 685 *Zettel*: «Противоречие мешает мне действовать в языковой игре» [29. Р. 119е].

28 А.В. Нехаев

В своем анализе различных семантических патологий философская грамматика Витгенштейна основывается на том, что ничто не может быть самопредицируемым или самонепредицируемым (ср. с этим: [27. Р. 60]). Концепция языковых игр наглядно показывает, почему нельзя осмысленно сказать, что предложения семейства «Лжеца» (либо семейства «Правдолюба») являются ложными (истинными) либо не являются ложными (истинными)¹. Ведь сам вопрос «Какое истинностное значение имеет предложение (L)?» в языковой игре, где «ложь» используется как предикат, предполагает обязательное наличие фактических стандартов такой игры, являющихся ее необходимым практическим условием³. В нашей языковой игре такой вопрос буквально означал бы попытку понять, как предложение (L) сравнивается с соответствующим стандартом. Однако если задавать вопрос о самом стандарте нет никакого смысла, *любые* подобные (L^*) и (T^*) предложения нельзя считать осмысленными высказываниями говорящего⁴. Все, что мы можем, – это рассматривать стандарты для истины и лжи в виде предложений (T) и (L)как критерии, по которым мы судим, какое истинностное значение имеют *остальные* предложения в нашей языковой игре⁵. Пытаться же применить критерий к самому себе – действие, лишенное всякого смысла, лишь порождающее очевидную философскую путаницу.

Литература

- 1. Mortensen C., Priest G. The Truth Teller Paradox // Logique et Analyse. 1981. Vol. 24, $N_{\rm P}$ 95/96. P. 381–388.
- 2. *Billon A.* Paradoxical Hypodoxes // Synthese. 2019. Vol. 196, № 12. P. 5205–5229. DOI: 10.1007/s11229-018-1711-1
- 3. Priest G. The Structure of the Paradoxes of Self-Reference // Mind. 1994. Vol. 103, No 409. P. 25–34. DOI: 10.1093/mind/103.409.25
- 4. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела-Тарского к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 10–24. DOI: 10.17223/1998863X/44/2
- 5. *Tarski A*. The Establishment of Scientific Semantics // Logic, Semantics, Metamathematics: Papers from 1923 to 1938 by Alfred Tarski. Oxford: Clarendon Press, 1956. P. 401–408.
- 6. *Tarski A*. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics: Papers from 1923 to 1938 by Alfred Tarski. Oxford: Clarendon Press. 1956. P. 152–278.
- 7. *Тарский А*. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 1998. С. 90–129.

 $^{^{1}}$ Ср. с этим § 136 ΦH : «...что есть предложение, определяется... употреблением знака в языковой игре... применение слов "истинный" и "ложный" также может быть составной частью этой игры; и в этом случае такое употребление характеризует для нас предложение, но отнюдь не совпадает с ним» [12. С. 133].

² В данном случае то, что мы понимаем под «ложью», просто приравнивается нами к высказыванию чего-то ложного (ср. с этим: [30. P. 164]).

³ В своих поздних работах Витгенштейн неоднократно подчеркивает, что «фактическое установление единицы длины необходимо для измерения длины» [22. Р. 86е].

⁴ По мнению Витгенштейна, «парадоксы возникают, если мы задаемся извращенными, неестественными для нашей языковой игры вопросами» [31. P. 374].

⁵ Подобный способ употребления предложений семейства «Лжеца» и «Правдолюба» отчасти отвечает принципам анафорического просентенциализма, в котором понятия истины и лжи рассматриваются не как примеры подлинных предикатов, описывающих некоторое семантическое свойство, но только как специфические указательные местоимения, выполняющие в нашем языке своеобразную «семантическую работу» и играющие тем самым значимую прагматико-экспрессивную роль [32. P. 97, 108; 33. P. 593; 34. P. 142–143; 35. P. 110]; также см.: [24. C. 37–39; 36. P. 80–82; 37. P. 30–31; 38. P. 505–506, 508].

- 8. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Введение в математическую философию: Избранные работы. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. С. 21–65.
- 9. Витенитейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2008.
- 10. Ladov V.A. Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes // Filosofija. Sociologija. 2019. Vol. 30, № 1. P. 37–44. DOI: 10.6001/fil-soc.v30i1.3914
- 11. Goldstein L. Wittgenstein's Late Views on Belief, Paradox and Contradiction // Philosophical Investigations. 1988. Vol. 11, № 1. P. 49–73. DOI: 10.1111/j.1467-9205.1988.tb00526.x
- 12. Витенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
 - 13. Fogelin R.J. Wittgenstein. London: Routledge, 1995. 255 p.
- 14. *Dolev Y.* Mission Impossible and Wittgenstein's Standard Metre // Philosophical Investigations. 2007. Vol. 30, № 2. P. 127–137. DOI: 10.1111/j.1467-9205.2007.00313.x
- 15. Salmon N. How to Measure the Standard Metre // Proceedings of the Aristotelian Society. 1988. Vol. 88, № 1. P. 193–217. DOI: 10.1093/aristotelian/88.1.193
- 16. Baker G.P., Hacker P.M.S. Wittgenstein: Understanding and Meaning. An Analytical Commentary on Philosophical Investigations. Vol. 1. Part II: Exegesis § 1–184 / ed. P.M.S. Hacker. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 363 p.
- 17. Wittgenstein L. The Big Typescript: TS 213 / eds. C.G. Luckhardt, M.A.E. Aue. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 516 p.
- 18. Gert H.J. The Standard Meter by Any Name Is Still a Meter Long // Philosophy and Phenomenological Research. 2002. Vol. 65, № 1. P. 50–68. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2002.tb00182.x
- 19. *Pollock W.J.* Wittgenstein on The Standard Metre // Philosophical Investigations. 2004. Vol. 27, № 2. P. 148–157. DOI: 10.1111/j.1467-9205.2004.00219.x
- 20. Macha J. Paradigms and Self-Reference: What Is the Point of Asserting Paradoxical Sentences? // Wittgensteinian (adj.): Looking at the World from the Viewpoint of Wittgenstein's Philosophy / eds. S. Wuppuluri, N. da Costa. Cham: Springer, 2020. P. 123–134.
- 21. Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics: Cambridge, 1939 / ed. C. Diamond. Ithaca: Cornell University Press, 1976. 300 p.
- 22. Wittgenstein L. Remarks on the Foundation of Mathematics / eds. G.H. von Wright, R. Rhees, G.E.M. Anscombe. Cambridge, MA: MIT Press, 1967. 204 p.
- 23. Gomulka J., Wawrzyniak J. The Liar Paradox from the Wittgensteinian Perspective // Studia Semiotyczne. 2017. Vol. 31, № 2. P. 179–199. DOI: 10.26333/sts.xxxi2.09
- 24. *Нехаев А.В.* Истина об «истине» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 34–46. DOI: 10.17223/1998863X/45/4
- 25. *Нехаев А.В.* Парадокс Ябло: лжет ли нам бесконечный Лжец? // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 88–102. DOI: 10.5840/eps201956351
- 26. Künne W. On Liars, "Liars" and Harmless Self-Reference // Mind, Values, and Metaphysics: Philosophical Essays in Honor of Kevin Mulligan / ed. A. Reboul. New York: Springer, 2014. Vol. 2. P. 355–429.
- 27. *Jacquette D.* Measure for Measure? Wittgenstein on Language-Game Criteria and the Paris Standard Metre Bar // Wittgenstein's Philosophical Investigation: A Critical Guide / ed. A. Ahmed. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 49–65.
 - 28. Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. М.: ДИК, 2001. Т. 1. 192 с.
- 29. Wittgenstein L. Zettel / ed. G.E.M. Anscombe, G.H. von Wright. Berkeley: University of California Press, 1967. 124 p.
- 30. Eldridge-Smith P. The Liar Hypodox: A Truth-Teller's Guide to Defusing Proofs of the Liar Paradox // Open Journal of Philosophy. 2019. Vol. 9, N 2. P. 152–171. DOI: 10.4236/ojpp.2019.92011
- 31. *Chihara C.S.* Wittgenstein's Analysis of the Paradoxes in His Lectures on the Foundations of Mathematics // The Philosophical Review. 1977. Vol. 86, № 3. P. 365–381. DOI: 10.2307/2183788
- 32. *Grover D., Camp J., Belnap N.* A Prosentential Theory of Truth // Philosophical Studies. 1975. Vol. 27, № 2. P. 73–125. DOI: 10.1007/BF01209340
- 33. *Grover D.* Inheritors and Paradox // The Journal of Philosophy. 1977. Vol. 74, № 10. P. 590–604. DOI: 10.2307/2025911
- 34. Brandom R. From Truth to Semantics: A Path through "Making It Explicit" // Philosophical Issues. 1997. Vol. 8. P. 141–154. DOI: 10.2307/1523001
- 35. Brandom R. Explanatory vs Expressive Deflationism about Truth // What is Truth? / ed. R. Schantz. Berlin: Walter de Gruyter Inc, 2002. P. 103–119.

30 *А.В. Нехаев*

- 36. Grover D. "This is False" on the Prosentential Theory // Analysis. 1976. Vol. 36, N 2. P. 80–83. DOI: 10.1093/analys/36.2.80
- 37. *Löwenstein D.* Davidsonian Semantics and Anaphoric Deflationism // Dialectica. 2012. Vol. 66, № 1. P. 23–44. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2012.01288.x
- 38. Salis P. The Generality of Anaphoric Deflationism // Philosophia. 2019. Vol. 47, N 2. P. 505–522. DOI: 10.1007/s11406-018-9974-9

Andrei V. Nekhaev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation); Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation); Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: A V Nehaev@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56, pp. 23–32.

DOI: 10.17223/1998863X/56/3

THE "STANDARD LIAR": WITTGENSTEIN, LANGUAGE-GAMES AND SELF-REFERENCE

Keywords: semantic paradox; liar paradox; language-game; self-reference; self-predication.

The article critically examines the heuristic capacity and methods of using separate tools of Wittgenstein's philosophical grammar to treat various semantic pathologies (paradoxes of Liar, Truth-Teller, etc.). According to Wittgenstein, philosophical confusion associated with the analysis of such semantic pathologies arises on the grounds of our intuitive faith that we are able to express in language any property that interests us. For instance, we believe that the property "to have a length of exactly one metre" can be meaningfully attributed to any extended object. However, such a faith is fundamentally wrong, since an object like a standard metre, which plays an exclusive role as the criterion of length in our measuring practices based on the metric system, is an example of an extended object about which one can say neither that it is one metre long, nor that it is not one metre long. A correct understanding of the language-game concept shows that the criterion by which we form a set of objects that meet the standards established by the criterion cannot be described in the same way as objects of this set. Language-games using predicates of truth and falsehood are similar to our practice of measuring length using the metric system. In cases of Liar and Truth-Teller sentences, we encounter resembling examples of philosophical confusion. Beyond the context of their usage, "This sentence is false" and "This sentence is true" sentences seem to us paradoxes. But, according to Wittgenstein's philosophical grammar, a correct method of treating such "paradoxical" sentences demands to find the lacking context for their usage, i.e. pay attention to the language-game in which they are employed. Like in the case of the standard metre, we can claim that the sentence "This sentence is false" ("This sentence is true") is neither false (true), nor not false (true). In an analogous way, Liar and Truth-Teller sentences should be interpreted as peculiar standards of falsehood and truth that we use in our language-games to judge about the truth value of other sentences.

References

- 1. Mortensen, C. & Priest, G. (1981) The Truth Teller Paradox. *Logique et Analyse*. 24(95/96). pp. 381–388.
- 2. Billon, A. (2019) Paradoxical Hypodoxes. *Synthese*. 196(12). pp. 5205–5229. DOI: 10.1007/s11229-018-1711-1
- 3. Priest, G. (1994) The Structure of the Paradoxes of Self-Reference. *Mind.* 103(409). pp. 25–34. DOI: 10.1093/mind/103.409.25
- 4. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 10–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
- 5. Tarski, A. (1956a) The Establishment of Scientific Semantics. *Logic, Semantics, Metamathematics: Papers from 1923 to 1938 by Alfred Tarski*. Oxford: Clarendon Press. pp. 401–408.
- 6. Tarski, A. (1956b) The Concept of Truth in Formalized Languages. *Logic, Semantics, Metamathematics: Papers from 1923 to 1938 by Alfred Tarski*. Oxford: Clarendon Press. pp. 152–278.
- 7. Tarski, A. (1998) Semanticheskaya kontseptsiya istiny i osnovaniya semantiki [Semantic Concept of Truth and the Foundations of Semantics]. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya:*

stanovlenie i razvitie [Analytic philosophy: genesis and development]. Translated from English and German. Moscow: DIK, Progress-Traditsiya. pp. 90–129.

- 8. Russell, B. (2007) *Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu izbrannye raboty* [Introduction to Mathematical Philosophy. Selected Works]. Translated from English. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatelstvo. pp. 21–65.
- 9. Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.
- 10. Ladov, V.A. (2019) Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes. *Filosofija. Sociologija*. 30(1). pp. 37–44. DOI: 10.6001/fil-soc.v30i1.3914
- 11. Goldstein, L. (1988) Wittgenstein's Late Views on Belief, Paradox and Contradiction. *Philosophical Investigations*. 11(1). pp. 49–73. DOI: 10.1111/j.1467-9205.1988.tb00526.x
- 12. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskiye raboty* [Philosophical Works]. Translated from German. Part 1. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
 - 13. Fogelin, R.J. (1995) Wittgenstein. London: Routledge.
- 14. Dolev, Y. (2007) Mission Impossible and Wittgenstein's Standard Metre. *Philosophical Investigations*. 30(2). pp. 127–137. DOI: 10.1111/j.1467-9205.2007.00313.x.
- 15. Salmon, N. (1988) How to Measure the Standard Metre. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 88(1). pp. 193–217. DOI: 10.1093/aristotelian/88.1.193
- 16. Baker, G.P. & Hacker, P.M.S. (2005) *Wittgenstein: Understanding and Meaning. An Analytical Commentary on Philosophical Investigations*. Vol. 1. Part II: Exegesis §§1 184 / P. M. S. Hacker (ed.). Oxford: Blackwell Publishing. 363 pp.
 - 17. Wittgenstein, L. (2005) The Big Typescript: TS 213 /. Oxford: Blackwell Publishing.
- 18. Gert, H.J. (2002) The Standard Meter by Any Name Is Still a Meter Long. *Philosophy and Phenomenological Research*. 65(1), pp. 50–68. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2002.tb00182.x
- 19. Pollock, W.J. (2004) Wittgenstein on The Standard Metre. *Philosophical Investigations*. 27(2). pp. 148–157. DOI: 10.1111/j.1467-9205.2004.00219.x
- 20. Macha, J. (2020) Paradigms and Self-Reference: What Is the Point of Asserting Paradoxical Sentences? In: Wuppuluri, S. & Costa, N. da (eds) *Wittgensteinian (adj.): Looking at the World from the Viewpoint of Wittgenstein's Philosophy*. Cham: Springer. pp. 123–134.
- 21. Wittgenstein, L. (1976) Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics: Cambridge, 1939. Ithaca: Cornell University Press.
- 22. Wittgenstein, L. (1967) Remarks on the Foundation of Mathematics. Cambridge, MA: MIT Press.
- 23. Gomulka, J. & Wawrzyniak, J. (2017) The Liar Paradox from the Wittgensteinian Perspective. *Studia Semiotyczne*. 31(2). pp. 179–199. DOI: 10.26333/sts.xxxi2.09
- 24. Nekhaev, A.V. (2018) Truth about "truth". Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 45. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/4
- 25. Nekhaev, A.V. (2019) Yablo's Paradox: Is the Infinite Liar Lying to Us? *Epistemologiya i filosofiya nauki Epistemology & Philosophy of Science*. 56(3). pp. 88–102. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956351.
- 26. Künne, W. (2014) On Liars, "Liars" and Harmless Self-Reference. In: Reboul, A. (ed.) *Mind, Values, and Metaphysics: Philosophical Essays in Honor of Kevin Mulligan.* Vol. 2. New York: Springer. pp. 355–429.
- 27. Jacquette, D. (2010) Measure for Measure? Wittgenstein on Language-Game Criteria and the Paris Standard Metre Bar. In: Ahmed, A. (ed.) *Wittgenstein's Philosophical Investigation: A Critical Guide*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 49–65.
- 28. Wittgenstein, L. (2001) Zametki o filosofii psikhologii [Remarks on the Philosophy of Psychology]. Vol. 1. Moscow: DIK.
 - 29. Wittgenstein, L. (1967) Zettel. Berkeley: University of California Press.
- 30. Eldridge-Smith, P. (2019) The Liar Hypodox: A Truth-Teller's Guide to Defusing Proofs of the Liar Paradox. *Open Journal of Philosophy*. 9(2), pp. 152–171. DOI: 10.4236/ojpp.2019.92011
- 31. Chihara, C.S. (1977) Wittgenstein's Analysis of the Paradoxes in His Lectures on the Foundations of Mathematics. *The Philosophical Review*. 86(3). pp. 365–381. DOI: 10.2307/2183788
- 32. Grover, D., Camp, J. & Belnap, N. (1975) A Prosentential Theory of Truth. *Philosophical Studies*. 27(2). pp. 73–125. DOI: 10.1007/BF01209340
- 33. Grover, D. (1977) Inheritors and Paradox. *The Journal of Philosophy*. 74(10). pp. 590–604. DOI: 10.2307/2025911

32 *А.В. Нехаев*

- 34. Brandom, R. (1997) From Truth to Semantics: A Path through "Making It Explicit". *Philosophical Issues*. 8, pp. 141–154. DOI: 10.2307/1523001
- 35. Brandom, R. (2002) Explanatory vs Expressive Deflationism about Truth. In: Schantz, R. (ed.) *What is Truth?* Berlin: Walter de Gruyter Inc. pp. 103–119.
- 36. Grover, D. (1976) "This is False" on the Prosentential Theory. *Analysis*. 36(2). pp. 80–83. DOI: 10.1093/analys/36.2.80
- 37. Löwenstein, D. (2012) Davidsonian Semantics and Anaphoric Deflationism. *Dialectica*. 66(1). pp. 23–44. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2012.01288.x
- 38. Salis, P. (2019) The Generality of Anaphoric Deflationism. *Philosophia*. 47(2). pp. 505–522. DOI: 10.1007/s11406-018-9974-9

УДК 51: 101.8

DOI: 10.17223/1998863X/56/4

В.М. Резников

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В КОНТЕКСТЕ КРИТИКИ УСЛОВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИКИ ПО КОЛМОГОРОВУ

В статье обосновано предположение, что ученые недооценивают философские концепции, так как последние неявно используются в исследованиях. На примерах полемик о применимости математики — частотной интерпретации Мизеса и условий Колмогорова — показано, что их критика была вызвана различными представлениями о природе вероятности, а не формальным несовершенством. Показано, что в рамках частотной интерпретации требование Колмогорова не является зависимым. Ключевые слова: неявные философские предпосылки; частотная интерпретация; субъективистская интерпретация; теорема Бернулли; независимость; устойчивость частот.

Хотя современные научные исследования интенсивно используют концепции причинности, онтологии и др., представители науки недооценивают роли философских предпосылок в современной науке. Так, в известной дискуссии ученых, где обсуждался вопрос о влиянии философии на создание научных теорий, ими отмечалась значимость философии от античности до Канта [1]. Однако никто из диспутантов не высказался о значимости современных философских исследований для развития науки, более того, некоторые из них отрицали какое-либо положительное влияние этих исследований на науку. Почему ученые скептически относятся к положительному влиянию современных философов на науку? Так, известный математик Шейфер высказывался о несомненном положительном воздействии истории и философии науки на развитие знания в математике, но при этом подчеркивал, что современные философы не оказывают какого-либо влияния на науку своего времени. По мнению Шейфера, философы в различных областях знания, в частности специалисты в философии математики, занимаются исследованиями классической науки, при этом проблемы актуальной науки остаются вне внимания философов. Его критика связана с тем, что в области философии стохастической математики было написано несколько десятков монографий, однако во всех них, за исключением двух, исследовались проблемы классической теории вероятностей, но в большей степени анализировались вопросы влияния культуры на развитие теории вероятностей, а не само научное знание. В двух других книгах рассматривались проблемы, относящиеся к началу современной теории вероятностей, однако не исследовались актуальные проблемы современной стохастической математики [2, 3]. В целом критика Шейфера оказывается справедливой, так, для того чтобы заниматься методологическими проблемами, актуальными для какого-либо раздела науки, нужно одновременно быть сильным специалистом как в этой области науки, так и в философии. Быть профессионалом одновременно в двух областях знания

34 В.М. Резников

достаточно сложно, но не невозможно. Так, истории науки известны такого рода ситуации, причем относящиеся именно к теории вероятностей.

Во-первых, в качестве примера участия философов в современных исследованиях, в частности в актуальной дискуссии в области математики, можно привести обсуждение частотной интерпретации теории вероятностей Мизеса [4]. Прежде чем рассматривать основания для критики Мизеса философами, приведем кратко основные постулаты его концепции.

- 1) Теоретическая вероятность в первом постулате Мизеса определяется на основе бесконечной сходящейся последовательности частот.
- 2) Согласно второму постулату любая некоторым разумным образом выбранная подпоследовательность частот сходится к одному и тому же пределу, что и вся последовательность.

В жесткой критике интерпретации Мизеса приняли участие многие исследователи, прежде всего математики, но не только, так, определение вероятности у Мизеса критиковали философы: Рейхенбах, Поппер. Например, Рейхенбах отвергал второй постулат Мизеса, так как он описывает независимые последовательности данных, что ограничивает применение теории вероятностей, Поппер, наоборот, считал, что для приложений имеет значение второй постулат [5, 6].

Во-вторых, некоторые современные философы одновременно успешно занимались научной деятельностью, например, известный специалист в философии науки Суппес серьезно занимался наукой. Известны его работы, относящиеся к байесовизму в теории вероятностей, интерпретации теории вероятностей – пропенсити, применению теории вероятностей в психологии и физике [7]. Итак, не всегда философские исследования оказываются неактуальными. Кроме того, критика Шейфера не является справедливой по следующим основаниям. Во-первых, сам Шейфер, критик современной философии науки, в своей работе, посвященной созданию обобщенной интерпретации теории вероятностей, использовал понятие причинного отношения [8]. И это неслучайно, так как в науке, в частности медицине, всегда были популярны идеи причинных связей и механизмов, а в биологии популярны классификации на основе причинных отношений, кроме того, в последнее время причинные отношения используются при построении экспертных систем. Вовторых, не только понятие причинного отношения применяется в науке, например, в науке часто используется идея онтологии.

Почему философские концепции недооцениваются в науке? Частично это связано с тем, что сложно точно определить влияние философских идей на науку, так как они часто используются неявно. Например, философские концепции использовались неявно в известных математических баталиях, связанных с определением роли вероятностных интерпретаций в науке, в частности в математике. В дискуссиях, относящихся к применению математики, часто критикуются формальные и технические несовершенства в работах оппонентов, однако при этом основания критики напрямую не указываются. В качестве примера такой критики приведем частотную интерпретацию Мизеса. Так, в известной критике частотной интерпретации Мизеса оппоненты указывали формальные недоработки, однако за пределами критики оказывались принципиальные различия в методологических позициях диспутантов. В чем заключалось несходство методологических позиций Мизеса и его оп-

понентов? Во-первых, Мизес был одним из основателей прикладной математики, и он рассматривал теорию вероятностей в качестве естественнонаучной дисциплины. Оппонентами Мизеса являлись чистые математики, для которых теория вероятностей входит в состав чистой математики. Во-вторых, Мизес был последовательным сторонником частотной интерпретации. Критиками Мизеса являлись представители двух интерпретаций: субъективистской и пропенсити. Сначала приведем некоторые положения и особенности концепции Мизеса, критикуемые с позиций чистой математики.

- 1) Первый постулат критикуется, так как в нем смешаны эмпирические и теоретические термины, что не принято в чистой математике. Однако в теории Мизеса это определение является операциональным, так как обеспечивает определение теоретической вероятности на основе частот, определяемых экспериментальным путем.
- 2) Второй постулат получил жесткую критику, так как выбор подпоследовательностей у Мизеса не был описан конструктивно, а лишь продемонстрирован на примерах. Неалгоритмическое описание выбора вызвано тем, что Мизес был сторонником интуицизма, в котором допустимы не полностью определимые объекты.
- 3) Теория Мизеса критикуется, так как первоначально не была полностью аксиоматизируемой, однако неаксиматизируемость в контексте приложений не является недостатком.
- 4) Согласно оппонентам, некоторые законы теории вероятностей, в частности закон повторного логарифма, не выполняются в концепции Мизеса. Действительно, в работе Вилля было показано, что в концепции Мизеса для коллективов с бесконечными последовательностями невыразим закон повторного логарифма [9]. Однако в реальных ситуациях исследователю доступны последовательности лишь конечной мощности, для которых справедлив этот закон. Теперь рассмотрим некоторые положения концепции Мизеса, критикуемые сторонниками концепций субъективизма. Субъективисты критиковали концепцию, так как она неприложима для определения сингулярных вероятностей, однако для Мизеса теория вероятностей – это наука о массовых явлениях, и она предназначена для определения частотных характеристик событий, а не для вероятностей единичных событий. Отметим, что взвешенный разбор оснований критики Мизеса был предложен Ламбангеном, он показывает, что теория Мизеса под напором мощной критики устояла, и практически все критические замечания были вызваны различными взглядами на природу вероятности [10]. Критика Мизеса и аргументы в пользу его теории в достаточной степени представлены в литературе [11]. В то же время критические замечания, относящиеся к одному из требований Колмогорова применения теории вероятностей, в известной литературе не представлены.

Требование Колмогорова имеет следующий вид: «Можно практически быть уверенным, что если комплекс условий S будет повторен большое число раз n и если при этом через m обозначено число случаев, при которых событие A наступило, то отношение m/n будет мало отличаться от P(A)» [12. С. 13].

Почему исследование условия Колмогорова представляет интерес? Вопервых, требование Колмогорова имеет историческую значимость, так как было предложено в его книге, в которой была сформулирована аксиоматика 36 В.М. Резников

теории вероятностей. Во-вторых, выполнимость этого условия означает корректное определение теоретической вероятности на основе частот, что обеспечивает обоснованное применение теоремы Бернулли. В-третьих, оно значимо в контексте примера математической баталии, где критика связана не с математическим несовершенством некоторых утверждений, а с различными взглядами оппонентов на природу вероятности.

Основный тезис настоящей статьи состоит в обосновании того, что условие Колмогорова не является заключением теоремы Бернулли в рамках частотной интерпретации. Прежде чем рассматривать частотные аспекты этой теоремы, имеет смысл напомнить теорему.

Теорема Бернулли. Проводится n независимых испытаний события A, и m экспериментов оказались успешными. Известно, что теоретическая вероятность появления события A в каждом эксперименте равняется p(A), а m/n – это частота события A, ε – это точность вычислений. Тогда при бесконечном числе экспериментов выполняется следующее равенство:

$$\lim_{n \to \infty} P(|m/n - p(A)| < \varepsilon) = 1. \tag{1}$$

Частотная интерпретация связана с эмпирической традицией. В рамках этой традиции имеет место эмпирическое доминирование, т.е. первичными являются эмпирические частоты, а теоретические вероятности являются представителями эмпирических величин, при этом теоретические величины существуют, если эмпирические величины обладают некоторыми специальными свойствами. Так, в теореме Бернулли считается, что вероятность успеха в каждом эксперименте является постоянной величиной, естественно считать, что вероятность будет постоянной величиной, если наблюдаемые частоты являются маловариабельными, устойчивыми. В простейшем случае частоты устойчивы, если их значения принадлежат интервалу, величина которого меньше погрешности измерений. В этом случае в качестве вероятности можем взять любое значение из этого интервала, и при этом будет выполняться требование Колмогорова. Таким образом, получена геометрическая интерпретация требований Колмогорова. Другое соображение в пользу геометрической близости вероятности и частот основано на определении вероятности у Мизеса. У Мизеса вероятность определяется посредством бесконечной последовательности сходящихся частот, причем рассматривается сходимость не по вероятности, а принятая в математическом анализе, которая допускает естественную геометрическую интерпретацию [4]. Мы получили, что в частотном подходе условие Колмогорова является следствием устойчивости частот, а устойчивость - это онтологическая характеристика мира опыта, и она оказывается предпосылкой применения теоремы, а не заключением ее.

Почему Борель, Леви, Фреше и др. критиковали Колмогорова? Не вызывает сомнения, потому что они были субъективистами или представителями пропенсити, а Колмогоров позиционировал себя как последователя Мизеса. На каком основании оппоненты Колмогорова считали, что его неформально заданное требование представляет собой заключение теоремы Бернулли? Трудно дать точный, однозначный ответ на этот вопрос. Во-первых, таким образом понимаемое условие Колмогорова оказывается в математическом поле. Во-вторых, теорема Бернулли имеет особое значение для субъективи-

стов, так как, по их мнению, апелляция к теореме объективирует субъективно назначенные вероятности.

Мы полагаем, что если Колмогоров являлся последовательным представителем частотной интерпретации, тогда критика оппонентов бьет мимо цели и соответственно не нужны никакие дополнительные соображения, объясняющие, почему Колмогоров использовал «зависимое» требование. Однако сложно считать Колмогорова последовательным представителем частотной интерпретации. Он интересовался частотной интерпретацией, однако критиковал ее асимптотический характер, а также неформальное описание правил, на основе которых выбираются представители исходной последовательности для формирования подпоследовательности, на основе которой определяются частотные характеристики. Почему, несмотря на критику интерпретации Мизеса, Колмогоров относил себя к сторонникам частотной интерпретации? Многие исследователи полагают, что выбор эмпирической интерпретации был основан на прагматических основаниях. Во-первых, Колмогоров был лидером отечественной математики, поэтому сложно было позиционировать себя представителем субъективистской интерпретации, так как в этом случае необходимо было разъяснять, что субъективизм в философии и субъективистская интерпретация теории вероятностей это не одно и то же. Вовторых, для Колмогорова было удобно считаться представителем частотной интерпретации, так как известный математик Хинчин в ряде публикаций показал совместимость частотной интерпретации Мизеса с марксистской философией [13].

В работах Шейфера и Вовка не оспаривается критика субъективистов, опирающаяся на то, что условие Колмогорова оказывается заключением теоремы Бернулли, а так как нет оснований считать Колмогорова адептом частотной интерпретации, поэтому их соображения, объясняющие использование зависимого условия, представляют интерес. Они привели несколько соображений, объясняющих использование Колмогоровым зависимого требования, и одно, свидетельствующее об его возможном просчете. Шейфер и Вовк полагали, что об ошибке Колмогорова свидетельствует то обстоятельство, что Колмогоров не ответил на критику [14]. Однако трудно согласиться с их аргументацией. Мы полагаем, что Колмогоров не ответил оппонентам по двум обстоятельствам. Во-первых, из прагматических соображений, основанных на том, что плодотворная дискуссия возможна, если оппоненты придерживаются в определенной степени совпадающих точек зрения. Однако субъективисты, эмпирики и представители интерпретации пропенсити занимают несовпадающие позиции о роли вероятности в науке, поэтому конструктивный диалог между ними практически невозможен. Во-вторых, по нашему мнению, отказ от дискуссии Колмогорова основан на соображениях политкорректности. Так, известно, что у Колмогорова возникли творческие профессиональные отношения с французскими математиками, поэтому не было особого смысла вступать с ними в полемику, тем более их критика по существу была направлена на Мизеса, а не на Колмогорова. История признания колмогоровской аксиоматики показывает, что ее автор был прав, не вступив в полемику с французскими коллегами. В 1939 г. в Женеве участники международной математической конференции жестко критиковали теорию вероятностей Мизеса и пришли к решению о признании аксиоматической

38 В.М. Резников

теории вероятностей Колмогорова. В своем письме к Колмогорову об этом сообщил Фреше, один из критиков Колмогорова, при этом он подчеркнул, что имеет значение то, что в работе Колмогорова было не только дано изложение теории вероятностей на основе предложенной им аксиоматики, но и предложены требования к применению теории вероятностей [15. P. 1].

Теперь обратимся к аргументам Шейфера и Вовка, объясняющим использование 'зависимого' условия. Во-первых, условия Колмогорова к применению теории вероятностей были сформулированы в его книге сразу после описания аксиом, поэтому теорема Бернулли еще не была получена, и тогда требование Колмогорова не является заключением теоремы. Данное соображение не является серьезным, и нет смысла его комментировать. Во-вторых, зависимое условие Колмогорова имеет самостоятельное значение, так как определяет предпочтения Колмогорова в контексте приложений теории вероятностей. Это бесспорно сильный аргумент, но ему стоит придать в большей мере объективистский характер, например, сославшись на то, что частотная интерпретация имеет значение для приложений теории вероятностей. Кроме того, эту интерпретацию высоко оценивают математики-прикладники [16, 17]. В-третьих, корректное применение теоремы Бернулли предполагает верификацию независимости результатов наблюдений, полученных при проведении очередных экспериментов, при этом предполагается проверка независимости, учитывающая как текущие результаты исследований, так и все ранее проведенные испытания. Верификация независимости данных требует проведения большого объема вычислений, кроме того, по мнению Шейфера и Вовка, непрерывная проверка независимости ухудшает качество используемой модели. Как мы уже отмечали, применение теоремы Бернулли в частотной интерпретации кроме верификации независимости предполагает еще и определение теоретической вероятности успеха для проводимых испытаний. Таким образом, Шейфер и Вовк демонстрируют, что применение теоремы Бернулли в частотной интерпретации делает необходимым проведение большого объема вычислений. Однако может ли аргумент о необходимости проведения большой вычислительной работы служить объяснением для использования Колмогоровым зависимого условия? Выбор зависимого условия не является рациональным, поэтому трудно предположить, что Колмогоров использовал зависимое условие, на том основании, что его выводимость предполагает проведение большого объема вычислений. По нашему мнению, требование Колмогорова, во-первых, свидетельствует о приверженности частотной интерпретации, во-вторых, в частотной интерпретации оно не является зависимым. В-третьих, в субъективистской интерпретации вероятность успеха в теореме Бернулли считается известной априори, однако в эмпирической традиции, которой следует частотная интерпретация, отрицается априорное знание теоретических вероятностей, поэтому вывод условия Колмогорова в субъективистской интерпретации не является легитимным в частотном подходе.

Заключение

1) Требование Колмогорова нами было проанализировано на основе исследования условий корректного применения теоремы Бернулли в частотной интерпретации. В науке часто используются методы и теоремы теории веро-

ятностей и математической статистики на основе частотного подхода, в то же время практически неизвестны методологические исследования, посвященные применению аппарата стохастической математики в рамках этого подхода. По нашему мнению, перспективными представляются развернутые исследования, посвященные содержательному и формальному анализу условий применения стохастической математики в частотном контексте.

2) В настоящее время не существует универсальной интерпретации теории вероятностей. Так как ни одна интерпретация не является универсальной, поэтому является актуальной проблема синтеза основных вероятностных интерпретаций, по крайней мере, частично она решена Шейфером [8], критика этого подхода, так как в нем используется описание причинного отношения необщего характера, дана в работах Картрайт [18]. Представляются перспективными исследования, посвященные анализу критических замечаний Картрайт, и модификации концепции Шейфера на основе учета критических положений.

Литература

- 1. *Jorge J.* Can philosophy help to innovate and develop scientific theory? URL: https://www.researchgate.net/post/Can_philosophy_help_to_innovate_and_develop_scientific_theory (дата обращения: 08.11.2018).
- 2. Hacking I. Logic of statistical inference. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 226 p.
 - 3. Plato J. Creating modern probability. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 323 p.
- 4. *Mises R*. Mathematical theory of probability and statistics. New York: Academic Press, 1964. 694 p.
- 5. Reichenbach H. The theory of probability. California: University of California Press, 1949. 492 p.
 - 6. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004. 448 р.
 - 7. Suppes P. Representation and invariance of scientific structures. Stanford: CSLI, 2002. 536 p.
- 8. Shafer G. The unity and diversity of probability // Acting Under Uncertainty: Multidisciplinary Conceptions / ed. by Von G. Fustenberg. Boston: Kluwer, 1990. P. 435–462.
 - 9. Ville J. Etude critique de la notion de collectif. Paris : Gauthier-Villars, 1939. 144 p.
- 10. Lambalgen M. Randomness and foundations of probability: von Mises' axiomatization of random sequencies. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/853a/5cdd7c2e443f898dca230d31ac 4556970d76.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
 - 11. Gillies D. Philosophical theories of probability. London: Routledge, 2003. 223 p.
 - 12. Колмогоров А.Н. Основные понятия теории вероятностей. М.: Наука, 1974. 120 с.
- 13. *Хинчин А.Я.* Частотная теория Р. Мизеса и современные идеи теории вероятностей // Вопросы философии. 1961. № 1. С. 91–102.
- 14. Shafer G., Vovk V. Probability and Finance It's Only a Game! New York: A Wiley-Interscience Publication, 2001. 414 p.
- 15. Shafer G., Vovk V. The Sources of Kolmogorov's Grundbegriffe // Statistical Science. 2006. Vol. 21, № 1. P. 70–98.
- 16. *Алимов Ю.И*. Альтернатива методу математической статистики. М. : Знание, 1980. 64 с.
 - 17. Тутубалин В.Н. Теория вероятностей. М.: Академия, 2008. 360 с.
- 18. Cartwright N. The Dappled World, a study of the boundaries of science. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 247 p.

Vladimir M. Reznikov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: mathphil1976@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 33–41.

DOI: 10.17223/1998863X/56/4

40 В.М. Резников

THE PHILOSOPHICAL PREMISES OF MATHEMATICAL DISCUSSIONS IN THE CONTEXT OF THE CRITIQUE OF KOLMOGOROV'S CONDITIONS FOR USING MATHEMATICS

Keywords: implicit philosophical premises; frequency interpretation; subjectivist interpretation; Bernoulli's theorem; stability of frequencies.

The article examines the implicit philosophical premises in mathematical battles. It focuses on the critique of Kolmogorov's conditions, which are minimally represented in the known literature. The conditions are significant in the frequency interpretation, in the illustration of the thesis on the underestimation of philosophical ideas, and in the historical context. The main methodological question that guided the study is whether we can agree with subjectivists that Kolmogorov's requirement of the proximity of probability and frequency is described by the conclusion of Bernoulli's theorem. To answer this question, the requirements were formulated for using the theorem within the frequency approach, in which the theoretical probability of success of the tests, used in Bernoulli's theorem, is unknown and is constant by hypothesis. Using the fact and making no pretense to the generality of reasoning, the author assumed that, like in many real processes, the frequency characteristics of events occurring with constant probability turn out to be stable. In the simplest case, frequencies are stable if their values belong to an interval whose length is less than the measurement error. Here, any value from the interval is suitable as probability, and the requirement is satisfied. Thus, describing the conditions for the application of the theorem within the frequency approach, the author obtained a geometric interpretation of the requirement. The requirement turns out to be a consequence of the stability of frequencies; stability is an ontological characteristic of the world of experience, and it is a prerequisite for the application of the theorem, not its conclusion. If Kolmogorov can be viewed as a consistent representative of the frequency approach, then his requirement does not depend on the theorem. However, as the author has shown, he declared himself a follower of Mises for pragmatic reasons. Therefore, it can be assumed that his requirement is described by the conclusion of the theorem. Nevertheless, within the frequency approach, the bases for the application of the theorem in the subjectivist interpretation are rejected; therefore, Kolmogorov's condition does not depend on the theorem.

References

- 1. Jorge, J. (n.d.) Can philosophy help to innovate and develop scientific theory? [Online] Available from: https://www.researchgate.net/post/Can_philosophy_help_to_innovate_and_develop_scientific theory.pdf (Accessed: 8th November 2018)
 - 2. Hacking, I. (1965) Logic of statistical inference. Cambridge: Cambridge University Press.
 - 3. Plato, J. (1994) Creating modern probability. Cambridge: Cambridge University Press.
- 4. Mises, R. (1964) Mathematical Theory of Probability and Statistics. New York: Academic Press.
- 5. Reichenbach, H. (1949) *The Theory of Probability*. California: University of California Press.
- 6. Popper, K. (2004) *Logika nauchnogo issledovaniya* [The Logic of Scientific Discovery]. Moscow: Respublika.
 - 7. Suppes, P. (2002) Representation and Invariance of Scientific Structures. Stanford: CSLI.
- 8. Shafer, G. (1990) The unity and diversity of probability. In: Von Fustenberg, G. (ed.) *Acting Under Uncertainty: Multidisciplinary Conceptions*. Boston: Kluwer. pp. 435–462.
 - 9. Ville, J. (1939) Etude critique de la notion de collectif. Paris: Gauthier-Villars.
- 10. Lambalgen, M. (n.d.) Randomness and foundations of probability: von Mises' axiomatization of random sequencies. [Online] Available from:

https://pdfs.semanticscholar.org/853a/5cdd7c2e443f898dca230d31ac4556970d76.pdf. (Accessed 15th May 2018).

- 11. Gillies, D. (2003) Philosophical Theories of Probability. London: Routledge.
- 12. Kolmogorov, A.N. (1974) Osnovnye ponyatiya teorii veroyatnostey [Foundations of the Theory of Probability]. Moscow: Nauka.
- 13. Khinchin, A.Ya. (1961) Chastotnaya teoriya R. Misesa i sovremennye idei teorii veroyatnostey [Frequency theory of Mises and contemporaries ideas of probability theory]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 91–102.
- 14. Shafer, G. & Vovk, V. (2001) Probability and Finance: It's Only a Game! New York: A Wiley-Interscience Publication.

- 15. Shafer, G. & Vovk, V. (2006) The Sources of Kolmogorov's Grundbegriffe. *Statistical Science*. 21(1). pp. 70–98. DOI 10.1214/088342305000000467.
- 16. Alimov, Yu.I. (1980) Al'ternativa metodu matematicheskoy statistiki [Alternative of method of mathematical statistics]. Moscow: Znanie.
 - 17. Tutubalin, V.N. (2008) Teoriya veroyatnostey [Theory of Probability]. Moscow: Akademiya.
- 18. Cartwright, N. (1999) *The Dappled World, a Study of the Boundaries of Science*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 167

DOI: 10.17223/1998863X/56/5

И.В. Черникова, Е.Е. Букина

ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТЕХНОНАУКИ1

В статье характеризуются составляющие этики технонауки: информационная этика, биоэтики, нейроэтика, наноэтика. Выявлено, что в каждом случае исследователи выделяют два контура, обозначаемые как внутренний и внешний или микро- и макроуровни нормативно-этических проблем. Каждая из рассмотренных форм этоса технонауки является одновременно и научной дисциплиной, и социальной практикой выстраивания отношений науки и общества.

Ключевые слова: этика технонауки, социальная практика, моральная ответственность.

Научно-технический прогресс открыл не только новые возможности во взаимодействии человека и природы, но и привел к необходимости заранее учитывать риски собственно научно-технологической деятельности. Это формирует новую установку научной деятельности: искать возможные варианты решения и затем анализировать их, оценивая будущие возможные последствия внедряемых технологий. Кроме того, познание сложных саморазвивающихся систем и нелинейных процессов сочетается с возрастающей неопределенностью в моделировании такого рода процессов, сложностью прогнозирования и принятия решений.

Является ли этика технонауки прикладной этикой, существующей дополнительно к внутренней этике науки в форме этического содержания различных составляющих NBIC-технологий: наноэтики, биоэтики, информационной этики, нейроэтики? Или этика технонауки — это целостная смыслообразующая система, в которой конвергентно связаны прикладные, теоретические и социально-гуманитарные, герменевтические аспекты? Для ответа на поставленные вопросы следует обратиться к анализу и оценке составляющих этики технонауки.

Стимулом к развитию информационно-этического направления явилась компьютеризация науки. В 1985 г. был опубликован учебник Дж. Джонсон «Компьютерная этика», в котором обсуждались этические проблемы использования компьютерной техники. Д. Мур в статье «Что такое компьютерная этика?» отмечал, что потенциал использования компьютерной технологии не ограничен, а этические проблемы, порождаемые компьютерами, многочисленны и многообразны [1. Р. 269]. Исследователи и сегодня далеко не однозначно определяют информационную этику и ее предметное поле, но сходятся во мнении, что основной задачей информационной этики является оценка информации с моральной точки зрения.

Директор Международного центра по проблемам информационной этики Р. Капурро различает информационную этику в широком смысле, охватывающую этические проблемы всей информационно-коммуникационной сферы,

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00298.

включая средства массовой информации и информационную этику в узком смысле, как этические проблемы цифровых технологий [2]. Л.В. Баева определяет информационную этику как область этики, направленную на изучение морально-этических проблем развития NBIC-технологий, разработку этических норм, изучение этическо-правовых аспектов развития электронной культуры в информационном обществе [3].

Один из ведущих специалистов по философии информационных технологий Оксфордского университета Л. Флориди рассматривает информационную этику как философскую дисциплину, способную предложить системный подход в решении проблем, связанных с информатизацией жизни, таких как проблема безопасности данных, возможности регулирования информационных потоков в Интернете, авторском праве и свободе распространения информации, это уровень микроэтики [4].

Информационная этика, по мнению итальянского ученого, является не только составляющей философии информации, но дисциплиной, открывающей новое практическое измерение. Л. Флориди обосновывает онтологический статус информации и вводит понятие инфосферы — «информационная среда, конституированная информационными процессами, услугами, объектами, включая информационных агентов, также как свойствами, интеракциями и взаимными связями» [4. Р. 9].

Макроэтику итальянский философ трактует как нравственное регулирование инфосферы, которая наполнена информационными объектами (агентами). Агенты хотя и не являются живыми объектами, но обладают, подобно живому, уникальностью, индивидуальностью, ценностью в системе информационных обменов. Ценностью в макроэтике считается все, что способствует приумножению информации. Разрушение информации рассматривается как зло — «энтропия инфосферы», добро то, что стимулирует рост инфосферы. Нравственный поступок оценивается с точки зрения благополучия инфосферы, он может совершаться даже неодушевленным информационным агентом (роботом, компьютерной программой).

Оценивая информационную этику Л. Флориди как универсальную, позволяющую применить ее принципы и регулятивы по отношению к самым сложным проблемам современного информационного мира, присоединяемся к мнению, что она оставляет много вопросов по практической реализации в конкретных социально-исторических условиях [5].

Еще одно направление, характеризующее этос постнеклассической науки, — биоэтика. Термин ввел В.Р. Поттер, определив биоэтику как «соединение системы биологического знания с познанием системы человеческих ценностей» [6]. Биоэтика как исследовательское направление постнеклассической науки характеризуется междисциплинарностью, а также комплексным и проблемно-ориентированным подходом. Большой вклад в развитие данного направления среди отечественных исследователей внесли Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко, Е.Г. Гребещенкова, сформулировавшие принципы и основания биоэтики [7, 8]. Первоначально предметом биоэтики были обсуждение и оценка новых биомедицинских практик (репродуктивные технологии, аборты, эвтаназия, вивисекция, генная инженерия и пр.).

Прогресс биомедицинских технологий породил целый ряд фундаментальных этических, антропологических и онтологических проблем, стремле-

ние ответить на которые стало основанием для развития биоэтики. Как показал П.Д. Тищенко, биоэтика хотя и претендует на положение некоторой дисциплины, но по сути своей она трансдисциплинарна и является формой социально распределенного производства знания. Целью биоэтики является помощь в определении поведенческого вектора исследователей, практикующих врачей и их пациентов, а также общественности, заинтересованной в безопасности биотехнологий для человека и всего живого.

По мере своего развития биоэтика начала способствовать прогнозированию возможных последствий внедрения и использования тех или иных практик и методов в медицинской и биологической отраслях. На сегодняшний день в оценке последствий биотехнологических воздействий участвуют не только профессионалы, но привлекается общественность. Большую роль в формировании общественного мнения играют СМИ, которые становятся очень важным игроком. Но рекламируя или критикуя какие-то технологии, СМИ являются только проводником чьих-то интересов, тех, кто продвигает или тормозит продукты, подобные ГМО или стволовым клеткам. В этой связи, как отметил Б.Г. Юдин, можно говорить о формировании в современной технонауке целого слоя социально-гуманитарных знаний, которые выступают в качестве посредствующего звена между научно-технологическими возможностями воздействия на человека и в то же время ожиданиями и опасениями индивидов и общества. К нему можно отнести, в частности, биоэтику, оценку технологий, область анализа этических, правовых и социальных проблем (ELSI, ELSA) новых технологий, проблематику ответственных исследований и инноваций (RRI) и т.п. Этот слой знаний выполняет аналитические и нормативные функции, позволяя «социализировать» расширяющиеся биотехнологические возможности [9].

Выстраивание отношений науки и общества – одна из важнейших стратегий социальных технологий современности. Несмотря на кажущуюся демократичность и полезность открытого обсуждения этических проблем, возникших в связи с биомедицинскими технологиями, в этой ситуации кроется серьезная угроза. Например, предоставляя возможность пациентам активно участвовать в принятии решения об оперативном вмешательстве, врач открывает возможность допущения серьезной ошибки при некорректном его выборе. Каждый человек может сам решать: жить ему или умирать и каким способом? В разных культурах ответ на этот вопрос сильно различается, яркий пример – разрешение или полный запрет на эвтаназию.

Очередной, но не последней проблемой в развитии биоэтики является контроль процессов коммерциализации фармации и медицины. В современном мире законы рынка настигают нас повсюду, и медицина в данном случае не исключение. Все активнее на смену понятию «медицинская помощь» приходит современный термин «медицинская услуга», включая в себя, конечно, не только гуманитарный аспект, но и коммерческий, причем как основной. Коммерческая медицина сегодня готова предложить заманчивые перспективы по омоложению, улучшению и даже изменению внешности, усилению когнитивных способностей, а в недалеком будущем — даже, возможно, долгую молодость и жизнь. Биоэтика призвана сдерживать засилье прагматизма в подобном рыночном подходе в медицинской и фармацевтической областях.

Однако наиболее существенное изменение ситуации в области биоэтики связано с тем, что на современном этапе развития науки человек является не только потребителем разного рода продуктов технологий, но и сам становится мишенью этих воздействий. Программы улучшения человека были направлены на улучшение качества жизни, не стоял вопрос об изменении природы человека. Сегодня ситуация кардинально поменялась, поскольку «интенсивно развивающиеся высокие технологии создают ситуацию, в которой возможным оказывается изменение биологической телесности, с которой неразрывно связана культура, система ценностей человеческого бытия, да и сам характер мышления» [10. С. 40].

Ф. Фукуяма определяет человеческую природу как то, что дает нам чувство морали, обеспечивает нам социальные навыки, необходимые для жизни в обществе, и служит основой более изощренных философских дискуссий о правах, справедливости и морали [11. С. 204]. Ю. Хабермас подчеркивал необходимость разграничивать генетическое вмешательство, применяемое для устранения генетических заболеваний, - негативную евгенику, понимаемую как допустимую и позитивную евгенику, воспринимаемую как неправомерную. Генные технологии затрагивают вопросы идентичности человеческого вида, меняют само понимание человека как видового существа, всю структуру нашего морального опыта [12. С. 33-38]. В докладе «Понятие человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» на Всемирном дне философии в Москве в 2010 г. Ю. Хабермас отмечал, что на современном этапе развития человечества особое значение приобретает концепция человеческого достоинства, которая является нравственным источником этики равенства, правами человека и человеческой идентичностью [15. P. 32].

Ценности европейской культуры фундированы гуманизмом как типом мировоззрения, теперь же обсуждаются риски и перспективы трансгуманизма. Определения и трактовки трансгуманизма весьма разнообразны. Существует даже несколько версий декларации трансгуманизма [13], если в ранней версии говорится, что трансгуманизм включает в себя многие принципы гуманизма, то позднее прослеживается отказ от ценностей гуманизма. Анализируя казалось бы разные точки зрения сторонников трансгуманизма, Б.Г. Юдин фиксирует главное, что их объединяет: «человек в трансгуманизме выступает в качестве лишь одной из возможных форм, одного из носителей жизни, интеллекта или разума. Именно последние, а не человек, как это принято в гуманизме, и наделяются высшей ценностью» [14. С. 17]. Обобщая аспекты влияния биоэтики на науку и общество, подчеркнем, что биоэтика — это и научная дисциплина, и социальная практика, нацеленная на сохранение человека и его ценностей.

Дополнительный свет на проблему природы человека проливают исследования, получившие название культурной нейронауки, и нейроэтика. Нейронаука включает исследования по установлению корреляции мозговых процессов и поведенческих реакций, моральных поступков. Возникают вопросы: можно ли на уровне нейрофизиологии искать базовые основания морали, существует ли прямая нейрофизиологическая обусловленность спонтанных реакций и принимаемых решений, и не противоречат ли устанавливаемые связи положению о свободе воли человека?

Дает ли нейронаука возможность построить этику на научной основе? На этот вопрос положительно ответили бы многие исследователи, так рассуждают французские ученые Ж.-П. Шанже и А. Конн: «У нас есть мозг, который определяет, принимаем мы правила морали или нет. Но он также и создает их в определенном социальном окружении, в определенный момент культурной истории человечества. Любой ученый, не удовлетворенный удобной ментальной двойственностью верующего, но стремящийся оставаться последовательным, отбрасывает любую ссылку на метафизику и пытается отыскать в своих размышлениях естественные обоснования этики» [16. С. 185]. Авторы считают, что, основываясь на естественных «нейрокогнитивных» принципах, можно выработать динамическую этику или «открытую мораль», в то время как все этические учения основывались на метафизических посылках, это касается и абсолютистской этики, основанной на априорных аксиомах добра и зла, и утилитаристской, которая принимает за основание морали ее полезность.

В исследованиях, получивших название «культурная нейронаука», решение ищется в коэволюции биологических и социокультурных детерминант человеческого поведения. Культурная нейронаука «снимает противопоставление между природой и культурой, между развитием и обучением, выбирая в качестве предмета исследования именно их взаимосвязь и переплетение, настаивая на том, что структуры и процессы в мозге не просто могут испытывать влияние культуры, но выстраиваются, организуются под влиянием культурного контекста» [17. С. 6–7].

Нейроэтика как дисциплина формируется в начале XXI в., когда были опубликованы первые труды М. Газзанига, Роуз, Д. Иллес, Дж. Грина и его сотрудников (Sommerville, Nystrom, Darley, Cohen), было создано объединение ученых (Международное общество нейроэтики – INS) [18–20]. Сегодня нейроэтику трактуют не только как прикладную этику, определяющую границы медицинского вмешательства в изучении мозга, но и как усложнение философской этики, поскольку ставится под вопрос онтологический фундамент самой морали. Например, принимая во внимание данные о том, что бессознательное влияет на принятие решения, как это учитывать при оценке поступков? Известные эксперименты Б. Либета показывают, что между принятием решения и фиксируемой ЭЭГ реакцией мозга есть временной зазор. Интерпретация эксперимента обострила дискуссии о свободе воли человека. Сам Б. Либет считает, что его эксперименты показывают только то, что процесс волевого решения берет свое начало в сфере бессознательного.

Философский контекст нейроэтики связан с необходимостью моральной оценки воздействия когнитивных технологий и нейронауки на человека и его природу: «Если источник моральных действий прямо или опосредованно находится в нейронных коррелятах, то вслед за открытием этой связи в научном исследовании возникает технологически оформленное желание воздействовать на него. Сначала это воздействие диктуется желанием помочь людям с психоневрологическими нарушениями, а затем — стремлением усовершенствовать здоровых, чтобы улучшить их когнитивные, а затем и моральные качества, поскольку в эволюционно понимаемой этике развитие когнитивных способностей одновременно ведет и к моральному прогрессу» [21. С. 89].

Природа человека согласно философским учениям биосоциальна, но как связаны в человеке эти два начала, существует ли природная основа социальности? Ответ на данный вопрос ищется в смысловом пространстве, определяемом двумя противоположными позициями. Первая крайность — «натурализация» морали, когда мораль понимается как непосредственно вырастающая из своего рода социальных инстинктов животных, «добрых» или «злых», и интерпретируется как форма биологической адаптации человека. Вторая крайность отказывает морали в каких-либо природных основаниях, противопоставляет моральность природному и рассматривает ее как чисто социальный феномен.

В.А. Бажанов, основываясь на новейших исследованиях в нейропсихологии, социальной и культурной нейронауки о нейронных основаниях когнитивных и эмоциональных процессов, представил складывающееся видение социально-нравственного поведения людей. Он обобщил данные исследований, показывающих, что поведение — это результат интуитивной эмоциональной реакции, а моральные суждения вытекают из наших эмоциональных реакций, которые являются результатом биологической эволюции. В вопросе, как соотносятся выводы нейроэтики с философскими этическими доктринами (консеквенциализмом, деонтологией), авторы приходят к выводу, что этические учения являются «философскими проявлениями двух диссоциирующих психологических закономерностей, двух разных способов нравственного мышления, которые были частью человеческого репертуара в течение тысячи лет» [22. С. 127].

Можно ли усмотреть в нейроэтике редукцию морали как сложного культурного феномена к психофизическим процессам? Действительно, современные технологии и нейронаука дают возможность видеть, какие отделы мозга активизируются при тех или иных действиях, переживаниях. Однако сущность морали в том, что она характеризует человека не как сущее, а в его стремлении к идеальному, к должному. Поступки человека не всегда объяснимы как причинно или утилитаристски обусловленные.

Особенность морали в том, что она связана с запретами (не убий, не укради...). Культурная нейронаука и нейроэтика позволяют глубже понять природу моральных запретов. К. Лоренц, один из основоположников эволюционной эпистемологии, дал эволюционное объяснение кантовских априорных форм рассудка. Думается, что и мораль, являющуюся априорной формой нравственности для индивида, культурная нейронаука и нейроэтика позволяют понять в эволюционном контексте как апостериорную для вида. Критическая функция нейроэтики обусловлена, главным образом, влиянием когнитивных технологий и возможностями, открываемыми нейронаукой по расширению когнитивных способностей человека. Как заметил один из открывателей зеркальных нейронов В. Галлезе, «я бы сказал, что следует ориентироваться на классическую для философии цель самопознания и следовать хотя бы минимальному этическому принципу: уменьшать и предотвращать страдание, а не играть, как с огнем, с эволюцией второго порядка, которая вполне может выйти из-под контроля» [23. С. 381].

Наноэтика – еще одна из форм этики технонауки, осуществляющая этическую рефлексию нанотехнологий. Исследователи рассматривают нанотехнологии как основу гипотезы конвергентности, поскольку воздействие на

уровне атомов и молекул позволяет получать материалы, используемые во всех сферах технологий. Результаты нанотехнологий затрагивают все сферы человеческой жизни, с их помощью надеялись решить многие социальные и даже политические вопросы: от медицинской отрасли до военной промышленности. Однако, несмотря на радужные, с одной стороны, ожидания, далеко не все представители научно-исследовательского сообщества позитивно настроены относительно результатов развития данных технологий. «Мы уже знаем, что наночастицы могут проникать и накапливаться в человеческих тканях, разработанные молекулы могут самособираться в искусственные ткани, активные наносистемы могут эволюционировать со временем, наноструктурированные имплантаты могут повреждать сердце и мозг, гибридные системы могут соединяться с биологическими, систематический контроль ДНК наноинструментами может изменить генетику» [24]. Среди западных исследователей, с осторожностью высказывающихся относительно позитивных результатов развития нанотехнологий, можно выделить А. Нордмана, А. Грунвальда, М. Деккера, Х. Ленка и др.

Активное развитие нанотехнологий сформировало отдельное направление, занимающееся этическими вопросами данной отрасли, — наноэтику. Среди исследователей нанотехнологий выделяют две группы исследователей, имеющих несколько различные представления о задачах и целях наноэтики как научной дисциплины. Одни полагают, что в проблемном поле наноэтики находятся в основном вопросы конфиденциальности подобных исследований, токсичности их результатов, военной этики и пр. Другие ставят во главу вопросы морально-этической и антропологической направленности, они предполагают, что новые нанотехнологии могут нарушить идентичность человека вмешательством в запретные ранее области человеческой сущности.

Например, актуализируются вопросы о социальных и правовых аспектах взаимодействия с искусственным интеллектом. Так, Р.А.Л. Джонс отмечает, что в то время как слишком много шума поднимается по поводу наночастиц, загрязняющих окружающую среду (токсинов и т.п.), радикальная нанотехнология ставит для наноэтики другие проблемы. В частности, такие как проблема сохранения права на частную жизнь и гражданскую свободу в условиях окружения мини-компьютерами; проблема размывания понятий «человек» и «машина», а также адекватного понимания отличия лечения человека от улучшения его природы и др.

Задача наноэтики, таким образом, в том, чтобы проектировать все аспекты вреда и пользы от внедрения в социальную жизнь столь сложных и «умных» технологий при условии сохранения самого важного – предоставления возможности человеку оставаться человеком, избежать отчуждения его естественной сущности, его природы. И для выполнения данной задачи необходимо определить четкие ориентиры, на которые необходимо опираться в научном творчестве.

А. Грунвальд, один из наиболее авторитетных экспертов в области социальной оценки техники, охарактеризовал этапы развития наноэтики, а также проанализировал последствия нанотехнологий в четырех аспектах и дал следующую характеристику содержания наноэтики: лишь небольшая часть этической рефлексии представлена в традиционной прикладной этике. Более важную роль здесь играют вопросы дефиниции и самопонимания.

А. Грунвальд предлагает рассматривать наноэтику не как часть прикладной этики, но как «герменевтическую платформу» для принятия решений и ответственных инноваций [25. С. 163].

Проведенный анализ форм технонаучного этоса показывает, что этика технонауки характеризуется не только объединением наноэтики, биоэтики, информационной этики, нейроэтики. Формируется этический дискурс технонауки, что выводит этос технонауки на новый уровень, в котором интегрируются спекулятивные исследования моральной философии с гуманитарной социальной практикой.

На основании вышесказанного приходим к выводу, что возникает существенное видоизменение идеала самоценности научно-технологических инноваций как базисной ценности техногенной цивилизации. «Наука остается наукой. Ее фундаментальные установки поиска истины и роста истинного знания сохраняются, но получают новую интерпретацию. Социально-этическая экспертиза не отменяет этих установок, наоборот, она предстает как условие их реализации. Это – точка роста новых ценностей, возникающих в науке в рамках современной культуры» [26. С. 35].

Такие формы деятельности, как социальная экспертиза, ответственные исследования и инновации (RRI), социальная оценка техники, глубинная экология, соединяют научные исследования с различными видами социальной практики. Здесь наука предстает в новом гуманистическом измерении, чтобы разрабатываемые технологии были в соответствии с социальными ценностями и обеспечивали устойчивое развитие и выживание человечества.

Литература

- 1. *Moor J.* What Is Computer Ethics? // Metaphilosophy. 1985. № 16 (4). P. 266–275.
- 2. Капурро Р. Информационная этика // Информационное общество. 2010. Вып. 5. С. 6–15.
- 3. Баева Л.В. Этика информационного мира: проблемы становления и развития // Философия и культура. 2016. № 4 (100). С. 514–522.
 - 4. Floridi L. Information: A Very Short Introduction. Oxford, 2010. P. 108–111.
- 5. Доброродний Д.Г. Проект философии информации Лучано Флориди // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. URL: http://elib.bsu.by/bit-stream/123456789/187329/1/18-22.pdf (дата обращения: 24.07.2020).
- 6. Potter V.R. Biotethnics for Whom? // The Social Responsibility of Scientists. Annals of the New York Akademy of Science, 1972. Vol. 116.
- 7. *Тищенко П.Д.* На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб. : Изд. дом «Міръ», 2011. 328 с.
- 8. Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М.: Едиториал УРСС, 1998. 470 с. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/bio/eti/ka/bioetika/ (дата обращения: 24.07.2020).
- 9. *Юдин Б.Г.* Человек: выход за пределы. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 540 с. URL: https://www.litres.ru/b-udin/chelovek-vyhod-za-predely/ (дата обращения: 24.07.2020).
- 10. *Черникова И.В.* Сохранение природы человека как глобальная проблема современности // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 36–44.
- 11. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 349 с.
 - 12. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
- 13. *Transhumanist* Declaration. URL: https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/ (дата обращения: 24.07.2020).

- 15. Habermas J. The concept of human dignity and the realistic utopia of human rights // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. Р 30–48.
- 16. Шанже Ж.-П., Конн А. Материя и мышление. Москва; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований; НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2004. 216 с.
- 17. Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 3. С. 4–18. URL: https://psyjournals.ru/files/71857/kip 3 2014 falikman.pdf (дата обращения: 20.07. 2020).
 - 18. Gazzaniga M.S. The ethical brain. Chicago: Chicago University Press, 2005. 226 p.
- 19. *Rose S*. The future of the brain: the promise and perils of tomorrow's neuroscience. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006. 352 p.
- 20. Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., Cohen J.D. An fMRI Investigation of Emotional Engagement in Moral Judgment // Science. 2001. Vol. 293. P. 2105–2108.
- 21. Cuдорова T.A. Нейроэтика между этикой и моралью // Идеи и идеалы. 2018. № 2, Т. 1. С. 75–93.
- 22. *Бажанов В.А.* Мозг культура социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 288 с.
 - 23. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М.: АСТ, 2017. 651 с.
- 24. Аршинов В.И., Горохов В.Г., Чеклецов В.В. Наноэтика конвергенция проблем современных технологий или пролегомены к постчеловеческому будущему? // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nanoetika-konvergentsiya-eticheskih-problem-sovremennyh-tehnologiy-ili-prolegomeny-k-postchelovecheskomu-buduschemu (дата обращения: 31.10.2018).
- 25. *Грунвальд* A. 15 лет этике в области нанотехнологий: итоги развития // Технонаука и социальная оценка техники (философско-методологический анализ) / под ред. И.В. Черниковой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 172 с.
- 26. Степин В.С. Научное познание в социокультурном измерении // Философия и наука в культурах Востока и Запада. М.: Наука: Вост. лит., 2013. 357 с.

Irina V. Chernikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Elena E. Bukina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: bukinaee@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56, pp. 42–52.

DOI: 10.17223/1998863X/56/5

THE ETHICAL DISCOURSE OF TECHNOSCIENCE

Keywords: ethics of technoscience; social practice; moral responsibility.

The ethics of technoscience is complex in nature not only because it combines nanoethics, bioethics, information ethics, neuroethics, but also because it makes the problems of applied ethics providing the ethical reflection of technological innovations much broader, and makes philosophical ethics more complex by casting doubt on the ontological foundation of morality itself. The ethical discourse of technoscience is being formed. It integrates speculative studies of moral philosophy with the social practice of the humanities. The subject matter of technoscience ethics is not only the discussion and control of new technologies and practices, but also the identification and discussion of fundamental ethical, anthropological and ontological problems. The task of the ethos of technoscience is to predict the harmful and useful aspects of deployment. We can say that the essence of the ethos of technoscience in the moral regulation of the technosphere. The comparative analysis of such forms of technoscientific ethos as information ethics, bioethics, neuroethics, nanoethics has revealed that, in each case, researchers distinguish two patterns, defined as internal and external or micro- and macrolevels of normative ethical problems. Each of the considered forms of the ethos of technoscience is both a scientific discipline and a social practice. The critical function of technoscience ethos is associated with the assessment of the technological impact on the environment and humans. The philosophical context of technoscience ethics is associated with the need for a moral evaluation of the convergent technologies' impact on man and human nature. While traditional ethical teachings were based on metaphysical assumptions, this also applies to absolutist ethics based on a priori axioms of good and evil and utilitarian ethics which takes usefulness as a basis of a moral, the ethical discourse of technoscience is formed in a transdisciplinary field and is a form of social practice. Forms of activity such as

social expert examination, responsible research and innovation (RRI), social assessment of technology, and deep ecology combine scientific research with various types of social practice. Here, science appears in a new humanistic dimension so that the developed technologies are in accordance with social values and ensure the sustainable development and survival of mankind. Based on the foregoing, the authors conclude that there is a significant modification of the ideal of the self-worth of scientific and technological innovations as the basic value of the anthropogenic civilization.

References

- 1. Moor, J. (1985) What Is Computer Ethics? *Metaphilosophy*. 16(4), pp. 266–275.
- 2. Kapurro, R. (2010) Informatsionnaya etika [Information ethics]. *Informatsionnoe obshchestvo Information Society*. 5. pp. 6–15.
- 3. Baeva, L.V. (2016) Ethics of the information world: problems of establishment and development. *Filoso-fiya i kul'tura Philosophy and Culture*. 4(100). pp. 514–522. (In Russian). DOI: 10.7256/1999-2793.2016.4.17665
 - 4. Floridi, L. (2010) Information: A Very Short Introduction. Oxford. pp. 108-111.
- 5. Dobrorodny, D.G. (2017) Luciano Floridi's project of the philosophy of information. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 3. pp. 18–22. (In Russian). [Online] Available from: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/187329/1/18-22.pdf (Accessed: 24th July 2020).
- 6. Potter, V.R. (1972) Biotethnics for Whom? The Social Responsibility of Scientists. Annals of the New York Akademy of Science. 116.
- 7. Tishchenko, P.D. (2011) *Na granyakh zhizni i smerti: filosofskie issledovaniya osnovaniy bio-etiki* [On the verge of life and death: philosophical studies of the foundations of bio-ethics]. St. Petersburg: Mir.
- 8. Yudin, B.G. (ed.) (1998) *Bioetika: printsipy, pravila, problem* [Bioethics: principles, rules, problems]. Moscow: Editorial URSS. [Online] Available from: https://www.booksite.ru/localtxt/bio/eti/ka/bioetika/ (Accessed: 24th July 2020).
- 9. Yudin, B.G. (2018) *Chelovek: vykhod za predely* [Human: going beyond]. Moscow: Progress-Traditsiya. [Online] Available from: https://www.litres.ru/b-udin/chelovek-vyhod-za-predely/(Accessed: 24th July 2020).
- 10. Chernikova, I.V. (2016) Sokhranenie prirody cheloveka kak global'naya problema sovremennosti [Conservation of human nature as a global problem of modernity]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 36–44.
- 11. Fukuyama, F. (2004) Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnological Revolution]. Translated from English. Moscow; AST.
- 12. Habermas, J. (2002) *Budushchee chelovecheskoy prirody* [The Future of Human Nature]. Moscow: Ves' Mir.
- 13. Humanity+. (n.d.) *Transhumanist Declaration*. [Online] Available from: https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/ (Accessed: 24th July 2020).
- 14. Yudin, B.G. (2013) Transgumanizm: sverkhgumanizm ili antigumanizm? [Transhumanism: Superhumanism or Antihumanism?]. In: Maylenova, F.G. (ed.) *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza* [Bioethics and Humanitarian Expertise]. Moscow: RAS. pp. 10–24. [Online] Available from: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/bioeth/bioeth/bioethica 7.pdf (Accessed: 24th July 2020).
- 15. Habermas, J. (2010) The concept of human dignity and the realistic utopia of human rights. In: Guseynov, A.A. (ed.) *Filosofiya v dialoge kul'tur: materialy Vsemirnogo dnya filosofii* [Philosophy in the Dialogue of Cultures: Materials of the World Philosophy Day]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2010. pp. 30–48.
- 16. Changet, J.-P. & Conn, A. (2004) *Materiya i myshlenie* [Matter and thinking]. Translated from French. Moscow; Izhevsk: Institute of Computer Research; NITs "Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika".
- 17. Falikman, M.V. & Cole, M. (2014) "Cultural Revolution" in Cognitive Science: From Neuroplasticity to Genetic Mechanisms of Acculturation. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya Cultural-Historical Psychology.* 10(3). pp. 4–18. (In Russian). [Online] Available from: https://psyjournals.ru/files/71857/kip 3_2014_falikman.pdf (Accessed: 24th July 2020).
 - 18. Gazzaniga, M.S. (2005) The Ethical Brain. Chicago: Chicago University Press.
- 19. Rose, S. (2006) The Future of the Brain: The Promise and Perils of Tomorrow's Neuroscience. Oxford, UK: Oxford University Press.

- 20. Greene, J.D., Sommerville, R. B., Nystrom, L. E., Darley, J. M. & Cohen, J.D. (2001) An fMRI Investigation of Emotional Engagement in Moral Judgment. *Science*. 293. pp. 2105–2108. DOI: 10.1126/science.1062872
- 21. Sidorova, T.A. (2018) Neuroethics between ethics and morality. *Idei i ideally Ideas and Ideals*. 2(1). pp. 75–93. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-75-99
- 22. Bazhanov, V.A. (2019) *Mozg kul'tura sotsium: kantianskaya programma v kognitivnykh issledovaniyakh* [Brain Culture Society: The Kantian Program in Cognitive Research]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
- 23. Metzinger, T. (2017) *Nauka o mozge i mif o svoem Ya. Tonnel' ego* [The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self]. Translated from German by G. Solovieva. Moscow: AST.
- 24. Arshinov, V.I., Gorokhov, V.G. & Chekletsov, V.V. (2009) Nanoetika konvergentsiya problem sovremennykh tekhnologiy ili prolegomeny k postchelovecheskomu budushchemu? [Nanoethics Convergence of Problems of Modern Technologies or Prolegomena to a Posthuman Future?]. Epistemologiya i filosofiya nauki Epistemology & Philosophy of Science. 2. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/nanoetika-konvergentsiya-eticheskih-problem-sovremennyhtehnologiy-ili-prolegomeny-k-postchelovecheskomu-buduschemu (Accessed: 31st October 2018).
- 25. Grunwald, A. (2015) 15 let etike v oblasti nanotekhnologiy: itogi razvitiya [15 years of ethics in the field of nanotechnology: development results]. In: Chernikova, I.V. (ed.) *Tekhnonauka i sotsial'naya otsenka tekhniki (filosofsko-metodologicheskiy analiz)* [Technoscience and social assessment of technology (philosophical and methodological analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.
- 26. Stepin, V.S. (2013) Nauchnoe poznanie v sotsiokul'turnom izmerenii [Scientific knowledge in the socio-cultural dimension]. In: Stepanyants, M.T. (ed.) *Filosofiya i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada* [Philosophy and Science in the Cultures of the East and West]. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura.

УДК 502,12:1.

DOI: 10.17223/1998863X/56/6

М.Ю. Япевич

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

В статье представлено исследование влияния научных парадигм на специфику экологического сознания в различные периоды развития западной цивилизации. Обосновывается положение о наличии связи между логико-мировоззренческими установками науки и формированием принципов экологического сознания в эпоху модерна и постмодерна. Прослеживается влияние онтологических и эпистемологических установок на формирование особенностей экологического мировоззрения.

Ключевые слова: экологическое сознание, научная парадигма, логико-мировоззренческие установки, экосоциальные отношения.

Социально-природные отношения представляют собой динамично развивающуюся систему, которая постоянно трансформируется в процессе исторического развития и обусловлена воздействием на нее различных факторов: от индивидуальных, социальных потребностей и культурных традиций до специфических познавательных практик и эпистемологических установок, доминирующих в определенную эпоху. Современное состояние социоприродных взаимодействий, характеризующееся кризисом и высоким уровнем опасности, во многом является следствием господствующих мировоззренческих установок, сложившихся под влиянием науки эпохи модерна в западноевропейском обществе.

Наука и распространение ее влияния, как известно, обеспечили оформление особенностей современной цивилизации, сопровождающейся интенсивным научно-техническим прогрессом, модернизацией, индустриализацией, информатизацией, ориентацией на высокий уровень комфорта для человека и др. Развитие и преобладание научной картины мира в западном обществе инициировали становление определенного типа экологического сознания, под влиянием которого, с одной стороны, происходят формирование устойчивого познавательного интереса к природе, увеличение способов взаимодействия с естественной средой, улучшение качества жизни для человека. С другой стороны, это способствовало росту разрушающего воздействия на окружающий мир, появлению глобальных экологических проблем, инициировало череду событий, угрожающих нарушить равновесие между человеком, обществом и природой.

Экологическое сознание является важным элементом системы мировосприятия в обществе и определяет характер экосоциальных отношений, принципы взаимодействия биосферы и человека, стратегию природопользования и понимание реальности в целом. Экосознание представляет собой интеллектуально-духовную предпосылку формирования социальных практик, которые включают экологические знания, понятия, принципы, идеи, теории, нормы, а также устоявшуюся модель экологического поведения. Его проявление обна-

54 М.Ю. Яцевич

руживается в определенных намерениях, действиях, обеспечивая способы взаимодействия природы и человека (освоение и сохранение биосферы, использование ресурсов, нормотворчество, разработка концепции экологической политики и др.) [1–3].

Экологическое сознание является ядром экологической культуры: формирует ценностные установки, моральные и нравственные принципы в практике природопользования, определяет приоритеты в деятельности человека и степень его экологической ответственности. В этой сфере происходит оформление ключевых идей, определяющих смысл и значение действий человека в естественном мире, ставятся цели и задачи, способствующие освоению им материального мира, разрабатываются стимулы и мотивы поступков, а также планы реализации общественных мероприятий, обеспечивающие определенный тип взаимодействия человека с природой.

Экологическое сознание представляет собой систему, особенности которой соотносятся с принципами функционирования индивидуального сознания личности. Так, феномен сознания характеризуется наличием ментальной оппозиции субъекта и объекта, что является источником познавательной деятельности индивида, а также его способности формировать идеальные образы, модели, определяя нормы, ценности, моральные предписания, обеспечивающие реализацию целевых установок и характер взаимодействия с внешним миром. Экологическое сознание является основой осознанного отношения личности, общества к природе и обладает рядом характеристик, которые выражают его сущностные особенности и определяют специфику его конкретных моделей на различных этапах развития общества.

Во-первых, экологическое сознание характеризуется способностью оказывать влияние на систему правил и способов познания, позволяющих получать знания об устройстве природы и протекающих в ней процессах. В свою очередь, экосознание способствует закреплению и развитию определенных эпистемологических практик и парадигмальных установок в обществе.

Во-вторых, экологическое сознание позволяет человеку сформировать представление о себе и своем месте в реальности природы. На этой основе складываются принципы восприятия Себя через Другого (окружающего мира), определяются образцы должного и существующего в отношении с естественной средой, осуществляется ценностное маркирование реальности, устанавливается уровень ответственности человека перед природой. В рамках экосознания происходит разработка актуальной аксиологической структуры, где определяется степень значимости экологических ценностей, обозначается уровень притязаний человека в отношении с природой, устанавливается граница между удовлетворением потребностей и негативным воздействием на биосферу.

В-третьих, экосознание участвует в формировании целостной картины мира, выстраивает идеальную модель отношений между человеком и природой, предлагает стратегию ее реализации. В этой связи определяются цели и задачи в сфере природопользования, а также осуществляется разработка мероприятий, средств и методов экологической деятельности.

Генезис экологического сознания, характерного для техногенной цивилизации, начинается еще в традиционном обществе, но его активное формирование приходится на эпоху модерна и самым тесным образом связано с

возникновением науки. Как подчеркивает В.С. Степин, причины экокризисных отношений «заложены в более глубинных основаниях современного общества. Речь идет о характеристиках, связанных с возникновением и становлением специфического новоевропейского механизма развития культуры» [4].

Возникновение первой научной парадигмы происходит в эпоху Нового времени в условиях трансформации традиционных метафизических представлений об устройстве мира и общества, источником которых являлись логико-мировоззренческие установки античности и средневековья. В условиях смены ориентиров (процессы секуляризации, Реформация, становление протестантской этики, формирование антропоцентристской онтологии, модернизация социальных практик) происходит оформление принципов классического естествознания и закладывается фундамент для развития техногенного общества. В основу описания реальности новоевропейской науки легли идеи, объясняющие мироустройство как единый механизм, состоящий из движущихся материальных атомов, подчиняющихся объективным универсальным законам, лишенный иерархичности, этических смыслов и ценностного измерения. Все ценностно-смысловые различия в природе (что было присуще антично-средневековому миропониманию) в этой картине мира отсутствуют: «любой элемент сотворенной природы в принципе равен, точнее "равночастен" любому другому, и все творение, если его рассматривать отдельно от Творца, – едино, однородно, унифицировано» [5. С. 43]. Это лишало природу сакрального значения и ставило в положение «бездушного» объекта, представляющего собой всего лишь ресурс, источник материальных благ для человека.

Постижение естественных законов предполагало обнаружение причинно-следственных связей в явлениях природы посредством правильно организованной методологии (наблюдения и математического расчета). Способом получения достоверного знания становится экспериментальное исследование, в основе которого лежат контролируемые разумом процедуры наблюдения и измерения. Данная методологическая установка стимулировала не только экстенсивный рост естественнонаучных теорий, но и оформление новой системы взглядов на природу, где окружающий мир теряет свой божественный смысл и становится «большим механизмом», «машиной», постижимой с помощью определенного набора измерительных практик.

Развертывание эмпирической эпистемологии на основе принципов логоцентризма способствовало становлению субъект-объектных отношений, где автономное субъективное сознание познает фрагменты бытия при помощи опыта и логических процедур, создавая теоретические конструкциипроекции, объясняющие и моделирующие окружающую реальность в соответствии со спецификой собственного сознания. При этом субъект, обладающий разумом, не просто открывает законы мироздания, он конструирует реальность в системе теорий, а также инициирует практики, позволяющие извлекать из природы пользу в «промышленных» масштабах.

Особое значение в классической научной парадигме имеет идея прогресса, обосновывающая существование поступательного развития в мироздании на основе механистического движения, принципы которого можно изучить, предсказать и направлять. Учение о прогрессе явилось фундаментом для создания теории эволюционного развития биосферы и стало обоснованием для неогра-

56 М.Ю. Яцевич

ниченного вмешательства человека в естественную среду как необходимого фактора «оптимизации» и «усовершенствования» природных процессов.

На основе принципов классической научной парадигмы складывается антропоцентрическая модель экологического сознания, обеспечившая логи-ко-мировоззренческую платформу для развития техногенной цивилизации и возникновения глобальных экологических кризисов. К основным доминантам антропоцентрического экосознания можно отнести ряд идейно-теоретических и ценностно-ориентационных установок, впоследствии определивших экологические противоречия в современном мире.

Основой *антропоцентрического* экосознания является представление об особом, привилегированном положении человека в природе, который «возвышается» над материальным миром в силу своей мыслительной и познавательной способности. Экспериментальное естествознание ставится во главу эпистемологической практики и рассматривается как единственно верный способ постижения истины и основа для господства человека над природой. Рост научного знания должен был способствовать «покорению» природы, что необходимо для создания совершенного мира, где удовлетворяются все индивидуальные, социальные и материальные потребности человека.

Природа в антропоцентрической картине мира занимает второстепенное значение и рассматривается как всего лишь средство для увеличения человеческого комфорта, безграничный источник ресурсов, существующий для удовлетворения его нужд. Человек как носитель разума должен стремиться к усовершенствованию (рационализации) естественных процессов. При этом сама деятельность человека представляет собой экспансию норм и правил сугубо человеческого (общественного) бытия в природу, что необходимо для преобразования естественных процессов для обеспечения собственной безопасности и «улучшения» жизненного пространства. В этой логике особую роль играет принцип прогрессизма, который в числе прочего ориентирует на безграничное вмешательство человека в экосистему, обосновывает его превосходство над природой и стимулирует потребительское отношение к ее ресурсам.

Создание материальных благ, увеличение экономической эффективности, получения прибыли в условиях роста промышленного производства и рыночной экономики стало важнейшей особенностью антропоцентрической модели. В этой связи в экосознании эпохи модерна утверждается «прагматический императив», который определяет правильным и нормальным то, что приносит пользу и максимальное количество благ человеку. При этом природа мыслится как процесс, который должен быть подчинен целям и задачам человека [2]. Таким образом, естественная среда воспринимается как объект человеческой деятельности, эксплуатации, где целью его взаимодействия с природой является удовлетворение утилитарных потребностей и реализация практических интересов.

Идентификация человека в рамках антропоцентрического экосознания происходит в контексте жесткого противопоставления Себя Природе. Мир Человеческий и мир Природный, как подчеркивает Б. Латур, рассматриваются как сферы реальности, подчиняющиеся законам различного типа: природа – естественным (механистическим), а человек – разумным, социальным, вытекающим из особенностей ментальной сферы. В этой связи человек определя-

ется по картезианской формуле, где он, являясь разумным индивидом, противопоставлен бездушной, протяженной и движущейся материи-природе. Превосходство разума предписывает человеку Нового времени подчинить себе законы естественного мира, т.е. рационализировать их [6]. Это подчеркивает инструментальное отношение общества к природному миру с сильным акцентом на технической составляющей в его преобразовании.

В данной картине мира происходит формирование определенной аксиологической модели, где высшей ценностью становится человек, претендующий на статус «господина» природы, что обеспечивает приоритет интересов индивида над вопросами сохранения окружающей среды. В данной системе к первостепенным ценностям относят: индивидуальность, деньги (богатство), эффективность, первенство, образование (знание) и др. К «третьестепенным» и «несущественным» причисляют: сохранение среды, мир, ответственность, уважение к земле и др. [7]. Этим объясняется отсутствие в обществе модерна значимых, как этических, так и юридических, ограничений в практике природопользования.

Таким образом, новоевропейское научное мировосприятие стало фундаментом для оформления антропоцентрического сознания техногенной цивилизации. Роль «великого модернизатора» отводилась научно-технической революции. Она должна была создать «идеальный мир», где все стихии природы были бы окончательно обузданы, а материальная вселенная подчинена человеку, что определило бы торжество «всеупорядочивающего разума» и контроль над внешним миром.

Однако дальнейшее развитие общества и кризис парадигмальных оснований классической науки поставили под сомнение принципы антропоцентризма в экомировоззрении. Последовавшая эпоха постмодерна началась с разочарования научно-технической революцией, где становятся очевидными деструктивные последствия ряда новоевропейских ориентиров, определивших характер экосоциальных отношений техногенной цивилизации.

В европейской системе миропонимания еще с конца XIX в. начинает наблюдаться трансформация классических онто-эпистемологических и ценностных установок, обусловивших сдвиги как на уровне парадигмальных оснований науки, так и в социальной практике. В этот период оформляется неклассическая модель науки, где представление о реальности опирается на принципы релятивизма и дополнительности, а также утверждается положение о зависимости образа микромира от позиции наблюдателя в процессе познания. Специфика познавательных практик определяется особенностями объекта квантово-механической реальности, которая представляет собой сеть взаимосвязанных событий, включающую субъекта-наблюдателя как элемента наблюдаемой системы [8. С. 50-61]. Возникает необходимость учитывать влияние субъекта на объект исследования в процессе познания, что заставило отказаться от возможности вполне объективного описания реальности и пересмотреть тезис об абсолютном субъекте-наблюдателе, «возвышающемся» над материальным миром. Данная эпистемологическая традиция способствовала формированию идеи о равнозначности внешнего мира и человека, а также равноправия различных теоретических подходов к описанию явлений.

Таким образом, неклассическая картина мира, не допускающая вполне объективного описания природы [9. С. 24–61], уже на парадигмальном

58 М.Ю. Яцевич

уровне инициирует переосмысление антропоцентрической модели реальности, обеспечивая постепенный отказ от центрального положения человека в материальной вселенной. Природа начинает восприниматься как равная человеку и дополняющая его самого через возможность реализации своей деятельности во внешнем мире [1. С. 24–61]. Признание равноценности природы определяет необходимость ответственного отношения к собственным проектам, а также учет последствий своего вмешательства в биосферу, в том числе посредством науки и техники.

Оформление новых теоретико-практических задач послужило стимулом для оформления экоцентрического экологического сознания. Важнейшим приоритетом становится разработка новых принципов природопользования, при этом идет поиск альтернативной модели объяснения материального мира в контексте его взаимосвязи с человеком и спецификой его деятельности.

В середине 60-х гг. наблюдается ряд факторов, способствующих кризису мировоззрения в западном обществе, что проявилось в развертывании глобальных экологических, демографических, социально-политических кризисов с необратимыми деструктивными изменениями в экосистеме. Приходит осознание необходимости преобразования не только технико-технологических процессов, но и ментально-теоретических предпосылок, определивших возникновение глобальных противоречий. В этих обстоятельствах происходит смена парадигмальных оснований науки и намечается трансформация ценностно-ориентационных установок в экосознании цивилизации. Оформление новых мировоззренческих ориентиров складывается под влиянием идей постмодернизма, постпозитивизма, социального конструктивизма, где подчеркивается мысль о социокультурной обусловленности знания, науки, а также негативном влиянии логоцентрической модернистской парадигмы на отношение человека к экосреде [10, 11]. Идеи постмодернизма способствовали развитию принципа экологизма, где общество и человек помещаются в единый контекст с природой и объединяются в единую систему гео-биосоциогенеза. Субъекту Нового времени - «прометееву человеку», возвышающему себя над природой и культурой, противопоставляется исследователь, готовый к взаимодействию с природой на основе принципов со-ответствия, со-причастности и со-размерности человека и экосферы.

В этих условиях наука переживает ряд кардинальных изменений, которые позволяют фиксировать новый этап в ее развитии – постнеклассический. В.С. Степин выделил следующие ее признаки: изменение характера научной деятельности, связанное с революцией в средствах получения и хранения информации; компьютеризация науки; сращивание науки с промышленной сферой; распространение междисциплинарных исследований и комплексных исследовательских программ; повышение значения экономических и социально-политических факторов и целей; открытие самоорганизующихся систем; включение аксиологического момента в состав научных теорий; использование в естествознании методов гуманитарных наук [12].

В качестве доминирующих когнитивных практик в рамках постнеклассической науки выделяются диалоговая и эволюционная модели эпистемологии [13. С. 178]. На их основе происходит оформление принципа равнозначности во взаимодействии человека с внешним миром, стремление к глубокому пониманию сущностных связей между природой и обществом. В диалоговой эпистемологической схеме субъект вступает с объектом в отношение, которое Ю. Хабермас назвал «коммуникативным действием» [14]. Познание, таким образом, здесь является диалогом, актом взаимодействия между миром и человеком, которые представляют единое целое и имеют неразрывную связь друг с другом. В дополнение к этому эволюционная эпистемология рассматривает человека как часть изменяющейся природы, а его познавательные структуры описывает как соразмерные миру, развивающиеся в единстве с ним. Данная эпистемологическая установка определяет процесс познания как равноценные и равнозначные отношения человека и природы. При этом природа рассматривается как собеседник, которому исследователь задает вопросы и формирует ответы, позволяющие узнавать себя (человека, человечество) как часть природы, глобальной вселенной.

В этой ситуации человек является не просто исследователем, наблюдателем мира, но соучастником эволюционного становления вселенной, задавая новые векторы ее развития. Индивид, познающий мир, а также знания, процедуры и инструменты исследования, технологические объекты, сама природа — все является элементами глобальной саморазвивающейся системы. Взаимодействие между ними порождает множество перспектив и вариантов развития событий мирового масштаба, за последствия которых именно человек должен нести ответственность.

Таким образом, экоцентрическое сознание фиксирует современную познавательную ориентацию на понимание себя через природу и природы через изучение собственной сущности, что достигается при использовании комплекса различных (иногда нетрадиционных) принципов и методов познания. При этом особая роль отводится науке, от которой ожидается создание основы для нового типа взаимодействия человека, общества и природы, совмещающей в себе точные знания, целостное восприятие мира, высокие технологии, этические ограничения и экологические нормы.

Происходят изменения и в аксиологической структуре общественного сознания, где в качестве высшей ценности определяется гармоничное развитие человека и природы, представляющие единство в био- и ноосферах [15]. Впервые в программном виде экологические ценности были сформулированы в работах представителей Римского клуба. На первый план были выдвинуты ценности, соответствующие общечеловеческим идеалам о гармонии между человеком и природой, поддержание здоровой окружающей среды, любви к ближнему, социальной справедливости, о равенстве между людьми, толерантности, солидарности во имя мира и социального благополучия для всего человечества [16. С. 224]. Подчеркивается необходимость утверждения гуманистического содержания ценностей нового экзистенциально-экологического порядка, соответствующего представлениям о нравственной и добродетельной природе человека, которая может раскрыться во всей своей полноте в условиях творческого взаимодействия с природой и при бережном отношении к естественной среде. Особое значение придается «экологическому императиву», где «правильным является только то, что не нарушает существующее в природе экологическое равновесие» [17]. Большое внимание также уделяется значению глобализации, развитию биотехнологий, принципам биоэтики, которые рассматриваются сегодня как морально-этический регулятив для современного научно-технического прогресса.

60 М.Ю. Яцевич

Установки и ориентиры неклассического и постнеклассического этапов науки стали теоретической платформой для оформления экоцентрического сознания. Становлению экоориентированного мировоззрения способствовало оформление онтоэпистемологических принципов, сложившихся в постмодернизме, синергетике, эволюционизме, гуманитарном знании, что определило возникновение нового видения отношений между природой и человеком как формы безопасного и взаимовыгодного сосуществования.

Экоцентрическая модель сознания стремится обеспечить успешное решение комплекса различных задач современного бытия и предложить новую мировоззренческую систему, в рамках которой возможно установление бесконфликтных отношений между человеком и природой, сочетание социального и научно-технического прогресса, бережное использование ресурсов естественной среды и обеспечение воспроизводства природных богатств. В процессе природопользования важнейшим признается поддержание баланса между удовлетворением потребностей человека и нуждами всей экосистемы. Природоцентризм становится мировоззренческим основанием современной науки, под влиянием которой формируется экоориентированная модель деятельности человека и разрабатывается стратегия будущего развития цивилизации. На этой основе сегодня происходит развитие сети теоретических и социально-практических проектов, целью которых является создание безопасной среды и обеспечение благоприятных условий для гармоничного сосуществования природы и общества.

В целом развитие науки и экологического сознания является единым взаимосвязанным процессом, становление которого происходит на фоне динамики онтологических, эпистемологических принципов и ценностномировоззренческих ориентиров, характерных для западноевропейского общества. В зависимости от специфики парадигмальных оснований науки в определенную эпоху происходило оформление определенного типа экологического сознания. Так, классическая наука стала источником антропоцентрического сознания с установкой на доминирование человека в окружающей среде, приоритетностью реализации его материальных интересов и потребностей в природопользовании. В неклассической и постнеклассической парадигмах науки оформляется и развивается модель экоцентрического сознания, ориентированного на принципы равнозначного, безопасного взаимодействия человека с природой, определяется необходимость этического отношения к биосфере и установления взаимовыгодного, бережного сотрудничества с окружающей средой. Данный тренд является доминирующим в современной системе мировоззрения западного общества, но при этом далеко не в полной мере определяющим социальные практики и процессы природопользования.

Литература

- 1. Гирусов Э.В. Природные основы экологической культуры // Экология, культура, образование: материалы конф. / отв. ред. Н.М. Мамедов и др. М., 1989. 242 с.
- 2. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Культурно-историческая обусловленность кризиса европейского экологического сознания // Culture and word. 1994, ноябрь. С. 1–2(a).
 - 3. Beck U. Risk society: Towards a new modernity. London: Sage Publications, 1992. 272 p.
- 4. Степин В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 10–21.

- 5. Митченков И.Г. Идеология в контексте экосоциальных отношений. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2002. 184 с.
- 6. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
 - 7. Lepley R. (Ed) Value / A cooperative Inque. Wesport, 1970. 237 p.
 - 8. Капра Ф. Уроки мудрости. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996. 318 с.
 - 9. Гейзенберг В. Физика и философия. М.: Наука, 1989. 400 с.
 - 10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симулиция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
- 11. *Ильин И*. Постструктурализм, деконструкция, постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 252 с.
 - 12. Степин В.С. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1996. 400 с.
- 13. *Черникова И.В.* Динамика науки в западноевропейской культуре // Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки. Кемерово, 2007. С. 173–185.
- 14. *Habermas J.* Religion and Rationality: Essays on Reason, God, and Modernity. Mass.: MIT Press, 2002. 176 p.
 - 15. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 235-244.
 - 16. Лейбин В.С. Модели мира и образ человека. М.: Политическая литература, 1982. 255 с.
 - 17. Pojman L.P., Pojman P. Environmental Ethics. Orlando: Thomson-Wadsworth, 2000. 478 p.

Mariya Yu. Yatsevich, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: maria762003@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 53–62. DOI: 10.17223/1998863X/56/6

ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS UNDER THE FORMATION OF SCIENTIFIC PARADIGMS

Keywords: environmental consciousness; scientific paradigm; logical and ideological grounds; eco-social relations.

The article analyzes the relationship between environmental consciousness and scientific paradigms in the different periods of Western civilization's development. The peculiarities of the influence of classical, non-classical and post-non-classical science on the types of environmental consciousness characteristic of modern and postmodern societies are studied. The idea of the existence of a connection between the logical and philosophical attitudes of the New European (classical) science and the formation of the principles of anthropocentric environmental consciousness that have ensured the formation of the anthropogenic civilization is proved. It is determined that, within the framework of the non-classical paradigm, the theoretical and philosophical foundations of the ecocentric model of environmental consciousness are beginning to take shape. In the post-non-classical era, the model of ecocentrism and worldview orientations directed to the development of the strategy for the safe interaction of nature and man is being formed on the basis of the theories of postmodernism and under the influence of modern cognitive practices. The influence of ontological and epistemological attitudes dominating within the framework of scientific paradigms on the formation of principles of nature management in anthropocentric and ecocentric systems of ecological consciousness is traced.

References

- 11. Girusov, E.V. (1989) Prirodnye osnovy ekologicheskoy kul'tury [Natural foundations of environmental culture]. In: Mamedov, N.M. et al. (eds) *Ekologiya, kul'tura, obrazovanie* [Ecology, culture, education]. Moscow: [s.n.]. pp. 11–18.
- 2. Deryabo, S.D. & Yasvin, V.A. (1994) Kul'turno-istoricheskaya obuslovlennost' krizisa evropeyskogo ekologicheskogo soznaniya [Cultural and historical conditionality of the European environmental consciousness crisis]. *Culture and Word*. November. pp. 1–2(a).
 - 3. Beck, U. (1992) Risk society: Towards a new modernity. London: Sage Publications.
- 4. Stepin, V.S. (1994) Filosofiya i obrazy budushchego [Philosophy and images of the future]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 10–21.
- 5. Mitchenkov, I.G. (2002) *Ideologiya v kontekste ekosotsial'nykh otnosheniy* [Ideology in the context of eco-social relations]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University.

62 М.Ю. Яцевич

- 6. Latour, B. (2006) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern: Essay in Symmetrical Anthropology]. Translated from French by D. Kalugin. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
 - 7. Lepley, R. (ed.) (1970) Value / A cooperative Inque. Wesport: [s.n.].
- 8. Capra, F. (1996) *Uroki mudrosti* [Lessons of wisdom]. Moscow: Izd-vo Transpersonal'nogo Instituta.
- 9. Heisenberg, W. (1989) Physics and philosophy. The revolution in modern science. Moscow: Nauka.
- 10. Baudrillard, J. (2013) Simulyakry i simulitsiya [Simulacra and simulation]. Tula: Tul'skiy poligrafist.
- 11. Ilin, I. (1996) *Poststrukturalizm, dekonstruktsiya, postmodernism* [Poststructuralism, Deconstruction, Postmodernism]. Moscow: Intrada.
- 12. Stepin, V.S. (1996) Filosofiya nauki i tekhniki [Philosophy of Science and Technology]. Moscow: Gardariki.
- 13. Chernikova, I.V. (2007) Dinamika nauki v zapadnoevropeyskoy kul'ture [Dynamics of science in Western European culture]. In: Mitchenkov, I.G., Chernikova, I.V. & Baumgarten, M.I. *Epistemologiya: osnovnaya problematika i evolyutsiya podkhodov v filosofii nauki* [Epistemology: Main Problems and Evolution of Approaches in the Philosophy of Science]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University. pp. 173–185.
- 14. Habermas, J. (2002) Religion and Rationality: Essays on Reason, God, and Modernity. Mass.: MIT Press.
- 15. Vernadsky, V.I. (1991) *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka. pp. 235–244.
- 16. Leibin, V.S. (1982) *Modeli mira i obraz cheloveka* [Models of the world and the image of a person]. Moscow: Politicheskaya literatura.
 - 17. Pojman, L.P & Pojman, P. (2000) Environmental Ethics. Orlando: Thomson-Wadsworth.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 371.64/69

DOI: 10.17223/1998863X/56/7

М.С. Аверков, А.А. Дерябин, А.А. Попов

НАУКА О ДАННЫХ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФИЛОСОФИИ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье описывается место «науки о данных» (Data Science) в образовательных парадигмах. Доказывается возможность осуществить за счет применения методов науки о данных и искусственного интеллекта переход от транслятивной дидактики к дидактике открытых познавательных задач и конструирования онтологических моделей. Анализируются методы работы с данными в образовательном процессе. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

Ключевые слова: Data Science, big data, наука о данных, большие данные, искусственный интеллект, машинное обучение, открытые образовательные задачи, реконструкция и конструирование в образовании, цифровые образовательные навигаторы, цифровые образовательные тренажеры, деятельностный подход к обучению, системы поддержки принятия решений.

Введение

Цифровые системы, обеспечивающие производство и повседневную жизнедеятельность, за несколько последних десятилетий изменили не только экономические и социальные условия, но и базовый способ общения людей между собой, способ воспроизводства и трансформации культурных паттернов и даже базовых символов. Эти обстоятельства задают важные вопросы относительно самой логики и даже онтологии учебно-образовательного процесса и в конечном счете философии этого процесса [1]. Традиционная онтология образования предполагала, что оно реализуется в режиме управляющего действия педагога относительно целеполагания учеников, порядка и материала их деятельности (см.: [2, 3]). Но стремительная цифровизация всех областей жизни и прежде всего образовательного процесса делает более важным управление условиями самостоятельной учебно-образовательной деятельности взрослеющих людей. Оно осуществляется за счет создания «программирующего пространства», позволяющего самостоятельно конструировать образовательные ситуации в условиях максимального наличия необходимых для этого познавательных ресурсов и «аттракторов» для самоопределения [4. С. 181–235].

Для этого процесса ключевым ресурсом становятся такие компоненты современной цифровой среды, как «большие данные» (big data – сверхболь-

шие массивы данных, требующих структурирования и анализа, - как предмет внимания) и «наука о данных» (data science – дисциплина, описывающая подходы, способы, методы разнонаправленной работы с подобными большими массивами данных, - как системно организованный инструмент деятельности) [5]. Именно они обеспечивают фундаментальный социально-эпистемологический переход в сфере образования от непосредственного управления их активностью к созданию базовых, системно организованных условий для того, чтобы обучающийся оформил детерминацию собственных преобразующих действий и освоил управление ею. При этом на сегодняшний день большие данные и наука о данных практически не выделяются из всего массива дистанционных цифровых технологий в образовании. В учебные планы предметов «Информатика» и «Технология» они входят как частные компоненты базового учебного плана, преподаваемые в режиме отстраненном, объективированном. Редко компьютерный анализ данных и машинное обучение позиционируются для учеников в качестве инструмента для решения учебных задач, в том числе проектно-творческого характера [6]. Тем более, они не рассматриваются как факторы, порождающие принципиально новую эпистемологическую парадигму. Притом, что «Data Science» на предельном уровне своих возможностей позволяет оперировать настолько большим объемом знаний, чем это традиционно было присуще «единичному» человеку и даже организованной группе людей, что количество обрабатываемой информации переходит в качество получаемых знаний и принимаемых на их основе решений [7]. А это, в свою очередь, трансформирует представления как о когнитивных возможностях и ограничениях человека, о возможностях рационально организованного преобразования человеком действительности, так и о принципиальных границах познания. Кроме того, способность к познанию и преобразованию действительности уже окончательно перестает быть персональным качеством человека (не важно, врожденным или сформированным), а становится функцией от инвариантно применяемого, «проверенного» инструмента.

В связи с этим должны измениться и философия и социология образовательного процесса, хотя бы на уровне базового предмета. Этим предметом становится не *субъективизированное* учебно-образовательное содержание, транслируемое учителем, и даже не *параметры образовательного пространства*, конструируемые тем же учителем, а *принципы и инструменты работы с информацией*, за счет которых обучающиеся смогут и получить значимые знания, и реконструировать / осмыслить персональную онтологию.

1

Целостный корпус технологий, обеспечивающих возможность интеграции, обработки и осмысления больших массивов разнородных данных в едином коммуникативном поле (в том числе получения данных из максимально возможного количества источников), сложился лишь к концу 2000-х гг. Стартовым моментом считается выход осенью 2008 г. специального выпуска журнала «Nature» под заголовком «Как могут повлиять на будущее науки технологии, открывающие возможности работы с большими объемами данных?». Исходно эта проблема обсуждалась в связи с развитием научных знаний, но сразу же выяснилось, что она является предельно значимой для деловых кру-

гов. Уже в 2010 г. появились первые практико-ориентированные разработки, в 2011 г. понятие big data стало использоваться большинством крупнейших поставщиков информационных технологий для организаций, а в 2013 г. «большие данные» вошли в программы профессиональной подготовки [8].

Значение «больших данных» для системы образования может быть сведено к следующим аспектам:

- 1. Реконструкция и конструирование учебного материала, вмененного для освоения образовательными стандартами (в пределе - конструирование оптимальных учебников для каждого ученика). Это фактически позволяет сделать деятельностные, а не трансляционные формы базовыми и определяющими в образовании.
- 2. Оптимальное конструирование педагогами индивидуальных образовательных программ на основе обработки максимального объема информации о персональных особенностях учеников.
- 3. Прогнозирование дальнейшего учебно-образовательного продвижения конкретного обучающегося.
- 4. Создание для конкретного ученика возможности сконструировать для себя оптимальную образовательную и профессиональную стратегию в результате взаимодействия с рекомендательными системами, использующими анализ больших массивов данных.

В свою очередь науку о данных можно определить как комплекс научных и практических инструментов, обеспечивающих максимально результативную обработку, структурирование, практическое использование «больших данных» [15]. П. Наур так обозначил предмет данной дисциплины: полный «жизненный цикл» большого массива знаний, от генезиса и синтеза до практического использования – капитализации [9]. Закрепление Data Science в качестве социально-экономического инструмента произошло в начале 2010-х гг., когда потребовались интегрирующая парадигма и междисциплинарный инструментальный комплекс для работы с большими данными как новым научным и социокультурным феноменом, а также для получения новых знаний на основе гигантского массива информации [10].

Вскоре проявились социальные и социокультурные последствия данных разработок, в том числе новый запрос к системе образования. В 2012 г. профессия «аналитик данных» (data scientist) была обозначена как одна из наиболее востребованных для непосредственного стратегического управления в организациях, для наращивания их человеческого капитала. Уже с 2013 учебного года университеты в разных частях мира начали магистерскую подготовку в области науки о данных, в том числе включая в эту программу освоение базовых технологий менеджмента. Сегодня дата-аналитики лидируют в списке самых дефицитных и дорогостоящих цифровых специалистов [11].

Отметим главные требования к подготовке специалистов в сфере «науки

- приоритетный характер практической применимости результатов требует специальной работы по формированию компетентностей, связанных с капитализацией знаний;
- работа с такими массивами данных, которые заведомо не могут быть обработаны «вручную», требуют задачного подхода к использованию специ-

ализированных информационных технологий, принципиально разнородны по происхождению и содержанию информации, — *тебует* максимального развития инструментальной компетентности, в том числе оптимально подбирать и комбинировать инструменты в соответствии с задачей;

- необходимость самостоятельно конструировать из «сырых» данных модели как инструменты для решения аналитических задач *тической* компетентности и способности реконструировать собственные основания для совершения продуктивного действия;
- способность работать с базовыми инвариантными информационными единицами на основе универсального математического и цифрового инструментария *требует* развитого абстрактного мышления;
- необходимость использовать в качестве инструментов методологию и материалы принципиально различных предметных областей *требует* развитого системного мышления, задачного мышления, межпредметной аналитики и синтеза.

Значительный массив задач, решаемых с помощью науки о данных и машинного обучения, связан также с предиктивной аналитикой, построением прогнозов развития тенденций. Подготовка специалистов для работы именно в этом направлении заведомо требует «задачного» типа мышления, способности к построению системных моделей и в целом к моделированию. Кроме того, здесь требуется такое сложно формируемое персональное качество, как проспективная рефлексия – способность представлять прямые и отдаленные, многократно опосредствованные последствия действий, совершаемых в данный момент времени (в отличие от экстраполяции настоящего в будущее как более распространенного способа представлять себе это последнее). Но следует еще раз подчеркнуть, что работа с прогнозами – далеко не единственное направление использования науки о данных. Другое дело, что при необходимости формирования у обучающегося проспективной рефлексии может оказаться полезным погрузить его в работу именно с такими видами искусственного интеллекта, которые будут предназначены для конструирования прогнозов.

Как утверждает ряд специалистов по обучению науке о данных, для успешного освоения этой области важны не столько *сложные* познания в области специализированного программного обеспечения, сколько сочетания базисных познаний в этой области со способностью к анализу (см.: [12]). Это означает, что в подготовке дата-аналитиков приоритетное место занимают инструментализованные метапредметные персональные характеристики и способы самоорганизации.

Очевидно, что наука о данных, с одной стороны, *является инструментом* для реализации задачно организованного управления, в том числе собственной жизнью, а с другой стороны, *подготавливает* человека к этой реализации. Кроме того, в силу массового применения наука о данных и машинное обучение *обеспечивают* инновационный процесс, создание новых реалий человеческой жизнедеятельности и формируют («программируют») готовность значительных масс людей к такому процессу.

Еще более разнообразными могут быть функции науки о данных и машинного обучения именно как когнитивного инструментария и «программирующего» фактора в сфере образования [13]:

1. Расширение, структурное усложнение, деятельностно-целевая ориентация учебных возможностей обучающихся:

- возможность получать *базисные* знания в режиме собственного исследования максимального массива актуальных данных, а не заведомо ограниченного и «препарированного» материала из учебников;
- возможность успешно проводить учебные исследования, готовиться к участию в олимпиадах и иных интеллектуальных состязаниях;
- возможность оптимально подбирать учебные тексты и интерактивные учебные материалы для реализации индивидуальной образовательной траектории (ИОТ), прежде всего, в связи с предпочтительной профессиональной сферой и теми требованиями к предметному знанию, которые в ней потребуются.
- 2. Обеспечение для обучающихся новых возможностей самоопределения, построения индивидуальной деятельностной траектории или же моделирования основных сценариев реализации различных персональных траекторий:
- анализ максимально возможного объема возможных вариантов самоопределения в соответствии с исходными потребностями учеников и одновременно потребностями и возможностями рынков труда;
- анализ соответствия персональных компетентностей (и возможной динамики их развития!) потребностям работодателей (в том числе при возможных изменениях ситуации на рынке);
- конструирование персональных стратегий, в том числе оценка условий и ограничений их реализации.
- 3. Создание новых возможностей для гибкого управления учебнообразовательным процессом, прежде всего, для выстраивания индивидуальных образовательных траекторий и программ обучающихся:
- прогнозирование поведения обучающихся в процессе обучения, в том числе за счет конструирования моделей их деятельности в рамках учебного процесса на основе многофакторной информации об их познавательных возможностях, знаниях, поведении, мотивации к учебе, социоэкономических характеристиках;
- выявление оптимальных способов, технологий, методов освоения конкретными учениками той или иной предметной сферы и в связи с этим построение персональных конфигураций данного инструментария;
- обеспечение оптимального контура обратной связи «обучающийся педагог», позволяющей сконструировать оптимальный способ изложения учебного материала, оптимальную структуру образовательной среды, оптимальный режим формирующего воздействия на конкретного ученика.

В этом контексте неблагоприятным является тот факт, что Российская Федерация продвинулась сравнительно недалеко в применении в образовательной сфере науки о данных, машинного обучения, искусственного интеллекта. Это диссонирует с тем обстоятельством, что наша страна обладает значительными методическими и инфраструктурными возможностями в области формального и прикладного математического образования. Тем не менее Россия находится на 48-м месте в Международном рейтинге сетевой готовности (Network Readiness Index 2019) [14]. Причины этого положения связаны с дефицитом кадров и недостаточным уровнем подготовки специалистов, что зафиксировано Министерством экономического развития Российской Федерации в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на плановый период 2018 и 2019 гг. [15]. Формально направление «Искусственный интеллект» и наука о данных как его неотъемлемая часть уже обозначены в качестве значимого направления на всех уровнях образования [16]. Однако их изучение происходит в основном в режиме освоения обобщенной теоретической информации и разрозненных пробных действий учеников, а меры по цифровизации образования сводятся к разнообразным формам дистанционного обучения и цифровым тренажерам, но не к организации учебно-образовательного процесса в режиме пробной самостоятельной работы учеников с большими данными [17].

При этом актуальные исследования показывают, что отечественный рынок труда в ближайшем будущем предъявит значительный спрос на специалистов данных направлений [18].

2

Рассмотрим следующие вопросы:

- за счет каких конкретных образовательных технологий на данный момент *может* быть обеспечено освоение обучающимися *основ* науки о данных, или пропедевтика такого освоения;
- какие разработки в сфере образования (не обязательно цифровые) обеспечивают использование ресурсов науки о данных для перехода от трансляционной парадигмы учебной деятельности к исследовательской и конструирующей (или какие имеются прототипы подобных разработок);
- какие цифровые образовательные разработки, обеспечивающие образовательное, профессиональное, деятельностное самоопределение обучающихся, уже существуют (хотя бы в виде прототипов, в том числе нецифровых); какие подобные разработки возможны и востребованы в современных условиях.

1. Освоение основ науки о данных; пропедевтика работы обучающихся с данными

Выше уже было сказано, что российские учебно-образовательные программы в настоящее время предполагают в большей степени *ознакомление* учеников с наукой о данных в традиционном «трансляционном» режиме. Ряд специалистов считает, что учащиеся общеобразовательной школы не сумеют осваивать данную тему в практико-ориентированном режиме, поскольку это потребует большого объема специализированных профессиональных знаний. Однако другие авторы полагают, что стать квалифицированным специалистом по анализу данных вполне возможно, имея общие знания в сфере информатики, но при обязательном сочетании их с таким типом / способом мышления, который позволит быстро анализировать информацию и выстраивать объяснительные модели в ходе работы с материалом, а не перед началом этой работы. Технологии развития подобного типа мышления известны и широко используются в современном российском образовании (см., напр., [19]). Следовательно, освоение науки о данных в режиме практических проб оказывается вполне возможным.

Проведенный нами анализ позволил выделить следующие практики, в деятельностном режиме обеспечивающие освоение основ науки о данных:

- 1. Проведение «кейс-стади», связанных с решением реальных производственных / разработнических ситуаций, требующих использовать анализ данных. Ученики должны проанализировать реальные проблемные условия, разработать собственные решения, после чего осмыслить их, обсудить, сопоставить с реально принятым решением, выявить достоинства и недостатки реального решения и решений, предложенных ими. Пример: необходимо разработать программу, позволяющую регулярно рассчитывать, сколько денег необходимо загружать в банкоматы в разных городах, чтобы оптимизировать деятельность банка. Данная технология используется в рамках проекта «Академия искусственного интеллекта», реализуемого благотворительным фондом Сбербанка (базовый формат – открытые уроки в общеобразовательных организациях) [20], а также в ходе смен Всероссийского образовательного центра «Сириус» [21]. Эта практика в большей степени направлена на развитие метапредметных, когнитивных и волевых характеристик обучающихся и решение с их помощью значимых производственных / управленческих задач. При этом, на наш взгляд, она нуждается в дополнении в виде краткосрочных практикумов (3-4-часовых сессиях), предполагающих пробное решение задач кейса в режиме непосредственной работы на цифровой платформе в сопровождении наставников.
- 2. Организация практико-ориентированного освоения учениками ключевых программных сред, позволяющих разрабатывать цифровые инструменты для работы с данными. К ним, например, относятся Python и R. (см., напр., [22]). Подобные задачи фактически решаются в ходе уроков информатики в рамках основного учебного плана, выстроенных в режиме пробных программных разработок на данных языках, позиционирующихся как инструменты для решения практических задач.
- 3. Подготовка учениками выступлений на профильных практических конференциях, притом как в рамках направлений, связанных с информатикой и цифровыми технологиями, так и любых других направлений, требующих анализа и моделирования на основе крупных массивов заведомо разнородных данных, а также требующих быстрого извлечения и обработки информации из разных источников. Ряд авторов предлагает подкреплять подобную образовательную активность прослушиванием научно-популярных лекций и / или посещением элективного курса, посвященных технологиям анализа данных (см., напр., [23]).
- 4. Элективные курсы, посвященные как теоретическим проблемам и базовой структуре искусственного интеллекта, так и практическим пробам полученных знаний на типовом («учебном») материале, не имеющем личностно значимого статуса для данных конкретных обучающихся, с освоением необходимых разделов вышеуказанных языков программирования «здесь и сейчас». Элементы такого курса были опробованы в текущем 2017/18 учебном году на спецкурсе для 11-классников в Лицее математики и информатики г. Саратова [24].
- 5. Предметно-компетентностный тренинг по востребованным инженерным специальностям, в ходе которого обучающиеся решают сначала проблемно-онтологическую или методологическую задачу и затем самостоя-

тельно реконструируют на ее основе такую прикладную инженерно-проектную задачу, которая заведомо потребует для своего решения инструментария анализа данных, в том числе сделает необходимым определить конкретные аспекты и направления его применения. Подобным образом была основана система детско-взрослых тренингов по подготовке обучающихся Ханты-Мансийского автономного округа (Югры), реализованная АНО ДПО «Открытое образование» в декабре 2019 г. в 7 населенных пунктах Югры [25].

Все перечисленные прецеденты в большей степени обеспечивают создание условий и мотивации для освоения инструментария науки о данных, а также для формирования / усиления соответствующих метапредметных компетентностей и общих установок, но не образовательные пробы учеников в этом направлении. Непосредственная работа по подбору и использованию цифрового инструментария, не говоря уже о разработке хотя бы его отдельных компонент для решения конкретной задачи, на сегодняшний день не является предметом «педагогизации», т.е. превращения самостоятельной практики в пространство заведомого обеспечения заданных образовательных результатов.

2. Использование данных в качестве ресурса для освоения основных учебных предметов в соответствии с ФГОС

Для организации учебы в залоге открытого деятельностного подхода данные и доступные сегодня инструменты их анализа представляют собой уникальный ресурс, дающий ученикам возможность самостоятельно подбирать материал для изучения в рамках конкретного предмета на основе открытых публикаций и массивов данных в режиме открытой поисково-проектной деятельности. Фактически можно говорить о самостоятельной работе учеников по реконструкции и конструированию учебного предмета. Разумеется, подобная работа должна сопровождаться педагогом-наставником, и ей должна предшествовать реконструкция (объективация) опорных, «стержневых» содержательных компонент изучаемого предмета как одновременно системы научного знания и специально организованного пространства для культурно сообразного самостоятельного действия ученика. Такими содержательными опорами, на наш взгляд, могут быть социокультурные объекты, связанные с соответствующими областями знаний и практики как явления, которые одновременно воплощают в себе объективное человеческое знание о действительности, имеют натурализованное воплощение и одновременно «удерживают» / реализуют общезначимые смыслы, регулирующие деятельность и поведение людей. Значение социокультурного объекта как конституирующей структуры для современного учебно-предметного содержания достаточно подробно описано в работах нашего исследовательского коллектива, посвященных дидактике открытого образования [26].

Традиционно в рамках классно-урочной системы объективные предметно организованные знания о действительности представлялись в форме учебников как специально организованных моделей предметной области и одновременно навигаторов в ней. При этом структура и содержание модели, а значит степень ее соответствия реальной структуре и содержанию сферы познания, зависели (и продолжают зависеть) от компетентности авторовсоставителей учебников, избранной ими методологии, принципа отбора и

компоновки конкретного материала. В таких условиях предметное познание «обречено» на редукцию, а в пределе – на подмену объективных, научно подтвержденных представлений одним из возможных подходов к их интерпретации. Ресурсы публикаций и количественных данных, описанные нами выше, объективно позволяют организовать освоение предметных знаний на основе всего их массива, имеющегося во всемирном цифровом пространстве. В том числе станет возможным задавать оптимальные для себя требования к их структуре и степени доступности, обновлять подобный «персональный виртуальный учебник» при появлении новых представлений и данных в соответствующей предметной области. Фактически речь может идти о создании на основе текстов и данных цифровых ресурсов, позволяющих обучающимся конструировать виртуальные учебники «для самих себя», и далее - о формировании навыка и установки на самостоятельную навигацию в открытом информационном пространстве при решении любых возникающих познавательных задач.

Однако на данный момент нам не удалось выявить специально разработанные цифровые платформы, которые бы позволяли обучающимся самостоятельно конструировать сервисы, обеспечивающие подбор, интеграцию и адаптацию информации и данных по конкретному учебному предмету. Создание подобных инструментов, безусловно, сопряжено со значительными трудностями, в частности, с необходимостью отбора действительно качественных текстов, несущих достоверную информацию и корректные методологические представления о реконструируемой предметной сфере. Другой трудностью является фильтрация текстов, которые одновременно будут высококачественными с точки зрения фактов и методологии и максимально доступными для понимания данным конкретным учеником. Поэтому подобные учебно-образовательные ресурсы, опирающиеся в своем функционировании на данные и инструменты их анализа, являются скорее предметом проектирования. Для этого необходимо, прежде всего, сформировать пакет максимально точных технических заданий, основанных на сложных эпистемологических представлениях, в частности, предполагающих содержательное многообразие анализируемых материалов и возможности освоения такого содержания учениками соответствующего возраста.

Но и сейчас существует значительное количество форм использования данных для решения частных задач персональных реконструкции и конструирования предметных знаний. Ниже мы дадим их краткий обзор.

- 1. Поисковые системы, специально предназначенные для учеников определенного возраста и обеспечивающие их работу с открытыми источниками информации по основным учебным предметам, в рамках решения как чисто учебных задач, так и задач пробно-исследовательских, пробно-проектных. Проделанный нами мониторинг позволил выявить 2 типа подобных систем:
- а) специализированные «детские» поисковые системы, позволяющие не просто найти необходимую информацию, но и сформировать и закрепить в режиме интериоризации устойчивые способы поиска, интеграции, осмысления информации. Стоит отметить, что развивающие функции на сегодняшний день имеются у браузеров, рассчитанных скорее на более младшие возрастные группы: например, «Quintura для детей» [27], предполагающая систему последовательно выстраиваемых «подсказок», позволяющих

дополнительно осмыслить и скорректировать поисковый запрос на каждом шаге. Популярный поисковик, точнее детский интернет-браузер «Гогуль» (http://gogul.tv) [28], скорее обеспечивает контроль родителей над сайтами, посещаемыми детьми, а не оптимальный подбор этими детьми необходимой информации;

- б) самостоятельное проектирование обучающимися систем поиска информации для решения собственных задач. Правда, выявленные нами материалы позволяют говорить скорее о разработке поисковых систем просто как одного из наиболее «понятных» и востребованных подростками цифровых продуктов в рамках образовательных сессий, обеспечивающих пробнопродуктивные действия учеников в сфере сложно организованного программирования [29]. Однако данный опыт может быть продуктивно использован в рамках такой образовательной практики, где самостоятельно разрабоманная поисковая система станет важным ресурсом для решения учениками сложных образовательных задач, например, предполагающих подбор по ключевым словам информации из крупнейших электронных библиотек на различных языках или мониторинг тематических публикаций в социальных сетях.
- 2. Образовательные навигаторы, помогающие обучающемуся найти значимые источники информации для конструирования им *персонально значимых* предметных представлений. Подобные навигаторы вменены национальным проектом «Успех каждого ребенка» как ключевые инструменты успешной индивидуализации образования и максимального развития выдающихся способностей [30]. Но существующие модели подобных навигаторов заметно различаются по типу обрабатываемых данных и характеру обработки:
- часть разработок позволяет реконструировать наиболее важные ресурсы и ограничения обучающегося и формировать оптимальные технические задания для подбора осваиваемых ими учебных материалов;
- *часть разработок* ориентирована на формирование для обучающихся карты образовательных ресурсов и образовательных маршрутов в связи с теми приоритетами, которые *уже* были заданы навигатору педагогами или родителями, но сами не стали результатами сложного анализа большого массива информации [31. С. 9–11].
- В обоих упомянутых случаях образовательные навигаторы являются не опорами / инструментами активности *самих* обучающихся, а скорее инструментарием для педагогов, которые на основании полученных данных формируют конкретные планы и программы действий, после чего вменяют их обучающимся для исполнения. Кроме того, значительная часть таких образовательных навигаторов представляет собой «простой» перечень образовательных ресурсов, актуальных с точки зрения различных содержательных интересов обучающегося [32]. Безусловно, они не имеют никакого отношения к использованию методов и инструментов науки о данных.
- 3. Образовательные пространства, позволяющие обучающимся проектировать на основе данных и средств машинного обучения конкретные приложения для решения соответствующих частных исследовательских задач. Примером здесь могут послужить мероприятия олимпиады «Национальной технологической инициативы». В их рамках ученики получают проблемную задачу в рамках учебного предмета; определяют, какая работа с большими

массивами разнородной информации потребуется для ее решения; применяют средства машинного обучения, например, нейросеть, позволяющую решить данную задачу оптимальным образом. Отметим, что задачи, используемые именно в рамках данной олимпиады, зачастую оказываются связаны не с физико-математическими или естестеннонаучными дисциплинами, с предметами общественно-научного или гуманитарного циклов [33]. В рассматриваемом случае эти задачи носили заведомо исследовательский, а не общепознавательный характер, и ситуация решения была уникальной, связанной с состязанием, а не с реализацией основного учебного процесса. Тем не менее на основе данного прецедента можно утверждать, что обучающиеся вполне способны (разумеется, при сопровождении наставника) разрабатывать модели машинного обучения как познавательный инструмент, а не самоценный продукт. Следовательно, объективно возможным является и постепенная замена «готовых» учебников разработкой самими учениками приложений искусственного интеллекта, позволяющих осваивать стандартизированные предметные знания с использованием всего мирового массива открытых источников.

4. Особняком стоят технологии управления образованием, опирающиеся на использование анализа данных и обеспечивающие новое качество учебнопознавательной деятельности. В основном данные технологии обеспечивают оперативную, гибкую корректировку индивидуальных образовательных маршрутов на основе максимального объема данных об их предпочтениях и возможностях (в том числе информации из социальных сетей). Примером может быть практика разработки дополнительных онлайн-курсов для учеников, «отстающих» при прохождении основного, стандартизированного учебного плана либо требующих особых педагогических технологий для освоения общеобязательных знаний (например, обладающих скорее визуально-образным, чем логическим, мышлением). Такая практика реализуется, например, в начальной школе Рузвельта (Сан-Франциско). Педагоги данной школы решали вышеописанную задачу на основе программы DIBELS [34]. Аналогичные решения были успешно приняты для студентов в Аризонском технологическом университете, где благодаря цифровой платформе Knewton удалось обеспечить гибкое выявление тех учебных тематик, которые оказывались наиболее посильны и актуальны для конкретных студентов на каждом «шаге» образовательного процесса. Это позволило ускорить прохождение годичного курса математики как минимум на один месяц [35]. Как и описанные ранее образовательные навигаторы, данные технологии предназначены для использования не самими обучающимися, а педагогами и работниками управленческого звена. Однако объективно они могут использоваться и в режиме самостоятельного обучения, в том числе самостоятельного конструирования учениками своих образовательных маршрутов.

Как мы могли убедиться, в целом технологии науки о данных в образовании в большей мере помогают подобрать предметы и технологии для ученика, чем стать ресурсом для его собственной пробной деятельности. Они делают образовательную ситуацию «открытой» для учителя, а не для ученика (во всяком случае учитель получает возможность использовать максимальный спектр инструментов и исходить из максимально подробной информации). Но объективно аналитика данных вполне может превратиться в инструменты, используемые самими учениками, и сделать образование действительно *открытым*, т.е., *во-первых*, исходящим из максимального учета всех аспектов персональных возможностей и дефицитов взрослеющего человека; *во-вторых*, позволяющим ему решать максимально возможный круг образовательных задач с опорой на максимально возможный спектр источников; *в-третьих*, самостоятельно, без внешнего управляющего воздействия, принимать решения относительно стратегии и тактики собственного образовательного продвижения. Но для этого потребуются как внедрение новых технологических решений, так и меры по развитию у обучающихся инструментальной компетентности — способности использовать эти системы для целенаправленного решения поставленных задач.

3. Использование искусственного интеллекта и иных инструментов работы с данными в качестве ресурса для организации самоопределения обучающихся

Одним из наиболее сложных вопросов использования науки о данных, машинного обучения и искусственного интеллекта в современном образовании является оценка возможностей этого класса цифровых технологий для организации самоопределения учеников и самостоятельного конструирования оптимальных жизненных стратегий. Ведь сами понятия «большие данные» и «наука о данных» предполагают оперирование данными как объективированным «отражением» существующей действительности, и прежде всего — ее преходящих обстоятельств, а не базовых онтологических и экзистенциальных принципов. А самоопределение, с точки зрения большинства исследователей, является именно онтологическим и одновременно экзистенциальным актом.

Логично было бы предположить, что анализ данных и искусственный интеллект (ИИ) могут быть лишь опорой, вспомогательным инструментом для процессов самоопределения, в частности, обеспечивающим реконструкцию и конструирование «карт» тех сфер деятельности, социальных и социокультурных пространств, в которых должно состояться самоопределение и реализоваться индивидуальная стратегия. В том числе можно говорить и о «динамических» картах, демонстрирующих возможные события на актуальных рынках труда, в целом в социокультурном пространстве и, следовательно, позволяющих обозначить факторы, которые могут проявиться через некоторое время и проблематизировать занятую ранее позицию и принятые решения. Непосредственные педагогические действия все равно должен осуществлять «живой» педагог-наставник.

Однако, на наш взгляд, на основе ИИ могут быть сконструированы цифровые тренажеры самоопределения, «безопасным» образом моделирующие возможные реальные факторы, которые важно учесть в процессе самоопределения, а самое главное — собственное отношение и действия ученика в отношении этих факторов. Существующие компетентностные цифровые тренажеры предполагают сравнительно ограниченный спектр вариантов развития событий, и ученик вполне может его вычислить и под него «подстроиться», что сведет на нет возможность моделирования реальных жизненных обстоятельств, которые всегда формируются неограниченно большим количеством прямых и косвенных воздействующих факторов. Однако если создать такие

тренажеры на основе возможностей ИИ, появится возможность смоделировать максимально возможное количество вероятностей, а кроме того, постоянно изменять те условия, которые тренажер будет предлагать ученику, за счет самообучения данного тренажера. Можно предвидеть возможности, которые именно ИИ может реализовать в качестве поддержки самоопределения ученика на основе максимального массива данных о нем и информации о тенденциях в сферах, значимых для его самоопределения: а) анализ способностей учеников и оформление персональной траектории как строго описанного плана; б) прогноз об успешности / дефициентности выбранной им жизненной стратегии и траектории.

Проделанный нами анализ имеющихся цифровых образовательных ресурсов не позволил выявить «готовые» цифровые образовательные разработки в указанных направлениях. Однако, как и в предыдущем случае, удалось определить программные разработки с опорой на данные, позволяющие решать хотя бы частные задачи, связанные с самоопределением обучающихся и конструированием оптимальной жизненной траектории, притом не только в режиме информационного обеспечения принятия решений, но и в режиме хотя бы приблизительного моделирования собственных действий по реализации этих решений, при наличии ограничений.

- 1. Цифровые ресурсы, обеспечивающие анализ максимально возможного объема возможных вариантов самоопределения, в соответствии с исходными потребностями учеников и одновременно потребностями и возможностями рынков труда. Примерами являются программа CareerChoice GPS (Аргентина) [36]; Государственная информационная система «Навигатор профессий Санкт-Петербурга» [37]. Их безусловными достоинствами является одновременный учет характеристик учеников и характеристик рынков труда, а также при анализе характеристик учеников акцентирование их субъективных желаний и побуждений, а не объективных качеств, используемых силами, «внешними» по отношению к ученикам. При этом на данный момент эти разработки опираются на сравнительно узкий круг источников информации и позволяют сопоставить скорее «специально препарированные» представления о ситуации учеников и ситуации на рынке труда, чем всю совокупность известий о ситуации учеников со всей совокупностью известий о рынке труда.
- 2. Стратегико-тактические компьютерные игры, позволяющие в режиме моделирования оформить оптимальные модели поведения взрослеющих людей, отработать методы решения тех или иных задач, принципы принятия стратегических, персонально значимых решений [38]. Традиционно они рассматриваются как предметы развлечения (хотя по мере закрепления статуса киберспорта как официально признанной интеллектуальной спортивной дисциплины подобные представления перестают быть актуальными). Сюжеты таких игр зачастую весьма условно воспроизводят реальную действительность (обычно это фантастические миры, находящиеся в критической ситуации). Но важно, что они требуют от участников быстрого принятия решений в экстремальных ситуациях, притом в условиях максимально многофакторного воздействия и необходимости просчитывать последствия каждого хода в заведомо более сложной ситуации зависимостей, чем в традиционных настольных играх (шахматы, го и др.). Тот факт, что моделируется не реальная, а максимально условная ситуация, но требующая от человека тех же ан-

тропологических проявлений, что ситуация реальная, притом с максимальной степенью ответственности, становится выигрышным фактором, поскольку говорит о формировании универсальной установки и соответствующей ей способности. Цифровые технологии, лежащие в основе данных разработок, зачастую близки или даже аналогичны ИИ. Но они предполагают обработку информации не о реальных процессах, а о действиях большого количества игроков в течение краткого промежутка времени и о конструировании на основе этого анализа таких обстоятельств, которые заставят игроков на следующем шаге еще лучше (качественнее) продумывать свои действия и мобилизовывать свои самые значимые ресурсы. Но очевиден и дефицит подобных цифровых инструментов: они крайне редко позволяют актуализировать основания для самоопределения, носящие действительно онтологический и экзистенциальный характер. «По умолчанию» предполагается, что эти основания у игрока уже имеются; в конечном же счете для успеха в игре, как и в прохождении подобного ей тренажера, они не оказываются важны. Игра обеспечивает формирование именно инвариантного навыка (точнее, комплекса навыков) по конструированию и реализации стратегии, при том, что основания для нее даны по умолчанию. Данный комплекс навыков является, на наш взгляд, заведомо необходимым, но далеко не достаточным фактором самоопределения. Перспектива развития данных цифровых ресурсов именно как образовательных состоит в том, чтобы, с одной стороны, в максимальной степени воссоздавать изменчивость и многофакторность реальной жизни (в том числе те ее обстоятельства, которые требуют от человека принимать нестандартные решения), а с другой стороны, учитывать максимальное количество личностных характеристик конкретного игрока и за счет этого тренировать не только способность конструировать оптимальную последовательность действий для достижения целей, но и способность ставить цели на основе собственных оснований.

3. Цифровые конструкторы, позволяющие обучающимся смоделировать персонально значимые стратегии или проекты деятельности при максимальном количестве возможных рисков или неучтенных возможностей. На сегодняшний день выявленные нами прецеденты еще фактически не используют ресурсы ИИ и, как и в случае п. 1 данного подраздела, предполагают стандартизированные варианты рисков, сравнительно узкий спектр затрудняющих обстоятельств, предлагаемых в качестве «ответа» на решения, представляемые учениками (см., напр., [39]). Однако, как и во многих предыдущих случаях, при сочетании подобного концептуального решения с возможностями ИИ окажется возможным максимально приблизить данный конструктор к реальной жизни по разнообразию предлагаемых им вероятностей и одновременно по естественной интеграции этих вероятностей в локальные и глобальные тенденции. Обучающиеся, использующие данный цифровой ресурс, смогут в максимальной степени испытать свою готовность к корректировке собственных планов в связи с непредвиденными обстоятельствами и даже в связи с кардинальным изменением условий деятельности. Разработка подобных образовательных тренажеров, на наш взгляд, является важным направлением цифровых разработок в сфере образования.

На сегодняшний день фактически отсутствуют конкретные образовательные цифровые разработки, которые бы в полной мере использовали ре-

сурсы анализа данных и ИИ для решения задач самоопределения. Существующие аналоги позволяют либо умозрительно рассчитывать степень приемлемости той или иной сферы, либо тренировать и закреплять успешные инвариантные навыки, позволяющие обеспечить реализацию того или иного самоопределения (при широком спектре типов этого самоопределения). Перспективным направлением разработок в данном направлении может считаться цифровой тренажер для разработки индивидуальной стратегии и для моделирования ее реализации в изменяющихся обстоятельствах. Проблемнотеоретическим на данный момент остается вопрос о возможности обеспечивать на основе анализа данных процесс оформления персональных оснований для самоопределения, а также реконструировать другие принципиальные для этого процесса явления (прежде всего социокультурные объекты), поскольку в этом случае ИИ должен будет генерировать не совокупное (синтезированное) знание или вероятностные отклики на принимаемые решения, а совокупное содержательно-ценностное отношение обучающегося к окружающей действительности на основе информации о его частных проявлениях.

Заключение

Проделанный нами анализ подтверждает изначальную гипотезу о том, что данное направление цифрового развития меняет базовые педагогические парадигмы в системе образования и в целом меняет базовые представления об информации как предмете целенаправленной активности человека. Эти новые представления, в свою очередь, побуждают пересмотреть ряд традиционных философских, гносеологических и даже онтологических представлений. Ранее было неопровержимым фактом, что обработка информации является прерогативой нескольких специализированных общественных институтов (образование, СМИ и т.д.) и «частный» человек заведомо не компетентен в этой сфере. С появлением и постепенной массовизацией средств анализа данных как взрослому человеку становится возможным самостоятельно составлять свое представление о событиях и процессах, происходящих в мире, так и обучающемуся реконструировать базовую картину этого мира. Традиционные для эпистемологии виды и методы познания дополняются цифровыми «опорами» в виде искусственного интеллекта и трансформируются в связи с этими опорами. В частности, одним из методов персонального познания все в большей степени становится способность формулировать задачу и выделять ключевые показатели, которые позволят составить адекватное техническое задание для программы. С другой стороны, с точки зрения социальной философии человек в еще большей степени автономизируется от больших общностей, притом автономизируется не на формальном, а на фундаментальном уровне. Наконец, с точки зрения онтологии вся действительность начинает становиться совокупностью проектов и программ, реализуемых в системе ограничений, а не внешне заданной системой условий, которые заведомо должны проецироваться на деятельность конкретного человека, в том числе проектно организованную.

Данные представления в целом совпадают с ключевыми положениями философии открытого образования [40. С. 34–143, 201–219] и хорошо описываются такими базовыми категориями дидактики открытого образования, как социокультурный объект, конструирование, образовательная задача, практическое мышление, онтопрактики, подробно описанными в работе А.А. Попова и С.В. Ермакова «Дидактика открытого образования» [41]. Репрезентация какой бы то ни было «готовой» картины мира, в том числе соответствующей признакам «научности», уже становится недостаточной для действительно объективного или хотя бы объективированного познания действительности. При этом никто не отменяет необходимость конституирующего, «стержневого» элемента, обеспечивающего структурирование знаний и опору для познавательной деятельности – и такими элементами в случае открытого образования становятся социокультурный объект и онтопрактики. Новая когнитивная реальность, формируемая расширяющимся использованием науки о данных и искусственного интеллекта, предполагает именно конструирование вместо «освоения» и «усвоения» (фактически «отражения», говоря языком старой гносеологии); именно образовательные задачи вместо «учебных заданий» и «предметов освоения»; именно практическое мышление вместо формальной логики.

Мы можем уверенно утверждать, что наука о данных и искусственный интеллект на сегодняшний день являются принципиально значимыми ресурсами для открытых деятельностных форм образования, поскольку:

- а) позволяют подбирать и интегрировать максимально широкий круг предметной информации и в результате обеспечивать освоение учебных предметов на максимально объективированном уровне, создавая как максимально полное и точное представление о соответствующем сегменте действительности, так и отношение к соответствующему кругу явлений как к основанию / ресурсу для персонально значимых решений и действий по их осуществлению; этот момент касается как освоения фундаментальных предметных знаний, так и формирования персональных метапредметных компетентностей;
- б) обеспечивают максимальные содержательно-технологические возможности для конструирования обучающимися как индивидуальных образовательных стратегий / программ, так и учебно-познавательных ресурсов, обеспечивающих их реализацию (в пределе разработку систем ИИ, позволяющих заменить учебник по предмету оперативным подбором и комбинированием новейшей информации, размещенной в открытом доступе);
- в) создают хотя бы потенциальные возможности для максимально точного и достоверного моделирования ситуации осуществления учениками своих образовательных и профессиональных стратегий как с точки зрения объективных обстоятельств, сопутствующих реализации данных стратегий, так и с точки зрения создания для учеников возможностей максимально усилить персональные способности решать сложные стратегическо-управленческие задачи;
- г) в целом формируют у обучающихся представления о значимости максимально широкого спектра источников данных и информации при принятии решений и организации собственной деятельности.

Эти результаты и эффекты внедрения методов науки о данных и ИИ в сфере образования заведомо обусловливают смену ее базовой эпистемологической и, далее, онтологической парадигмы. За счет этого внедрения образование уже заведомо на базисном технологическом уровне дает возможность для самообразования, для превращения реконструкции и конструирования

представлений о предмете и в целом учебно-исследовательской деятельности из «внеурочной», «элитарной» деятельности в компонент базового учебного процесса. В целом система образования благодаря данным технологиям может быть переосмыслена и из системы «истолковывания» окружающей действительности превратиться в систему «осмысления и практического применения неограниченного массива данных» об этой действительности.

При этом для действующего педагогического сообщества дисциплина «Наука о данных» фактически не представлена как ресурс. Большинство педагогов рассматривает ее в качестве «самодостаточного» предмета изучения в рамках учебных областей «Информатика» и «Технология», но не как ресурс для организации целостного учебно-образовательного процесса. Это подкрепляется тем фактом, что и конкретные цифровые образовательные продукты лишь в ограниченном масштабе используют технологии обработки

Для окончательного превращения науки о данных в общеупотребимый инструмент учебно-образовательного процесса, на наш взгляд, необходимо принять следующие меры:

- 1. Обеспечить в рамках предметов «Информатика» / «Технология» обучение основам науки о данных и машинному обучению, обязательно связывая этот процесс с решением сложных познавательных задач из иных учебных предметов.
- 2. Интегрировать имеющиеся цифровые технологии структурирования и анализа больших данных в виде единой платформы, позволяющей ученику реконструировать осваиваемый учебный предмет и конструировать для самих себя оптимальный подбор материалов по его освоению.
- 3. Усовершенствовать имеющиеся цифровые инструменты управления индивидуальными образовательными траекториями так, чтобы их могли использовать не только педагоги, но и обучающиеся в режиме конструирования индивидуальных образовательных траекторий и программ.
- 4. Разрабатывать на основе существующих стратегико-тактических компьютерных игр цифровые тренажеры самоопределения и конструирования индивидуальных траекторий.
- 5. Создать прототип цифрового образовательного тренажера, который бы позволял моделировать реализацию персонально значимых целей ситуации, исходя из возможностей и ограничений ученика.

Литература

- 1. Климов А.А., Заречкин Е.Ю., Куприяновский В.П. Влияние цифровизации на систему профессионального образования // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2019. Т. 15, № 2. С. 468–476. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsiina-sistemu-professionalnogo-obrazovaniya (дата обращения: 01.04.2020).
- 2. Бурдъе П. О символической власти // Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
- 3. Чернобай Е.В., Кузнецов А.А. Кризис классно-урочной системы при переходе школы на ФГОС нового поколения // Педагогика. 2015. № 2. С. 19–26.
- 4. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А.Ю. Уваров, Э. Гейбл, И.В. Дворецкая и др.; под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 343 c.
- 5. Журавлёва Е.Ю. Эпистемический статус цифровых данных в современных научных исследованиях // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 113–123.

- 6. *Мамедова Г.А., Зейналова Л.А., Меликова Р.Т.* Технологии больших данных в электронном образовании // Открытое образование. 2017. № 6. С. 41–48.
- 7. Журавлёва Е.Ю. Эпистемический статус цифровых данных в современных научных исследованиях // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 113–123.
- 8. Корнев М.С. История понятия «большие данные» (big data): словари, деловая и научная периодика // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. С. 81–85.
- 9. *Одинец В.П.* Появление названия дисциплины «Компьютерные науки» веление времени // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 1: Математика. Механика. Информатика. 2016. Вып. 1 (21). С. 58–68.
- 10. Вичугова А. Data Science // Школа больших данных: электрон. науч.-метод. журнал. URL: https://www.bigdataschool.ru/wiki/data-science (дата обращения: 31.03.2020).
- 11. *Линькова Н.В., Козлова Е.И*. Образование и развитие кадров как один из инструментов выполнения программы «Цифровая экономика» // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 1 (35). С. 214–219.
- 12. Data science наука о данных, как стать data scientist с нуля. 25.10.2019 // «Future 2 Day»: про Интернет вещей для Интернета людей: электрон. журнал. URL: https://future2day.ru/data-science/ (дата обращения: 29.03.2020).
- 13. *Гвозденко Е.В., Ищенко А.А., Пилипенко А.В.* Большие данные в системе образования // Международный студенческий научный вестник. 2019. № 5 (ч. 1). URL: https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19731 (дата обращения: 03.04.2020).
- 14. Network Readiness Index 2019 Analysis. URL: https://networkreadinessindex.org/nri-2019-analysis/ (дата обращения: 27.03.2020).
- 15. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации (официальный сайт). URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/98577e833c30 a1ac63a1b8058825fe71/prognoz2018 2020.pdf (дата обращения: 27.03.2020).
- 16. Цифровизация в приоритете модернизации российского образования. 20.04.2018 // Edutainme: электр. журнал. URL: http://www.edutainme.ru/post/tsifrovizatsiya-v-prioritete-modernizatsii-rossiyskogo-obrazovaniya/ (дата обращения: 30.03.2020).
- 17. *Кудлаев М.С.* Процесс цифровизации образования в России // Молодой ученый. 2018. № 31 (217). С. 3–7. URL: https://moluch.ru/archive/217/52242/ (дата обращения: 12.04.2020).
- 18. *Рынок* труда аналитиков и Data Scientists. 31.05.2019 // Хабр: электр. журнал. URL: https://habr.com/ru/company/netologyru/blog/454320/ (дата обращения: 07.04.2020).
- 19. *Соломонова Т.П.* Формирование аналитических умений старшеклассников // Вестник ОГУ. 2010, май. № 5 (111). С. 36–38.
- 20. Академия искусственного интеллекта для школьников. При поддержке Сбербанка. URL: https://ai-academy.ru/ (дата обращения: 31.03.2020).
- 21. *Большие* данные и машинное обучение в когнитивных и социальных науках. 9–21 апреля 2020 // Сириус: образовательный центр. Электр. информ. ресурс. URL: https://sochisirius.ru/obuchenie/graduates/smena602/2915 (дата обращения: 01.04.2020).
- 22. Программа элективного курса по информатике, 10–11 класс: «Язык Python: основы программирования» // Социальная сеть работников образования «Наша сеть». URL: https://nsportal.ru/sites/default/files/2018/02/13/python_elektiv_10-11_klass.pdf (дата обращения: 28.04.2020).
- 23. ИИ, школьник и большие призовые: как в 8 классе заняться machine learning. 04.04.2019 // Хабр: электр. журнал. URL: https://habr.com/ru/company/sberbank/blog/446660/ (дата обращения: 28.04.2020).
- 24. Лицей математики и информатики: живем настоящим, думаем о будущем. URL: http://lmi-school.ru/obrazovanie (дата обращения: 31.03.2020).
- 25. Образовательный модуль в рамках реализации дополнительной общеобразовательной программы технической направленности «Большие вызовы». 13.12.2019 // ЛГ MAOУ COIII № 5: Интернет-сайт образовательной организации. URL: https://lang5.hmaoschool.ru/site/pub?id=126 (дата обращения: 06.06.2020).
- 26. Попов А.А. Категория «содержания» в дидактике открытого образования: конструирование социокультурного объекта // The scientific method. 2018. № 17. С. 39–49.
- 27. «Quintura для детей» визуальная поисковая система для детей. URL: http://www.irdir.in-fo/ru/ext/dir-resource/6682/ (дата обращения: 03.04.2020).
- 28. Детский браузер «Гогуль». URL: https://xn--c1aayk0a9c.xn--p1ai/ (дата обращения: 01.04.2020).

- 29. Курс инфопоиска на Зимней Пущинской школе: учим старшеклассников создавать поисковые системы. 23.04.2018 // Хабр: электр.журнал. URL: https://habr.com/ru/company/mailru/blog/353932/ (дата обращения: 29.03.2020).
- 30. Паспорт федерального проекта «Успех каждого ребенка». URL: http://xn--80aavcebfcm6cza.xn--p1ai/upload/iblock/bd5/Uspekh-kazhdogo-rebyenka- obnov.-red .pdf обращения: 27.03.2020).
- 31. Мерцалова Т.А., Горбовский Р.В., Петлин А.В. Навигаторы дополнительного образования детей: этапы развития, разнообразие и функциональность / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 28 c.
- 32. Зеер Э.Ф., Журлова Е.Ю. Навигационные средства как инструменты сопровождения освоения компетенций в результате реализации индивидуальной образовательной траектории // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 3. С. 77-93.
- 33. Олимпиада НТИ: кружковое обучение. Задачники прошлых лет // Олимпиада «Национальной технологической инициативы». Электр. цифр. pecypc. URL: https://nti-contest.ru/problembooks/ (дата обращения: 31.03.2020).
- 34. Пять способов применить BigData в образовании. 12.11.2015 // Edutainme: электр. журнал. URL: http://www.edutainme.ru/post/big-data-edu/ (дата обращения: 01.04.2020).
- 35. Володко О. Адаптивное обучение, Или несколько слов о Knewton. 29.11.2014 // Хабр: электр. журнал. URL: https://habr.com/ru/company/newprolab/blog/244539/ (дата обращения: 04.04.2020).
- 36. Hansen E. Career Guidance A resource handbook for low- and middle-income countries // Swedish Council for Higher Education: Electr. Inf. resource. URL: https://www.uhr.se/globalassets/syv/webbibliotek/utbildning-och-arbetsliv/career guidance.pdf (дата обращения: 02.04.2020).
- 37. Городская информационная система «Навигатор профессий Санкт-Петербурга» «Пробуй себя во всем!». URL: https://profinavigator.ru/ (дата обращения: 26.03.2020).
- 38. Корчемная Н.В. Киберспорт в образовательных и досуговых практиках современной молодежи // Вестник Костромского государственного университета. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 4. С. 211–214.
 - 39. Конструктор жизни. URL: https://www.constructorlife.ru/ (дата обращения: 30.03.2020).
- 40. Попов А.А. Открытое образование: философия и технологии. 3-е изд-е. М.: URSS, 2016. 256 c. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37111118 (дата обращения: 27.03.2020).
- 41. Попов А.А., Ермаков С.В. Дидактика открытого образования. М.: Национ. кн. центр, 2019, 264 c.
- Mikhail S. Averkov, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Krasnoyarsk Regional Resource Center for Work with Gifted Children (Krasnoyarsk, Russian Federation); Sibirskiy Dom, Krasnoyarsk Regional Youth Public Organization (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: mgolota@yandex.ru

Andrey A. Deryabin, Federal Education Development Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation).

E-mail: deryabin-aa@ranepa.ru

Alexander A. Popov, Federal Education Development Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); Moscow City University (Moscow, Russian Federation); Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: popov-aa@ranepa.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiva. Sotsiologiva. Politologiva – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 63-84.

DOI: 10.17223/1998863X/56/7

DATA SCIENCE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS TOOLS FOR THE PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE PHILOSOPHY OF OPEN EDUCATION

Keywords: data science; big data; artificial intelligence; machine learning; open educational tasks; reconstruction and construction in education; digital educational navigator; digital educational simulator; activity-based approach to learning; decision support systems.

The authors consider the actual role of data science, big data, and artificial intelligence in the system of contemporary education, primarily in open educational practices. The authors put forward and test the hypothesis that data science and artificial intelligence can and should be not only objects of study but also new tools of educational activity at first hand. Moreover, these tools should be used by students themselves for complete and systematic selection of their study materials and for the formation of personal strategies. The authors relied on materials that describe the direct use of elements of data science and artificial intelligence in the educational process (reports, interviews, etc.), on descriptions of prospective digital developments that can be re-oriented toward educational problems, on educational technologies that can become prototypes for developments in the field of data science and artificial intelligence. The following methods were used in the research: content analysis, systemgenetic and structural-content analysis, modeling of cognitive and social processes, forecasting. The study was conducted in the following mode: (1) research on basic theoretical ideas about data science and artificial intelligence, as well as ideas about their actual and potential social and sociocultural effects; (2) a primary study of practices of using these disciplines in the education system; (3) building of a hypothetical model of educational practice based on data science and artificial intelligence; (4) selection and analysis of materials about existing educational practices based on large amounts of data and complex software; (5) assessment of the advantages and disadvantages of existing digital educational resources; (6) modeling/forecasting of possible and necessary digital educational tools based on data science and artificial intelligence. As a result, the following conclusions were made: (1) currently, data science and artificial intelligence are being mastered in the Russian school in the mode of abstract knowledge, without instrumentalization; (2) objectively, data-driven and AI-driven educational complexes can be created that allow students to replace textbooks by constructing sets of materials on standardized educational topics, as well as educational simulators that support students' decisions about educational and life strategies in changing conditions; (3) currently, data analysis and artificial intelligence are used to organize educational activities and students' self-determination only at the level of separate components: search engines, educational navigators, machine learning-based applications that process student training data, simulators of meta-subject competencies, tools for analyzing students' psycho-social traits, etc.

References

- 1. Klimov, A.A., Zarechkin, E.Yu. & Kupriyanovsky, V.P. (2019) Effects of Digitalisation on the System of Vocational Education and Training. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie Modern Information Technologies and IT-education*. 15(2). pp. 468–476. (In Russian). DOI: 10.25559/SITITO.15.201902.468-476
- 2. Bourdieu, P. (2007) Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya. pp. 87–96.
- 3. Chernobay, E.V. & Kuznetsov, A.A. (2015) Krizis klassno-urochnoy sistemy pri perekhode shkoly na FGOS novogo pokoleniya [The crisis of the classroom-lesson system during the transition of the school to the new generation FSES]. *Pedagogika*. 2. pp. 19–26.
- 4. Uvarov, A.Yu., Geybl, E., Dvoretskaya, I.V. et al. (2019) *Trudnosti i perspektivy tsifrovoy transformatsii obrazovaniya* [Difficulties and prospects of digital transformation of education]. Moscow: HSE.
- 5. Zhuravleva, E.Yu. (2012) Epistemicheskiy status tsifrovykh dannykh v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh [Epistemic status of digital data in modern scientific research]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 113–123.
- 6. Mamedova, G.A., Zeynalova, L.A. & Melikova, R.T. (2017) Big data technologies in e-learning. *Otkrytoe obrazovanie Open Education*. 6. pp. 41–48. (In Russian). DOI: 10.21686/1818-4243-2017-6-41-48
- 7. Zhuravleva, E.Yu. (2012) Epistemicheskiy status tsifrovykh dannykh v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh [The epistemic status of digital data in modern scientific research]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 113–123.
- 8. Kornev, M.S. (2018) The history of the term "Big data". Dictionaries, academic and business periodicals. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya RSUH/RGGU Bulletin: Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies.* 1(34). pp. 81–85. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-6355-2018-1-81-85
- 9. Odinets, V.P. (2016) Poyavlenie nazvaniya distsipliny "Komp'yuternye nauki" velenie vremeni [The emergence of the discipline name "Computer Science" is the imperative of the time]. Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya 1. Matematika. Mekhanika. Informatika. 1(21). pp. 58–68.
- 10. Vichugova, A. (2020) *Data Science*. [Online] Available from: https://www.bigdata-school.ru/wiki/data-science (Accessed: 31st March 2020).

- 11. Linkova, N.V. & Kozlova, E.I. (2019) Education and development of staff as one of the tools of implementation of the program "digital economy". Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiva i sovershenstvovaniva. 1(35), pp. 214–219. (In Russian).
- 12. Future2day.ru. (2019) Data science nauka o dannykh, kak stat' data scientist s nulva [Data science data science, how to become a data scientist from scratchl, 25th October, [Online] Available from: https://future2day.ru/data-science/ (Accessed: 29th March 2020)
- 13. Gvozdenko, E.V., Ishchenko, A.A. & Pilipenko, A.V. (2019) Bol'shie dannye v sisteme obrazovaniya [Big data in the education system]. Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik. 5(1). [Online] Available from: https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19731 (Accessed: 3rd April 2020). DOI: 10.17513/msnv.19731
- 14. Portulans institute. (2019) Network Readiness Index 2019 Analysis. [Online] Available from: https://networkreadinessindex.org/nri-2019-analysis/ (Accessed: 27th March 2020).
- 15. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2018) Prognoz sotsial'noekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na 2018 god i na planovyy period 2019 i 2020 godov [Forecast of social and economic development of the Russian Federation for 2018 and for the planning period of 2019 and 2020]. [Online] Available from: https://www.economy.gov.ru/material/file/98577e833c30a1ac63a1b8058825fe71/prognoz2018 2020.pdf (Accessed: 27th March 2020).
- 16. Edutainme. (2018) Tsifrovizatsiya v prioritete modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya [Digitalization in the priority of modernizing Russian education]. 20th April. [Online] Available http://www.edutainme.ru/post/tsifrovizatsiya-v-prioritete-modernizatsii-rossiyskogo-obrazovaniya/ (Accessed: 30th March 2020).
- 17. Kudlaev, M.S. (2018) Protsess tsifrovizatsii obrazovaniya v Rossii [The process of digitalization of education in Russia]. Molodoy uchenyy – Young Scientist. 31(217). pp. 3–7. [Online] Available from: https://moluch.ru/archive/217/52242/ (Accessed: 12th April 2020).
- 18. Khabr. (2019) Rynok truda analitikov i Data Scientists [Labor Market Analysts and Data Scientists]. 31st May 2019. [Online] Available from: https://habr.com/ru/company/netologyru/ blog/454320/ (Accessed: 7th April 2020).
- 19. Solomonova, T.P. (2010) Formirovanie analiticheskikh umeniy starsheklassnikov [Formation of analytical skills of high school students]. Vestnik OGU. 5(111). pp. 36–38.
- 20. Academy of Artificial Intelligence for Schoolchildren. Official website. Supported by Sberbank. [Online] Available from: https://ai-academy.ru/ (Accessed: 31st March 2020).
- 21. Sirius Educational Center. (2020) Bol'shie dannye i mashinnoe obuchenie v kognitivnykh i sotsial'nykh naukakh [Big data and machine learning in the cognitive and social sciences]. April 9–21, 2020. [Online] Available from: https://sochisirius.ru/obuchenie/graduates/smena602/2915 (Accessed: 01.04.2020).
- 22. "Nasha set" Social Network of Educators. (2018) Programma elektivnogo kursa po informatike, 10-11 klass: "Yazyk Python: osnovy programmirovaniya" [The program of an elective course in computer science, Grades 10-11: "Python Language: Programming Basics"]. [Online] Available from: https://nsportal.ru/sites/default/files/2018/02/13/python_elektiv_10-11_klass.pdf (Accessed: 28th April 2020).
- 23. Khabr. (2019) II, shkol'nik i bol'shie prizovye: kak v 8 klasse zanyat'sya machine learning [AI, a school student and big prize money: how to do machine learning in Grade 8]. 4th April. [Online] Available from: https://habr.com/ru/company/sberbank/blog/446660/ (Accessed: 28th April 2020).
- 24. Lyceum of Mathematics and Informatics. (n.d.) Zhivem nastoyashchim, dumaem o budushchem [We live in the present, think about the future]. [Online] Available from: http://lmischool.ru/obrazovanie (Accessed: 31st March 2020).
- 25. LG MAOU SOSh № 5. (2019) Obrazovateľnyy moduľ v ramkakh realizatsii dopolniteľnoy obshcheobrazovateľnoy programmy tekhnicheskoy napravlennosti "Boľshie vyzovy" [Educational module as part of the implementation of an additional general educational program of technical orientation "Big Challenges"]. 13th December. [Online] Available from: https://lang5.hmaoschool.ru/site/pub?id=126 (Accessed: 6th June 2020).
- 26. Popov, A.A. (2018) Kategoriya "soderzhaniya" v didaktike otkrytogo obrazovaniya: konstruiro-vanie sotsiokul'turnogo ob"ekta [The category of "content" in the didactics of open education: the construction of a sociocultural object]. The Scientific Method. 17. pp. 39–49.
- 27. Irdir.info. (n.d.) "Quintura dlya detey" vizual'naya poiskovaya sistema dlya detey ["Quintura for Kids" is a visual search engine for kids]. [Online] Available from: http://www.irdir.info/ru/ext/ dir-resource/6682/ (Accessed: 3rd April 2020).
- 28. Russia. (n.d.) Detskiy brauzer "Gogul" [Children's browser "Gogul"]. [Online] Available from: https://xn--c1aayk0a9c.xn--p1ai/ (Accessed: 1st April 2020).

- 29. Khabr. (2018) *Kurs infopoiska na Zimney Pushchinskoy Shkole: uchim starsheklassnikov sozdavat' poiskovye sistemy* [Course of information search at the Winter Pushchino School: we teach high school students to create search engines]. 23rd April. [Online] Available from: https://habr.com/ru/company/mailru/blog/353932/ (Accessed: 29th March 2020).
- 30. Russia. (n.d.) Pasport federal'nogo proekta "Uspekh kazhdogo rebenka" [Passport of the federal project "Success of every child"]. [Online] Available from: http://xn--80aavcebfcm6cza.xn--p1ai/upload/iblock/bd5/Uspekh-kazhdogo-rebyenka- obnov.-red .pdf (Accessed: 27th March 2020).
- 31. Mertsalova, T.A., Gorbovsky, R.V. & Petlin, A.V. (2018) *Navigatory dopolnitel'nogo obrazovaniya detey: etapy razvitiya, raznoobrazie i funktsional'nost'* [Navigators of children's supplementary education: stages of development, diversity and functionality]. Moscow: HSE.
- 32. Zeer, E.F. & Zhurlova, E.Yu. (2017) Navigation aids as tools to support the development of competences in the conditions of realization of individual educational trajectory. *Obrazovanie i nauka The Education and Science Journal*. 19(3). pp. 77–93. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2017-3-77-93
- 33. NTI. (n.d.) *Olimpiada NTI: kruzhkovoe obuchenie. Zadachniki proshlykh let* [NTI Olympiad: hobbie group. Problems of the past]. [Online] Available from: https://nti-contest.ru/problembooks/(Accessed: 31.03.2020).
- 34. Edutainme. (2015) *Pyat' sposobov primenit' BigData v obrazovanii* [Five ways to use BigData in education]. 12th November. [Online] Available from: http://www.edutainme.ru/post/big-data-edu/(Accessed: 1st April 2020).
- 35. Volodko, O. (2014) *Adaptivnoe obuchenie, ili neskol'ko slov o Knewton* [Adaptive learning, or a few words about Knewton]. 29th November. [Online] Available from: https://habr.com/ru/com-pany/newprolab/blog/244539/ (Accessed: 04.04.2020).
- 36. Hansen, E. (n.d.) Career Guidance A resource handbook for low- and middle-income countries. Swedish Council for Higher Education. [Online] Available from: https://www.uhr.se/glo-balassets/syv/webbibliotek/utbildning-och-arbetsliv/career guidance.pdf (Accessed: 2nd April 2020).
- 37. St. Petersburg Navigator of Professions City Information System. (n.d.) *Probuy sebya vo vsem!* [Try yourself in everything!]. [Online] Available from: https://profinavigator.ru/ (Accessed: 26th March 2020).
- 38. Korchemnaya, N.V. (2017) Cybersport in educational and leisure practices of modern youth. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokineti-ka – Vestnik of Kostroma State University Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 4. pp. 211–214. (In Russian).
- 39. Constructorlife.ru/. (n.d.) *Konstruktor zhizni* [Constructor of life]. [Online] Available from: https://www.constructorlife.ru/ (Accessed: 30th March 2020).
- 40. Popov, A.A. (2016) *Otkrytoe obrazovanie: filosofiya i tekhnologii* [Open Education: Philosophy and Technology]. 3rd ed. Moscow: URSS. [Online] Available from: https://elibrary.ru/item.asp?id=37111118 (Accessed: 27th March 2020).
- 41. Popov, A.A. & Ermakov, S.V. (2019) *Didaktika otkrytogo obrazovaniya* [Didactics of Open Education]. Moscow: Natsi-on. kn. Tsentr.

УДК 165.2

DOI: 10.17223/1998863X/56/8

В.А. Бажанов, А.Г. Краева

МУЗЫКА ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ БИОКУЛЬТУРНОГО СО-КОНСТРУКТИВИЗМА 1

В статье под углом зрения концепции биокультурного со-конструктивизма анализируется феномен музыкально-слухового восприятия и показывается, что культура возбуждает определенные музыкально-художественные слуховые паттерны, закрепленные в структурах мозга, которые играют важную роль в когнитивных процессах, связанных с музыкальным творчеством, и оказываются важными компонентами целостной системы «мозг-социум-культура», особенно на начальных этапах развития человека. Здесь эти паттерны играют роль предъязыка в процессе онтогенеза. Они же выступают предпосылками восприятия и препарирования реальности, понимание природы и механизмов функционирования которых возможно в формате прочтения идей И. Канта об априоризме в контексте современной нейронауки, имея в виду трансцендентализм деятельностного типа.

Ключевые слова: биокультурный со-конструктивизм, музыкально-слуховые паттерны, априоризм, трансцендентализм, музыкально-слуховой импринтинг.

Природа музыкального творчества и эмоциональное воздействие музыки издавна привлекают внимание исследователей. Еще Аристотель включал познание природы музыки, ввиду ее способности оказывать влияние на этическую сторону души, в число наиболее сложных нерешенных проблем. Довольно длительный период каких-либо прорывов в исследованиях музыки в аспекте ее когнитивного потенциала не наблюдалось. Ситуация стала заметно меняться лишь примерно с конца XX – начала XXI в., когда революционные открытия в области культурной нейронауки поставили задачу коренного пересмотра фундаментальных основ природы и когнитивных оснований совокупности духовных практик, в том числе искусства. Культурная нейронаука стремится осуществить синтез натуралистической методологии естественных наук о мозге и социо- и культуроцентристских по своему характеру представлений, лежащих в основе социальных и гуманитарных наук.

Были обнаружены факты, позволяющие говорить о нейродетерминации культуры и в то же время аккультурации мозга, глубокой взаимообусловленности естественной и социальной траекторий эволюции человека, подводящей к мысли об имманентной целостности системы «мозг—социум—культура». Это ставит нетривиальные вопросы о механизмах взаимодействия мозга человека и социума, который является носителем той или иной культуры, в том числе художественной когнитивной деятельности. Цель статьи—анализ тех факторов, благодаря которым культура эксплицирует определенные музыкально-художественные слуховые паттерны, закрепленные в струк-

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 19-011-00007а «Проблема синтеза натурализма и социоцентризма в когнитивных исследованиях: истоки и значение для эпистемологии и философии науки» (Бажанов В.А.) и грант № 19-011-00118а «Инкорпорация идей нейронауки в эпистемологию искусства: генезис, когнитивные основания и значение для философии науки» (Краева А.Г.).

турах мозга, и выяснение того, какие роли эти паттерны играют в когнитивных процессах, связанных с музыкальным творчеством.

В данной работе под углом зрения концепции биокультурного со-конструктивизма [1], настаивающего на холистическом подходе к системе «мозг-социум-культура», проводится анализ процессов, связанных с функцио-нированием нейронных механизмов детерминации культуры посредством функции музыкально-слухового импринтинга. Каковы онтогенетические и нейробиологические основания музыкальности, какова роль музыкальнослухового импринтинга в обозначении основополагающих предпочтений той или иной этнической музыкальной ментальности? Какие факторы сделали музыку важной частью жизни едва ли не любого народа? Как связаны между собой естественные языки и языки музыкальные? Каким образом открытие механизмов музыкально-слухового импринтинга позволяет интерпретировать деятельность субъекта художественного творчества?

Заслуживает специального упоминания тот факт, что ключевые идеи нейроэстетики, сформулированные крупнейшим британским теоретиком, нейробиологом С. Зэки, в целом соответствуют духу кантианского априоризма, когда место трансцендентального субъекта занимает человеческий мозг, сформированный в определенной культуре и функционирующий в ней, играя активную роль в процессе формирования эстетического опыта [2. Р. 91; 3]. Эстетический опыт в целом и музыкальное творчество в частности могут быть осмыслены в представлениях деятельностного трансцендентализма, адаптирующего соответствующие идеи И. Канта к эмпирическим данным, полученным в современной нейронауке, и в целом соответствующие такой новой области исследования, как нейромузыкология [4].

Интонационно-знаковые паттерны как априорные когнитивные элементы

Нейроэстетика исходит из положения о том, что именно музыкальные способности человека, из всей совокупности видов художественных способностей, в значительной степени обусловливают степень эффективности работы интеллекта, практически всех его когнитивных функций [5. Р. 31; 6].

В наиболее универсальном понимании интеллект – это сложный нейрофизиологический механизм, обладающий способностью интегрировать весь психический опыт и инструментарий субъекта для осуществления его эффективной приспособляемости к постоянно меняющимся природным и социокультурным условиям. В подавляющем большинстве работ, посвященных изучению сущности, структуры и этапов формирования интеллекта, данный феномен объединяет все когнитивные способности индивида. Однако нейронаука ставит вопрос о существовании изначально «заданных», в определенном смысле априорных представлений субъекта на этапе начального онтогенеза (в пренатальный и постнатальный периоды), а также конкретных механизмах экстраполяции этих представлений в познавательной деятельности на всем временном континууме оптимально функционирующей психики и интеллекта. На самом раннем этапе онтогенеза, когда субъект еще не владеет никакими способами сохранения и осмысления происходящего вокруг (в пренатальный) и в опыте (постнатальный период), каналами формирования таких априорных генетически врожденных программ могут быть и являются

повторяющиеся знаково-символические структуры: аудиально-двигательные — материнский «фольклор», в котором повторяющиеся интонации и повторяющиеся пестующие или качающие движения прокладывают следы психосенсорного опыта и закладывают потребности в его воспроизведении и в психомоторной имитации, а позже — визуальные, где фактор времени формируется вслед за движением взгляда поочередно от фрагмента к фрагменту, — всевозможные орнаменты, со временем обретающие для младенца символическое значение. При этом именно моменты «узнавания», т.е. те, в которых минимальные интонационно-слуховые или двигательно-образные структуры повторяются и варьируются, и формируют стержень интеграции, генерации и развития интеллектуальных ресурсов ребенка.

Стоит предположить, что в период раннего онтогенеза интонационнознаковые модели в развитии интеллектуальных, когнитивных структур трудно переоценить, по крайней мере, в их языковой основе, поскольку это закреплено культурно во всех цивилизациях. Кроме того, это единственный (кроме тактильного) канал коммуникации матери и младенца. А значит, механизм интонирования, музыкальная интонация как первооснова музыки являются фундаментом, на который впоследствии опираются навыки вербального и абстрактного мышления. Таким образом, именно музыка, а точнее лежащая в ее основе интонационная природа уникальна и незаменима никакими иными когнитивными инструментами, а в период раннего онтогенеза является единственным доступным и эффективным способом реализации цели когнитивного, интеллектуального развития - способом накопления и формирования врожденных генетических паттернов, которые впоследствии, в процессе взаимодействия с социокультурной средой, обусловливают качественные характеристики не только всей совокупности когнитивных способностей человека, но и его мировоззренческий тезаурус. Кроме того, именно музыкальный интеллект (согласно многоуровневой системе интеллекта Г. Гарднера [7]) во многом несет ответственность за формирование эвристического потенциала музыкально-когнитивных способностей относительно иных видов когнитивных видов активности - логико-математического, лингвистического и др., а также за неординарные способности человека к различным видам искусства, качественные элементы которых как бы закодированы в музыкальных интонациях, в звучании музыки, что обусловлено пространственными эффектами музыки, ее колористическими свойствами, архитектоникой и особенностями фактуры.

Когнитивные функции музыки как предъязыка в процессе онтогенеза

Эмпирические данные современных исследований в нейронауке свидетельствуют в пользу того, что музыкальность как когнитивная способность уже с рождения свойственна всем без исключения детям, а значит, музыка — это неотъемлемая фундаментальная врожденная (при отсутствии явных патологий) способность мозга «воспринимать звуки» и придавать им определенную эмоциональную и смысловую окраску. При этом феномен звука в результате волновой вибрации возникает только в случае опосредования этих вибраций слуховой системой и определенными нейронными механизмами всей системы мозга.

Ряд ученых придает исключительное значение органам слуха и нейропсихологическим особенностям мозга воспринимать звуки как в пренатальный, так и постнатальный периоды развития человека [8]. Даже в предсмертные часы человеческий мозг с помощью слуховых органов способен воспринимать музыкальные и акустические сигналы, когда прочие каналы, связывающие человека с окружающим миром, уже для него фактически закрыты [9. С. 29].

Долгое время считалось, что асимметрия полушарий головного мозга выражается в доминирующей роли левого полушария с его аналитическим, вербальным, логическим мышлением и временными характеристиками окружающего мира, а правого полушария – с пространственным восприятием окружающей среды, эмоциональным, чувственно-конкретным, образным ее восприятием, правое полушарие улавливает, прежде всего, мелодию - эмоциональное, чувственно-аффективное начало в музыке, а левое – ритм – структурирующее, формообразующее ее начало [10. С. 13-14], причем эти полушария находятся в «пластической», гомологической взаимозависимости [11. Р. 143]. Однако исследования последних лет показывают то, что на самом деле мозг представителей различных культур (условно говоря, западной и восточной) даже морфологически различен [12. Р. 8] и затрачивает усилия нескольких своих секторов и нейронных центров вне фактора преобладания какого-либо полушария с тем, чтобы из совокупности звуков и акустической информации «получить» музыкальное восприятие («переживание»). Изучая то, как мозг распознает отдельные составные части музыки и воссоздает из них художественные структуры той или иной степени целостности, нейробиологи наблюдают процессы активности нейроструктур посредством методов функциональной магнитно-резонансной томографии, позитронно – эмиссионной томографии, метода вызванных потенциалов, транскраниальной магнитной стимуляции как у профессиональных музыкантов, музыкантовдилетантов и вообще людей, не имеющих какой-либо музыкальной подготовки. Они пришли к выводу, что мозг не имеет единого «музыкального центра», который, как ранее предполагалось, располагается лишь в правом полушарии мозга: при прослушивании музыки человеком нейроны активизируются по всему объему мозга [13. С. 164].

Человеческий мозг воспринимает музыку еще до рождения, в пренатальный период, что придает ей когнитивную функцию своего рода «предъязыка». Принято выделять два сенситивных периода, когда такое влияние обладает наибольшей интенсивностью — в предродовой (перинатальный) период и в период от 3 до 5 лет [14. С. 18]. Именно в эти периоды под действием социокультурных факторов на генетически обусловленные «коды» в структурах мозга формируются культурно-этнические музыкально-слуховые модули, определяющие ментальную принадлежность индивида к определенной социально-этнической группе, ее культуре, а также предпосылки для будущих музыкальных предпочтений.

Еще до рождения ребенок постоянно испытывает влияние звукового фона, который состоит из совокупности *паттернов слуховой стимуляции*. Каждый язык обладает качеством интонационной окрашенности, а также свойственными только ему темпом, динамикой, метроритмом, звуковысотной организацией и архитектоникой в построении определенных языковых единиц (например, фраз). Имеется принципиальная разница между процессом слушания, который представляет собой нейропсихологический процесс восприятия сенсорной информации, целью которого является придание ей смысла, и слуха как пассивного восприятия звука. А. Томатис одним из первых стал утверждать, что зародыш слышит голос своей матери, начиная с восемнадцатой недели беременности, и что ухо посредством слушания звуков играет основную роль в когнитивном развитии человека [8]. Внутриутробное слушание является определяющим для чувственного и эмоционального развития. Поэтому отоларингология и психология органично связаны, что позволяет разрабатывать терапевтические методы помощи детям с патологиями нарушения внимания и успеваемости. В результате нормализуются речь, контроль над эмоциями, координация и моторика, минимизируются нарушения аутистического спектра. Это позволяет считать А. Томатиса родоначальником аудиопсихофонологии.

Поскольку слуховая система человека функционирует еще в процессе внутриутробного онтогенеза, формируя генетически врожденные программы, то она включают просодические элементы материнской речи, ее голос; дети в период перинатального онтогенеза и уже новорожденные распознают именно чувственно-эмоциональную окраску тона голоса матери [15; 16. С. 181–182]. При этом четко фиксируется взаимосвязь восприятия тонов просодической информации с двигательными реакциями: «...в пренатальный период (за 1,5-2 месяца до рождения) основной формой проявления музыкальности [детей] была двигательная реакция (толчки) на бодрую, ритмичную музыку, звучащую достаточно громко, к примеру, на сонату до мажор А. Хачатуряна. И, наоборот, толчки уменьшались, и ребенок утихал при звучании «сладкой грезы» П. Чайковского. Подобная реакция именно на эти произведения сохранялась и в постнатальный период [16. С. 181]. С нейробиологической точки зрения музыкально-слуховое восприятие дает импульс двигательномоторным функциям мозга благодаря наличию и действию зеркальных нейронов, которые начинают активно функционировать при «восприятии» звука и являются реакцией слуховой системы мозга на интонационные стимулы. Сенсомоторные реакции в силу «работы» зеркальных нейронов обычны при восприятии музыки [17. Р. 184–185]. Музыка воспринимается как бы всем телом, вызывая соответствующие сенсомоторные движения. Это положение лежит в основании понимания музыки и особенностей ее эмоционального потенциала с точки зрения энактивизма [18. Р. 2].

Эмпирические данные, полученные при исследовании восприятия музыкально-слуховых импульсов, позволяют предположить, что эти нейроны играют важнейшую роль при обучении языку и ответственны за эмпатию, сопереживания. Процесс слушания и наслаждения музыкой сопровождается выработкой окситоцина. Это же происходит при увлеченном занятии танцами, а наиболее интенсивно окситоцин вырабатывается в наивысшей форме психической концентрации — при впадении в транс. Действия зеркальных нейронов при восприятии музыки, вызывающей чувство удовольствия, сопровождаются активностью эмоциональных структур неокортекса и когнитивных центров мозга, отвечающих за формирование образов. Центральной структурой в головном мозге, определяющей удовольствие от восприятия музыки, является прилежащее ядро, а его основным нейромедиатором — до-

фамин, который при этом начинает выделяться организмом в повышенном количестве [19]. Более того, дофамин продуцируется интрамуральными нейронами сердца, что, вероятно, необходимо для стимуляции сокращений неиннервированного сердца еще в эмбриональном периоде.

Совокупность таких просодических языковых элементов в процессе онтогенеза преобразуется в некие генетически врожденные программы. В дальнейшем эмоционально-чувственная реакция на одни и те же просодические обороты, например, процесс импринтинга в связи с действием механизмов аккультурации [20. Р. 382–383], объясняет различия между младенцами и детьми более старшего возраста, которые заключаются в освоении ими тональной шкалы музыкальной системы той или иной этнической культуры. Именно благодаря такому сложному взаимодействию онтогенетических и социокультурных процессов и формируются устойчивость и необратимость восприятия специфических интонаций музыкального языка «своего» этноса.

Музыка и язык имеют единое нейрофизиологическое основание, которое необходимо для освоения человеческого языка и языкового понимания [21. Р. 12]. Более того, поскольку музыкально-слуховые реакции и вызванные функцией зеркальных нейронов двигательные реакции первичны относительно языковых и зафиксированы еще до рождения, то при отсутствии функции мозга «воспринимать» музыку – музыкальности в широком смысле, мы, вероятно, не были бы в состоянии научиться говорить, овладеть языком [22. Р. 21–22; 23]. Естественные языки и музыка оказываются теснейшим образом связанными между собой на глубинном уровне нейрофизиологических процессов, хотя до совсем недавнего времени их единство еще считалось условным. «Музыка взаимосвязана с языком намного теснее, чем ранее предполагали», утверждает С. Кёльш [24. Р. 375]. В одном из своих исследований, направленных на исследование нейропсихологических причин музыкальных предпочтений, С. Кёльш проводил исследования с помощью томографа со студентами, которые никогда не получали музыкального образования и не были обучены игре на музыкальных инструментах. Он проигрывал аудитории аккорды, чередуя те, которые имели правильную гармоническую архитектонику, с неправильно с точки зрения гармонии выстроенными аккордами. Аппаратура зафиксировала следующее: как только студенты слышали «неверные» аккорды, то в состояние возбуждения приходили те же самые области мозга, которые отвечают за грамматические ошибки в предложении. В то время как искаженное предложение активировало, прежде всего, левое полушарие мозга, ошибочные аккорды вызывали нервные импульсы в обоих полушариях головного мозга. Результаты измерений потоков мозга (с помощью электроэнцефалограммы головного мозга) подтвердила магнитнорезонансная томография [Ibid. P. 377]. Как структурные ошибки в предложении, так и ошибки в аккордах вызывают наибольшую активность нейроструктур в зоне Брока (в течение примерно 180 миллисекунд после прослушанного переживания), который выполняет функции языкового центра мозга [25. Р. 27].

То, что ранее рассматривалось как проявление одной из высших музыкальных способностей – абсолютный слух, наличие которого предполагалось только у наиболее одаренных людей, современные нейрофизиологи и психологи уже считают врожденной музыкально-слуховой способностью («встроены камертоном»). Абсолютный слух – это способность безошибочно распознавать и воспроизвести голосом любую из около 70 различных нот в средней части слухового регистра. Сегодня подавляющее большинство исследователей, занимающихся проблемой гениальности и одаренности, придерживается того мнения, что абсолютный музыкальный слух является фактором и генетической, и средовой обусловленности. Музыкальность от природы свойственна абсолютно каждому человеку за некоторым исключением. Музыкальные занятия в раннем онтогенезе помогают в совершенстве развить абсолютный слух, а сама способность встречается чаще у представителей Юго-Восточной Азии, чем у европейцев [24. Р. 379]. Причину этого несходства связывают с тем, что первые еще до рождения слышат, а в постнатальный период учатся говорить на так называемом «тональном» языке, в котором высота и протяженность звука особенно важны для различения слов. Так происходит в корейской, китайской, тайской, вьетнамской и японской культурах, а также языках народов Западной Африки и Латинской Америки [26. C. 150-151].

При молекулярно-генетическом обследовании обладателей абсолютного слуха и синестезии удалось выделить участок на одной из хромосом, ответственный за взаимосвязь этих двух качеств. При установлении нуклеотидной последовательности возможных так называемых генов-кандидатов данного сегмента ДНК выяснилось, что люди с абсолютным слухом и синестезией являются носителями редких мутаций гена ЕРНА7, который кодирует специфический фермент, играющий важную роль в дифференциации нервной ткани и способности активизации различных зон в развивающемся мозгу ребенка [27].

В современной нейронауке существует и другая точка зрения, согласно которой наличие у большинства людей латентного абсолютного слуха не считается исключением. Дж. Шаффран трактует эту способность как функцию мозга, которую младенцы в период пренатального и постнатального онтогенеза используют как когнитивный инструмент, навыки которого со временем, будучи не востребованными, рационально «исключаются», утрачиваются мозгом [28]. Таким образом, младенцы рождаются отнюдь не с «tabula rasa», а обладают весьма развитыми музыкально-слуховыми навыками. Именно с помощью абсолютного слуха (способности достаточно точно лоцировать высоту звуков без соотнесения с предварительно прослушанными и заранее известными звучаниями) они обнаруживают в родном языке своеобразные музыкально-слуховые клише (паттерны) просодического типа как содержательные образцы, что помогает им в освоении родного языка. Это своего рода когнитивные схемы, которые делают вообще возможным познавательный процесс, подходящие, вероятно, для всех видов научения - как музыке, так и языку [29]. В постнатальный период и период младенчества регулярные музыкальные упражнения инициируют образование определенных нейронных связей, которые ассоциируют звуки с языковыми сигналами [30]. Отсюда можно заключить о существовании единых механизмов генерации музыкальных и языковых когнитивных функций в процессе онтогенеза [31. Р. 194]. Язык – это самый комплексный когнитивный продукт человеческой духовности, предполагающий сложнейшую взаимную детерминацию

биологических, нейропсихологических, физиологических, т.е. естественных и социокультурных факторов познавательных процессов.

Музыкально-слуховой импринтинг как нейрогенетический механизм формирования музыкальной ментальности

Какие нейропсихологические механизмы, с точки зрения нейронауки, делают этнические музыкальные предпочтения, которыми, как показывают данные современных исследований, каждый человек наделен априорно, такими устойчивыми? В нейроэстетике принято считать, что у представителей определенного этноса значительную роль в процессе накопления и аккумуляции первоначальных музыкально-слуховых ассоциаций — генетических врожденных программ — выполняет музыкально-слуховой импринтинг, феномен, который является, вероятно, одним из наиболее проблемных узлов генетического подхода к развитию когнитивных способностей человека.

В самом широком смысле слова понятие импринтинга было предложено в исследованиях К. Лоренца по этологии и зоопсихологии в качестве описания специфической формы обучения, связанной с запечатлением в памяти признаков объектов при формировании или коррекции врожденных поведенческих актов животных и человека [32]. Импринты — это «отпечатки», возникающие в процессе раннего онтогенеза, а импринтинг — это нейрофизиологический механизм, который превращает образы, впечатления, в том числе и музыкально-слуховые просодические паттерны в устойчивые поведенческие структуры. Учитывая схожесть психики детей и психики животных, исследования импринтинга распространились и на сферу исследования когнитивных механизмов и онтогенеза мозга человека.

Активизация импринтов в мозге человека обусловлена наличием в нем генетических врожденных программ, которые функционируют в течение достаточно короткого времени. При этом отличие импринтинга от процесса обучения в том, что такие «включения» импринтов и их устойчивое необратимое усвоение осуществляется фактически однократно, без повторений. Механизм слухового импринтинга запущен и «работает» в течение ограниченного периода времени, обычно лишь на самых ранних стадиях постнатального развития мозга человека.

Что касается музыкально-слухового импринтинга, то именно его наличие объясняет образование этнических музыкальных модулей, а также первичных музыкально-слуховых предпочтений. Речь идет о врожденных нейронных механизмах, которые обеспечивают при восприятии интонаций звучаний взаимодействие с накопленным запасом музыкально-слуховых интонаций языка, генетически врожденных программ — своего рода «неявного знания» с просодическими и музыкальными интонациями своего этноса. Тем самым формируется не только музыкально-этнический тезаурус человека, но и генерируются предпосылки всей культурно-художественной составляющей мировоззрения личности, включая и художественные предпочтения.

Успешность восприятия музыки в контексте культуры обусловливается богатством фонда этого «неявного знания», которое служит инструментом «расшифровки» поступающих в мозговые центры музыкальных сигналов и когнитивным механизмом распознавания интонационного словаря своей этнической группы. Поэтому представитель китайской культуры на генетиче-

ском уровне идентифицирует пентатонические или гептатонические обороты, а для представителя арабской культуры «своей» станет диатоника с присущими именно ей тонкой интервальной хроматикой и мелизматикой. Такое «неявное знание», по мнению У. Доулинга, уже существует к моменту рождения, и его формирование особенно активно протекает на заключительных этапах предродового и начальных этапах постнатального развития ребенка [15]. Механизм слухового импринтинга, закладывающего необратимые, фундаментальные музыкально-слуховые качества ментальности человека, происходит в процессе акустического психорезонанса, при котором элементы «неявного знания» консонируют с характеризующими конкретную этническую группу музыкальными интонациями. При этом определенные клетки коры головного мозга «считывают» частоту волн, порождаемых колебаниями звука, в определенном диапазоне [33. С. 142]. Данный механизм формирует принадлежность человека к определенной музыкально-этнической группе, адсорбируя и накапливая музыкально-слуховые представления, которые человек получает в течение всей своей жизни относительно «своих» интонаций, и дифференцирует иные этнические интонации. Более того, можно говорить о корреляции социального поведения детей с их музыкальными вкусами: дети с большей охотой общаются с теми сверстниками, которым нравятся те же песни, что им самим, фактически тяготея к той же социальной группе, к которой принадлежат [34. Р. 115].

Одним из проявлений музыкального импринтинга, а следовательно, важным для изучения нейропсихологических механизмов формирования этнической музыкально-слуховой идентичности, а также музыкальных предпочтений представляется феномен аудиации, который считается фундаментальным механизмом развития музыкально-слуховых когнитивных способностей в музыкальной теории обучения американского нейрофизиолога и музыканта Э. Гордона. Под аудиацией он предлагает рассматривать «внутреннее понимание и реализацию музыки», т.е. процесс мысленного интонирования, слышания, представления музыки при наделении музыкальных интонаций определенным содержанием. Это область понятий и представлений, которая касается понимания особенностей звучания и мышления в категориях значений, содержащихся в музыкальных структурах. Музыкальная аудиация для музыкантов является аналогом мышления для речи [35].

Основываясь в своих выводах на многолетней практике в области музыкальной педагогики и психологии, Э. Гордон предполагает, что данный процесс наиболее активен в конце пренатального периода, т.е. еще до рождения, и до подросткового возраста. Аудиация в процессе освоения музыки проходит этапы (потенциалы), которые характерны для процесса овладения родным («материнским») языком. Здесь можно выделить два вида потенциала — развивающийся и стабилизированный. Развивающийся потенциал появляется как следствие раскрытия внутреннего потенциала (т.е. генетически врожденных программ) на основе влияния музыкальной среды на ранних этапах постнатального периода. Стабилизированный потенциал проявляется в возрасте около девяти лет и с этого времени соответствует внутреннему музыкальному потенциалу человека, на который воздействия внешней среды уже не оказывают большого влияния. Дети этого возраста и старше уже в состоянии реализовать путем обучения только те способности, которыми они уже

обладают в результате своего стабилизированного музыкального потенциала. Если внешняя социально-культурная музыкальная среда не благоприятствовала развитию музыкальности ребенка в его раннем детстве, то его базовые музыкальные способности предпочтения остаются на низком уровне развития, и такой человек испытывает определенные трудности в освоении сложных музыкальных навыков и умений, а также, как правило, интеллектуально не восприимчив для элитарной музыкально-художественной культуры [35]. Наличие подобного нейрофизиологического механизма подтверждают и другие эмпирические исследования [24].

Период импринтинга, в течение которого влияние музыки на формирование и созревание мозга максимально, четко фиксируется дважды: в предродовой период и в период от трех до пяти лет [14, 36, 37]. Благодаря механизму музыкально-слухового импринтинга формируются определенные культурно-эстетические музыкальные модули, представляющие собой совокупность музыкально-слуховых паттернов, включающих в себя интонационные, ладовые, ритмические, фактурные элементы, из которых складывается музыкальная ментальность. Их генезис детерминирован системой сложнейших взаимосвязей блока генетических и нейропсихологических механизмов, формирующих когнитивные способности человека в виде паттернов слуховой стимуляции, а также генетически врожденных музыкально-слуховых программ и процессов аккультурации (того же музыкально-слухового импринтинга).

Слуховой импринтинг оказывается важным элементом процесса формирования средовой укорененности познания (embedded cognition), инкорпорирующего человека в целостную систему «мозг—социум—культура», в которой происходят аккультурация мозга и нейродетерминация культуры.

Вместо заключения

Таким образом, генетические программы, образованные всей совокупностью паттернов слуховой стимуляции, воспринятых мозгом как в пренатальный, так и в постнатальный периоды онтогенеза, выполняют роль априорных, генетически предзаданных музыкально-слуховых когнитивных элементов. Это те врожденные нейронные механизмы, которые позволяют не только осознавать принадлежность к определенной этнической группе, но и воспринимать музыку как механизм осмысленного и «направленного» когнитивного процесса, формирующего человека как представителя определенной культуры. Данные механизмы обеспечивают константность музыкально-слуховых предпочтений представителя того или иного этноса, а также характер (качество) музыкальных вкусов представителя определенной социальной группы. Тем самым появляется возможность осмысления когнитивных процессов, связанных с музыкальным творчеством и его восприятием в терминах деятельностного трансцендентализма. Культура воспроизводит себя посредством различных видов деятельности, включая музыкальную; с одной стороны, определенные нейроструктуры (модули) являются врожденными, а с другой – некоторые нейроструктуры формируются (в формате, например, «импринтинга») и / или видоизменяются в результате той или иной деятельностной активности. И те и другие, между тем, выступают предпосылками восприятия и препарирования реальности, отсылая исследователей их механизмов к прочтению идей об априоризме И. Канта в контексте современной нейронауки. Музыка оказывается важным компонентом целостной системы «мозг—социум—культура», роль которого особо значима на начальных этапах жизни человека.

Литература

- 1. Бажсанов В.А. Социум и мозг: биокультурный со-конструктивизм // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 78–88.
- 2. Rusinova M. Reflections on Beauty: Immanuel Kant and Semir Zeki // 5th International Conference on Research in Humanities, Sociology and Education. London. November 29–30. 2016. P. 90–91
- 3. *Бажанов В.А., Краева А.Г.* Музыка в фокусе современной нейронауки // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 4 (40). С. 7–21.
- 4. Arias M. Music and the brain: neuromusicology // Neuroscience and history. 2014. Vol. 2(4). P. 149–155.
 - 5. Zatorre R. Music, the Food of Neuroscience? // Nature. 2005. Vol. 434. P. 312–315.
- 6. Amer T., Kalender B., Hasher L., Trehub S.E., Wong Y. Do Older Professional Musicians Have Cognitive Advantages? // PLOS One. 2013. Vol. 8, № 8. Paper e71630. DOI: 10.1371/journal.pone.0071630
- 7. Гарднер Γ . Структура разума: теория множественного интеллекта. М. : ООО «И.Д. Вильямс», 2007. 512 с.
- 8. Tomatis A. The Conscious Ear: My Life of Transformation through Listening. Paris: Station Hill Press, 1991. 304 p.
 - 9. *Декер-Фойгт Г.-Г.* Введение в музыкотерапию. СПб. : Питер, 2003. 208 с.
 - 10. Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: Мир, 1983. 256 с.
- 11. Shillcock R., Thomas J., Bailes R. Mirror Neurons, Prediction and Hemispheric Coordination: The Prioritizing of Intersubjectivity Over 'Intrasubjectivity' // Axiomathes. 2019. Vol. 29, № 2. P. 139–153. Doi: 10.1007/s10516-018-9412-4
- 12. Lou Y., Zhao L., Yu S., Sun B., Hou Z., Zhang Z., Tang Y. Brain asymmetry differences between Chinese and Caucasian populations: a surface-based morphometric comparison study // Brain Imaging and Behavior. 2019. Aug 2. Doi: 10.1007/s11682-019-00184-7 2019
- 13. *Лободинская Е.А.* Нейробиология музыкального восприятия и музыкотерапия (по материалам немецких изданий) // Психология и искусствознание: исследование творчества и творческой личности: материалы международной конференции / отв. ред Н.Л. Нагибина. Берлин; Москва: International Instituite of Differential Psychology, 2012. С. 159–177.
- 14. *Маляренко Г.Ю*. Формирование музыкального восприятия в онтогенезе // Музыкальная психология и психотерапия. 2009. № 2. С. 46–72.
- 15. Dowling W.J. The development of music perception and cognition // The Psychology of Music Second Edition. Dallas, 1999. P. 603–621.
- 16. *Мозгот В.Г.* Музыкальный импринтинг как фактор проявления ранней художественной одаренности личности // Мир психологии. 2015. № 1 (81). С. 176–185.
- 17. Hodges D.A. Bodily responses to music // The Oxford handbook of music psychology / eds. S. Hallam, I. Cross, M. Thaut. Oxford: Oxford University press, 2016. P. 183–196. Doi: 10.1093/oxfordhb/9780198722946.013.16
- 18. Matyja J.R. Embodied music cognition: trouble ahead, trouble behind // Frontiers in psychology. 2016. Vol. 7. Article 1891. Doi: 10.3389/psyg.2016.01891
- 19. Mehta M., Riedel W. Dopaminergic enhancement of cognitive function // Current Pharmaceutical Design. 2006. Vol. 12. P. 2487–2500.
- 20. Fabry R. E. Cognitive innovation, cumulative cultural evolution, and enculturation // Journal of cognition and culture. 2017. Vol. 17. P. 375–395.
- 21. Brandt A., Gebrian M., Slevc L.R. Music and early language acquisition // Frontiers in psychology. 2012. Vol. 3. Article 327. P. 1–18. Doi: 10.3389/psyg.2012.00327
- 22. Corness G. The musical experience through the lens of embodiment // Leonardo music journal. 2008, Vol. 18, P. 21–22.
- 23. Mongelli V., Dehaene S., Fabien V. et al. Music and words in the visual cortex: the impact of musical expertise // Cortex. 2016. Vol. 86. P. 260–274. Doi: 10/1016/cortex.2016.05.016
- 24. Koelsch S. A Neuroscientific Perspective on Music Therapy // Annals of the New York Academy of Sciences. 2009. Band 1169, № 1. July. P. 374–384.

- 25. Hollricher K. Konzert im Kopf // Bild der Wissenschaf. 2003. № 8. P. 24–31.
- 26. *Крылов Ю.Ю.* Языки тональные, регистровые и пострегистровые // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.А. Герцена. 2009. № 110. С. 149–155
- 27. Brattico E. The Neuroaesthetics of Music Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts // American Psychological Association. 2013. Vol. 7, № 1. P. 48–61.
- 28. Saffran J. R. Musical learning and language development // Annals of the New York Academy of Sciences. 2003. № 999. P. 397–401.
- 29. Lany J., Saffran J. R. From statistics to meanings: Infant acquisition of lexical categories // Psychological Science. 2010. № 21. P. 284–291.
- 30. Valizadeh S.A., Liem F., Mérillat S., Hänggi J., & Jäncke L. Identification of individual subjects on the basis of their brain anatomical features // Scientific Reports. 2018. Article 5611. URL: https://www.nature.com/articles/s41598-018-23696-6 (дата обращения: 16.09.2019).
- 31. Perlovsky L. Cognitive function, origin, and evolution of musical emotions // Musica Scientiae. 2012. Vol. 16(2). P. 185–199. Doi: 10.1177/1029864912448327
- 32. Vicedo M. The father of ethology and the foster mother of ducks: Konrad Lorenz as an Expert on Motherhood // Isis, 2009. Vol. 100 (2), P. 263–291.
- 33. *Прибрам К.* Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии / под ред. А.Р. Лурия. М.: Прогресс, 1975. 451 с.
- 34. Soley G., Spelke E.S. Shared cultural knowledge: effects of music on young children's social preferences // Cognition. 2016. Vol. 148. P. 106–116. Doi: 10/106/j.cognitiin.2015.09.017
- 35. Gordon E.E. Roots of Music Learning Theory and Audiation, 2011. URL: https://scholarcommons.sc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=gordon_articles (дата обращения: 16.09.2019).
- 36. Merriam A.P. The Anthropology of Music. Evanston: Northwestern University Press, 1964. 358 p.
- 37. Кирнарская Д.К. Психология специальных способностей. Музыкальные способности. М.: Таланты-XXI век, 2004. 496 с.

Valentin A. Bazhanov, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

E-mail: vbazhanov@yandex.ru, http://staff.ulsu.ru/bazhanov

Alexandra G. Kraeva, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

E-mail: kraevalex@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56, pp. 85–98.

DOI: 10.17223/1998863X/56/8

MUSIC THROUGH THE LENS OF BIOCULTURAL CO-CONSTRUCTIVISM

Keywords: biocultural co-constructivism; musical-auditory patterns; a priori; transcendentalism; musical auditory imprinting.

From the perspective of the biocultural co-constructivism concept, the article deals with the phenomenon of musical auditory perception. The main claim is that culture excites certain musical and artistic auditory patterns which are fixed in brain structures, play a crucial role in cognitive processes associated with musical creativity, and turn out to be important components of the holistic system "brain – society – culture", especially in the initial stages of human development. These patterns play the role of pre-language in the process of ontogenesis. They act as prerequisites for the perception of reality, the understanding of nature and mechanisms whose functioning is possible in the format of Kant's ideas related to apriorism in the context of modern neuroscience, bearing in mind the transcendentalism of the activity type as well. The authors claim the crucial role of musical auditory imprinting in the accumulation of initial musical-auditory associations-genetically prewired programs. The authors suggest that musical auditory imprinting explains the formation of ethnic musical modules, as well as primary musical auditory preferences. They discuss the nature of innate neural mechanisms that provide, when perceiving sound intonations, interaction with the accumulated supply of musical auditory intonations of the language, genetically innate programs-a kind of "implicit knowledge" with prosodic and musical intonations of a certain ethnic group. These innate neural mechanisms that make possible not only to realize belonging to a certain ethnic group but to interpret music as a mechanism of a meaningful and "directed" cognitive process that shapes a person as a representative of a certain culture as well. The authors provide arguments for the key thesis of modern neuroesthetics, according to which it is the musical abilities of a person from the whole set of types of artistic abilities that largely determine the degree of effectiveness of the work of intelligence, as well as almost all of cognitive functions.

References

- 1. Bazhanov, V.A. (2018) Sotsium i mozg: biokul'turnyy so-konstruktivizm [Society and the brain: biocultural co-constructivism]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 78–88.
- 2. Rusinova, M. (2016) Reflections on Beauty: Immanuel Kant and Semir Zeki. 5th International Conference on Research in Humanities, Sociology and Education. London, November 29–30. pp. 90–91.
- 3. Bazhanov, V.A. & Kraeva, A.G. (2017) Music in the focus of modern neuroscience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 40. pp. 7–21. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/40/1
- 4. Arias, M. (2014) Music and the brain: neuromusicology. *Neuroscience and History*. 2(4). pp. 149–155.
- 5. Zatorre, R. (2005) Music, the Food of Neuroscience? *Nature*. 434. pp. 312–315. DOI: 10.1038/434312a
- 6. Amer, T., Kalender, B., Hasher, L., Trehub, S.E. & Wong, Y. (2013) Do Older Professional Musicians Have Cognitive Advantages? *PLOS One.* 8(8). Paper e71630. DOI: 10.1371 / journal.pone.0071630
- 7. Gardner, G. (2007) Struktura razuma: teoriya mnozhestvennogo intellekta [The structure of the mind: the theory of multiple intelligence]. Moscow: I. D. Williams.
- 8. Tomatis, A. (1991) *The Conscious Ear: My Life of Transformation through Listening*. Paris: Station Hill Press.
- 9. Decker-Voigt, G.-G. (2003) *Vvedenie v Muzykoterapiyu* [Introduction to Music Therapy]. St. Petersburg: Peter.
- 10. Springer, S. & Deutsch, G. (1983) Levyy mozg, pravyy mozg [Left Brain, Right Brain]. Moscow: Mir.
- 11. Shillcock, R., Thomas, J. & Bailes, R. (2019) Mirror Neurons, Prediction and Hemispheric Coordination: The Prioritizing of Intersubjectivity Over 'Intrasubjectivity'. *Axiomathes*. 29(2). pp. 139-153. DOI: 10.1007/s10516-018-9412-4
- 12. Lou, Y., Zhao, L., Yu, S., Sun, B., Hou, Z., Zhang, Z. & Tang, Y. (2019) Brain asymmetry differences between Chinese and Caucasian populations: a surface-based morphometric comparison study. *Brain Imaging and Behavior*. 2. DOI: 10.1007 / s11682-019-00184-7 2019
- 13. Lobodinskaya, E.A. (2012) Neyrobiologiya muzykal'nogo vospriyatiya i muzykoterapiya (po materialam nemetskikh izdaniy) [Neurobiology of musical perception and music therapy (based on German publications)]. In: Nagibina, N.L. (ed.) *Psikhologiya i iskusstvoznanie: issledovanie tvorchestva i tvorcheskoy lichnosti* [Psychology and art history: study of creativity and creative personality]. Berlin; Moscow: International Instituite of Differential Psychology, pp. 159–177.
- 14. Malyarenko, G.Yu. (2009) Formirovaniye muzykal'nogo vospriyatiya v ontogeneze [The formation of musical perception in ontogenesis]. *Muzykal'naya psikhologiya i psikhoterapiya*. 2. pp. 46–72.
- 15. Dowling, W.J. (1999) The development of music perception and cognition. In: Deutsch, D. (ed.) *The Psychology of Music*. 2nd ed. Dallas: Academic Press. pp. 603–621.
- 16. Mozgot, V.G. (2015) Music imprinting as a factor for a personality's artistic talent early manifestation. *Mir psikhologii*. 1(81). pp. 176–185. (In Russian).
- 17. Hodges, D.A. (2016) Bodily responses to music. In: Hallam, S., Cross, I. & Thaut, M. (eds) *The Oxford Handbook of Music Psychology*. Oxford: Oxford University press. pp. 183–196. DOI: 10.1093/oxfordhb/ 9780198722946.013.16
- 18. Matyja, J.R. (2016) Embodied music cognition: trouble ahead, trouble behind. *Frontiers in Psychology*. 7. Article 1891. DOI: 10.3389 / psyg.2016.01891
- 19. Mehta, M. & Riedel, W. (2006) Dopaminergic enhancement of cognitive function. *Current Pharmaceutical Design*. 12. pp. 2487–2500. DOI: 10.2174/138161206777698891
- Fabry, R.E. (2017) Cognitive innovation, cumulative cultural evolution, and enculturation. *Journal of Cognition and Culture*. 17. pp. 375–395. DOI: 10.1163/15685373-12340014
- 21. Brandt, A., Gebrian, M. & Slevc, L.R. (2012) Music and early language acquisition. *Frontiers in Psychology*. 3. Article 327. pp. 1–18. DOI: 10.3389 / psyg.2012.00327
- 22. Corness, G. (2008) The musical experience through the lens of embodiment. *Leonardo Music Journal*. 18. pp. 21–22. DOI: 10.1162/lmj.2008.18.21

- 23. Mongelli, V., Dehaene, S., Fabien, V. et al. (2016) Music and words in the visual cortex: the impact of musical expertise. *Cortex*. 86. pp. 260–274. DOI: 10/1016 / cortex.2016.05.05.016
- 24. Koelsch, S. (2009) A Neuroscientific Perspective on Music Therapy. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1169(1), pp. 374–384. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2009.04592.x
 - 25. Hollricher, K. (2003) Konzert im Kopf. Bild der Wissenschaf. 8. pp. 24-31.
- 26. Krylov, Yu. Yu. (2009) Tonal, register and post-register languages. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.A. Gertsena Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences.* 110. pp. 149–155. (In Russian).
- 27. Brattico, E. (2013) The Neuroaesthetics of Music Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. *American Psychological Association*. 7(1), pp. 48–61. DOI: 10.1037/a0031827
- 28. Saffran, J.R. (2003) Musical learning and language development. Annals of the New York Academy of Sciences. 999. pp. 397–401. DOI: 10.1080/0300443971300109
- 29. Lany, J. & Saffran, J.R. (2010) From statistics to meanings: Infant acquisition of lexical categories. *Psychological Science*. 21. pp. 284–291. DOI: 10.1177/0956797609358570
- 30. Valizadeh, S.A., Liem, F., Mérillat, S., Hänggi, J. & Jäncke, L. (2018) Identification of individual subjects on the basis of their brain anatomical features. *Scientific Reports*. Article 5611. [Online] Available from: https://www.nature.com/articles/s41598-018-23696-6 (Accessed: 16th September 2019).
- 31. Perlovsky, L. (2012) Cognitive function, origin, and evolution of musical emotions. *Musica Scientiae*. 16(2). pp. 185–199. DOI: 10.1177 / 1029864912448327
- 32. Vicedo, M. (2009) The father of ethology and the foster mother of ducks: Konrad Lorenz as an Expert on Motherhood. *Isis*. 100(2), pp. 263–291. DOI: 10.1086/599553
- 33. Pribram, K. (1975) Yazyki mozga. Eksperimental'nyye paradoksy i printsipy neyropsikhologii [Languages of the Brain. Experimental Paradoxes and Principles of Neuropsychology]. Moscow: Progress.
- 34. Soley, G. & Spelke, E.S. (2016) Shared cultural knowledge: effects of music on young children's social preferences. *Cognition*. 148. pp. 106–116. DOI: 10/106 / j.cognitiin.2015.09.09.017
- 35. Gordon, E.E. (2011) *Roots of Music Learning Theory and Audiation*. [Online] Available from: https://scholarcommons.sc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=gordon_articles (Accessed: 16th September 2019).
 - 36. Merriam, A.P. (1964) The Anthropology of Music. Evanston: Northwestern University Press.
- 37. Kirnarskaya, D.K. (2004) *Psikhologiya spetsial'nykh sposobnostey. Muzykal'nyye sposobnosti.* [Psychology of Special Abilities. Musical Abilities]. Moscow: Talents-XXI century.

УДК 340.12

DOI: 10.17223/1998863X/56/9

С.В. Волкова, Н.И. Малышева, А.В. Поляков, М.И. Юдина

А.П. КУНИЦЫН И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕИ ПРАВОВОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ¹

Обращение к человекоцентристскому варианту философии права А.П. Куницына дало повод поднять вопросы о будущем либеральной идеи и идеи правовой справедливости в современной России. Справедливость самого права зависит от признания и утверждения в российском общественном правосознании идеи самоценности свободной человеческой личности с учетом возможности сочетания либеральных начал с традиционными.

Ключевые слова: А.П. Куницын, естественное право, идея справедливости права, российская философия права.

Идее справедливости было суждено стать своего рода «камнем преткновения» для всей русской гуманитарной науки, философской и правовой мысли, политики, практической деятельности. Во многом формулирование и введение в общественное и научное сознание либеральной идеи и вытекающей из нее идеи справедливости права связаны с именем А.П. Куницына — знаменитого русского просветителя, педагога, правоведа, общественного деятеля. До сих пор эти идеи порождают споры, конфликты, делят людей на партии, на «друзей» и «врагов», «наших» и «ненаших», «прогрессистов» и «реакционеров», либералов и консерваторов. «Смерть» и «воскрешение» идей, исповедуемых Куницыным, всегда шли параллельно «смерти» и «воскрешению» идеи естественного права. Именно естественное право прославлял мыслитель в своих трудах.

Естественное право в рассматриваемом контексте неразрывно связано с идеей признания самоценности человеческой личности и приоритета ее свободы, ее прав и обязанностей перед любыми другими ценностями, выступающими в роли антагонистов (контрценностей), включая ценности государства, власти, нации, общества, чести, традиционной веры и морали, «светлого будущего» и т.д. При этом А.П. Куницын не исключал эти ценности, а стремился «встроить» их в качестве необходимых, но подчиненных ценностей собственной человекоцентристской философии. Справедливость права, по Куницыну, определяется наличием или отсутствием этих необходимых правовых начал.

Судьба России во многом определялась отношением к этим идеям представителей верховной власти. А само это отношение предопределило и характер реформ, проводимых в российском государстве: они или были направлены на укрепление либеральных и демократических основ государственного устройства, или работали на сохранение традиционных устоев как русского, так и впоследствии советского государства, освящаемого попере-

 $^{^1}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00528.

менно идеологиями православия и научного коммунизма (марксизмаленинизма).

Между тем идея свободной человеческой личности является необходимой философской, теоретической и политической основой любой системы представлений относительно устройства жизнеспособного и процветающего общества. Доводы оппонентов, которые были высказаны в ходе многочисленных дискуссий по данной проблеме, не опровергают этой основной мысли, но побуждают к уточнению и развитию самой идеи.

Александр Петрович Куницын являлся одним из ранних защитников и популяризаторов идеи естественного права в России. У него были предшественники, но он одним из первых стал трактовать естественное право, исходя из идеи автономной (свободной) человеческой личности, опираясь, прежде всего, на философский фундамент идей И. Канта (отчасти — Ж.-Ж. Руссо и С. Пуфендорфа). По сути, Куницын отразил в своих лекциях и в книге «Право естественное» (1818–1820) те идеи, которые являются основой не только современной западной философии права, но и западной культуры и которые нашли отражение в основополагающих современных международноправовых документах. Это идеи приоритета прав и свобод человека, правового равенства, человеческого достоинства, справедливости и недопустимости любых форм государственного произвола.

Куницын не был творцом новой правовой теории. Но значение Куницына для России определяется не этим. Он пытался привить в России то, что могло определить ее движение по европейскому пути, что могло освободить народ от угнетения и изменить политическую форму государства. Куницын вдохновлялся идеей свободы и борьбой с деспотизмом. И этими идеями он воодушевлял не только А.С. Пушкина, но и декабристов, а также (хотя бы отчасти) последующие поколения «борцов с царизмом» разных мастей и политических оттенков (хотя сам он таким борцом не был и ужасался тому, что сделали в свое время якобинцы) [1. С. 202].

И не случайно уже почти через столетие после Куницына неокантианство выступило теоретической основой российской школы «возрожденного естественного права» (прежде всего, в лице ее лидера П.И. Новгородцева), а еще через сто лет о Канте и его идеях восторженно писали известные российские постсоветские философы и правоведы, например Э.Ю. Соловьев [2] и С.С. Алексеев [3]. Сегодня смысловое ядро этих идей закреплено в российской Конституции (ст. 2), как и в конституциях большинства стран мира.

Но с не меньшим энтузиазмом человекоцентристскую философию отрицали и во времена Новгородцева, и ныне, в постперестроечную эпоху. И сегодня в СМИ и на научных конференциях, проходящих в России, скорее можно услышать о том, что либеральная идея себя изжила, чем познакомиться с научными, философскими или политическими идеями представителей российского либерализма.

Интересным фактом является и то обстоятельство, что как ученыйправовед Куницын связан не только с Царскосельским лицеем (где он преподавал Пушкину и будущим декабристам), но и с Санкт-Петербургским университетом. Тем не менее Куницына не следует причислять к Петербургской школе философии права, которая ассоциируется с фигурой Л. Петражицкого и психологической теорией права [4], но зато, как уже было отмечено, можно увидеть определенную преемственность идей Куницына и московской школы «нравственного идеализма» или «возрожденного естественного права» П.И. Новгородцева [5].

Обращаясь к основам правового учения А.П. Куницына, **с**тоит обратить внимание на некоторые идеи мыслителя.

То, что мы сегодня назвали бы философией права, по А.П. Куницыну («правоучение»), излагают законы, выводимые из природы человеческого разума [6. С. 6]. Эти законы и составляют суть естественного права. Никаких прямых ссылок на связь человеческого разума с разумом Бога у Куницына нет. Это вполне светский вариант трактовки естественного права. Можно сказать, что это классический рационализм.

Является ли такой подход устарелым, ненаучным, метафизическим и т.д.? Так, в частности, размышлял другой знаменитый петербургский ученый — Н.М. Коркунов [7. С. 312–313]. С такой оценкой можно согласиться лишь отчасти. Природа человеческого разума действительно дает определенные основания для того, чтобы, опираясь на нее, делать окончательные выводы. Но, конечно, эти выводы должны базироваться на том методологическом инструментарии, который был неизвестен во времена А.П. Куницына. Это становится очевидным, даже если обратиться к критике классического рационализма представителями российского «возрожденного естественного права», не говоря уже о современной постклассической юриспруденции. Но это не отменяет того, что сам человекоцентристский подход сохраняет и сегодня свое научное и философское значение. Он, правда, нуждается в переосмыслении (переинтерпретации, деконструкции и т.д.).

Человеческий разум нельзя понимать как инструмент, позволяющий открывать некие вечные истины, существующие «от века». С сегодняшних позиций разумность можно понимать как социально-антропологическую переменную, которая, тем не менее, использует для конструирования социальной (в том числе правовой) реальности одни и те же элементы. Выявить эти элементы и означает определить априорные, трансцендентальные, эйдетические основания права, которые, в разных комбинациях, делают возможным само его действие, позволяют человеку реализовывать свой духовный потенциал в совместном взаимодействии с другими людьми. И основы такого взаимодействия вполне можно определить, сформулировать, аргументировать, согласовать и совершенствовать.

Таким образом, сама идея естественного права в постклассической интерпретации получает онтологическое обоснование и эвристическое значение. В этом смысле свобода человека (самопринадлежность), как и свобода его воли, остаются условием и предпосылкой нормального взаимодействия и реализации каждым своего человеческого потенциала. В этом же ряду остаются равенство в наделении этой свободой и справедливость — как такое взаимодействие, которое выявляет нашу солидарность через совместную реализацию взаимных прав и обязанностей. При этом «естественное право» (теперь уже в виде категорического императива разума, как аргумент, в наибольшей степени претендующий на значимость) выступает в роли общего принципа положительного права, его «путеводной звезды» (Штаммлер). Таким основополагающим правовым принципом можно считать принцип вза-

имного признания правосубъектности – и его уже можно (в имплицитном виде) найти в философии Куницына.

Вслед за Кантом Куницын признает, что поскольку человек есть разумное существо, то именно человек является целью права, и отсюда выводит требование (принцип) не только невозможности ограничивать его свободу, но и предписание ее всячески расширять. Важное ограничение на этом пути — невозможность использовать других как средство расширения своей свободы [6. С. 10].

При этом «законы права только на внешние деяния простираются; каждый поступок, сообразный с оными, называется справедливым» [Там же]. Эту важную мысль можно понять как признание того, что справедливость — это и есть поведение в рамках права, т.е. в соответствии с отмеренной тебе свободой и возложенными на тебя правовыми обязанностями.

Справедливость, по Куницыну, есть «непременная и необходимая цель права, предписываемая людям в виде должности» [Там же. С. 12]. Должность в данном случае следует понимать как императивное долженствование, как правовую обязанность следовать праву, т.е. сообразовывать свое поведение с наличными правами и обязанностями. Именно поэтому право естественное есть, по Куницыну (и по И. Канту), «наука прав или совокупность условий, при которых внешняя свобода людей существовать может» [Там же. С. 11].

В полном согласии с основами либеральной философии Куницын утверждает, что именно сохранение свободы есть «общая цель всех людей». Но достичь этой цели можно только «соблюдением взаимных прав и точным исполнением обязанностей» [Там же. С. 14–15].

На этой мысли хотелось бы акцентировать внимание еще раз. Свобода, справедливость и субъективные права совершенно правильно увязываются Куницыным с правовыми обязанностями и взаимодействием, основанным на равенстве. Нет сомнения в том, что речь у мыслителя идет именно о равенстве в правосубъектности, т.е. в неких основных правах, без которых само существование человека как существа разумного и свободного невозможно. Но это не подразумевает равенства у разных субъектов всех реализованных прав, которые являются правами приобретенными («вторичными», по терминологии профессора).

Как уже было отмечено, естественное право рассматривается ученым и как общие принципы права. Как писал А.П. Куницын, «познание права естественного нужно исследователям законов положительных для определения справедливости оных. Наипаче же оно нужно Практическим Законоведцам при самом делопроизводстве, ибо служит им во время применения законов: 1. Как вспомогательное средство толкования; 2. Как правило для решения случаев, на которые нет особенного положительного закона; 3. Как составная часть положительного законодательства, когда решение случаев законодатель предоставляет благоусмотрению судьи, или прямо повелевает решить оный по началам Права Естественного» [Там же. С. 16]. Далее ученый прямо говорит о том, что «правоучение» предлагает «общие начала, разрешающие все частные случаи, посему наука права естественного есть наука государственная» [Там же. С. 17].

Наконец, отметим отношение Куницына к власти. По Куницыну, «властитель общества, как ограниченный, так и неограниченный, обязывается

наблюдать: а) права членов; б) права самого общества и с) условия и коренные законы, содержащиеся в договоре соединения и в договоре подданства. Употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство, и кто оное производит, тот есть тиран» [6. С. 34].

Соединение либеральных и традиционных (по отношению к власти) интенций позволяет отнести правовое учение Куницына к умеренному или взвешенному юснатурализму (другой стороной которого является «верноподданный» либерализм в духе И. Канта). Такое правопонимание можно считать одним из протовариантов охранительного или даже консервативного либерализма. Свобода (права человека) и равенство человека здесь рассматриваются в единстве с обязанностями по отношению к другим. Идея «должности», т.е. долженствования, долга, правовой обязанности объявляется, наряду со свободой, целью права и сутью правовой справедливости. Отношение к государственной власти — сугубо уважительное. Эти идеи в той или иной степени восприняли и представители позднейшего российского «возрожденного» естественного права (особенно его «правого» крыла), которые поставили саму идею естественного права в исторический и социологический контекст, а моральные обязанности (безусловные императивы) ставили выше прав [8].

Но уже у одного из наиболее ярких представителей «возрожденного естественного права» – П.И. Новгородцева – можно увидеть колебания и непоследовательность в решении проблемы поиска основ права. Можно говорить об его эволюции от человекоцентристской парадигмы естественного права, сформулированной И. Кантом и поддержанной А.П. Куницыным, к парадигме теоцентристской, предполагающей «отказ от всех основ западной философии права», что в итоге скорее привело П.И. Новгородцева к пониманию необходимости их дополнения идеями, отражающими то, что сегодня называют «традиционными российскими ценностями». Подобное идейное и ценностное противостояние (европейских и традиционных российских ценностей) обострилось в России в последние годы, и его разрешения мы ждем по сегодняшний день.

Дело в том, что в России эти идеи (свободы, прав человека, уважение к человеческому достоинству, неприятие тиранства и самовластия правителей) никогда не были укоренены в правосознании населения. Уже в эпоху Куницына, т.е. в эпоху А.С. Пушкина, Александра I, декабристов, российское общество было расколото на неравные части по мировоззренческим, политическим и идеологическим мотивам. Меньшая часть понимала необходимость перемен, необходимость ухода от архаики к праву и свободному развитию всех областей жизни, но большая часть находилась под влиянием традиционной имперской идеологии, восхваляющей самодержавие, бесправие общества и покорность населения власти.

Неслучайно недолгая борьба между представителями различных группировок в итоге привела к безусловному осуждению идей Куницына, что поставило крест на его преподавании в Петербургском университете. В этом смысле Куницын — одна из первых университетских жертв консерваторов, пострадавшая за свои «верноподданнические» убеждения. Проповедуемые им свобода слова и мнений, свобода преподавания были отвергнуты государством. В официальном постановлении указывалось: «По рассмотрению в

главном управлении училищ, найдено нужным по принятым в сей книге за основание ложным началам и выводимому из них весьма вредному учению, противоречащему истинам христианства и клонящемуся к низвержению всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней, и притом принять меры к прекращению во всех учебных заведениях преподавания естественного права по началам столь разрушительным, каковы оказались в книге г. Куницына!» [7. С. 313].

Один из признаков деспотизма — это установление неколебимых «истин», которым должны все следовать, и объявление всего, что этим официальным «истинам» не соответствует, учением ложным, вредным, разрушительным, подлежащим безусловному запрету. И не важно, что это за истины: христианские или марксистские. Всем хорошо известно, что отказ от следования марксистским «истинам» вызывал еще более суровые последствия для ученых, чем во времена Куницына.

Между тем Куницын оказал серьезное воздействие на формирование мировоззрения определенных кругов российского общества. В этой связи, как уже было отмечено, обычно вспоминают А.С. Пушкина и декабристов. Действительно, А.С. Пушкин, как он признавался, «горел свободой» и в свое время написал (в послании к П. Чаадаеву) строки, известные всем со школьной скамьи: «Товарищ, верь: взойдет она, Звезда пленительного счастья! Россия вспрянет ото сна И на обломках самовластья Напишут наши имена!». В этом воззвании поэта точно указано состояние России не только во времена декабристов, но и России сегодняшней, если следовать критериям Куницына и Пушкина. Россия и сегодня пребывает во сне.

Она пыталась «вспрянуть ото сна» в первую русскую революцию и в Февральскую революцию 1917 г. Но сделать этого не удалось. Большевики установили еще большее самовластие, чем это было в императорской России. В СССР преподавание естественного права и апелляция к свободе и равенству считались буржуазными извращениями, судьба ученых, пытавшихся эти идеи продвигать, незавидна. Второе пробуждение длилось все девяностые годы и закончилось в 2014 г. После 2014 г. либеральные естественноправовые идеи и «европейские ценности» в глазах значительной части общества и части интеллигенции превратились в политический жупел. Большая часть российского общества, значительная часть политической элиты открыто призывают к отказу от идеологии приоритета прав и свобод человека, к отказу от демократических свобод и принципа формального равенства. Поэтому даже стремление Президента России и его ближайших соратников както изменить ситуацию, повернуть страну к человеку и его проблемам наталкивается на яростное сопротивление консерваторов, поддерживаемое молчаливым большинством российского общества. В этом смысле со времен эпохи Александра I в России мало что изменилось и эзопов язык по-прежнему востребован.

Можно предвидеть, что и в будущем никакие самовластные, деспотичные политические режимы (и их адепты) не будут мириться с учением, которое утверждает приоритет прав человека перед государством, которое подчиняет суверенитет государства началу права. Поэтому и философию права не любят там, где ее не могут держать под контролем, заставляя выполнять туроль, какую в свое время выполняла марксистско-ленинская идеология.

Между тем те начала, которые закреплены в нашей Конституции, начиная с высшей ценности прав и свобод человека, как раз вытекают из тех принципов и положений, на которых строили свое мировоззрение и И. Кант, и русский ученый-правовед А.П. Куницын. Нельзя не приветствовать в этой связи мысли, изложенные в статье Д.А. Медведева: «Никакие политические или экономические катаклизмы не должны поколебать в нас веру в идеалы правового государства, заставить свернуть с дороги, выбранной нами вместе двадцать пять лет назад как альтернативы тоталитаризму, произволу и подавлению прав и свобод» [9. С. 11]. Он признает и приветствует тот факт, что идеология Конституции — права и свободы граждан. Но это не классическая либеральная идеология, а идеология либерально-консервативная. Именно поэтому действующая Конституция, по Д.А. Медведеву, «стремится к установлению баланса между свободой и ответственностью, избегая перекосов как в сторону прямолинейного либерализма, так и растворения интересов граждан в интересах общества и государства» [Там же].

В этой ситуации обращение к творчеству Куницына вполне оправдано. А.П. Куницыну удалось пробудить хотя бы часть русского общества, лучшую часть, и подвигнуть ее на борьбу за свободу и достоинство человеческой личности. Без признания и утверждения в общественном правосознании этих основ невозможно говорить и о справедливости самого права. В этом, кстати, и состоит, по нашему мнению, основная задача сегодняшней российской философии права. Можно долго и красиво рассуждать о каких-либо аналитических или гносеологических нюансах правопонимания, но если эти нюансы ничего не могут дать желающим понять, чему и кому должно служить право, то их значение невелико. Настало время перейти от бесплодных умствований к повседневной работе над воспитанием общественного правосознания в духе заветов А.П. Куницына и всей либерально-консервативной традиции русской политико-правовой мысли.

Литература

- 1. Куницын А. О Конституции // Сын Отечества. 1818. Ч. 45, № XVIII. С. 202–211.
- 2. Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность права и морали. М.: Наука, 1993.
- 3. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: Норма, 1998.
- 4. Тимошина Е.В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л.И. Петражицкого. М.: Юрлитинформ, 2012.
- 5. Поляков А.В. «Возрожденное естественное право». Критический анализ основных концепций: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1987.
 - 6. Куницын А.П. Право естественное. СПб.: Тип. И. Ионессова, 1818.
 - 7. Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. Изд. 5. СПб., 1908.
 - 8. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
- 9. Медведев Д.А. 25 лет Конституции РФ: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. № 12. С. 8–16.

Svetlana V. Volkova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: s.v.volkova@spbu.ru

Nataliia I. Malysheva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.malysheva@spbu.ru

Andrey V. Polyakov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: polyakov2008@gmail.com

Marina I. Judina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.udina@spbu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 99–106.

DOI: 10.17223/1998863X/56/9

ALEKSANDR KUNITSYN AND THE ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN IDEA OF LEGAL JUSTICE

Keywords: Aleksandr Kunitsyn; natural law; idea of legal justice; Russian philosophy of law.

The liberal idea and the sequent idea of legal justice were stated and introduced largely owing to the name of Aleksandr Kunitsyn, who was an advocate of natural law. According to Kunitsyn, legal justice is determined by the presence or absence of such essential legal principles as the recognition of the inherent value of a human person and the priority of human liberty, rights, and responsibilities over any other values. Kunitsyn related liberty, justice, and subjective rights with legal obligations and interaction based on equality. These ideas have been more or less accepted by representatives of the latest Russian "revived" natural law. The combination of the liberal and traditional (in relation to power) intentions makes it possible to refer Kunitsyn's law conceptions to the conservative/mild/reasonable natural law. Kunitsyn was not the creator of a new law theory. He tried to impart ideas which could release people from oppression and alter the political form of state in Russia. He was inspired by the ideas of liberty and fight against tyranny. He inspired the others with these ideas. According to Kunitsyn, the doctrine of law or legal philosophy formulates laws derived from the nature of the human mind. Evidently, such conclusions have to be based on the methodology unknown in the times of Kunitsyn. However, the human-centric concept itself preserves its scientific and philosophic significance nowadays with regard for the necessity of its modern interpretation. According to the post-classical interpretation, both human liberty (self-ownership) and the freedom of human will are still a condition of normal interaction and realization of human potential by everyone. Equality in endowing with liberty and justice are important as well. They are considered as cooperation that determines our solidarity through joint exercising of mutual rights and responsibilities. However, the human-centric legal philosophy in Russia has had its critics from the times of Kunitsyn till the current time of post-perestroika. The ideas of liberty, human rights, respect for human dignity, opposition to tyranny and autonomous power of the rulers have never been hardwired in the legal consciousness of the people. The main task of today's Russian legal philosophy is to acknowledge and affirm the ideas of human liberty and dignity in public legal consciousness as it is impossible to talk about legal justice itself without these principles.

References

- Kunitsyn, A. (1818) O Konstitutsii [About the Constitution]. Syn Otechestva. 45(18). pp. 202–211.
- 2. Soloviev, E.Yu. (1993) *I. Kant: vzaimodopolnitel'nost' prava i morali* [I. Kant: The Complementarity of Law and Morality]. Moscow: Nauka.
- 3. Alekseev, S.S. (1998) Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuil Kant i problemy prava v sovremennuyu epokhu [The most sacred thing that God has on earth. Immanuel Kant and the problems of law in the modern era]. Moscow: Norma.
- 4. Timoshina, E.V. (2012) *Kak vozmozhna teoriya prava? Epistemologicheskie osnovaniya teorii prava v interpretatsii L.I. Petrazhitskogo* [How is a theory of law possible? The epistemological foundations of the theory of law interpreted by L.I. Petrazhitsky]. Moscow: Yurlitinform.
- 5. Polyakov, A.V. (1987) "Vozrozhdennoe estestvennoe pravo". Kriticheskiy analiz osnovnykh kontseptsiy ["Revived Natural Law". Critical analysis of basic concepts]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
 - 6. Kunitsyn, A.P. (1818) Pravo estestvennoe [Natural Right]. St. Petersburg: Tip. I. Ionessova.
- 7. Korkunov, N.M. (1908) *Istoriya filosofii prava* [History of Philosophy of Law]. 5th ed. St. Petersburg: [s.n.].
- 8. Alekseev, N.N. (1998) Russkiy narod i gosudarstvo [Russian People and State]. Moscow: Agraf.
- 9. Medvedev, D.A. (2018) 25 let Konstitutsii RF: balans mezhdu svobodoy i otvetstvennost'yu [25 years of the Constitution of the Russian Federation: balance between freedom and responsibility]. *Zakon.* 12. pp. 8–16.

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/56/10

О.Е. Столярова

НАУКА СЕГОДНЯ – ПРОФЕССИЯ ИЛИ ПРИЗВАНИЕ?¹

В статье рассматривается знаменитая лекция М. Вебера «Наука как признание и профессия» в контексте сегодняшней оценки науки и техники. Показано, что идеальный тип ученого, нарисованный Вебером, остается востребованным спустя сто лет. Показано, что пессимистический прогноз Вебера относительно динамики рациональности пересматривается с учетом феномена «обратного околдовывания» мира. «Обратное околдовывание» не является вытеснением иррационального, или метафизического, в маргинальную или приватную сферы (как это должно было бы происходить, если следовать логике веберовской концепции). Напротив, оно происходит в нашей коллективной (повседневной и академической) научной и технической культуре. Это позволяет говорить о том, что наука остается не только профессией, но и призванием.

Ключевые слова: социальная роль науки, социальная теория науки и техники, М. Вебер, рациональность, модернизм, ценности, прогресс.

Со времени знаменитой лекции Макса Вебера «Наука как признание и профессия» (Wissenschaft als Beruf²) прошло чуть более ста лет. Известно, что в этой лекции он нарисовал идеальный тип ученого, посвятившего всего себя своей деятельности, знанию ради знания³. Сила и убедительность этого, как и любого другого, идеального типа состоит в том, что он бросает вызов последующим временам, будучи притягивающей и вместе с тем отталкивающей точкой референции при самоидентификации исторических субъектов / коллективов. Совпадение или несовпадение идеального типа ученого с соответствующими действующими лицами эмпирически постигаемой социальной реальности — тема, не только не теряющая своей актуальности, но, напротив, приобретающая все большую остроту по мере того, как мы исторически удаляемся от Вебера [3—9]. Данный факт заслуживает внимания.

Согласно Веберу, подлинный ученый руководим универсальными ценностями (одна из главных ценностей – достижение ценностно-нейтрального знания), он слушает «своего демона», т.е. внутренний зов, голос, транслирующий эти ценности, и в то же время он слушает само время, «требования дня». Это двойное требование применимо и к самому Веберу, который, с одной стороны, является выразителем немецкой интеллектуальной традиции в ее специфической пространственно-временной локальности конца XIX – начала XX в., а с другой стороны, выступает как социолог, чьи концептуальные и методологические установки сохраняют значение за пределами ситуационных рамок.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

² Немецкое слово *Beruf* имеет два значения, которые переводятся на русский язык как «профессия» и «призвание»; так же – на английский язык («profession» и «vocation»).

³ На русский язык статья переведена не полностью [1]; оригинальный текст см. в [2].

Так, Вебер фиксирует внутреннее напряжение между институциональными (хозяйственно-экономическими, политическими) условиями существования науки и персональной мотивацией ученых. Дух греческого полиса, связавший бытие (истину) с понятием, запустил процесс интеллектуализации мира и в конечном счете превратил природу и общество в единую систему производства и математического контроля. Когда знание становится товаром или средством дальнейшей рационализации (механизации) общественной жизни, ученому все труднее извлечь из глубин собственного сознания высший смысл своей деятельности, оправдать ее посредством отсылки к трансцендентному пределу. Мир расколдован, прогресс бесконечен. Постметафизическая эпоха лишает науку ее исходного ориентира и подлинной цели трансцендентного бытия. Она подменяет его хозяйственной бухгалтерией и методологическими объектификациями, подведомственными частным дисциплинам. Наука рискует стать профессией без призвания, ученый – нанятым работником, руководимым чисто техническими целями и продающим результаты своей узко специализированной деятельности на рынке труда.

Частота обращений социальных ученых к лекции Вебера спустя столетие для интерпретации современного состояния науки показательна не только в отношении социологического гения Вебера, но и в отношении оценки тех трансформаций, которые претерпели за это время как общество в целом, так и его существенная часть – институционально организованная наука. В последние примерно 50 лет (после Второй мировой войны, когда человечество вступило в фазу так называемого постиндустриального общества) наука и техника значительно упрочили свои позиции в обществе. Сегодня политическая, экономическая и идеологическая структура развитых стран всецело зависит от научного и технического знания. Но, пожалуй, даже еще более упрочилась позиция общества внутри науки и техники. Не только наука и техника интегрировались в общество, но и общество интегрировалось в науку и технику. Если во времена Вебера можно было говорить об относительной автономии ученого в мире производства, капитала и идеологий, то в наши дни в глобальном технонаучном социуме такую автономию найти практически невозможно. Теснейшая связь науки и техники с индустрией и политикой выражается в усилении контроля за ними со стороны государственных структур и частного бизнеса. В борьбе за власть и экономическое превосходство внутри государств и в международном пространстве наука и техника превращаются в орудие достижения господства, а ученые - в рекрутов. В результате этих процессов в университетах и академиях воспроизводятся рыночные отношения: конфликты интересов, приватизация научных результатов, приоритет количественных показателей над качественными и т.п. стали обыденным явлением. И если ученый сегодня, как рекомендовал Вебер, слушает само время, «требования дня», то что он слышит и к чему призывает его внутренний голос? Прошло ли время науки как призвания? Наступила ли новая эпоха, в которой не осталось места идеалу чистой науки?

Ответить на эти вопросы не так-то просто. Трудности возникают прежде всего потому, что эти вопросы и, соответственно, ответы предполагают социального ученого, вооруженного определенной теорией и методологией, концептуальным аппаратом и дисциплинарными техниками. Это хорошо понимал Вебер, который в своей лекции говорит не только об ученых, иссле-

дующих природу, но и даже, главным образом, об ученых, исследующих общество. С одной стороны, социальным ученым принадлежит профессиональное право ценностно-нейтральной фиксации социальных феноменов, в частности, феномена науки. С другой стороны, социальные науки сами являются частью этого феномена и объектом ценностно-нейтрального изучения. Для того чтобы предложить профессиональный и убедительный ответ на вопрос о смысле и ценности института науки, социальный ученый должен уже находиться в пространстве научного сообщества, разделяя с другими его членами теоретические и практические установки.

В чем состоит *научное* рассмотрение сегодняшнего института науки *по Веберу*? Если принять во внимание общую теорию социологии, разработанную Вебером¹, то ответ будет следующий: оно состоит в том, что мы анализируем институт науки в качестве специфической исторической формы (порядка) социальной жизни, которая конституирует теоретическую и практическую деятельность ученых. Наука, как и любой другой социальный институт, понятый *по Веберу*, т.е. как способ жизни или форма (порядок) жизни, обнаруживается *внутри* социального актора; именно этот внутренний голос «своего демона» слушает ученый и социальный ученый, в частности. И если социальный ученый обращается сегодня к веберовской лекции для интерпретации современной науки, то он это делает исходя из собственных потребностей и «требований дня».

Как это обыкновенно происходит в социальных науках, и в той мере, в какой они питаемы философией, исследовательский вопрос имеет значение гораздо большее, чем возможный ответ. Например, Р.Дж. Коллингвуд справедливо полагал, что теоретическое мышление — это мышление, которое непременно исходит из предпосылок. Любое научное утверждение имеет смысл только в качестве ответа на поставленный вопрос, который и логически, и темпорально предшествует ответу. Исследовательский вопрос, таким образом, составляет необходимое условие возможности научного познания, его априорную предпосылку, которая в своей наиболее общей форме всегда дана заранее, до любого возможного ответа. Ее логическая сила и каузальная действенность заключается именно в том, что она предполагается как нечто само собой разумеющееся, а не предлагается в качестве вывода или гипотезы, нуждающейся в проверке. Иначе говоря, ее действенность состоит именно в том, что она формирует горизонт для последующих ответов [11. Р. 21–33].

О чем же свидетельствует вопрос о смысле и ценности науки, который задают сегодня социальные ученые? Хотя данный вопрос, звучащий в наше время, часто является сознательной перекличкой с веберовской лекцией и воспроизводит вопрос о смысле и ценности науки, заданный Вебером, он вносит коррективы в ряд исповедуемых Вебером принципов. Это касается в первую очередь концепции расколдовывания мира и тесно с ней связанной идеи рационализации. Вебер полагает, что научный разум – это разум в чистом виде инструментальный, т.е. в кантовской терминологии – рассудок. Он направлен на эмпирическое постижение мира, на технические средства до-

¹ Согласно Веберу, ключевым для социологии, если она хочет обладать статусом *науки*, является понятие *социального действия* [11. Р. 24]. *Действием* Вебер называет поведение индивида, имеющее для этого индивида субъективный смысл. *Социальным действием* является такое поведение индивида, при котором субъективный смысл его действия включает в себя поведение другого индивида [10. Р. 4].

стижения частных (практических) целей, на расчет, и, соответственно, он не мыслит в категориях цели и целостности (нечто подобное утверждал, вслед за Вебером, М. Хайдеггер в своем знаменитом высказывании «наука не мыслит»). Усиление инструментального разума в результате долгого исторического процесса социальной и культурной рационализации сопровождается «пропорциональным» уменьшением личной автономии и утратой индивидуальных и коллективных экзистенциальных смыслов. Плата за прогресс науки и техники – расколодованный мир, т.е. «мир специалистов», мир, управляемый экспертами (учеными, инженерами, политтехнологами), максимально технически оптимизированный и полностью контролируемый. В таком мире наука действительно является профессией, а не призванием, а ученый функцией глобальной бюрократии. Но в таком мире, который Вебер изобразил в нарисованной им антиутопии, вопрос о смысле и ценности науки не мог бы даже возникнуть, ибо экзистенциальные вопросы всегда возникают на неохраняемой (или недостаточно хорошо охраняемой) границе рационального и иррационального. Тот факт, что мы по-прежнему, спустя сто лет, задаемся вопросом Вебера, парадоксальным образом опровергает его (Вебера) радикальную антиутопию.

Можно, конечно, ответить на это, что Вебер видел дальше, чем на сто лет вперед, и что он предсказал главное, а именно – тенденцию, которая рано или поздно приведет нас в «железную клетку», откуда не будет выхода. Однако метаморфозы, произошедшие за последние полвека с социальной теорией, позволяют пересмотреть данный прогноз. Уже наследующая Веберу критическая социальная теория в лице Ю. Хабермаса не разделяет веберовский социальный пессимизм. Концепция коммуникативной рациональности, разработанная Хабермасом, являет собой альтернативу «линейной» рациональности Вебера и предоставляет теоретические ресурсы для более гибкого, диалектического, понимания рациональности и ее социальной динамики [12]. Социальные теоретики сегодня признают наше общество не только постовременным, распрощавшимся с линейным пониманием фундаментальной категории модерна - рациональности, но и постсекулярным. Последний термин указывает на пределы эмансипации, на феномен «обратного околдовывания» (re-enchantment) [13, 14] мира. Интересней всего, на наш взгляд, то, что «обратное околдовывание» не является вытеснением иррационального, или метафизического, в маргинальную или приватную сферы (как это должно было бы происходить, если следовать логике веберовской концепции). Напротив, оно происходит в нашей коллективной (повседневной и академической) научной и технической культуре. Многие ученые признают: наука и техника – это отнюдь не только расчет и контроль. Это – новые горизонты, высвобождающие стихию воображения. Теории - это не только абстракции, продукт незаинтересованной объективности. Это, говоря словами А.Н. Уайтхеда, «приманка для чувств» (lure for feelings) [15. P. 185], что означает следующее: чем больше объективности производят наука и техника, тем больше они производят заинтересованной субъективности [16. С. 183]. С этим согласился бы известный американский астрофизик Адам Франк, который в своей относительно недавней книге [17] показывает, что наука есть именно тот инструмент, посредством которого мы получаем доступ к сакральному (экзистенциальному) измерению нашей жизни. С этим согласились бы представители обширной междисциплинарной области социальных наук – science and technology studies, настаивающие на том, что практика и результаты науки и техники плотно вплетены в ткань жизненного мира [18].

Поэтому веберовский вопрос о науке не просто сохраняет для нас актуальность. Он приобретает даже большую актуальность, что свидетельствует отчасти против Вебера, обнаруживая «неисповедимость» пути прогресса и неожиданность «требований дня» и намекая на удивительные открытия, которые могут нас ожидать на этом пути.

Наше заключение будет кратким. Пока мы спрашиваем о смысле и ценности науки, наука остается не только профессией, но и призванием.

Литература

- 1. Вебер M. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. С. 707–735.
 - 2. Weber M. Wissenschaft als Beruf. Dearbooks, 2015. 60 p.
- 3. Lassman P., Velody I., Martins H., eds. Max Weber's 'Science as a Vocation'. Routledge, 2015. 236 p.
- 4. Lechner F. "Science as a Vocation: Max Weber's Great Lecture after 100 Years". Lecture / Emory University. February 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=K1IQu8CRRwA (дата обращения: 04.04.2019).
- 5. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Наука как призвание и профессия: опыт современного прочтения М. Вебера // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 174–180.
- 6. *Антоновский А.Ю., Бараш Р.*Э. Наука Макса Вебера: рецепция и современность // Эпистемология & философия наука. 2018. Т. 55, № 4. С. 174–188.
- 7. *Антоновский А.Ю.* Научное познание как понятие социальной философии // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 86–89.
- 8. *Tribe K*. Max Weber's "Science as a Vocation": Context, Genesis, Structure // Sociologica. 2018. Vol. 12, № 1. P. 125–136.
- 9. *Hunter I.* Science as a Vocation, Philosophy as a Religion // Sociologica. 2018. Vol. 12, № 1. P. 137–163
- 10. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology (Vol. 1–2). University of California Press, 1978. 1840 p.
 - 11. Collingwood R.G. An Essay on Metaphysics. Oxford: Clarendon Press, 1948. 354 p.
 - 12. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1, 2. Boston: Beacon, 1985, 457 p.
- 13. Landy J., Saler M., eds. The Re-Enchantment of the World: Secular Magic in a Rational Age. Stanford University Press, 2009. 387 p.
- 14. Reenchantment of Science: Postmodern Proposals / ed. D.R. Griffin. State University of New York Press, 1988. 190 p.
 - 15. Whitehead A.N. Process and Reality. New York: The Free Press, 1978. 413 p.
- 16. *Латур Б.* Нового времени не было: Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Издво Европейского ун-та, 2006. 237 с.
- 17. Frank A. The Constant Fire: Beyond the Science vs. Religion Debate. University of California Press, 2009. 304 p.
- 18. *The Handbook* of Science and Technology Studies / eds. U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, L. Smith-Doerr. The MIT Press, 2016. 1208 p.
- *Olga E. Stoliarova*, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation).

Email: olgastoliarova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 107–112. DOI: 10.17223/1998863X/56/10

IS SCIENCE A PROFESSION OR A VOCATION TODAY?

Keywords: social role of science; social theory of science and technology; Max Weber; rationality; modernity; values; progress; disenchantment.

The article is devoted to Max Weber's famous lecture/essay "Science as a Vocation" in the context of today's assessment of science and technology. It is shown that the ideal type of scientist, drawn

by Weber, remains in demand after a hundred years. On the one hand, Weber expresses a concrete historical cultural situation at the beginning of the 20th century in Germany. On the other hand, he occupies a universalist standpoint, based on abstract sociological models. Weber stresses the internal tension between the institutional (economic, political) conditions of the existence of science and the personal motivation of scientists. He believes that science and technology are responsible for the rationalization (disenchantment of the world), penetrating into all spheres of the theoretical and practical life of society. This rationalization leads to the fact that science loses its original transcendental meaning-knowable being, and turns into practical activity without an ultimate goal, guided by the institutionalized instrumental reason. Losing the transcendental meaning of their activities, scientists risk losing their vocation while maintaining a profession that becomes a function of the global bureaucracy. What, then, is the search for the meaning and value of science in the completely disenchanted world? This Weberian question is posed by social scientists today, which testifies rather against Weber's concept of rationalization. It is shown that Weber's pessimistic perspective concerning the dynamics of rationality is being revised today in the context of the so-called re-enchantment of the world. Reenchantment does not mean that the irrational, or the metaphysical, is forced out into the marginal or private spheres of social life (as it should have happened if we follow the logic of Weber's concept). On the contrary, it occurs in our collective (everyday and academic) scientific and technical culture. This suggests that science remains not only a profession, but also a vocation.

References

- 1. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by P.P. Gaydenko. Moscow: Progress. pp. 707–735.
 - 2. Weber, M. (2015) Wissenschaft als Beruf. Dearbooks.
- 3. Lassman, P., Velody, I. & Martins, H. (eds.) (2015) Max Weber's 'Science as a Vocation'. Routledge.
- 4. Lechner, F. (2018) *Science as a Vocation: Max Weber's Great Lecture after 100 Years*. Lecture. Emory University. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=K1IQu8CRRwA (Accessed: 4th April 2019).
- 5. Bagdasaryan, N.G. & Korol, M.P. (2014) Nauka kak prizvanie i professiya: opyt sovremennogo prochteniya M. Vebera [Science as a Vocation and Profession: The Experience of Modern Reading of M. Weber]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 174–180.
- 6. Antonovsky, A.Yu. & Barash, R.E. (2018) Max Weber on Science: Reception and Perspectives. *Epistemologiya & filosofiya nauka Epistemology & Philosophy of Science*. 55(4). pp. 174–188. (In Russian).
- 7. Antonovsky, A.Yu. (2018) Nauchnoe poznanie kak ponyatie sotsial'noy filosofii [Scientific Knowledge as a Concept of Social Philosophy]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 86–89.
- 8. Tribe, K. (2018) Max Weber's "Science as a Vocation": Context, Genesis, Structure. *Sociologica*. 12(1). pp. 125–136. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/8432
- 9. Hunter, I. (2018) Science as a Vocation, Philosophy as a Religion. *Sociologica*. 12(1). pp. 137–163. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/8436
- 10. Weber, M. (1978) Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Vol. 1–2. University of California Press.
 - 11. Collingwood, R.G. (1948) An Essay on Metaphysics. Oxford: Clarendon Press.
 - 12. Habermas, J. (1985) The Theory of Communicative Action. Vol. 1, 2. Boston: Beacon.
- 13. Landy, J. & Saler, M. (eds) (2009) The Re-Enchantment of the World: Secular Magic in a Rational Age. Stanford University Press.
- 14. Griffin, D.R. (ed.) (1988) Reenchantment of Science: Postmodern Proposals. State University of New York Press.
 - 15. Whitehead, A.N. (1978) Process and Reality. New York: The Free Press.
- 16. Latour, B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo: Esse po simmetrichnoj antropologii* [We Have Never Been Modern: Essay in Symmetrical Anthropology]. Translated from French by D.G. Kalugin. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
- 17. Frank, A. (2009) *The Constant Fire: Beyond the Science vs. Religion Debate.* University of California Press.
- 18. Felt, U., Fouché, R., Miller, C. A. & Smith-Doerr, L. (eds) (2016) *The Handbook of Science and Technology Studies*. The MIT Press.

УДК 167.7

DOI: 10.17223/1998863X/56/11

О.Н. Тулупова, Г.И. Петрова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПРОФЕССИЯ» И «ТРАНСФЕССИЯ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются содержательная трансформация понятия «профессия», а также его переход в конструкт «трансфессия». Рассмотрены философские основания появления «классических» черт профессии, которые формировались, начиная с периода античности, и окончательно конституировались в период Нового времени. Также рассмотрены особенности постсовременной философии, которая, в свою очередь, трансформирует профессию в трансфессию.

Ключевые слова: профессия, трансфессия, постсовременная философия, классическая философия, междисциплинарность.

Понятие профессии является социальным конструктом и зависит от конкретно-исторического и социокультурного фона. Возникнув в период Возрождения, оно в своем содержании уже тогда вбирало то, что предпосылочно складывалось исторически раньше, и в смысловом отношении готовило социальную институцию, получившую название «профессия». С ходом истории понятие изменялось, отказываясь от устаревающей содержательной структуры и принимая то, что всегда отвечало на новые вызовы следом идущих эпох. Современность в своих деконструктивистских настроениях и постоянных поисках различного рода «концов» и «смертей» готова то же самое зафиксировать и относительно профессии. Поэтому избрание методологии исследования понятия профессии конструирующим образом влияет на его определение, и от результата этого избрания зависит логическая рамка, в пределы и границы которой можно поместить это понятие. Современная философия допускает разнообразие методологических установок, соответственно, и само определение (о-предел-ение = определивание, т.е. заключение в конкретные пределы и границы) не являет себя однозначным образом. Однако можно сформулировать исходное основание как методологическую базу, которая позволит увидеть логику исторической трансформации содержания понятия «профессия». Методологическим тезисом может выступить положение о том, что стиль и специфический характер философского мышления играют конструирующую роль в определении понятия «профессия».

Так, классическая, метафизически настроенная философия, властно обусловливающая строгую зависимость философского знания от центральной категории – архе, столь же властно по строгой логике конструировала вокруг себя всю инфраструктуру социального мира. В выстроенных по указанию архе рамках общество представляло собой закрытую, устойчивую, логически прозрачную систему отношений, подчиняющуюся центральной структуре (обычно это были экономические – производственные – отношения). Профессия (как одна из сконструированных по этой логике социальных струк-

тур) не представляла исключения и обладала теми же характеристиками – устойчивостью, закрытостью, неизменяемостью.

Однако современная философия в связи с произошедшими и происходящими деконструктивистскими процессами в метафизике как философском стиле мышления, позволившими увидеть активность и самостоятельность социокультурных конструкций мира, иначе на них воздействует и делает иные запросы к их содержанию в целом и к содержанию понятия профессии в том числе.

Необходимо более подробно разобраться, что конкретно обусловливало классическое понятие профессии, как оно под конструирующим влиянием социокультурного фактора и господствующего в ту или иную историческую эпоху стиля мышления изменялось. Для этого важно задать логические рамки предстоящего рассуждения, которые позволят авторам и читателям работать в ситуации взаимопонимания.

Исследование теоретико-методологических установок следует начать с того исторического времени, когда оно сформировалось, и не терять интереса к предмету исследования – профессии – вплоть до той его трансформации, которая сегодня вербально обозначена как «трансфессия». Требуется назвать некоторые уже устоявшиеся признаки, по которым тот или иной вид деятельности связывался и связывается до сих пор с понятием профессии. Среди них как о базовом основании обычно говорят о сложившемся разделении труда. Дополнительными и обязательными признаками профессии называют: необходимость соответствующей подготовки, признание ее институционального статуса, полезный продукт как результат деятельности и, соответственно, вознаграждение лиц за ее выполнение. Названные характеристики хотя и не исчерпывают полностью содержания профессии (в его исторических трансформациях), однако задают те самые рамки, которые предлагаются для работы, где целью ставится сопоставление теоретико-методологических установок, с позиций которых в конкретное историко-культурное время оно - это содержание - определялось. Но как и почему возникли именно эти рамки? И как они влияют на определение понятия «профессия»? Эти и подобные вопросы являются проблемными для статьи. Предстоит рассмотреть три больших исторических этапа существования профессии. Первый – допрофессиональный, когда профессии как понятия еще нет, но предпосылки к его появлению уже формируются. Второй – появление и существование профессии и как понятия, и как соответствующей деятельности в рамках классического философского стиля мышления, которому соответствовал исторический этап до ХХ в. Третий – неклассическая современность, когда деконструируется классика как в стиле мышления, так и в социокультурных аспектах реальности.

Классические теоретические установки определения профессии складывались в философии Древней Греции (ее классического периода). Они исходили из специфики философского знания, принесшего доминанту рационализма в стиль мышления. Метафизический характер философии позволил ей увидеть мир сквозь призму разума. Тезис Протагора «одно и то же быть и мыслить» сразу же сковал бытие логикой. Сила разума поразила грека, и его умозрение воплотилось в красоте, целостности и гармонии мира, которые были рационально промыслены и указывали на признание архе в качестве исходной власти.

У Платона (в его «Государстве») эта власть разума сказалась на строго логическом – идеальном – государственном устройстве, где каждое сословие должно было обладать определенным и конкретным умением. В каждом отдельном случае «свое» занятие предполагало особое воспитание и обучение, пройдя которые, можно было приобрести мастерство – техне – как владение знаниями и умениями, тоже специфическими для каждого занятия. Мастерство, или техне, – это исторически первое понятие о том, что впоследствии станет профессией.

Древняя Греция в философском и культурном плане дала первые теоретические и методологические установки для формирования понятия «профессия», и они предполагали, во-первых, разумное, сущностное постижение предмета занятия (знание «что») и методов или способов его выполнения (знание «как»), во-вторых, рациональное овладение (обучение) этими знаниями и умениями, в-третьих, логически стройную градацию этих знаний по отдельным видам занятий (которые и явили себя прообразом первых профессий) и, соответственно, по разным сословиям. Такие установки сохраняют свое значение и до сих пор.

В Средние века стали складываться предпосылки для появления профессии как специфического рода деятельности, отделенной от других форм занятий и требующей конкретных знаний и умений. Возникали дополнительные характеристики как следствие нового социокультурного состояния этой эпохи. Они явились результатом возникновения в Греции, Византии, Риме и Западной Европе городов, которые несли с собой необходимость различного рода объединений - корпораций - людей, занятых одним видом деятельности. Экономическая функция города обнаруживала себя в сосредоточенности именно здесь первых производительных сил и соответствующих форм деятельности. Кроме того, от любой формы деятельности стали ожидать пользу и выгоду. С целью достижения наиболее полезного результата деятельности в жизнь вошел строгий распорядок дня: строго определялось время труда, отдыха, сна, молитв, образования. Серьезное значение для возникновения института профессии имело возникновение в Средние века университетов: они усилили корпоративность в организации деятельности и способствовали ее результативности благодаря овладению знанием и образованием.

Таким образом, Средние века внесли свою лепту в историю возникновения социального института и понятия «профессия». Во-первых, занятие одним видом деятельности в этот период вызвало институциональную корпоративную организацию (гильдии, братства, союзы), появлялись первые подобия социальных институтов, что впоследствии явилось непременным признаком профессии. Во-вторых, в подобного рода организации стала входить идея полезности: от занятий конкретной деятельностью ждали доход, деньги. В-третьих, большое значение стало придаваться интеллектуальной стороне тех типов деятельности, которых к этому времени появилось уже много (время востребовало интеллектуальные формы занятий: врачей, юристов, арбалетчиков, аптекарей, учителей, коробейников).

Следующий период — эпоха Возрождения — был особым в плане подготовки теоретико-методологических условий для возникновения профессии. Она открыто и гуманистически страстно заявила о власти Человека и его Разума, предваряя тем самым Новое время с его властью науки и научного

мышления. Для тематики, связанной с возникновением профессии, важно сказать, что власть разума понималась не только исключительно в философском плане. Зарождалась новая социальная организация, где культурная доминанта науки затребовала воплощения своих открытий в полезных результатах, была рационально заинтересована в них. Профессия возникала как деятельность, предполагающая большую, чем прочие виды занятий, эффективность в достижении пользы.

Таким образом, возникновение профессии как социального института, понятия, вида деятельности и профессионализма как личностной характеристики, специфицирующей конкретное сообщество людей, связывается с культурными запросами периода Возрождения и началом Нового времени. Именно тогда возникает и новая наука (Ф. Бэкон) как теоретическая и социокультурная база для появления профессии. Специфика науки того периода в отличие от научного знания прежних времен состояла в том, что 1) научные исследования стали проводиться в специально организованных научных сообществах, 2) они приносили пользу обществу в форме их технических воплощений и 3) были основаны на опытном познании и эксперименте (Г. Галилей). Все эти отличительные характеристики науки обусловливающим образом сказались на профессиональной деятельности как практической реализации научных исследований. В качестве же доминирующего конструкта явил себя в этот период научно-рациональный стиль мышления (Р. Декарт, Г. Лейбниц). Овладеть им, чтобы соответствовать начавшейся эпохе индустриального производства, и воплощать его в полезной деятельности стало возможным через теперь уже развитую систему образования (университетского и школьного). Важно подчеркнуть, что уже в XVI в. рождалась промышленность, разные отрасли которой требовали квалифицированных специалистов-профессионалов. Иначе говоря, в эпоху Возрождения и в начале Нового времени возникли все общие признаки понятия профессии - философские, социокультурные, образовательные, научные. Окончательно это понятие закрепил проект Просвещения, твердо заявивший о силе Разума.

Спрос на профессию появился в области индустрии, что в истории квалифицируется как промышленная революция. Новая технология требовала и новых профессий. Появление механического станка, например, вызвало к жизни понятие о базовой профессии, спецификой которой было сосредоточение в руках одного рабочего — грамотного, образованного, квалифицированного — того объема работы, который ранее требовал множества рабочих рук.

Промышленное производство рождало узкую специализацию и профессионализацию. Овладение определенными навыками требовало специализированного образования и достаточно длительного процесса обучения. Соответственно, профессиональное образование становилось значимым ресурсом для человека. Профессии приобретают власть и престиж за счет того, что профессиональные группы обладают дефицитными знаниями и навыками. С помощью образования профессиональные сообщества объективно закрывают свои границы, появляются отдельные профессиональные сообщества, группы, внутри которых осуществляется профессиональная коммуникация. Важно зафиксировать функцию знания, которое воспроизводилось внутри профессии. Его основная задача состояла именно в установлении профессиональных границ, так как на данном историческом этапе границы являлись

основным конститутивным признаком профессии. Эра «тяжелой модернити» [1] конструировала социальный и профессиональный миры, подчиняясь мышлению, заключенному в правила, традиции, предсказуемые сценарии. В индустриальный период профессионализация индивида подчинена линейной логике, традициям и правилам — однозначному ясному порядку. Индивид, вступая в мир профессии, формирует идентичность, «захваченную» в рамки традиции (уже сформированной и воплощаемой через профессиональное образование и профессиональную культуру). Через традицию работник получает и принимает однозначные правила профессионального мира. На практике это обнаруживалось в его четком видении движения и развития собственной профессиональной биографии.

Современная же философия в связи с произошедшими и происходящими деконструктивистскими процессами делает иные запросы к содержанию социокультурных конструкций мира в целом и к содержанию понятия профессии в том числе. Социальный мир изменился и, характеризуясь в терминах, теперь не строго подвластных единым требованиям архе, но в терминах динамики, неопределенности развития, непрогнозированности и децентрированности, меняет и содержание собственных социальных институтов. Конструирование профессии и профессиональной идентичности изменяется в том же направлении.

Прежде всего, динамика («текучесть» – 3. Бауман [2]) современного мира, цифровизация культуры, социальная онтология, представленная «пространством потоков» [3], постоянное появление новых социальных структур и отмирание старых – все это не дает основания для какой-либо социальной или профессиональной устойчивости и закрытости. Описывая современную реальность, можно заключить, что «порядок», свойственный предыдущим эпохам, теперь предстает «хаосом» [4. С. 3]. Традиция, которая была сущностью профессионализации, разрушается, уступая место множеству инновационных профессиональных сценариев. О.В. Чистякова, сравнивая две эпохи – модерн и приходящий ему на смену постмодерн, отмечает, что человек из состояния стабильности, поэтапного развития, «внутренней уверенности в собственной необходимости обществу», подкрепленной институционально, переходит в пространство множественного выбора, где правят уже не укоренившиеся социальные институты, а информационные потоки, нарративы и где движение может становиться самоцелью для человека [5]. Профессиональная идентичность становится личным проектом индивида. Она больше не развивается в заранее заданных рамках, ее открытость является главным свойством, позволяющим человеку «вписываться» в новую реальность.

Конструирование профессиональной идентичности как личного проекта согласуется с концепцией автопоэзиса, коим описываются в культуре постмодерна самоорганизующиеся системы, в частности, различные социальные системы. Автопоэзис — способность живой системы к самовоспроизводству независимо от внешних факторов [6]. Профессиональная идентичность и есть часть автопоэзиса человека, так как в культуре постсовременности человек сам рассматривается как самоорганизующаяся система. Такой вектор развития представлений о природе человека и его идентичности формирует и новый каркас профессиональных компетенций, которые сегодня обозначают как «трансфессиональные компетенции».

В среде, где правят динамика и неопределенность, «твердые» профессиональные навыки и впитывание профессиональной культуры являются проигрышной стратегией для профессионала. Самоконструирование и непрерывное развитие навыков, релевантных меняющимся условиям, - вот та стратегия, которая позволяет органически вписаться в «текучую» современность и которая создает необходимость трансформации профессиональной деятельности в деятельность трансфессиональную. Термин используется с 90-х гг. XX в., когда О.И. Генисаретский в работе «Культурно-антропологическая перспектива» предложил под «чистотой профессиональных интересов» иметь в виду не только высокую квалификацию, но и «переживание работы», «самообраз работника, в котором интегрированы и заведомая, установочная часть отношения к работе, и ведомая, сюжетная его часть» [7]. Сегодня этим термином обозначаются новые профессионалы, способные и обладать инструментально-профессиональными навыками, и находиться одновременно в широком пространстве профессионального мира в целом -«над профессией» [8. С. 177–187].

Среди характеристик трансфессионалов выделяют, в первую очередь, толерантность к изменениям, способность к коммуникации с другими профессионалами, способность принимать на себя любую роль во временных профессиональных командах и пр. Трансфессионал — это всегда человек создающий, способный трансформировать себя с учетом требований среды.

Если же говорить об изменении содержания профессии, то, в первую очередь, должно интересовать состояние и характер современного научного знания, ибо именно оно овеществляется в практике профессиональной деятельности. Что же представляет собой современная онтология науки, какие характеристики приобретает научная истина и как ее новый образ воздействует на понятие и практическое содержание профессии?

Научные знания, маркирующие сегодня профессии, изменяются, подчиняясь общим процессам социокультурной реальности. Современный научный разум не интересуется миром в статике, он направлен на познание нелинейного становления глобальных, самоорганизующихся, многоуровневых процессов. В постоянном движении и в своей изменчивости наука приобретает в качестве своего предмета «непредметную сферу процессуальности» [9]. Такое знание не может быть основой прежней профессиональной замкнутости и стабильности. Профессия преодолевает строгую предметность и вынуждается к постоянной коммуникации, подвижности, диалоговой форме существования в общем профессиональном и культурном мире. Меж- и трансдисциплинарность науки явились причиной возникновения общих «коммуникативных зон» разных дисциплин, на стыках и границах которых рождаются трансфессиональные миры, которые приходят на смену классическому профессионализму. Новое знание и новая рациональность – основа трансфессии. Внутри современных профессий – трансфессий – знание непрерывно генерируется в процессе профессиональной и образовательной коммуникации. Но предметное образование (как образование и как сфера «твердых» профессиональных навыков) не исчезает, оно изменяет свой характер. Если ранее, следуя за принципами классической философии, оно было упорядочено и однозначно авторитетно, то сейчас предметное образование организовано по принципу посредничества, оно дает основы и инструментальные профессиональные навыки, но не в качестве самоцели, а в качестве возможности для диалогового, всестороннего, непрерывного познания мира. Предметность знания и связанная с ней инструментальность профессии непременно являются основой для вхождения в транспрофессиональный мир, где истина приобретает тот же трансфессиональный характер, становясь возможной только внутри коммуникативно-динамичного процесса.

Таким образом, профессия является социальным конструктом и имеет культурно-историческое содержание. Оно начинает определяться в рамках, которые конструирует философский взгляд на природу вещей и природу человека как исторического субъекта. Развитие профессии, а следовательно, и профессиональной идентичности, складывалось в структуре упорядоченного, подчиненного категории архе мира. В соответствии с этим профессия демонстрировала и специфические характеристики: стремление к обособлению и закрытию своих границ, иерархию, производство уникального знания и навыков, которые оказывались недоступными другим. Сущность профессионализма была сокрыта в профессиональной традиции - логичной, однозначной структуре правил, норм, ценностей, целей, под влиянием которой формировалась идентичность профессионала. Но современный период, его нелинейность, неустойчивость, динамика и пр. порождают такие вызовы, которые, воспринимаясь профессией, преобразуют ее характер и содержание. Под влиянием иного устройства знания и образования, ухода от прозрачной структуры и устойчивой предметности содержания в условиях сетевого устройства мира возникает трансфессия, которая приобретает признаки непрерывной коммуникативности, множественности целевых установок, органического единства разных научно-профессиональных компетенций и знаний широкого спектра наук, как естественных, так и гуманитарных.

В заключение нельзя не сказать о том, что при осмыслении новых проблем в сфере современного профессионального мира неизбежно встают острые вопросы, которые требуют тщательного философского и научного исследования. Не перерастет ли трансфессия в размывание всяческой профессиональной предметности? Как в коммуникативном пространстве знания определяются цели и принципы профессионального диалога, и определяются ли они вообще? Какие психологические и иные характеристики помогают сохранять баланс предметного фокуса профессии? Какая проблематика будет зоной работы трансфессионалов, а какая останется местом действия профессионалов? Эти и иные вопросы должны стать основополагающими для будущих исследований изменений, которые сегодня происходят в профессиональной деятельности.

Литература

- 1. $\it Бауман 3$. Индивидуализированное общество / науч. ред. К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур. 2005. 390 с.
 - 2. Бауман 3. Текучая современность. Питер, 2008. 240 с.
- $3.\ \mathit{Kacmeльc}\ \mathit{M}.\ \mathit{И}$ нформационная эпоха. Экономика, общество и культура. Litres, 2019. 806 с.
- 4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: прогресс, 1986. Т. 432.
- 5. *Чистякова О.В.* Образы человека в культуре модерна и постмодерна // Культурное наследие России. 2016. № 4. С. 85–93.

- Ласицкая Э. В. Концепция автопоэзиса: бытие, познание, деятельность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, № 4.
- 7. Генисаретский О.И. Культурно-антропологическая перспектива. URL: https://gtmar-ket.ru/laboratory/expertize/2006/2755 (дата обращения: 17.02.2020).
- 8. *Игнатьева Г.А., Тулупова О.В.* Научно-проектный консалтинг как инновационный формат постдипломного образования // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 1. С. 177–197
- 9. Петрова Г.И. «Истина на границах»: понятие, содержание, культурно-образовательные следствия // Проблема истины в философии и науке: сб. Всерос. семинара молодых ученых им. П.В. Копнина. Томск, 2008. С. 107–111. (Труды Томского государственного университета; т. 270: Серия философская. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:0003 51124 2008 (дата обращения: 17.02.2020).

Olga N. Tulupova, Healthcare Department of Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: tulupova@yandex.ru

Galina I. Petrova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: seminar 2008@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 113–121.

DOI: 10.17223/1998863X/56/11

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF DEFINING "PROFESSION" AND "TRANSFESSION" CONCEPTS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Keywords: profession; transfession; modern philosophy; classical philosophy; transdisciplinarity.

The idea of a contributing role of philosophical thinking, which affects emergence, development, and change in the essence of a professional activity, is suggested as a methodological background for studying the concept of a profession in the article. A profession is a social construct undergoing historical transformations relevant to the transformations of a dominant way of rational thinking, which philosophy regards as a tool for creating the social world and all its components. Thus, the metaphysically oriented classical philosophy, which firmly determines a strong correlation between philosophical knowledge and the key term arche, is just as firmly arranged by a social structure. The first theoretical and methodological principles for shaping the concept of a profession appeared under the influence of the ancient Greek Logos. The final formation of a profession as a social institution and a concept specifying a particular community of people is associated with rationalism and cultural interests during the Renaissance and the early modern period. Among the well-established characteristics, by which this or that type of activity is now associated with the concept of a profession, the authors specify the recognition of the status of a profession as inaccessible to all other types of activity and the closeness of an institutional organization that requires specific education and training and assumes greater efficiency in achieving benefits than other types of occupations – a useful product. Modern philosophy and its way of rational thinking, which is different from the classical one, imposes different demands on the sociocultural structures of the world and on the concept of a profession. The social world is no longer based on a central metaphysical structure. In this regard, the characteristics that defined a profession earlier disappear or become transformed into completely different ones: multidimensionality, interdisciplinarity, openness, communicativeness, digitalization, etc. The characteristics of a transfessional include, first of all, tolerance to changes, the ability to communicate, transfessional competence, the ability to take on any role in temporary professional teams, etc. A transfessional is a person who is always ready and able to create and transform themselves with respect to new professional requirements. Thus, transfessions replace professions under the influence of a different way of thinking, which suggests the change in knowledge and education as constitutive factors of a profession that construct its new - transfessional - essence. A profession loses the transparency of its own structure and acquires the characteristics of continuous communicativeness, multiplicity of goals, intrinsic unity of competencies and knowledge in a wide range of sciences, both natural sciences and the humanities.

References

- 1. Bauman, Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow: Logos.
- 2. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [The Liquid Modernity]. Translated from English by Ya. Asochakov. St. Petersburg: Piter.

- 3. Castells, M. (2019) *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age. Economy, society and culture]. Litres.
- 4. Prigogine, I. & Stengers, I. (2016) *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order from chaos: A new dialogue between man and nature]. Vol. 432. Moscow: Progress.
- 5. Chistyakova, O.V. (2016) The images of human in modern and postmodern cultures. *Kul'turnoe nasledie Rossii Cultural Heritage of Russia*. 4. pp. 85–93. (In Russian).
- 6. Lasitskaya, E.V. (2011) The Conception of Autopoiesis: Existence, Cognition, Activity. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 11(4). (In Russian).
- 7. Genisaretsky, O.I. (n.d.) *Kul'turno-antropologicheskaya perspektiva* [Cultural and anthropological perspective]. [Online] Available from: https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2755 (Accessed: 17th February 2020).
- 8. Ignatieva, G.A. & Tulupova, O.V. (2017) Scientific-project consulting as an innovative format of postgraduate education. *Obrazovanie i nauka Education and Science*. 19(1). pp. 177–197. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2017-1-177-197
- 9. Petrova, G.I. (2008) "Istina na granitsakh": ponyatie, soderzhanie, kul'turno-obrazovatel'nye sledstviya ["Truth on the borders": concept, content, cultural and educational consequences]. In: Balandin, M.N. (ed.) *Problema istiny v filosofii i nauke* [The Problem of Truth in Philosophy and Science]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 107–111. [Online] Available from: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000351124 2008 (Accessed: 17th February 2020).

УДК 316.344.7: 331.101.35:159.944.3 DOI: 10.17223/1998863X/56/12

Я.И. Чаплинская

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК ПРОЦЕСС ОТЧУЖДЕНИЯ 1

В статье рассматривается профессиональное выгорание с позиции философской проблемы отчуждения. Синдром представлен как нарастающий процесс перехода одного отчужденного состояния к другому. Возможность преодоления раскрывается через обращение к концепции подлинности, в основе которой самостоятельный поиск собственной индивидуальности, своего собственного способа быть.

Ключевые слова: отчуждение, профессиональное выгорание, подлинность.

Детальная проработка проблемы отчуждения представлена в классической немецкой философии XVIII–XIX вв., в работах И. Канта, И.-Г. Фихте, Г.-В.Ф. Гегеля, Л. Фейербаха. Концепция отчуждения тематизирована и социологами XIX–XIX вв., в числе которых К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, хотя интерес к отчуждению правомерно отметить уже в эпоху античности (Платон, Аристотель).

Концептуальное изложение отчуждения И. Кантом базируется на следующих идеях [1]. Реальность, по И. Канту, является (вещью в себе) непознаваемой. Внешний, искусственный, сотворенный человеком мир противостоит ему как продукт отчуждающего творчества его собственной деятельности. Отчуждение, по И. Канту, преодолевается единством творческой деятельности и познания [Там же].

В трансцендентальной философии И. Фихте в интерпретации феномена отчуждения очевидно влияние И. Канта. По И. Фихте, отчуждение — это неизбежный процесс, следуя которому, «Я» только на пути отчуждения в «Не-Я» достигает своей сущности [2].

В наиболее завершенном виде отчуждение раскрыто в гегелевской «Феноменологии духа». Весь мир представляет собой самопознание Абсолютным духом самого себя – отчужденный процесс. Это одновременно и самопознание, и деятельность, и развитие от абстрактного к конкретному. У Гегеля снять отчуждение возможно через процесс познания: отчужденный дух, самоуглубляясь через природу и общество, проходит через художественные, психологические и философские ступени и после возвращается к самому себе [3].

В немецкой философской классике к отчуждению обращается Л. Фейербах. В «Сущности христианства» Л. Фейербах описывает сущность религии как процесс, в котором отчуждается от индивида его родовая сущность. Образ Бога предстает как идеальный образ родовой сущности человека, в котором воплощено единство «Я» и «Ты». Человек, отчуждая от себя этот образ, преобразует его в некоего идола. Лишь переход человека от религии Бога к

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00300).

религии Человека как к неотчужденной форме поклонения будет способствовать снятию отчуждения [4].

Концепция отчуждения человека в капиталистическом обществе была развита К. Марксом в «Экономико-философских рукописях 1844 года». У К. Маркса понятие отчуждения является процессом преобразования продуктов трудовой деятельности людей в независимую от их воли и планов силу, враждебную по отношению к самим производителям. По К. Марксу, отчуждение возникает вследствие стихийного разделения труда, классового расслоения населения, из-за чего человек не может выбирать определенный вид деятельности, а подчиняется обстоятельствам, которые ему принудительно навязывают. Вынужденный продавать свой труд рабочий попадает в полную зависимость. Именно поэтому он относится к своей работе как к чему-то чужому. Созданный рабочим продукт ему не принадлежит, потому что он не является его собственностью. Так происходит отчуждение рабочего от труда, продуктов труда, своих сущностных сил, от родовой сущности. Причина кроется в частной собственности, ликвидация которой, по К. Марксу, является главным звеном в системе ликвидации отчуждения, построении социально справедливого общества [5].

В концепции К. Маркса постулируется постоянный рост отчуждения в капиталистическом обществе. Но у М. Вебера отчуждение постепенно ослабевает вместе с ростом квалификации работников. Важным элементом формирования нового отношения к труду М. Вебер считал протестантскую идею профессии-призвания. Для М. Вебера капитализм означал в первую очередь рационализацию. Не отрицая возникающего при этом отчуждения, М. Вебер считал, что на ранней стадии формирования капиталистического духа оно в значительной степени компенсировалось особым духом протестантизма [6].

Отчуждение выступает как глобальная философская проблема, затрагивающая все сферы человеческого существования. Проблема отчуждения сохраняет свои значимость и актуальность в современной действительности, где наблюдается существенная специфика профессионального мира. Экзистенциальная опустошенность и профессиональная неаутентичность являются результатом профессионального выгорания, которое в современной действительности представлено в форме отчуждения.

Представляется, что профессиональное выгорание — это процесс отчуждения. В основе профессионального выгорания лежат уровни, выделенные К. Маслач: эмоциональное истощение, характеризующееся чувством перенапряжения и чувством истощения эмоциональных ресурсов; обезличивание, в результате которого происходит социальная изоляция; снижение личных достижений, характеризующееся чувством некомпетентности и безуспешности в профессиональной деятельности [7]. Так, профессиональное выгорание как процесс отчуждения представляет собой совокупность взаимосвязанных отчужденных состояний, связанных с невозможностью дальнейшего осуществления профессиональной деятельности, контакта с обществом и признания собственного профессионализма.

Профессиональное выгорание — это процесс взаимодействующего отчуждения человека от себя с отчуждением от общества и отчуждением от профессиональных качеств. Так, проявление отчуждения на уровнях профессионального существования видится следующим образом:

- отчуждение на внутреннем уровне;
- отчуждение на внешнем уровне;
- отчуждение на профессиональном уровне.

Отчуждение человеком личных качеств, которые привели его в профессиональную деятельность, является проявлением на внутреннем уровне. Отчуждение собственного профессионального статуса в обществе определяется проявлением на внешнем уровне. Отчуждение от тех компетенций, которые специалист приобрел, обозначается как проявление на профессиональном уровне. Отчуждение в профессиональной деятельности — процесс отстранения некоторого качества, которое было неотъемлемой характеристикой человека. Человек начинает воспринимать его как объективную реальность.

Профессиональное выгорание как процесс отчуждения возникает в результате действия продолжительных стрессов, которые связаны с постоянными изменениями в профессиональном мире, эмоциональными, межличностными и социальными отношениями, формирующимися в профессиональной жизни человека. Оно обнаруживает себя во внутреннем мире человека, его внешних взаимоотношениях в социальной и профессиональной жизни, а также проявляет себя в трудовой деятельности.

Проблема отчуждения уникальна, потому что она не преодолевается лишь наукой. Она преодолевается через экзистенциальное проживание ситуации и осознание [8]. Профессиональное выгорание представляет собой не просто утрату своей самости, — это эмоциональное проживание себя поновому, подталкивающее человека на познание и поиск себя. Именно поэтому проблема профессионального выгорания так актуальна в современной действительности — в быстроменяющемся мире изобилия утерян контакт с собой, со своей подлинностью. Профессиональное выгорание как процесс отчуждения вынуждает человека обратиться к самостоятельному поиску себя, поиску собственной подлинности.

Представляется, что одним из способов преодоления такого отчуждения, как профессиональное выгорание, является обращение к идее «подлинности». М. Хайдеггер сформулировал идею раскрытия человека в наивысшем потенциале в работе «Бытие и время» [9]. Главную проблему М. Хайдеггер формулирует в вопросе о смысле бытия. Самая глубокая его интерпретация — это интерпретация в контексте времени, время оказывается фундаментальным горизонтом бытия человека. Поскольку Dasein обозначает себя во времени (sich zeitigt), то если не существует Dasein, то нет и мира. Представлено не абстрактное сознание вне мира, а экзистенция, неразрывно связанная с миром и миру принадлежащая [9].

Проблема заключается в том, что истину (смысл) человеческого существования определяет сам человек; и это первичный и самый весомый признак процесса формирования смысла (истины) бытия. Другое дело, что этот признак — «первично-исторический». То есть каждый индивид, превращаясь в социальное существо, подпадает под власть целого «комплекса смыслов», диктуемых ему социальной системой, культурными традициями, историческими предпосылками формирования определенного общественного единства людей, организацией форм материального производства. Уже сам процесс рождения в системах постоянных форм социальности заставляет человека считаться с теми смыслами, которые были «заложены в его жизни»,

в саму возможность ее рождения прошлыми поколениями людей. М. Хайдеггер пытается оправдать утвержденный им разрыв между «самостью» и «субъективностью», с одной стороны, и между «субъектвностью» и вероятностью постижения «истины сущего» — с другой. Самоубеждение не является, по М. Хайдеггеру, гарантом достоверности сущего. «Не субъективность субъекта впервые меняет сущность и положение человека среди сущего, утверждает немецкий философ, — скорее сущее в целом уже получило иное толкование благодаря тому, откуда субъективность берет свое начало с истины сущего» [10. С. 147].

М. Хайдеггер через подлинное и неподлинное существование двух степеней личностного бытия строит свое понимание личности, наделенной чувством собственной неповторимости, индивидуальности и осознания собственной конечности. С одной стороны, существование человека, его судьба зависят, по Хайдеггеру, от непознаваемых сил внутреннего мира индивида, от экзистенции; в этих силах нужно искать возможность «настоящего» существования. С другой – человек существует наряду с «другими», т.е. находится в обществе; зависимость существования от «общественности», «обыденности», «повседневности» приводит к «ненастоящему» бытию человека, растворению «подлинного» бытия в «способе существования других».

Собственно сущность подлинного выбора современного человека, по М. Хайдеггеру, и заключается в том, чтобы в глубинах собственного духа найти то абсолютное основание, которое позволит преодолевать муку собственной несостоятельности и следовать избранным путем вопреки всем течениям и препятствиям, чтобы выполнить свое высокое предназначение – быть человеком.

М. Хайдеггер вводит конструкт «Dasein», который представляет собой то, что появится как собственный проект, не являясь известным и самопонятным. Понять Dasein возможно «из» мира, из контекста фактической жизни, самоконструирующегося из субъективного материала мира. Каждый раз ему предстоит кем-то быть, и он ожидает эту возможность. У М. Хайдеггера открытость Dasein в мире есть расположенность. В публичном мире, в мире озабоченности раскрывается феномен открытости. Открытость как один из способов быть представляет собой одну из бытийных структур, Dasein в Dasein Другого. Использована «открытость» миру может быть по-разному: замыкание существования границами действительного или перенос принципа возможности извне в структуру собственного бытия. Установленные границы экзистенции погружают в неподлинное бытие, заключающееся в фиксировании знания о себе, устойчивой позиции в непоколебимости собственных принципов. Движение по пути неподлинности определено установленными законами в обществе с ограниченным выбором возможностей. При этом существование в подлинном модусе охарактеризовано проживанием без гарантий. В подлинном бытии есть разомкнутость перспектив, исключена пассивность, лишь включено активное проектирование жизни. Решимость, которая лежит в основе подлинного бытия, дает силы на существование в ситуативности и постоянной неопределенности мира и выступает основой для осуществления ежедневного экзистенциального выбора.

Повседневный способ бытия разомкнутости в работе «Бытие и время» у М. Хайдеггера характеризуется через любопытство, толки, двусмысленность,

126 Я.И. Чаплинская

являя «падение бытия» и его динамику. Его содержательными чертами являются успокоение, соблазн и отчуждение. В бытийности этих черт присутствует образ бытия повседневности, означающий затерянность в публичности людей, существование при «мире», растворение в «бытии-друг-сдругом», - это, по М. Хайдеггеру, «несобственность присутствия». В этой «несобственности» бытие захвачено «миром». Несобственное, неподлинное бытие «самоуспокоительно». Не говорится о том, что такое успокоение делает бездеятельным, напротив, оно загоняет в «занятия». Освободиться в «самом своем присутствии» от «понимающего», успокаивающего сравнения себя со всеми, скатывающего присутствие к отчуждению, в котором таится свое умение быть. Неподлинное бытие отчуждающе и успокаивающе. Такое отчуждение искушает истолковать себя, вгоняет в глубокий «самоанализ», сохраняя присутствие в самом себе. Отчуждение падения запутывает в себе самом. У М. Хайдеггера неподлинное состояние естественно, характеризуется как навязчивое и доминирующее. Неподлинность - это банальность, усредненность с отсутствием отличия от Других, присутствие в повседневности. Dasein существует под чужим бытийным проектом, присутствуя в повседневности как Некто. Действие от себя не позволяет совершать присутствующее ощущение страха и сопутствующих рисков. Именно поэтому присутствию в неподлинном бытии сопутствуют упущенные возможности и нерешенные экзистенциальные задачи.

Описать же индивидуальный характер подлинности труднее. Подлинность каждого по-своему уникальна и неповторима. Подлинность самобытна в своем исполнении, она означает быть самим собой. Ее идеала не существует. Понимание собственной возможности быть, стать собой — главное условие подлинности.

Самореализация человека исполняется под модусом подлинности и неподлинности. М. Хайдеггер в работе «Пролегомены к истории понятия времени» [11] определяет неподлинное и подлинное как крайние точки. Бытие человека определено относительно точек неподлинности и подлинности. Бытийствование — динамический процесс, наполненный ситуациями выбора, реальными действиями, соответствующими неподлинному или подлинному бытию. В существовании Dasein подлинность и неподлинность равноправны. У М. Хайдеггера подлинность не исключает неподлинность. Понимание Dasein собственного выбора между стратегией «ниспадения» и «решимости» является неподлинностью для подлинного бытия. Несобственное бытие и его познание необходимо. Осознание неподлинности в собственном горизонте, выражаясь хайдеггеровским языком, — временности, несет освобождение от чужих проектов, традиций и дает возможность созидания собственного проекта.

Профессиональное выгорание есть проявление неподлинности бытия. Специалист осуществляет свою деятельность функционально, только в модусе «настоящего». Осмысляет профессиональную деятельность в контексте окружающих вещей. Существование в модусе «подлинности» — это создание индивидуального проекта профессионального бытия: включена в проект профессиональная деятельность; качества, с которыми специалист пришел в профессию; включены те средства, которыми специалист обладает. Профессия включена в проект, но не является всем проектом человеческого существования [12].

Для человека, испытывающего профессиональное выгорание, утратившего свою профессиональную подлинность, решимость на самостоятельный поиск себя, своих границ подлинности и неподлинности будет ключевым для преодоления данного синдрома.

Литература

- 1. *Кант И*. Критика способности суждения. Первое введение в Критику способности суждения. Сочинения: в 4 т. М.: Наука, 2001. Т. 4. 1120 с.
- 2. Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Сочинения: в 2 т. СПб. : Мифрил, 1993. Т. 2. С. 65–337.
 - 3. Гегель Г. Феноменология духа // Сочинения. М.; Л.: Соцэгиз, 1959. Т. IV. 488 с.
- 4. *Чупров А.С.* Родовая сущность в философии Шопенгауэра и Фейербаха. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1996. 232 с.
- 5. $\it Mapkc~K$. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маpkc К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. 784 с.
 - 6. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 805 с.
 - 7. Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M.P. Job burnout // Annu Rev Psychol. 2001. P. 397–422.
- 8. Вильданова Г.Б., Вильданов Х.С., Муслимова Л.Ф. Феномен отчуждения и пути его преодоления // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 17. С. 14–19.
- 9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2011. 460 с.
- 10. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 63–176.
- $11. Xa \bar{u} \partial e c z e p M$. Пролегомены к истории понятия времени / пер. с нем. Е.В. Борисов. Томск : Водолей, 1998. 384 с.
- 12. Чаплинская Я.И. Профессиональное выгорание как современная форма отчуждения: опыт культурфилософского осмысления: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2018. 26 с.

Yana I. Chaplinskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: yana16071992@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 122–128.

DOI: 10.17223/1998863X/56/12

THE BURNOUT SYNDROME AS A PROCESS OF ALIENATION

Keywords: alienation; burnout syndrome; authenticity.

The problem of alienation retains its significance and relevance in modern reality, where a serious specificity of the professional world is observed. Karl Marx was the first to relate alienation and production (professional) activity. Alienation as a problem and as a category is also received from Marx. He proceeded from the socioeconomic character of alienation, and therefore linked it to labor (professional) activity. He also investigated the confrontation of a person forced to live in a capitalist production that gives rise to the problem of alienation. The post-industrial era, characterized by changes in social reality with an obvious utilitarian, pragmatic and technocratic orientation, actualizes the interrelation of alienation and the burnout syndrome. Alienation in the modern professional world is the burnout syndrome associated with the onset of a sense of professional inauthenticity and existential emptiness. The burnout syndrome is a process of alienation, which gradually manifests itself at the basic levels of professional existence: alienation at the internal level, alienation at the external level, alienation at the professional level. The person's alienation of personal qualities that led them to professional activity is a burnout syndrome at the internal level. The alienation of their own professional status in society is defined as a professional burnout at the external level. The alienation from the competencies that the specialist has acquired is referred to as a burnout syndrome at the professional level. Alienation as the burnout syndrome is a combination of all levels of alienation in the profession, which in their unity and conditionality form the process. The burnout syndrome as a process of alienation compels a person to turn to an independent search for oneself, to search for one's own authenticity. The burnout syndrome is a manifestation of the non-authenticity of being. The specialist carries out his activities functionally, only in the "present" mode, comprehends professional activities in the context of surrounding things. An independent search for oneself will allow a person to remove the burnout syndrome as a kind of alienation.

References

- 1. Kant, I. (2001) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of Judgment. The First Introduction to the Critique of Judgment]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Nauka.
- 2. Fichte, I.G. (1993) *Sochineniya v 2 tomakh* [Writings in 2 vols]. Vol. 2. Translated from German. St. Petersburg: Mifril.
- 3. Hegel, G. (1959) *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Translated from German. Moscow; Leningrad: Sotsegiz.
- 4. Chuprov, A.S. (1996) *Rodovaya sushchnost' v filosofii Shopengauera i Feyerbakha* [The generic essence in the philosophy of Schopenhauer and Feuerbach]. Ekaterinburg: Ural State University.
- 5. Marx, K. (1974) Ekonomichesko filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Moscow: Politizdat Publ.
- 6. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
- 7. Maslach, C., Schaufeli, W.B. & Leiter, M.P. (2001) Job burnout. *Annual Review of Psychology*. Vol. 52. pp. 397–422.
- 8. Vildanova, G.B., Vildanov, H.S. & Muslimova, L.F. (2007) Fenomen otchuzhdeniya i puti ego preodoleniya [The phenomenon of alienation and ways to overcome it]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 17. pp. 14–19. (In Russian).
- 9. Heidegger, M. (2011) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
- 10. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stati i vistupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. pp. 63–176.
- 11. Heidegger, M. (1998) *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena to the History of the Concept of Time]. Translated from German by E.V. Borisov. Tomsk: Vodoley.
- 12. Chaplinskaya, Ya.I. (2018) Professional'noe vygoranie kak sovremennaya forma otchuzhdeniya: opyt kul'turfilosofskogo osmysleniya [The syndrom burnout as a modern form of alienation: the experience of cultural-philosophical understanding]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Tomsk.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 13

DOI: 10.17223/1998863X/56/13

N. Stasiulis

THE MEANING OF RATIONALITY IN HEIDEGGER'S PHILOSOPHY¹

The article traces Heideggerian thought back to its pre-conceptual origin and demonstrates how thus a transformation of the notion of rationality has been achieved in his philosophy. The thinker focuses his investigation on the ontological basis of Western rationality. He also develops the structure of his own thought by reinterpreting this ontological basis as expressed in Aristotle and Plato, in particular, and the Greek thought of presence in general. Heidegger rediscovered the crucial link between thinking and finitude, hence, his early musings on pre-conceptual origins of logical, or conceptual, thought later, in his mature period, culminated in the thinking of pain as the ontological difference. Keywords: Heidegger, logos, ontology, pain, rationality.

I. The Ontological Basis of Rationality

Α.

Heideggerian pondering upon the meaning of rationality revolves around a phenomenological interpretation of ancient Greek thought. The phenomenologist uncovers the intuition of presence as the gist of ancient Greek philosophies and uses the phenomenological method of formal indication (formale Anzeige) to get to their pre-conceptual source in this intuition. The method originates in Husserl's distinction between two types of universalization – generalization and formalization—which implies a distinction between two meanings of "rational" (or "formal"). The first one indicates formal logic and the scientific method that deal with logical classes (genera and species) and processes of analysis and synthesis; the second one deals with a formal unity of oneness and multiplicity. Accordingly, in generalization one moves from individual phenomena up to their genus or type, while in formalization one does not move from a phenomenon to a higher genus but rather brings out its structure and meaning and the way it is present. The structure is not limited to a logical or mathematical order but rather points to a fuller structure which Dasein and the world appear to have in the course of concrete hermeneutic and phenomenological interpretation [see: 1. P. 11].

Ключевые слова: Хайдеггер, логотипы, онтология, боль, рациональность.

¹ **Название статьи:** Значение рациональности в философии Хайдеггера.

Аннотация: В статье прослеживается мысль Хайдеггера о ее до-концептуальном происхождении и демонстрируется, как таким образом была достигнута трансформация понятия рациональности в его философии. Мыслитель ориентирует свое исследование на онтологическую основу западной рациональности. Он также развивает структуру своей собственной мысли, переосмысливая эту онтологическую основу, выраженную, в частности, Аристотелем и Платоном, и греческую мысль о присутствии вообще. Хайдеггер заново открыл решающую связь между мышлением и конечностью, поэтому его ранние размышления о до-концептуальном происхождении логического или концептуального мышления позже, в его зрелом периоде, привели к мысли о боли как об онтологическом различии.

N. Stasiulis

Hence, this method is akin to the Platonic one-over-many principle. Even though the Platonic form is usually described as timeless, Heidegger emphasizes that, based on authentic ontological tradition, this "form" consists precisely in the ability to gather the many – thus, time – into the one [1. P. 26]. For Plato, as well as for Aristotle, the concrete, from the outset, has always taken part in the form. Analogically, formal indication means that the concreteness of factual experience refers back to more universal structures that underlie it in the structurally articulated Dasein [1. P. 11]. Heidegger articulates the structure of Dasein by phenomenologically retrieving the structure of Greek thought which he to a great extent finds exemplified in Aristotle's texts [2–4].

In fact, Heideggerian thinking of Being as presence was likely spurred by a key issue in Aristotle's metaphysics – that of the relation between the oneness and multiplicity of Being [e.g., 5, 4.1003a]. Although Aristotle opposes the Eleatic thesis of the mere-oneness of Being [2, P. 152], his emphasis on the multiplicity does by no means amount to a rejection of Parmenides because the pollachos is what positively makes the hen appear as the question-worthy [6. 27]. To explicate this notion, Heidegger introduces a distinction between oneness (the einhaft) and simplicity (the einfach) [2. P. 153]. For instance, in the Physics [7. 187a 1-3], the $arch\bar{e}$ is described as simple but not as one: it is both simple and multiple (mannigfaltig). The German thinker characteristically stresses the essence of all Greek polemics to rest on a common intuition of presence; hence, both Plato's reverent polemics with Parmenides in the Sophist and his pupil Aristotle's subsequent criticism of the Eleatics is but an explication or development of the same intuition [4. P. 17–18]. The development took place in the mutual influence of Plato and Aristotle and consisted in the introduction of negativity into the essence of Being as now one admitted that the being-not (das Nichtseiende)-the wrong, the bad, the temporary-that is, the not-being (das Unseiende), also is and is the reason why the oneness unfolds as multiplicity [6. P. 27-28]. It is also precisely in negativity that Heidegger discovered the pre-conceptual source of theory and the original meaning of presence as the unity of Being and time.

B.

The notion of the unity of Being and time in the context of the history of philosophy, especially of ancient Greek philosophy, is the constant motive of Heidegger's thought linking his early work on logic, his middle-period work on existential analysis and his eventual musings on nihilism, language, and technology [8. P. 235]. Formal indication is supposed to express and describe this unity. What is formally indicated is always concrete but also points away from this finite concreteness to Being which simultaneously both births time and gathers it back into itself. A formal indicator becomes concrete as situated and thus as a linking boundary between Being (as the gatheredness of time) and the specific temporal situation. In *Being and Time* it is named the moment of insight, the *Augenblick* (*kairos*), which Heidegger understands to capture the genuine meaning of both Aristotelian *fronēsis* and *nous*. Heidegger reinterprets Aristotelian teleological thought—the notion of *entelecheia*—as the temporal thinking of Being. This reinterpretation has been of paramount significance for the rethought meaning of rationality.

The existentiality of Dasein consists in unconcealing the field of entities, and there are two modes of this unconcealing: one can unconceal it "authentically" by

reinterpreting the presence in the Greek philosophies of Plato and Aristotle and the tradition that sprang from them or "inauthentically" along the contour drawn by the Cartesian-Galilean-Newtonian science¹. Dasein has the possibilities of authenticity and inauthenticity and the equiprimordial ability to switch between the world (spatiality) à la Aristotle and the world (space) à la Descartes or Newton [8, P. 237; 9. P. 137-138; 10. P. 226-227]. The transition from the lonesome "what" of post-Aristotelian essence to remembering the unity of "what" and "how", crucial to original Aristotelian philosophy, is the motive of moving from the conceptual grasp to formal indication. Formal indication points to the what-how-Being (Was-Wie-Sein) [3. P. 23]. As it is infinitely general, contentless and expresses the very self-construal of the lifestream itself, it, as it is a principle, presupposes the multitude of situations of its possible application and shows itself only in a living concretization of any of these situations. Therefore, philosophy, too, is an interpretative activity entrenched in the thinking of one Being, which cannot be reduced to a definition as would be required by "traditional logic", which arises from an "inauthentic" interpretation of Aristotle's philosophy.

"Traditional" – post-Aristotelian – logic was to be based on the notion of constant ousia, which, despite Aristotle, was cleansed off of movedness (Being-on-theway, Bewegtheit). This determined what was afterwards called theory. Cleansing theory off of practice (of movedness) amounted to forgetting its origin in the intuition of presence and contraposing it to practice. To the contrary, Heideggerian notion of formal indication is equiprimordial with the grasp of ousia which retains its aspect of movedness; therefore, the traditional distinction between theory and practice is not meaningful for it [see more 11]. Heidegger finds Aristotle's Ethica Nicomachea and Metaphysica, especially its first book, important because they demonstrate the origin of grasping the principle $-arch\bar{e}$ – in the pre-conceptual Being of Dasein. The theoretical principle, being one, gathers a multitude of possible practices and preserves itself as theory only by dispersing in practices that presuppose it. Heidegger's philosophy is not antiplatonic or antiaristotelian, which supposedly abandons dead theory for its contradiction in "unreflected" lived life. Quite the contrary, Heidegger attempts to show that the distinction between theory and practice as well as between constancy and movedness is unfounded and arises from a post-Aristotelian ontology gone astray. Formal indication presupposes abandoning this distinction and, according to Heidegger, allows to authentically grasp the very thinking of Plato and Aristotle. Authentic Being can be opposed to inauthentic chronological time but is in unity with time understood authentically – as the Being of time, which gathers and gives rise to it. It is for this reason that Being is the ontological difference.

II. Rationality and Finitude

Α.

Hence, rethinking rationality amounts to rethinking the ontological ground of thought [in accordance with the pronouncement of Parmenides on the sameness of thought and Being, cf. 10. P. 212] – *ousia*.

¹ According to Heidegger, the possibility to explain the upward movement of smoke and the downward movement of a stone as their movement towards their places, i.e. the Aristotelian explanation, has never been refuted or even understood (6.80).

N. Stasiulis

The fact that an ancient Greek understands himself a priori as "mortal" and the fact that he understands the world a priori as comprised of individualized – coming to be (coming into their limit) and perishing – entities ("subjects") are equiprimordial. Sliogeris [cf. 12. P. 170–178] is emphatic that the prototype of "substantial individual" is the common basis of different Greek philosophical ontologies – that of the Aristotelian *tode ti* and *morfē* (*eidos*), of the Platonic *eidos*, of the Democritic *eidos*. All these conceptions define what the Greeks conceived as the *true being*: definitions of *ousia* arouse from an individualizing gaze which was equiprimordial with the human experience of mortality. The "objective" and "subjective" moments of Being are equiprimordial; therefore, the terms of Dasein and *ousia* are synonymous for Heidegger and denote the content of beingness. Also, both *ousia* and *Dasein* are immersed in the horizon of time, or temporality.

Another name for *ousia* is *hypokeimenon* which means what-lies-before, or what-lies-under. Its Latin counterpart is *subjectum*. It indicates what an entity *has* as its basic content, or its essence. For this reason the sphere of entity can be understood either as belonging to the subject, something the subject *has*, or as something what *is given* to one as belongings to be treasured and protected. The Cartesian *ego* is a subject in the first sense – the owner and the metaphysico-epistemological ground of beings. The Heideggerian Dasein is a subject in the second sense.

The Daseinian meaning is formed as Heidegger uses the medieval notion of primordial relation between the soul and God to heed the sense in which Dasein belongs to and is had by Being. The sense of belonging is crucial to the formation of the notion of the difference between Being and beings, and it would not be possible without discovering the pre-conceptual root of thought. Aleksandravičius [13] explains well how major medieval thought was phenomenological even before phenomenology. According to the scholar, the Christian notion of creatio ex nihilo allows to understand Man's reason, which encompasses all the sphere of entities, to (constantly) be linked to its originating act (called actus essendi by Thomas Aquinas) as, thus, linked to the originating act of any other being (which is "followed" by reason in the act of its emergence), this act of divine creation is the divine act of unifying both in the mind and in every being [13. P. 219]. This way of thinking is not characterized by the Cartesian division of subject and object. Neither is Heideggerian thought. The unity of subject and object is one of the hardest insights of philosophy but only if we keep it in mind can we grasp the meaning of Heideggerian Dasein and the Heideggerian construal of the Greek Dasein. As the meaning of Being transforms, so does the meaning of rationality.

While the formality of formal logic gravitates toward detemporalized constancy, the formality of Heideggerian phenomenology is rooted in lived and moving experience. In *Being and Time*, the formal structure of Dasein unfolds as a thrown project, or as manifested in the unity of the three ecstasies of temporality. In fact, Heidegger presents the description of this formal structure as a retrieval of genuine Aristotelian thought which was embedded in Greek thinking of presence. Indeed, Aristotle is a thinker of *ousia*. But *ousia* only exists as movedness (Bewegtheit), as *entelecheia* or *energeia*. Heidegger places the crucial emphasis on the fact that, for the Greeks, a true being was by no means devoid of motion, of temporality.

В.

Though formal logic derives from Aristotle, Aristotle himself was far from the sort of a standardized logician as his modern successors. The philosophy of lan-

guage in the twentieth century began to come to grips with the fact that living speech is not "logical" and works according to its own rules which are prior to those of formal logic: but precisely this wisdom is exhibited already in Aristotle's texts [e.g., 14.1a 1–5]. Of crucial importance here is the conception of the analogy of Being which is also the prototype of Heideggerian formal indication. Logic uses concepts-genera and species, but Being is beyond definitions in terms of genera and species because it is precisely the intentionality of Being that is the precondition for grasping genera and species. According to the traditional post-Aristotelian conception, the *ousia*, or essense, of a being is expressed in a definition (*horismos*). But Heidegger takes a step further (or back) into the pre-conceptual source of the thinking of ousia and links this notion to the experience of the worldhood of the world in the Greek Dasein. Aristotle does not "create" his concepts but draws them from Greek pre-conceptual notions. To put it in Platonic terms, he learns them by "remembering" them. This is true of terms like horismos and katēgoria, and ousia, and the latter one is key. Heidegger stresses that ousia is more than just the "first category" and is synonymous with his notion of Dasein. He explicates the structure of Dasein by listening attentively to the meaning of ousia which he renders as the German Anwesen which has the senses or connotations of both Being and estate, property, something one has.

Heidegger links the phenomenological notion of horizon of Being and Time to the Greek pre-conceptual experience of horos and horismos. For Aristotle, a horismos, a de-finition, is a logos which asserts something about and individual something. Logos fulfills itself in a definition which describes this individual something on the basis of the thing that is kath'auto, by itself. This thing existing by itself is called eidos by Plato and Aristotle. Western conceptual thought derives from the grasp of true being as eidos. Concepts which grasp the constant what uncover the being in its true Being. Now, the grasp of constant ousia can take two shapes. It can be grasped as deprived of its pre-conceptual source and of the temporal characteristic, and of the everyday sensory experience. As a consequence, it becomes the post-Cartesian subject and object. Heidegger terms this the uneigentlich uncovering of Being. However, for the Greeks, the eingentlich intuition of the constant presence was synonymous with kinēsis of fysis. The clearest expression of this is in Aristotle but it is characteristic of all Greek experience [15, P. 240]. The description of the *moving* Dasein is a re-construal of this Aristotelian/Greek notion. The moving relation of hyle and morfe is read by Heidegger as a decription of time ecstasies [cf. 16, especially 16. P. 299]. It is crucial that Aristotle conceives the Being of a being not only in terms of its what but also of its how (the moment of movedness). Remembering the forgotten link between the what and the how in constant presence is the way of renewing traditional Western logic and ontology. The concept is brought back to its pre-conceptual source. Logic which had turned into moveless constancy was brought back to the pre-conceptual origin of Being. Logos was brought back to the primordial legein of the stream of Being, the primordial intentionality as the only possible source of any authentic $logos^2$.

¹ "Synonymous" loosely in the modern sense of the word, not in the Aristotelian one.

² There is a definite conceptual link between Heidegger's bringing back to life of language and late Wittgenstein's *Sprachspiel* as derived from the living situatedness of language (here understood as intentionality).

N. Stasiulis

C.

Heidegger derives Greek logic with its key conception of definition (horismos) from the Greek pre-theoretical experience of peras—from the experience of beings as entering their limits. In Being and Time, Dasein experiences the limit in terms of mortality (Being-towards-death). The Aristotelian Beingness of a being (its Jeweiligkeit) in its peras is analogous or identical to Dasein's Jeweiligkeit or Jemeinigkeit [15. P. 291–292). Based on the Aristotelian stance that the soul is in a sense all beings, the description of transcendental structures of subject (Dasein) is also the description of the structure of all beingness. These Heideggerian musings reach their maturity in his thinking of presence as pain.

At the beginning of Western thought, presence was revealed as *logos*. Heidegger relates *logos* to *algos*. Algos, the Greek word for *pain*, is derived from the intensive of *lego – alego* [17. P. 404]. It is the most intensive form of *gathering*. Because *lego* means to gather, to collect into unity. How does pain gather? At first, pain is what rips one apart. But it does not disperse one into separated fragments; it, quite the contrary, gathers them into a unity. To quote Heidegger, "Pain rends [reißt]. It is the rift [Riß]. But it does not tear apart into dispersive fragments. Pain indeed tears asunder, it separates [scheidet], yet in such a manner that at the same time it draws everything to itself, gathers it to itself..." [18. P. 204]; "Pain is the joining agent [das Fügende] in the rending that divides and gathers. Pain is the joining of the rift [die Fuge des Risses] The joining is the threshold. It settles the between, the middle of the two that are separated in it. Pain joins the rift of the difference. Pain is the difference itself" [19. P. 24].

Pain is not in us. We are in pain. Pain is our limit which opens (has always already opened) the world and the space for us. There is not a subject but *Dasein* which is spatial. Dasein *is* space opened up by pain. Dasein's spatiality is necessarily attuned, while all fundamental attunements are related to their opposites – say, joy and sadness intermingle and turn into each other, with many moods or attunements in-between. Pain is the source, the *archē* of all attunement–and all spatiality. Therefore *pain* is another name for ontological difference, which separates and holds in gatheredness what it has separated. To quote Heidegger again where he describes the structure of the ontological difference analogously to the structure of pain:

Is this one Being something before all unfolding, that is, something that exists for itself, whose independence is the true essence of Being? Or is Being in its essence never not unfolded so that the manifold and its foldings constitute precisely the peculiar oneness of that which is intrinsically gathered up? Is Being imparted to the individual modes in such a way that by this imparting it in fact parts itself out, although in this parting out it is not partitioned in such a way that, as divided, it falls apart and loses its authentic essence, its unity? Might the unity of Being lie precisely in this imparting parting out? And if so, how would and could something like that happen [geschehen]? What holds sway in this event [Geschehen]? (These are questions concerning Being and Time!) [20. P. 25; 6. P. 31].

At the core of the pre-conceptual source of rationality is the painful structure of temporality as authentic presence. This is what the analysis of mortality in *Being*

and Time is directed at. On the other hand, the subject as opposed to Dasein is defined by being the ground of axioms = laws of nature according to which reality is set in a "logical", methodic, non-contradictory manner. Both his existential and physical space (which is not two but one and the same thing) is revealed as painless. As pain is the true source of all passions, especially joy, the space of the modern subject is joyless while his thought is substituted with rootless rationality.

References

- 1. Livingston, P.M. (n.d.) *The Early Heidegger and the Givenness of Form.* [Online] Available from: https://www.unm.edu/~pmliving/The%20Logic%20of%20Being%20-%20Chapter%202%20-%20Draft%209-2013.pdf
- 2. Heidegger, M. (2005) Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1919–1944. Vol. 62. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
- 3. Heidegger, M. (1994) Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen. Vol. 61. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
 - 4. Stasiulis, N. (2014) Aristotelio filosofijos reikšmė Heideggerio mąstyme. Vilnius: VU leidykla.
 - 5. Aristotle. (1924) Aristotle's Metaphysics. Oxford: Clarendon Press.
- 6. Heidegger, M. (1990) Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944. Vol. 33. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
- 7. Aristotle. (1984) *The Complete Works of Aristotle. The Revised Oxford Translation.* Vol. 1. New Jersey, West Sussex: Princeton University Press.
- 8. Macewen, C. (1995) On Formal Indication: Discussion of the Genesis of Heidegger "Being and Time". *Research in Phenomenology*. 25(1). pp. 226–239.
 - 9. Heidegger, M. (1992) Rinktiniai raštai. Vilnius: Mintis.
 - 10. Heidegger, M. (2006) Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- 11. Stasiulis, N. (2016) On the Unity of Theory and Practice in Heidegger's Thought. *Filosofi-ja.Sociologija*. 27(3). Vilnius: Technika.
 - 12. Šliogeris, A. (2011) Transcendencijos tyla. Vilnius: Margi raštai.
- 13. Aleksandravičius, P. (2009) Tomo Akviniečio laiko samprata. *Problemos*. 76. pp. 206–224. DOI: 10.15388/Problemos.2009.0.1931
- 14. Aristotle. (1984) *The Complete Works of Aristotle. The Revised Oxford Translation.* Vol. 1. New Jersey, West Sussex: Princeton University Press.
- 15. Kisiel, Th. (1993) *The Genesis of Heidegger's Being and Time*. Berkeley and Los Angeles: California University Press.
- 16. Heidegger, M. (1979a) Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1917–1970. Vol. 9. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
- 17. Heidegger, M. (1979b) Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentliche Schriften 1914–1970. Vol. 9. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
- 18. Heidegger, M. (1971) *Poetry, Language, Thought.* Translated from German by A. Hofstadter. New York: Harper & Row.
- 19. Heidegger, M. (1985) Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Vol. 12. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
- 20. Heidegger, M. (1995) Aristotle's Metaphysics [theta] 1 3, On the Essence and Actuality of Force. Translated from German by W. Brogan and P. Warnek. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.

Nerijus Stasiulis, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania).

Email: nerijus.stasiulis@vgtu.lt

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 129–136.

DOI: 10.17223/1998863X/56/13

THE MEANING OF RATIONALITY IN HEIDEGGER'S PHILOSOPHY

Keywords: Heidegger; logos; ontology; pain; rationality.

The article traces Heideggerian thought back to its pre-conceptual origin and demonstrates how thus a transformation of the notion of rationality has been achieved in his philosophy. The thinker

N. Stasiulis

focuses his investigation on the ontological basis of Western rationality. He also develops the structure of his own thought by reinterpreting this ontological basis as expressed in Aristotle and Plato, in particular, and the Greek thought of presence in general. Heidegger rediscovered the crucial link between thinking and finitude, hence, his early musings on pre-conceptual origins of logical, or conceptual, thought later, in his mature period, culminated in the thinking of pain as the ontological difference.

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/56/14

С.А. Гашков

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ У М. ФУКО И К. КАСТОРИАДИСА: ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ И МЕХАНИЗМЫ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО

Статья ставит перед собой задачу раскрыть эволюцию методов философии истории и онтологических механизмов исторического в свете сопоставления трудов Фуко и Касториадиса. Мы обнаруживаем в основании их интуиции методические новшества, предполагающие «включение» в логику исторического процесса «семантических» элементов и признание преобразующего значения исторического содержания, базирующееся на новом понимании объективных фундаментальных исторических процессов у обоих авторов.

Ключевые слова: Фуко, Касториадис, философия истории, онтология и теория познания исторического, эволюция постструктурализма.

Введение

Сопоставительный анализ творчества двух знаменитых французских философов XX в. Мишеля Фуко (1926–1984) и Корнелиуса Касториадиса (1922–1997) достаточно распространен в историко-философской литературе. Обычно их сближают с точки зрения их анализа власти и «постструктуралистской» концепции субъективности [1. Р. 5; 9. Р. 21; 11. С. 195]. Оригинальность нашего исследования состоит в том, чтобы взглянуть на такое сопоставление с точки зрения возможности создания новых методов в философии истории, так как, по нашему убеждению, речь идет у обоих авторов об онтологии исторического в ее взаимосвязи с «повседневными» («материальными») феноменами: языком, жизнью, «психе», техникой, познанием и т.д. Проблематичным может показаться то, что ни тот ни другой автор не были создателями систематической философии истории как таковой. Это не может послужить нам препятствием для того, чтобы последовательно восстановить порядок их рассуждений, руководствуясь системообразующими элементами, почерпнутыми в мысли самих этих авторов.

1. К философии истории у М. Фуко: от проблемы метода к определению основного онтологического противопоставления исторического

Говоря об историческом в смысле Фуко, необходимо прояснить, что является предметом истории. Представляет ли собой философия истории некоторую надысторическую рефлексию, т.е. осмысляющую генеалогию, показывающую тесную связь идей с их историческими условиями и отношениями, или представляет собой набор инструментов понимания истории как «онто-

138 С.А. Гашков

логии нас самих», т.е. герменевтику текстов, определяющих нашу повседневность как субъектов «асимметричных» отношений знания и власти. Очевидно, у Фуко присутствуют и генеалогия, и герменевтика. Понимание метода Фуко в философии истории состоит в понимании особенностей его функционирования.

Обсуждая исторический метод Фуко, известный американский философ Х. Патнэм берет в качестве наиболее яркого примера «Рождение клиники». «Фуко показал, что "клиника", т.е. больница и связанные с ней медицинские заведения, - пишет Патнэм, - представляет собой отражение подъема определенной идеологии относительно болезни и здоровья, а также роста научной техники» [3. С. 8]. Вывод, к которому может прийти читатель, состоит в том, что либо клиника не самое лучшее место для лечения, либо что болезнь как таковая есть некоторая идеологема. Но вовсе не это стремится показать Фуко. Хорошо знавший и сотрудничавший с ним много лет историк П. Вен пишет о том, что многие поняли «Историю безумия» превратно, как если бы безумцев не существует, и «что речения о безумцах были идеологическими» [4. С. 9]. Дело в том, пишет Вен, что «Фуко – номиналист, как... всякий хороший историк. Эвристически правильнее исходить из практических деталей, из того, что говорилось и делалось, и направлять интеллектуальные усилия на поиски дискурса, стоящего за тем и другим» [Там же. С. 14]. Таким образом, речь идет о методе «исторического априори», который и состоит в том, чтобы не просто полагаться на исторический инструментарий, направляя его на раскрытие некоторой универсальной идеи, а единичных эмпирических фактов.

Итак, Фуко, согласно Вену, доказывает, что у истории есть специфическая предметность, если понимать под истиной не идею, а «диспозитив», специфическую смесь «вещей и идей», которую «пропитывает» дискурс. «Стало быть, можно написать историю самой истины... Поскольку дискурс имманентен историческим фактам, всему тому диспозитиву, лишь наиболее строгой формулировкой которого он служит, он не увлекает за собой историю, а, напротив, влеком ею...» [Там же. С. 48]. Вен предупреждает, таким образом, ту возможную критику, которая неизбежно вытекает из смешения в представлении читателей Фуко «дискурса» и «истины», как будто бы целью философа является поставить дискурс на место истины исторического факта, что у Фуко не имеет места быть.

Итак, в практической интерпретации истории с именем Фуко Патнэм, как и многие другие, связывает релятивизм, когда действия исторических персоналий связываются с вопросом истины, «правоты» или «рациональности» их действий. Но история, по Фуко, имеет особенный смысл, который раскрывается им в понятии «исторического априори». «Историческое априори» не есть универсальный объясняющий принцип, он, напротив, показывает тот факт, что историчность как таковая имманентна дискурсам и диспозитивам, делающим для нас возможными одновременно историческую реальность и историческую идеологию. «Оно должно объяснить тот факт, – отмечает Фуко, – что дискурс имеет не только смысл или истинность, но и историю, причем историю специфическую, которая не подчиняет его законам чужого становления» [2. С. 245].

Если мы обратимся к раннему периоду творчества, к археологии, тут мы можем обнаружить, что Фуко определенно придерживается идеи «эпистемо-

логического разрыва» между классической эпохой и «веком истории». В «Словах и вещах» эпоха классического рационализма и век, начало которого следует датировать кантианством (примечательно, что Фуко нигде прямо не указывает, начинается ли современность с Канта или Кант сам открывает собой современность), соотносятся друг с другом не как части одного «паззла», а как отражающие друг друга осколки одной зеркальной поверхности.

«Сосуществование в конце XVIII века Идеологии и критической философии, – писал Фуко еще в «Словах и вещах», – Дестю де Траси и Канта – это соседство двух чуждых форм научного сознания, тех, что в научной мысли еще хранят единство, но уже обречены вот-вот расстаться» [7. С. 266]. Вопрос о границе представления, который классической эпохой никогда серьезно не ставился, становится в критическом проекте его отправной точкой.

Известно, что творчество Фуко делится на ряд периодов, которые находятся в известном противоречии друг другу и из которых сложно вычленить главное. Тем не менее, сравнивая мысли его различных периодов, можно прийти к выводу, что основным историческим постулатом для него оказывается тезис об оппозиции между универсальным (в форме универсального «матезиса» или в форме теологии) и частным (в форме критики границ познания, «заботы о себе», «духовности», «редкости» и т.д.). Этот тезис можно обнаружить в его поздних произведениях.

«Богословие, – говорит Фуко, – выступив в качестве рационально обосновывающей... рефлексии с универсалистскими претензиями, стало в то же самое время основанием принципа познающего субъекта вообще, субъекта познания, который обретал в Боге одновременно и образ... своего Творца, и значит, образец. Сходство между Богом, знающим все, и субъектами, все как один могущими знать, ...является, несомненно, одним из главных элементов, [приведших к тому], что западное мышление – или основные формы рефлексии – и, в частности, философская мысль, отмежевались, отстранились, освободились от условий духовности, до того соблюдавшихся и в целом отвечавших принципу epimeleia heautou» [5. С. 22].

Далее философ утверждает, что противоречие, имевшее место в течение двенадцати веков, является противоречием не между наукой и богословием, а между богословием и духовностью. В данном контексте вернее было бы говорить не столько о богословии, сколько об универсальности. Эту мысль подтверждает и П. Вен. «Открытие универсальному... имеется в виду, что только христианская религия истинна и что ее следует проповедовать всем людям ради их спасения». Универсальности противополагается духовность, которая имеет свои корни в античной «заботе о себе» [4. С. 78].

В работах позднего Фуко мы находим, в частности, весьма ясное противопоставление традиционного принципа gnothi seauton (широко трактуемого как универсальное начало познания и нравственности) — «познай самого себя» принципу epimeleia seautou — заботы о себе в том, что касается их значения, их иерархического взаимоотношения в античном мире. «Gnothi seauton ("познай самого себя"), — отмечает Фуко, вполне очевидным образом вписывается... в более широкий контекст epimeleia heautou (заботы о себе) как одна из форм, как одно из ее следствий» [б. С. 7]. Фуко утверждает, что понятие «забота о себе» было характерно для всей греческой и римской культуры, «до самого порога христианства» [Там же. С. 11]. Принцип «gnothi seauton»,

140 С.А. Гашков

«духовность» в самом широком смысле слова, «внешняя» по отношению к субъекту истина, озаряющая его, заняла в нашей культуре место epimeleia heautou, заботливого отношения к своим мыслям, «внутреннему» миру, философскому принципу «печься» и «заботиться о самом себе». При этом Фуко отмечает, что изначально «забота о себе» может не нести в себе ничего интеллектуального.

В лекциях о «Герменевтике субъекта» Фуко подчеркивает тот факт, что духовность, от которой всяческим образом пытались отойти философы «классической эпохи» Декарт, Бэкон, Локк или Лейбниц, снова вернулась, хотя и в несколько измененном и «проблемном» виде, в образцах философской рефлексии XIX в., в частности, в работах Гегеля. Философы «классического типа» испытывали неприязнь «по отношению к философии XIX в., той философии, которая ставит, по крайней мере, имплицитно, очень старый вопрос о духовности и проявляет, вслух о том не говоря, заботу о заботе о себе» [6. С. 24].

Романтическая и постромантическая мысль, наследующая в ее разнообразных формах XIX в., пусть в форме заботы о социальном классе или сексуальных свободах части общества, действовала по одному и тому же шаблону проблематической «заботы о себе». При этом Фуко никогда не ставил перед собой задачи написать историю собственно марксизма или психоанализа, описывая некую генеалогию «наследующихся» структур мышления и познания, в самых неожиданных формах обнаруживающих себя в древности и современности.

Итак, можно сделать общий текстологический вывод, что тот очевидный факт, что классическая эпоха была только и занята таксономией представления (ни мало не заботясь о том, что оно может оказаться иллюзией) и что критическая эпоха только и занималась «границами разума», объясняется впоследствии у позднего Фуко этим историческим конфликтом универсального «матезиса» (и в форме теологии как универсального и «некритического» учения) и заботы о духовности как заботы о самости субъекта.

2. К философии истории у К. Касториадиса: от критики методологии Фуко к новому определению основного онтологического противопоставления исторического

Таким образом, Фуко нигде не говорит, что идеология подменяет собой историческую реальность, но то, что реальность и идеология должны быть поняты через свойственную им историчность. Впрочем, от внимательного взгляда Касториадиса эта эвристическая природа «эпистемы» Фуко словно бы ускользает. В отличие от Фуко, Касториадис не видит необходимости специально выделять гуманитарное знание, противопоставляя ту истину о субъекте, которую мы получаем из анализа гуманитарных наук, той, что мы имеем благодаря знанию научному.

В чем состоит принципиальное различие Фуко и Касториадиса в их подходах к историческому процессу? Касториадис прямо сопоставляет «эпистему» Фуко с «парадигмами» Т. Куна, говоря о том, что в рамках эпистемы философский вопрос об истине в научном знании не может быть поставлен [8. Р. 12]. «Есть ли отношение между "эпистемой" современного Запада и античной Грецией и какое? Есть ли у них некий референт, в некотором смысле,

общий, который, в другом смысле, является независимым? И можно ли говорить в том же самом смысле об "эпистеме" индейцев Аранда?» [8. Р. 13].

Иными словами, становится понятно, что критика Касториадиса направлена на тот момент метода Фуко (особенно присущего «археологии»), который рассматривает в качестве объекта познания не некоторые общие черты эпохи, а некоторую «курьезность» (curiosité) или «редкость» (rareté), как если бы речь шла об этнографическом исследовании, сталкивающемся с необычной для нас спецификой жизни «первобытных» народов. Рассмотрение философии и науки в качестве этнографической «редкости», характеризующей собой быт «греко-западной цивилизации», кажется, не учитывает того момента, что философия и наука, как их видит Касториадис, в их исторической перспективе представляют собой не просто социальные институты или традиции, а нечто большее. Это, согласно философу, – некое застывание «магмы социально-исторических значений» в форме институтов, имеющих онтологическое значение. Касториадис призывает не сбрасывать со счетов революционного характера познания, изменяющего картину мира не только из простой любознательности, но из осознания преобразующего отношения человека по отношению к действительности.

Критика Фуко Касториадисом в области философско-исторического совершается, как нам кажется, двумя путями. С одной стороны, он сопоставляет критику Фуко с критикой хайдеггерианства с его идеями технологизации научного знания и «конца философии». Сам по себе феномен технологизации и бюрократизации науки, считает Касториадис, не представляет собой окончания философской мысли как таковой. Напротив, усугубление разделения «Бытия», с одной стороны, и «сущего» или «сущих» – с другой, приводит в конечном счете к гносеологическому обособлению гуманитарных наук и отказу от вопросов мировоззренческого порядка, неотделимых от философского вопрошания о разных сторонах прогресса научного знания. С другой стороны, критика касается общих представлений структурализма, в котором философское вопрошание об истории зачастую подменяется этнографическим, культурологическим и другими эмпирическими исследованиями. Их главный недостаток состоит, по Касториадису, в том, что они забывают о том, что философия является «творением фигур мыслимого» [Ibid. P. 18] в исторической связи разрывного и неразрывного.

Противопоставление духовного универсальному показывает существенную неоднородность исторического субъекта, его непреодолимую нетождественность самому себе. Но дело не в том, чтобы поставить под сомнение тождественность субъективности в истории, а в том, чтобы показать, что на исторической сцене не меньшую роль, чем собственно субъективность, могут играть такие общественные институты, как греческая демократия или новоевропейская наука и философия.

Говоря об этом, нельзя забывать, что у Фуко и Касториадиса есть общий объект критики — «спекулятивная история». В отличие от Фуко, который исходит из определенной тенденции экзистенциалистского гегельянства, популярного во французских университетах в годы его учебы, генеалогию мысли Касториадиса следует искать в его прошлом как революционного марксиста, порвавшего с марксизмом из-за бюрократизации всех его основных институтов. Как только человек начал изучать историю человеческой мысли, рассуж-

142 С.А. Гашков

дает Касториадис, перед ним возник ряд разнородных учений, находящихся в противоречивой связи между собой. То, что предложил марксизм, это задача создания всеобщей истории, объединившей в себе мысль и действие, «наиболее высокую мысль и самое будничное действие» [10. С. 73]. Эта задача не есть только марксистская, по Касториадису, она характеризует собой определенную традицию в западноевропейской мысли и цивилизации.

«Поставленная перед собой Западом задача создания всеобщей истории, – пишет философ, – исчерпывающего понимания и объяснения существовавших ранее обществ с необходимостью содержит в себе возможность провала в том случае, если она рассматривается как спекулятивный проект» [Там же. С. 183]. С одной стороны, критические методы, распространенные в истории или этнографии, не удовлетворяют Касториадиса, поскольку исходят из презумпции существования «идеального типа» «души» индивида другой культуры или цивилизации, что само по себе противоречиво. С другой стороны, Касториадис неоднократно отмечает кризис марксизма как универсального проекта исторического детерминизма.

Итак, задача стоит в том, чтобы создать такой проект философии истории, который был бы одновременно и спекулятивным, и критическим. Касториадис решает эту задачу следующим образом: основным онтологическим противоречием в истории является не конфликт универсального и частного, а отождествляющего и определяющего мышления, с одной стороны, и творческого воображения, находящего применение в непосредственной практике, — с другой. Бытие-в определении и необходимость-определения, занимающее верхнюю ступень в западноевропейском мышлении, он называет греческим глаголом «legein». А творческое воображение, неразрывно связанное с мышлением, существенное отличие которого состоит в том, что оно не определяет значение, а имеет дело со значением-как, значимостью-для, — «teukhein». Таким образом, в философии истории мы имеем дело не просто с перманентным конфликтом общего и частного, а общезначимого и частно-значимого.

Эта социально-историческая взаимосвязь «legein» и «teukhein» имеет историческое значение, возвращающее нас к проблематике, поднятой Фуко, но им непроработанной. «Следующие друг за другом перевороты, отмечающие своими вехами историю "рационального знания" различных обществ, всегда были обусловлены потрясениями, происходившими в глобальном воображаемом представлении мира (а также природы и целей самого знания)» [Там же. С. 339]. Фуко представляет нам эпистемологические «перевороты», происходящие в виде последовательной смены эпистем, как следствие разрывности, т.е. онтологического непреодолимого противоречия между универсальным и «частным». Касториадис же говорит о том, что основное онтологическое противоречие в истории состоит здесь в том, что наша теоретическая традиция концептуализирует подобные изменения в виде универсальных законов и определений («legein»), в то время как все основные вехи глобальных изменений в истории принадлежат другому онтологическому порядку: порядку исторической семантики, творческого воображения, «техникам» истории («teukhein»). В этом смысле оппозиция «legein» и «teukhein» фундирует другую основополагающую оппозицию Касториадиса - противопоставление автономии гетерономии. Автономного общества как такового история никогда не знала. Не сами по себе техника или идеология имеют отчуждающий смысл для человека, а его самоотождествление с ними.

3. Сопоставление философии истории у Фуко и Касториадиса: основные выводы

- 1) В вопросах метода философии истории у Фуко и Касториадиса имеется парадоксальным образом много общего, так как они являются оба «номиналистами», показывая, что значение отдельного исторического факта, явления, события является не менее значимым, чем действие универсальных законов. (Так, Фуко в «Истории сексуальности» скрупулезно показывает, как домоустройство древних греков или внутренний распорядок средневековых монастырей послужили основой формирования общественных норм. Касториадис в своих работах исследует трагическое мировоззрение доплатоновской философии, представленное в литературных памятниках, и показывает его взаимосвязь с древнегреческими институтами политики и философии.) Достижением Касториадиса в вопросах метода явилось, на наш взгляд, то, что ему удалось (во многом благодаря его концепции «психе» как коллективного творческого воображения) поставить проблему функционирования социальных институтов в истории не в качестве институтов и практик «власти», как это было у Фуко, а в качестве инструментов творческого познания действительности. Таким образом, европейский субъект онтологически оказывается связан не только с феноменами власти – знания, а с такими исторически возникавшими институтами, как древнегреческая демократия и философия или новоевропейская наука. Касториадис в этом смысле оригинально преодолевает анти-субъективистскую «линию» Ницше и Хайдеггера, доминирующую еще у Фуко. Касториадис указывает, что такой подход не дает возможности постановки философского вопроса об истории. Итак, триаде Фуко «знания-практики-институты» (на которой основывается взаимодействие «знания» и «власти») можно противопоставить триаду Касториадиса «психе»—«язык»—«предмет познания», позволяющий говорить о том, что философия имеет в исторической реальности адекватный предмет своего вопрошания.
- 2) Фуко считает основным методологическим требованием к философии истории разрывность (дисконтинуентность) исторического процесса, что дает нам право выделить его оппозицию универсальности и «заботы о себе» («духовности», «частности», «редкости») в качестве основного онтологического противопоставления («конфликта») в истории. Главный момент критики философии истории Фуко совпадает, таким образом, у Касториадиса с его основной онтологической оппозицией в философии истории: он показывает, что в истории основной онтологический конфликт имеет место между универсально-логическим и практико-техническим, отождествляющим мышлением и независимыми от него, но зачастую определяющими историческую реальность конкретными практиками и процессами. В принципе, у обоих авторов речь идет об одном и том же: исторические факторы носят не универсальный, а частный характер, знание общих законов и причин часто только затемняет познание. Но принципиальное различие заключается, на наш взгляд, в следующем. Фуко постулирует необходимость отхода от универсальности в пользу «заботы о себе» («духовности») как основного условия

144 С.А. Гашков

частного существования исторического субъекта. Касториадис же показывает, что необходимо вновь поставить философский вопрос о сущности таких институтов, как наука, философия или демократия, в свете переосмысления сущности исторических практик в их онтологической противопоставленности отождествляюще-определяющему мышлению. Предметом философии истории, по Касториадису, оказывается не «редкое» или «частное», как по Фуко, но и не «универсальное», а «частно-практическое», находящееся в онтологическом конфликте с универсальностью.

3) В этом смысле Фуко продолжает линию Хайдеггера, критикуя бюрократизацию и технологизацию современной науки в качестве последствия «европейской метафизики». Касториадис преодолевает хайдеггеровскую установку на то, что «техника» представляет собой «конец истории». Но также он преодолевает и установку Фуко на то, чтобы видеть в различных исторических техниках (наказании, дисциплине, лечебнице, школе и т.д.) только проявление «власти» (что кажется односторонним). Фуко явным образом систематически проходит здесь мимо неизбежного конфликта между законом и тем, кому приходится его исполнять, между предписанным и тем, как оно в действительности исполняется. А ведь это часто и выступает причиной исторических изменений. Именно этот пробел и восполняет Касториадис, подчеркивая, что это противоречие между логическим отождествлением и практической техникой исполнения является важнейшим для понимания исторических механизмов и процессов изменения.

Литература

- 1. Tovar-Restrepo M. Castoriadis, Foucault and Autonomy. New Approaches to Subjectivity, Society and Social Change, New-York, 2012.
- $\dot{2}$. Фуко M. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб. : Гуманитарная Академия, 2004.
- 3. Патиэм X. Разум, истина и история / пер. с англ. Т.А. Дмитриева, А.В. Лебедева. М. : Праксис, 2002
- 4. Вен П. Фуко. Его мысль и личность / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб. : «Владимир Лаль». 2013
- 5. Φ уко M. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1981–1982 уч. году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007.
- 6. *Фуко М.* Использование удовольствий. История сексуальности / пер. с фр. В. Каплуна. СПб. : Академический проект, 2004. Т. 2.
- 7. Φ уко M. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб. : A-cad, 1994.
 - 8. Castoriadis Cornélius Les Carrefours du labyrinthe, Paris, Seuil, 1978.
- 9. Caumière Ph. La pensée de l'autonomie chez Castoriadis au risque de Foucault // Klimis S., Van Ende L., (dir.), Cahiers Castoriadis, Bruxelles, 2006. P. 20–45.
- 10. *Касториадис К*. Воображаемое установление общества / пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М. : Гнозис; Логос, 2003.
- 11. *Гашков С.А.* Социальная философия М. Фуко и К. Касториадиса: пути к сопоставлению // Вестник СПб. гос. ун-та. Сер. 6: Философия. Культурология. Право. Межд. отношения. 2009. № 1. С. 190–201.
- Sergey A. Gashkov, University of Poitiers (Poitiers, France); Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D. F. Ustinov (Saint Petersburg, Russian Federation).

Email: sgachkov@hotmail.com, sergegachkov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 137–145.

DOI: 10.17223/1998863X/56/14

THE PHILOSOPHY OF HISTORY BY MICHEL FOUCAULT AND CORNELIUS CASTORIADIS: AN EVOLUTION OF METHODS AND MECHANISMS OF ONTOLOGICAL OPPOSITIONS IN HISTORY

Keywords: Foucault; Castoriadis; philosophy of history; ontology and epistemology of historicity; evolution of poststructuralism.

The aim of this article is to study the connections between the works of two famous French philosophers: Michel Foucault (1926–1978) and Cornelius Castoriadis (1922–1997) on the subject of the philosophy of history. The author tries to prove that behind methodological differences of the both works there are substantial differences on the subject of the ontology of history and its mechanisms. Scholars, such as Marcela Tovar-Restrepo, often compare the both works regarding the connections between subjectivity and power existing in the works of the both thinkers. The question in this study is about the objective conflicts functioning behind their methodological analyses. The investigations lead to the following results: (1) Castoriadis's methodology of the philosophy of history is opposed to that of Foucault not only by his interest to existentialist Marxism, but also by the acceptance of the transhistorical triad "soul-language-object" in the place of Foucault's trans-historical triad "language work – life"; (2) Castoriadis's ontology of history opposes to that of Foucault by the introduction of the trans-historical conflict "autonomy-heteronomy" in the place of Foucault's trans-historical conflict "(universalist) theology-spirituality". In this sense, the advantage of the both authors is that they include into history some "semantic dimension", the ways and techniques of doing something, specific for a period of time. In fact, Castoriadis radically opposes the both ontological dimensions of history: the "legein", i.e. logical determination, dominating in the Occidental mind and the "teukhein", i.e. different techniques. And Foucault sees their differences clearly, writing histories and genealogies of different techniques, but he never opposes techniques to the power or science. Finally, the problem is not that Foucault can represent a risk to Castoriadis's autonomy (Caumière), but that the both authors describe history in the pure opposition to speculativism and determinism, just forgetting about its moral dimension.

References

- 1. Tovar-Restrepo, M. (2012) Castoriadis, Foucault and Autonomy. New Approaches to Subjectivity, Society and Social Change. New York: Bloomsbury Academic.
- 2. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French by M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
- 3. Putnam, H. (2002) *Razum, istina i istoriya* [Reason, Truth and History]. Translated from English by T.A. Dmitriev, A.V. Lebedev. Moscow: Praksis.
- 4. Wen, P. (2013) Fuko. Ego mysl' i lichnost' [Foucault. His Thought and Personality]. Translated from French by A.V. Shestakov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- 5. Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub"ekta. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kolledzhe de Frans v 1981–1982 uch. godu* [Hermeneutics of the subject. A course of lectures given at the College de France in the 1981–1982 academic year]. Translated from French by A. G. Pogonyaylo. St. Petersburg: Nauka.
- 6. Foucault, M. (2004) *Ispol'zovanie udovol'stviy. Istoriya seksual'nosti* [Using pleasure. History of sexuality]. Translated from French by V. Kaplun. Vol. 2. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
- 7. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
 - 8. Castoriadis, C. (1978) Les Carrefours du labyrinth. Paris: Seuil.
- 9. Caumière, Ph. (2006) La pensée de l'autonomie chez Castoriadis au risque de Foucault. In: Klimis, S. & Van Ende, L. (ed.) *Cahiers Castoriadis*. Bruxelles: Publications des Facultés universitaires Saint-Louis. pp. 20–45.
- 10. Castoriadis, C. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [Imaginary establishment of society]. Translated from French by G. Volkova, S. Ofertas. Moscow: Gnozis; Logos.
- 11. Gashkov, S.A. (2009) Social Philosophy of Michel Foucault and Cornelius Castoriadis: Essay of Comparison. *Vestnik St. Petersburg gos. un-ta. Politologiya. Mezhd. Otnosheniya.* 1. pp. 190–201. (In Russian).

УДК 1/14+001.18

DOI: 10.17223/1998863X/56/15

Ю.В. Хвастунова

ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И РАЙСКАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ДЭВИДА ПИРСА КАК НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ТРАНСГУМАНИЗМА

В статье рассмотрена трансгуманистическая версия нравственности сверхчеловека, разработанная Д. Пирсом. Гедонистический императив (отрицательный этический утилитаризм) должен заменить традиционную нравственность и исключить такие понятия, как боль, несчастье. Д. Пирс предлагает метод для достижения счастья — «райская инженерия». В статье анализируются возможность практического и теоретического применения гедонистического императива и критические замечания по поводу новой морали трансгуманистов.

Ключевые слова: гедонистический императив, отрицательный утилитаризм, трансгуманизм, аболиционизм, райская инженерия, этика.

Современный английский ученый трансгуманист Дэвид Пирс является одним из основателей (совместно с Ником Бостромом) трансгуманистического общества «Мировая трансгуманистическая ассоциация» (WTA/BTA), которая с 1998 г. трансформировалась в НКО «Humanity Plus (Humanity+)».

Трансгуманистическое движение в настоящий момент имеет несколько крупных направлений как на уровне теоретического осмысления всего комплекса идей, так и в практическом плане. Ряд ученых занимаются реализацией конкретных аспектов трансгуманистического проекта, а другие имеют собственное мнение, порой существенно отличающееся от генеральной линии. Так, уже устоявшиеся понятие «сингулярность» имеет различные варианты интерпретации. У Вернора Винджа «сингулярность» – это неизбежное следствие технического прогресса, который перерастает в бесконечное сверхскоростное совершенствование, у Рея Курцвейла – технологический позитивный сверхпрорыв и слияние, у Н. Бострома – это прежде всего открытие и развитие сверхразума или искусственного интеллекта с помощью в том числе нанотехнологий, у М. Мора – это эра бессмертия и сверхлюдей. Д. Пирс же сосредоточивается на вопросе нравственности, вернее, новой этики для постлюдей и постмира [1–9].

Дэвид Пирс – приверженец аналитической философии, а точнее философ-тилитарист, разработавший этическую базу для трансгуманизма, называемую аболиционизмом (аболиционистский проект, аболиционизм как движение за избавление, освобождение от страданий, отсюда особые симпатии Д. Пирса к буддизму и восточным культам). В книге интернет-манифесте

¹ Дэвид Пирс и Ник Бостром (Nick Bostrom). Исполнительные директора: Джеймс Хьюз (James Hughes), Джулио Приско (Giulio Prisco), Алекс Лайтман (Alex Lightman). Членство в организации платное – от 30 (для студентов и жителей развивающихся стран) до 1 000 долл. США в год, в зависимости от членского статуса. Есть тарифы Full, Plus и Sponsor. Последний предусматривает участие в принятии решений организации. Известные члены: Бен Герцель, Ник Бостром, Джулио Приско, Обри ди Грей, Майкл Вассар.

«Тhe Hedonistic Imperative» (Гедонистический императив, 1995 г.) философ сформулировал принципы гедонистического императива [1]. Суть гедонистического императива (аббревиатура Hedonic Human +, а на русском языке – ГТГ¹) выражается в признании возможности полного устранения страданий из жизни человека и, более того, обоснование ненужности, эволюционного преодоления страданий с помощью набора современных и будущих сверхтехнологий: от нанотехнологий и генной инженерии до фармакологии и нейрохирургии.

В 2007 г. Дэвид Пирс основал Аболиционистское общество (Abolitionist Society), ставящее целью искоренение страданий с помощью искусственных методов. Аболиционизм понимается не как борьба за свободы афроамериканцев, а как утверждение «негативного гедонизма», где отрицается фундаментальность страданий и как следствие борьба за уничтожение страданий. Высокие технологии смогут полностью избавить живые существа от боли, страданий, неприятных ощущений, несчастья и предоставить приятную альтернативу – «информационно-сигнальные градиенты здоровья и счастья». Эту идею аболиционисты назвали «paradise engineering» (конструирование рая, райская инженерия) [2]. С рядом открытий и постановкой их на поток на новой земле – рае никто, включая животный мир и всю экосистему, не будет страдать, феномен хищничества полностью исчезнет благодаря технологиям [3].

По Д. Пирсу, человечество до сих пор эволюционировало согласно классической теории борьбы за выживание (отбор) и размножение, и поэтому страдания были неизбежны, а в XXI в. с помощью технологий люди смогут устранить не только физические страдания, но и психические. Д. Пирс предполагает, что более совершенные нанотехнологии и вмешательство в гены, а также особые наркотики решат проблему страданий и наступит рай. Уже совсем скоро эту проблему частично решат дизайнерские наркотики – «безопасные прояснители настроения».

У ряда трансгуманистов наблюдается почти «трепетное отношение» к наркотикам или некоторым их разновидностям, которые характеризуются как максимум наслаждений и минимум негативных последствий, отсюда обоснование необходимости применения дизайнерских наркотиков. Действительно, система построения гедонистической этики и рая на земле в принципе не может быть автономной, и она «обеспечивается» только дополнительной реальностью, технологиями, наркотиками, и все это в квадрате, поскольку сами технологии рано или поздно действуют слабее и требуют уже в отношении себя противоядие / антидот. Такая ситуация также говорит не в пользу «наркотического» пути. Отсюда у Д. Пирса в главной работе уделено столько внимания «поиску нейрокоррелята удовольствия и разработке психотропных средств и новых методик искусственного программирования потребностей, разработке медикаментозных методов подавления агрессии» [4].

¹ В англоязычной среде в 2000-х гг. для обозначения трансгуманизма стало использоваться сочетание символов H+ (h)+ (Human +). Отсюда гедонистический трансгуманизм (ГТГ при латинском написании имеет сходное обозначение HH+ или hh+ (Hedonic Human +)). На русском используется аббревиатура ГТГ. Гедонистический трансгуманизм (ГТГ) – конкретное учение, основывающееся на принципах гедонизма, эвдемонизма и утилитаризма, а трансгуманизм просматривается в обосновании искусственной трансформации человека, его природы до состояния счастливого существа.

Обратимся к концепции отрицательного утилитаризма Д. Пирса. Отрицательный этический утилитаризм получил свое название из-за своеобразной асимметрии, вернее, если в обычной жизни удовольствие и страдания присутствуют в равной степени и уравновешивают друг друга, то, по версии Д. Пирса, в новом мире страданий не будет вовсе 1. Более того, нельзя игнорировать известный факт, что страдание в одной ситуации может являться благом и полезным инструментом – в другой. Так, боль от раны – это сигнал неполадки в теле, и человек, получая этот сигнал, принимает меры; если бы боли не существовало, то человек быстро выходил бы из строя, некий аналог синдрома нечувствительности к боли - «аналгезия». Такие больные очень быстро понимают, как важны страдания – индикаторы опасности. Более того, у большинства трансгуманистов четко усматривается прямо-таки фатальное неприятие / бегство от страданий во всех смыслах, но, возможно, парадокс заключается в том, что чем сильнее человек боится или избегает страданий, тем сильнее они его «задевают». Если обратиться к опыту религиозных традиций, например к описанию жизни аскетов, мучеников, монахов, которые «испили чашу страданий до дна», удивляет необычайный исход – достижение счастья, гармонии, покоя, мудрости и способности все это дарить другим. Такие люди не убегали от страданий, но в итоге, познав всю амплитуду страданий в правильном саморазвитии и борьбе, они побороли страдания, они как бы «сели им на спину», и последние уже стали лишь средствами постижения человеческой природы, законов мироздания и самосовершенствования и великой сострадательности к миру. «Пресыщенные» и довольные, которых сейчас в западном мире называют часто филантропами и меценатами, зачастую вовсе не способны на сострадание в настоящем смысле слова. Они бросают «мелочь» с чувством великих благодетелей и тут же рассуждают о способах ограничения рождаемости, эвтаназии, гибридных войнах и прочих «филантропических» вещах для населения.

Д. Пирс настаивает на отрицании базисности боли и страдания, считая, что с помощью технологий, например, генетически смоделировав отключение страданий, человек автоматически станет постоянно и бесконечно счастливым. Подкреплением такой позиции Д. Пирс считает нашу естественную сострадательность ко всему живому, т.е. поскольку нам «жалко» страдающее существо, мы должны стремиться изжить / ликвидировать страдание полностью. Любые несчастья, боль и потери не имеют оправдания, положительного начала, по Д. Пирсу. Отсюда Д. Пирс как убежденный трансгуманист находит возможность приблизить свой этический идеал к реальности с помощью биотехнологий. Эра сингулярности — это абсолютный рай на Земле в смысле невозможности испытать боль и страдания индивидом, человек ока-

¹ Карл Поппер после Второй мировой войны сформулировал новые философско-политические основания понимания счастья, альтернативные соцлагерю и его идее народного счастья и благоденствия (т.е. идея всеобщего счастья в тоталитарных режимах провалилась или дискредитировала себя в глазах западной элиты, и отсюда отказ от максимизации счастья в пользу минимизации страданий). Негативный утилитаризм Д. Пирса — это особая разновидность утилитаризма, которая отрицает симетрию шкалы удовольствия и считает принципиально приоритетной борьбу против страданий в сравнении с увеличением счастья уже счастливых (или нейтральных) существ. В своей радикальной форме утилитаризм вовсе не считает нужным повышение счастья выше нулевого уровня. Трансгуманисты делают ставку на негативный утилитаризм еще и потому, что уверены в факте. «Многие люди интуитивно гораздо больше боятся сильных страданий, чем стремятся к сильным удовольствиям» — отсюда можно создать корреляционную школу и разработать программу дозирования удовольствия.

жется в атмосфере постоянного удовольствия, можно сказать, что Д. Пирс представил более тонкую и проработанную версию «дивного мира сомы» О. Хаксли. Д. Пирс не ограничивается лишь философией, он также управляет / владеет «веб-хостинговой компанией и BLTC Research, рядом веб-сайтов, базирующихся в Кейптауне, Брайтон (Великобритания). Компания пропагандирует установку на прекращение страданий и достижение бессмертия / замедление процессов старения.

Д. Пирс является членом Института этики и новых технологий и был до 2012 г. членом редакционного наблюдательного совета, вел колонку в одно-именном журнале «Медицинские гипотезы». Он является членом Института Бессмертия (Immortality Institute) и Фонда продления жизни (Life Extension Foundation).

У трансгуманистов обнаруживаются общие философские, а порой и религиозные (чаще оккультно-эзотерические) основания. На философском уровне - утилитаризм, прагматизм, постмодернизм. Благодаря идеям Дж. Бентама удается согласовать трансгуманизм с этикой и антропологией. На религиозном уровне Д. Пирс разработал «Нулевую онтологию» (Zero Ontology), являющуюся попыткой включить идею небытия (элементы буддийского и восточного оккультизма) в западную христианскую мировоззренческую традицию (от ее некоторых аспектов трансгуманисты все же не отказываются, например, они не согласны отказаться от желаний, радостей чувственного мира). «Нулевая онтология» (Zero Ontology) адаптирует восточный взгляд на мир, ведь западному человеку трудно представить, как нечто существующее и значимое может превратиться или перейти в небытие, а вот в индуизме и даосизме эти вещи носят характер аксиомы. Действительно, в христианстве иная установка, предупреждающая и подчеркивающая: «ничто не исчезает, ничто не умирает: душа бессмертна», и суицид в этом плане не имеет смысла, нельзя себя полностью уничтожить, а можно лишь обречь на бесконечные страдания, поскольку, уйдя в определенном состоянии, человек будет вечно в нем пребывать. Трансгуманистам же нужны идея небытия, идея эволюции, идея пользы, идея гедонизма и идея сингулярности. Трансгуманисты имеют еще одну конкретную настоящую цель (до эры Сингулярности) – создать правильный общественный фон, контролировать и озвучивать новые идеи в нужной тональности, приготовить общество на информационном, идейном уровнях. Для чего и создали «Humanity+», выступающую в поддержку технологий, расширяющих человеческие возможности в широком смысле слова. Ее задача - показать максимально позитивно и найти нужное вербальное и коммуникативное освещение этим процессам, отсюда такие «позитивные» названия: «расширение или продление возможностей», а реально - это включение в тело электроники и уподобление человека машине, или «улучшение качества жизни», подразумевая под этим контроль рождаемости, эвтаназию, трансгендаризм и прочие малоприятные вещи. Пока человечество еще способно критически смотреть на такие технологии, отличать научные принципы от паранаучных или фантазийных и утопических, пока есть иммунитет, трансгуманисты берут на себя такую работу, как (под лозунги о правах и свободе) защита отдельных активистов и экспериментаторов (биохакеров, любителей наноимплантов), соглашающихся на чипизацию, нанотехнологии, биотехнологии и пр. в отношении своего физического тела и психики. Таких первопроходцев-пациентов они называют смелыми людьми, расширяющими свои возможности и сознание. Еще одна локальная задача — это постоянная поддержка дискуссии в обществе, проработка нужных аргументов и сглаживание конфликтов на почве технизации. Самый сильный аргумент, которым стараются закрыть все, — это реклама положительных выгод, практичности и дешевизны технологий для людей в скором будущем и решение неизбежных проблем. В отличие от официальных сторонников М. Мора, экстрапианцев, активисты «Мировой трансгуманистической ассоциации» (WTA/BTA) делают упор на переформатирование сознания общества и особенно влиятельных людей в сторону симпатий трансгуманизму, рекламируя и одновременно призывая приготовиться к будущей эре Сингулярности, параллельно угрожая и предупреждая тех, кто не согласится влиться в процесс.

Рассмотрим подробнее аргументы в пользу гедонистического трансгуманизма в работах Д. Пирса. Обращаясь к его идее о безосновательности страданий, необходимо задать несколько вопросов. Первый – полное искоренение физических страданий гарантирует «автоматически» счастье? В реальной жизни мы знаем множество примеров, когда будучи здоровыми и молодыми людьми многие страдают: суицид, депрессия, страсти, муки совести, и наоборот, будучи больным человеком, личность может быть счастлива и хочет жить и благодарить за страдания, негативный опыт. Ведь страдания, в том числе физические страдания, - это индикатор, сигнальная система, которая тонко улавливает неполадки на ином уровне и помогает их опознать, заметить и начать их искоренять. Достаточно вспомнить объяснение страданий у св. отцов, аскетов и мучеников (в период сильных страданий человек может почувствовать блаженство (солдаты и мученики пели и благословляли...), а довольный и пресыщенный, например, наркотиками - только еще более страдает, еще более опустошается. Люди, познавшие страдание, часто добрее и отзывчивее, чем те, у кого все хорошо. Страдания отрезвляют, возвращают в реальность из лжи самолюбия и самомнения, вынуждая отказаться от ценностей общества сверхпотребления в пользу более аскетических и альтруистических ценностей.

Еще вопрос — не являются ли страдания (многие разновидности) лишь следствием, а не причиной, и отсюда борьба со следствием — это не эффективный метод. Элементарная «наркотическая блокировка» или с помощью нанотехнологий, по Пирсу, в таком случае вовсе не приведет к счастью, а, возможно, создаст новые формы страданий или, что тоже вероятно, обратный эффект — невозможность человека по-настоящему испытать счастье или стать счастливым, будучи иным, полуроботом (этот момент вообще не рассматривается трансгуманистами)! В мире роботов и зомби человек не будет знать / испытывать подлинного счастья, «умиления», радости. В итоге взамен максимизации счастья человек получит максимизацию «опустошенности».

Вернемся к главной идее гедонистического трансгуманизма – радикальное изменение человеческой природы для построения общества всеобщего счастья (совпадая в этом вопросе с утилитаризмом и основываясь на ценностях гедонизма). Цель – максимизация счастья, увеличение его интенсивности и продолжительности в течение неограниченного времени. При этом важный нюанс – понятия удовольствия, счастья и качества жизни использу-

ются как синонимы. Аналогично синонимами считаются гедонизм (идея максимизации удовольствия параллельно с минимизацией страданий) и эвдемонизм (идея максимизации счастья). Все остальные варианты (в других направлениях трансгуманизма) рассматриваются гедонистами как средства для достижения счастья.

Д. Пирс разделяет позицию психологического гедонизма, т.е. каждое сознательное существо в своем волевом поведении стремится к максимизации счастья (в меру способностей) и развивает (отстаивает) кардиналистский подход (удовольствие можно измерить, ввести величину, параметры). Если в будущем удастся четко выявить источник сознания (в мозге) и благодаря критериям и механизму измерения выявить уровень удовольствия, то создать райское общество будет несложно. Д. Пирс считает, что из-за отсутствия научного метода измерения удовольствия нельзя как на индивидуальном, так и на общественном уровне включить механизм «осчастливливания» общества.

Еще один технический вопрос для гедонистов — это определение круга живых существ, которые должны войти в трансформированное счастливое общество будущего. Снова вопрос в критериях (достоин / не достоин) и в количестве тех, кому позволят стать счастливыми или просто жить в эру Сингулярности.

Д. Пирс согласен с позицией разумного эгоизма, согласно которой мы стремимся к личному счастью и понимаем его полезность для других. Но скорее всего круг индивидов будет ограничен их способностью к эмпатии (сочувствию, состраданию), но сама эмпатия считается биологическим механизмом и значит может быть исключена / отключена генетической трансформацией, постчеловеку, возможно, не потребуется эмпатия. Мораль должна базироваться прежде всего на рациональном начале, а не на биологическом, по Д. Пирсу. «Постчеловек сможет запрограммировать себя на бескорыстный альтруизм, то при прочих равных условиях это даст ему преимущества...» [4]. Далее, исходя из соображений выгоды (утилитаризма), постчеловеку будет полезнее / выгоднее «точно испытывать чувства других индивидов (и быть вынужденными вести себя морально, но информированно), чем ограничивать эмпатию, получив возможность пренебрегать чужими чувствами, но лишив себя значительной полезной информации. Разумеется, мы можем представить себе "псевдоэмпатию", когда постчеловек получает информацию о состоянии сознания другого существа чисто логически, не "влезая" в его шкуру. Но нельзя исключить, что этот подход будет менее эффективен, чем полная эмпатия» [Там же].

Д. Пирс также рассуждает о буддийском варианте сознания; если предположить возможность перерождения после биологической смерти, тогда точно ничего просчитать нельзя. Христианский и исламский вариант о воздаянии и наказании после смерти всерьез трансгуманистами практически не рассматривается.

Выбрав в качестве основания морали разумный эгоизм, Д. Пирс далее выделяет три критерия для морального выбора (к кому проявить сострадание, а к кому нет) постлюдям.

Это 1) договороспособность: «общество всеобщего счастья распространяется в первую очередь на договороспособных индивидов... Всех, кто способен интеллектуально принять утилитаризм и его "правила игры" ...нет

смысла осчастливливать тех, кто не готов отвечать на это тем же. Однако это не значит, что часть населения Вселенной навсегда останется вне постчеловеческой заботы. Нельзя исключить, что со временем постлюди станут единственными сознательными системами на Земле... Трудно сказать, произойдет ли это насильственным путем (уничтожение остальных существ) или мирным (прекращение их размножения), но такой сценарий вполне реален, и в его результате можно допустить полного выполнения утилитаристической программы на основе одного лишь разумного эгоизма» [4]. Здесь раскрываются планы, задумки трансгуманистов относительно людей и тех, кто не подчинится введению новых методов и технологий; 2) рефлексия. Если есть иные основания морали, помимо разумного эгоизма, то необходимо бороться за счастье всех существ, стремящихся к счастью; 3) сознательность (обладание субъективными чувствами). Это осчастливливание всех существ, которые имеют субъективные ощущения [Там же].

Д. Пирс подчеркивает, что сами трансгуманисты официально являются либо атеистами (и часть из них, возможно, сатанистами), они не разделяют взгляды традиционных религиозных конфессий, но признают / применяют восточные религиозные практики как эффективные способы достижения счастья или расширения сознания. Такой технический подход к религиям опирается еще и на своеобразную вольную интерпретацию Абсолюта (Трансцендентного) как, например, концентрированного выражения пиковых психических эмоциональных переживаний. Такая трактовка удобно включается в контекст гедонизма и перекрывается понятием «счастье» как более полномасштабным и растянутым во времени. Вернее, если пиковые переживания в религиозном опыте случаются редко и не у всех, то технологии трансгуманизма смогут ввести человека в счастливое состояние всерьез и надолго без особых с его стороны усилий.

Еще один важный вопрос – это выбор и разработка методов исключения / ликвидации страданий из бытия человека. Д. Пирс рассматривает их в книге «Аболиционистский проект» [5]. Он пишет: «Наши потомки будут наслаждаться оттенками благополучия, запрограммированными на генетическом уровне, богатство которых превзойдет наиболее яркие ощущения из доступных нам сейчас. ...уничтожение биологических основ любых неприятных ощущений, включая психологическую и физическую боль, технически осуществимо...» [Там же]. Д. Пирс считает, что все традиционные способы, реформы и политические решения не способны избавить от страданий. Необходимо решить проблему на генетическом уровне, «перенастроить наше "гедоническое колесо", расширив генетические пределы». Как это сделать? Можно осчастливить людей тем, что элементарно снизить заданный уровень счастья, другими словами, если сначала человека поместить в тяжелые стрессовые условия, а потом их снизить или исключить, то такой человек уже будет счастлив, но так бывает не всегда и не со всеми. Еще один момент, сами технологии, даже если они сработают на сто процентов (вечная молодость, здоровье и пр.), однако это не гарантирует, что такие совершенные люди будут чувствовать себя счастливыми или счастливее людей до сингулярной эпохи. Субъективное представление о счастье, ощущение счастья требует дополнительных модификаций, по мнению Д. Пирса, и тут он предлагает три вспомогательные альтернативы. Это: 1) усовершенствованные дизайнерские

наркотики; 2) токовая стимуляция и 3) генная инженерия [5]. Рассматривая все нюансы токовой терапии, Д. Пирс подчеркивает ее достоинство – она не вызывает привыкания и действует всегда на одинаковом уровне (эффект не ослабевает), экологически она также почти не наносит урона, борется с болью разных видов и почти не унижает человеческого достоинства. Минус в том, что токовая стимуляция не способствует родительским чувствам: «...токовые наркоманы, будь они людьми или животными, не желают воспитывать маленьких токовых наркоманов. Всеобщее блаженство... быстро положило бы конец эксперименту под названием "человечество". Прямая нейростимуляция центров удовольствия нарушает информационную восприимчивость к раздражителям среды» [Там же]. Д. Пирс склоняется все же в сторону сохранения разумных индивидов, которые сознательно будут способны выбрать блаженство, а проблема тяжелых, вызывающих страдания процессов будет переложена на машины-роботы. «...человечество будет наслаждаться всеобщим оргазмическим блаженством» [Там же]. Еще один вариант - это использование усовершенствованных дизайнерских наркотиков. Идеальные наркотики без побочных эффектов – мечта трансгуманистов (это не обычные наркотики, вызывающие поверхностную эйфорию, отключающие человека от реальности, деятельности), а «...чудо-препараты, обеспечивающие полное благополучие на регулярной основе, которые бы перенастроили гедоническое колесо и гарантировали высокий уровень жизни для каждого» [Там же]. И третий вариант – самый верный, в понимании Д. Пирса, это перенастройка и улучшение генетического кода, позволяющая изначально задать суперздоровье, например способность к регенерации, врожденный оптимизм, свойства гипертимиков, последние не склонны к маниям, чувствуют себя счастливыми, креативны и активны. По Д. Пирсу, если в будущем удастся найти такой оптимальный вариант сочетания генов, психологического типа личности, то он будет воспроизводиться генетической процедурой и гарантировать пополнение общества генетически предрасположенными на счастье индивидами [Там же]. Д. Пирс уверен, что уже в ближайшее время человечество перейдет к репродуктивным технологиям (как вариант, см. сюжет фильма Гаттака, 1997 г.). Сначала элита, а затем вследствие удешевления технологий и их востребованности все остальное население процесс зачатия поставит на научную и организационную основу. Однако здесь много поводов для беспокойства, такие технологии позволят на начальной стадии поставить под контроль человека, его способности и как следствие его будущее (ничто не мешает элите ввести генетическую градацию людей по освоению компетенций и пр.).

Вернемся к эмоциям, способности переживать счастье / блаженство. Д. Пирс предлагает в ходе генетической трансформации оставить «...функциональные аналоги боли, беспокойства, вины и даже депрессии... без переживания этих неприятных сырых ощущений в той форме, в которой они известны нам сейчас. Мы можем сохранить функциональные аналоги неудовлетворенности, которая по спорному мнению является двигателем прогресса, и не утратить способность к восприятию и критическому анализу, как жертвы маниакальной эйфории... можно сохранить большую часть нашей текущей архитектуры предпочтений» [Там же]. Как дань памяти старому миру и старому образу человека можно сохранить эти предпочтения, но без содержания. Но

опять же Д. Пирс считает, что «лучше, если бы мы радикально изменили нашу архитектуру предпочтений и стремились к... реэнцифализации эмоции... на генетическом усовершенствовании гедонического тонуса...» [5].

Завершая анализ идей гедонистического трансгуманизма, Д. Пирс рассматривает совместимость его идей с религиозными убеждениями людей. Так, если человек – буддист, то аболиционистский проект не противоречит его убеждениям. Главная точка схождения – это отрицание страданий (буддизм предлагает широкий спектр методов избавления от страданий, но главный принцип – это отказ от желаний). С данным положением западные трансгуманисты не согласны. Желания, удовольствия и потребности в трансгуманизме не исключаются, а удовлетворяются. Техническая цель – это сохранение желаний и возможности их удовлетворения, но без каких-либо страданий.

Монотеисты (теисты) имеют больше расхождений с трансгуманистами. Д. Пирс прибегает к аргументу, что Бог сострадателен и не желает человеку мучений, и как следствие можно и должно от них избавляться. Однако в монотеистических религиях заложен принципиально иной фундамент понимания телесности. Например, в христианстве тело не мыслится как зло (в отличие от гностических вариантов), отсюда в религии подчеркивается признание естественной телесной природы человека и возможность ее обожения «теосис», а в трунсгуманизме же глубоко коренится представление о несовершенстве, а значит, ущербном, не достроенном, больном и страдающем теле со знаком «минус».

Д. Пирс считает, что в скором будущем неизбежно случится репродуктивная революция и возникнет целая индустрия дизайна детей ¹. Согласно трансгуманистам, до сих пор общество развивалось по законом дарвинизма, а после технологического прорыва эволюция перейдет из формата случайной и естественной в формат четко научно отрегулированной и спланированной. Рожденные свободно и случайно останутся в прошлом. Право обзавестись даже совершенным генетически проработанным ребенком будет привилегией, доступной не всем и не всегда.

В отношении остального мира, например животных, Д. Пирс сформировал четкую позицию. В эру постчеловека должны утвердиться как принципы: 1) вегетарианство (прекращение употребления животного мяса и замена последнего на искусственное «дешевое и вкуснейшее» в силу законов рынка, дешевые технологии вытеснят дорогое промышленное выращивание мясных животных), 2) милосердное отношение к животным, тем из них, которые получат право существовать [5]. Д. Пирс предлагает распространить гедонистический императив и на животный мир, вернее, животные-хищники тоже должны вслед за человеком стать вегетарианцами, естественно, с помощью генной инженерии и гормональных имплантантов в контрацепции. В итоге вырисовываются обширные планы: полностью изменить экосистему под девизом «Мир без страданий!». Свобода заменится заботой, по крайней мере для животных. Д. Пирс проговаривается уже о категориях тех, кого

¹ ГМО – дети. Хэ Цзянькуй в ноябре 2018 г. объявил об успешном эксперименте по редактированию генов при помощи технологии CRISPR-Cas9, которая позволяет найти в ДНК нужный ген, чтобы удалить или исправить его. Двум близнецам женского пола отредактировали ССR5, изменение которого должно снизить риск инфицирования ВИЧ. Это официально первые генномодифицированные люди. См.: https://takiedela.ru/news/2018/11/26/nana-i-lulu/

можно лишить свободы: животные, дети, пожилые и умственно отсталые [5]. Эти категории подпадут под заботливую генетическую трансформацию, эвтаназию и репродуктивную программу. Все перечисленные действия будут «правильно» заданы наиболее разумными руководителями, поскольку будущие люди как сверхразумные и счастливые существа со сверхэмпатией отнесутся к делу с большой любовью, по мнению автора. Сам Д. Пирс понимает, что такая линия эволюции совсем не гарантирована и скорее всего будущие люди в моральном плане не будут отличаться от нас. И здесь, по Д. Пирсу, если мы не выберем путь активной трансформации всей экосистемы, а воспользуемся дарвинистским статус-кво, включается «принцип слабой доброжелательности, т.е. обычные в моральном плане люди, но со сверхспособностями сознательно выберут правильный путь только от того, что жертвы будут минимальны, затраты незначительны (итак, люди согласятся если не по принципу любви, так по принципу выгоды наверняка) и в итоге аболиционистский проект будет реализован» [5]. Добавим еще один вариант постлюдей, что если они будут не просто обычными в моральном плане, а более худшими, нежели современные люди, справедливости ради Д. Пирс должен был и это рассмотреть, ведь про нас, сегодняшних, говорят, что мы лучше с точки зрения эволюции, образования, технологий, чем наши предки, но лучше ли мы их в нравственном смысле? Какая версия аболиционистского проекта реализуется тогда?

Литература

- 1. *Пирс Д*. The Hedonistic Imperative. URL: https://www.hedweb. com/hedethic/tabconhi.htm (дата обращения: 14.07.2018).
- 2. *The Genomic* Bodhisattva. Сайт H+ Magazine (16 Сентябрь 2009). URL: http://hplusma-gazine.com/2009/09/16/genomic-bodhisattva/ (дата обращения: 14.07.2018).
- 3. Holford P. The 10 Secrets of Healthy Ageing: How to Live Longer, Look Younger and Feel Great.-Hachette Digital, 2012. (дата обращения: 14.07.2018).
- 4. *Пирс Д.* Введение в гедонистический трансгуманизм (ГТГ, HH+), 2017. URL: https://argonov.livejournal.com/221001.html (дата обращения: 19.07.2018).
- 5. Пирс Д. Аболиционистский проект (2007). URL: https://www.abolitionist.com/russian/ (дата обращения: 21.07.2018).
- 6. Виндж В. Технологическая сингулярность (2004) / пер. Олег Данилов. Сайт электронной библиотеки. http://modernlib.net/books/vindzh_vernor/tehnologicheskaya_singulyarnost/ read_2/ (дата обращения: 6.11.2018).
- 7. Курцвейл Р. Сингулярность действительно близко. Марк Ромул, 2013. Creative Commons «Attribution» («Атрибуция»). URL: http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/deed.ru novadeus.com (дата обращения: 22.05.2018).
- 8. *Бостром Н*. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
- 9. *Мор М.* Принципы экстропии, V. 2.6, 1995 // Сайт Российское трансгуманистическое движение. URL: http://www.transhumanism-russia.ru /content/view /168/94 (дата обращения: 10.05.2018).

Yulia V. Khvastunova, Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation).

E-mail: hvastunovoy@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 146–156. DOI: 10.17223/1998863X/56/15

DAVID PEARCE'S HEDONISTIC IMPERATIVE AND PARADISE ENGINEERING AS A MORAL AND RELIGIOUS BASIS OF MODERN TRANSHUMANISM

Keywords: hedonistic imperative; negative utilitarianism; transhumanism; abolitionism; paradise engineering; ethics; post-human; Singularity Era.

This article discusses a philosophical version of a new morality of the superhuman (a radical change / transformation of human nature) of society in the Singularity Era developed by David Pearce, one of the founders of the World Transhumanist Association. Hedonistic imperative or negative ethical utilitarianism must reasonably prove the groundlessness of the existence of traditional morality and such notions as pain, unhappiness, suffering, illness, and dispassion. Pearce offers several options and methods (search for a scientific method for measuring pleasure) with which it is possible to achieve a state of complete happiness "paradise engineering", constant pleasure, and the exclusion of any possibility of pain and physical suffering. In 2007 Pearce founded the Abolitionist Society which aims to eradicate suffering through artificial methods. According to Pearce, humanity has so far evolved according to the classical theory of the struggle for survival and reproduction, and therefore suffering was inevitable, and in the 21st century with the help of various technologies (designer drugs, genetic reproduction revolution, and nanotechnologies) people can abolish not only physical but also mental sufferings. The following question arises in this respect: to what extent is such a paradigm possible and will it lead to real happiness? Transhumanism is developing in all directions and provides an alternative vision not only of the future of mankind, the possibilities of high technologies, or the search for methods of achieving immortality, these are also analogs in the field of a philosophical fundamental vision of man, or rather superman, and a new model of morality for such a super-personality. At the religious level, Pearce developed the "Zero Ontology", which is an attempt to incorporate the idea of non-existence into the Western Christian ideological tradition. Transhumanism is based on the ideas of non-existence, evolution, and the pragmatism of hedonism and Singularity. Pearce forms not only a purely theoretical model of hedonistic imperative which will be included in a number of other moral versions, but he also argues about the almost accomplished choice and further transformations and the criteria for the selection of people into the society of "happy and non-suffering" creatures. The article analyzes the possibility of the practical and theoretical application of hedonistic imperative and "paradise engineering" along with the critical remarks about the transhumanist morality.

References

- 1. Pearce, D. (n.d.) *The Hedonistic Imperative*. [Online] Available from: https://www.hed-web.com/hedethic/tabconhi.htm (Accessed: 14th July 2018).
- 2. Kent, J. (2010) *The Genomic Bodhisattva*. [Online] Available from: http://hplus-magazine.com/2009/09/16/genomic-bodhisattva/ (Accessed: 14th July 2018).
- 3. Holford, P. (2012) The 10 Secrets of Healthy Ageing: How to Live Longer, Look Younger and Feel Great. Hachette Digital; Piatukus.
- 4. Pearce, D. (2017) *Vvedenie v gedonisticheskiy transgumanizm (GTG, HH+)* [ntroduction to hedonistic transhumanism (GTG, HH+)]. [Online] Available from: https://argonov.livejournal.com/221001.html (Accessed: 19th July2 018).
- 5. Pearce, D. (2007) *Abolitsionistskiy proekt* [Abolitionist project]. [Online] Available from: https://www.abolitionist.com/russian/ (Accessed: 24th July 2018).
- 6. Vinge, V. (2004) *Tehnologicheskaya singulyarnost* [Technological singularity]. Translated from English by O. Danilov. [Online] Available from: http://modernlib.net/books/vindzh_vernor/tehnologicheskaya singulyarnost/read 2/ (Accessed: 9th September 2018).
- 7. Kurzweil, R. (2013) *Singulyarnost dejstvitelno blizko* [The singularity is really close]. [Online] Available from: http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/deed.ru novadeus.com. (Accessed: 9th June 2018).
- 8. Bostrom, N. (2016) *Iskusstvennyj intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii* [Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies]. Translated from English by S. Filin. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- 9. More, M. (1995) *Printsipy ekstropii* [Principles of extropy]. Vol. 2.6. [Online] Available from: http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/168/94 (Accessed: 15th June 2018).

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334

DOI: 10.17223/1998863X/56/16

Н.А. Вялых

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МОДЕЛИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

На основе интерпретации социологической информации показаны особенности представлений общества о национальной модели здравоохранения и раскрыты поведенческие установки, дифференцирующие потребление медицинской помощи. Обоснована необходимость методологической переориентации современных социологических исследований с изучения институциональных ограничений доступности медицинской помощи на выявление социальных представлений, ценностей и установок общества, сдерживающих развитие института здравоохранения в современной России. Ключевые слова: социальные представления, потребление медицинской помощи, модель здравоохранения, социальное поведение, социальная дифференциация.

Введение

В современных социологических исследованиях до сих пор прослеживается когнитивная мода на анализ факторов макроуровня, сдерживающих эффективное развитие института здравоохранения в нашей стране. Большая часть публикаций в российской научной периодике объясняет социальное неравенство в доступе к медицинской помощи институциональными барьерами, которые ограничивают удовлетворение медицинских потребностей в пространстве здравоохранения, и неэффективной государственной политикой в этой сфере [1]. Вместе с тем сегодня можно наблюдать тенденцию методологического поворота, когда с позиции парадигмы социологического конструктивизма фокус эмпирических исследований дифференциации в сфере здравоохранения смещается с анализа внешних барьеров оказания медицинской помощи на изучение моделей социального поведения людей и ментальных программ, «отвечающих» за характер этих моделей [2. С. 127]. Многообразие исследовательских традиций в социологии здоровья и здравоохранения обусловлено опциональностью общей методологии социологического познания. В связи с этим актуализируется значение не только «социологии социологии» в духе лумановской теории аутопойесиса, но и «социологии отраслевых социологий», поскольку без надежного идейно-теоретического обоснования и моделирования методологического пространства исследовательского поля эмпирические замеры различных сторон общественного здоровья лишены смысловых оснований и возможностей имплементации в повседневность

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ № МК-4089.2018.6 «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе».

здравоохранения. С учетом высказанных суждений научная новизна данной статьи выражается, с одной стороны, в формулировании методологических ориентиров социологического исследования представлений общества о модели здравоохранения, с другой стороны, в презентации эмпирических данных, в том числе добытых лично автором, которые демонстрируют вектор социальных ожиданий россиян от института здравоохранения.

Социальные представления в сфере здравоохранения: методологические ориентиры социологического исследования

Медико-социальные, ментальные, социокультурные и институциональные проблемы формирования и воспроизводства практик медицинской активности — это мейнстрим современной социологической мысли в России и за рубежом. Современные подходы в данной области исследований можно рубрицировать по-разному: по преобладающей теоретико-методологической ориентации авторов (структурализм / конструктивизм, конфликтологический подход / функционализм, субъективизм / объективизм и т.д.) либо по конкретной проблемной сфере: социальная сущность медицинской активности; особенности трансформации здравоохранения и концептуальные подходы к коррекции вектора изменений в нем; несправедливые социальные различия в здоровье и в доступе к медицинским услугам; мотивационные факторы и микросоциальный контекст обращения населения за медицинской помощью; динамика социального настроения, представлений и жизненных ценностей ключевых акторов (прежде всего пациентов и медицинских работников).

Несмотря на обозначенный в начале статьи тренд к макросоциологической диагностике институциональной реальности здравоохранения, социальные представления о здравоохранении в том или ином качестве становились предметом множества научных исследований минувшего десятилетия.

При оценке современного состояния разработанности темы социальных представлений о модели здравоохранения в России следует учитывать мето-дологический крен исследований именно в сторону социологии медицины, а не социологии здоровья и здравоохранения. Если в современной социологии медицины социальные представления исследуются преимущественно в контексте нозологической проблематики, вопросов социальной гигиены и общественного здоровья, медико-социальной экспертизы и медико-социальной реабилитации, конфликтов в медицине [3–8], то в рамках социологической специальности 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» изучаются факторы социального неравенства в доступе к медицинской помощи, роль здравоохранения как социального института в трансформации социальной структуры общества, проблемы социальной адаптации различных акторов к изменениям в сфере здравоохранения [9–17].

Российскими социологами и гуманитариями активно проводятся научные исследования, в которых педалируются идеи личной ответственности населения за свое здоровье, анализируется роль поведенческих факторов, психологических ресурсов личности и социально-статусных переменных в формировании медицинской активности [18–21]. В российской научной периодике также обсуждаются социальные феномены болезни и здоровья, факторы терапевтического выбора пациентов, модели взаимодействия потребителей медицинской помощи с медперсоналом [22–24]. Среди особенностей

современных социологических концепций здоровья Е.С. Богомягкова и Е.А. Орех называют переход от попыток объяснения благополучия человека зависимостью от успешности медицинского лечения или результатов личных целенаправленных усилий, характерных для концепций XX столетия, к постмодернистскому пониманию «возможностей получения виртуально-телесного опыта, обеспечиваемого интегрированностью в социальные сети» [25. С. 135]. Обзор современных научных исследований демонстрирует крайнюю заинтересованность как зарубежных [26–30], так и российских авторов социальными проблемами здравоохранения и медицинской активности, однако эти исследования, как правило, выполнены либо в методологических рамках классической модели социологического познания, либо неклассической модели.

В ракурсе интегративной матрицы социологического исследования, которая базируется на синтезе познавательных установок объективистской и субъективистской парадигм [31. С. 161], социальные представления в сфере здравоохранения являются системой практических знаний об условиях, возможностях, наиболее общих закономерностях функционирования пространства профессионального сектора медицины. Особенность социальных представлений в здравоохранении заключается в том, что они формируются в результате интериоризации институционально заданных формальных и неформальных норм и интерпретации человеком ситуации в здравоохранении на основе личного опыта взаимодействия с медицинскими организациями либо опыта социального окружения (как правило, референтных групп).

Таким образом, социальное неравенство в доступе к медицинской помощи воспроизводится не только из-за ограничений и фильтров, которые устанавливает институт здравоохранения в интересах рационирования потребления медицинской помощи, но и из-за дифференциации представлений людей по различным социальным критериям. На первый взгляд может показаться, что первичным фактором неравенства потребителей медицинской помощи являются внешние условия ее оказания (финансовая и территориальная доступность, наличие кадров, техники, технологий, информационного сопровождения и пр.). Однако при более детальном рассмотрении можно убедиться в том, что доступность медицинской помощи и неравенство в данной сфере обусловлены сложной конфигурацией надындивидуальных структур, биосоциопсихологических особенностей личности пациента и «предпациента» и, разумеется, воздействием чисто случайных ситуативных факторов. Следовательно, первичным фактором неравенства (но необязательно, что главным) все-таки будет социальное поведение потребителя медицинской помощи, которое в свою очередь зависит от его социальных представлений.

Однако социология в отличие от психологии не занимается изучением индивидуальных практик медицинской активности. Объектом социологии здравоохранения скорее являются большие социальные группы как потенциальные и реальные потребители медицинской помощи, поэтому социология имеет дело с моделями потребления медицинской помощи. Модель потребления медицинской помощи является когнитивным аналогом комплекса поведенческих реакций и практик личности, обусловленных рефлексивными и нерефлексивными структурами ментальной программы, актуализирующихся в результате осознания проблемной ситуации относительно индивидуального статуса здоровья. Мы исходим из допущения о том, что люди, занимающие

близкие социальные позиции и обладающие схожими социальными представлениями, способны производить аналогичные поведенческие практики в пространстве здравоохранения. Пожалуй, в этом заключается одновременно и величие, и уязвимость социологии как науки, ибо социология постоянно стремится быть реалистичнее, она стремится оказаться ближе к человеку, к его повседневности и его потребностям, и вместе с тем она от человека удаляется, изучая типические формы социальности, социальные модели, которые существуют лишь в сознании исследователя, научного коллектива или научной школы, но никак не «за окном» академического пространства.

Механизмы дифференциации потребления медицинской помощи актуализируются из-за несоответствия между субъективно ощущаемой медицинской потребностью и связанными с ней ожиданиями человека от институциональной среды здравоохранения, с одной стороны, и возможностями, условиями, ограничениями удовлетворения медицинских потребностей в пространстве института здравоохранения - с другой. Социальные ожидания и институциональные барьеры здравоохранения, преломляясь в сознании человека, формируют предрасположенность к определенному типу реагирования на проблему со здоровьем. Представления, ценности и установки продуцируют относительно устойчивые модальные (осознаваемые) поведенческие комплексы - модели потребления медицинской помощи, выступающие основой дифференциации в сфере здравоохранения. Впоследствии неравенство в сфере потребления медицинской помощи формируется, герметизируется и воспроизводится из-за социальных аномалий, представляющих собой наблюдаемые последствия дисфункции национальной системы здравоохранения. В дуальности факторов объективного и субъективного уровня и выражается основной методологический посыл исследования социальных представлений о модели здравоохранения в современном российском обществе.

Факторы дифференциации представлений о модели здравоохранения в современном российском обществе

Особенности социальных представлений россиян о модели здравоохранения и факторы, влияющие на их дифференциацию, проиллюстрируем результатами эмпирических данных, добытых автором в 2019 г. в рамках реализации технического задания гранта Президента РФ МК-4089.2018.6 «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе». Способ отбора респондентов – квотная целевая выборка. Всего было опрошено 853 человека посредством личного анкетирования (по месту работы или проживания) и онлайн-опросника выборочную совокупность составили жители регионов юга России, а именно Ростовской области, Краснодарского края, Республики Крым, Адыгеи, Астраханской и Волгоградской областей, Ставропольского края.

На этапе разработки методологического раздела программы социологического исследования мы исходили из возможности сведения многообразных

¹ Пользуясь случаем, автор выражает благодарность студентам Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (первый курс направления «Конфликтология», четвертый курс направления «Зарубежное регионоведение», третий и четвертый курсы направления «Социология» 2019/20 учебного года), которые приняли непосредственное участие в отборе респондентов, отвечающих параметрам выборочной совокупности, и сборе первичной социологической информации. – Примеч. автора.

социальных представлений о модели здравоохранения к двум альтернативным типам — консервативному и либеральному. Однако в чистом виде консервативные и либеральные представления в повседневной жизни встречаются не так часто, поэтому статистически более распространенными являются гибридные (смешанные) типы представлений, которые можно назвать неоконсервативными (с преобладанием консервативного типа мышления и элементами либерального) и неолиберальными (с преобладанием либерального типа мышления и элементами консервативного).

К консервативным относятся представления о том, что медицинская помощь – общественное благо, а государство несет ответственность за здоровье человека и доступность медицинской помощи. В консервативной версии социальных представлений доминирует обостренное чувство справедливости в распределении ресурсов института здравоохранения, склонность к потреблению медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий, ориентация на авторитет врача. Либеральные представления основаны на отношении к институту здравоохранения как к рынку медицинских услуг с имманентными механизмами саморегуляции. Отличительной особенностью либеральных представлений является осознанный выбор человеком стратегии поведения в ситуации заболевания, медицинской организации, страховой медицинской организации и врача, выражающийся в стремлении целерационально конвертировать экономический, социальный и культурный капиталы в доступ к эффективной медицинской помощи.

На вопрос «Какой должна быть, по Вашему мнению, система здравоохранения в России?» 50,8% респондентов ответили, что система российского здравоохранения должна быть полностью бесплатной для всего населения, 39,2% остановили свой выбор на «смешанной» системе, в которой есть как бесплатная, так и платная медицинская помощь. Только 9,5% опрошенных поддержали идею преимущественно платного здравоохранения для трудоспособного населения, но с гарантиями оказания бесплатной медицинской помощи отдельным группам населения (детям, пенсионерам, инвалидам, больным тяжелыми хроническими заболеваниями), и всего лишь 0,6% участников опроса остановили свой выбор на полностью платной для всего населения системе здравоохранения. Если проводить сравнение с общероссийскими показателями, то, по данным ВЦИОМ¹, для каждого второго россиянина (52%) бесплатная медицинская помощь – одна из важнейших социальных гарантий [32].

Дифференциация социального благополучия и адаптационные практики населения сильно зависят от территориального фактора, влияющего на социальный контекст процессов в сфере здравоохранения [33. С. 2353]. Корреляционный анализ показал обратную зависимость числа респондентов, считающих, что система здравоохранения должна быть полностью бесплатной с типом населенного пункта: чем больше город, поселение (по численности проживающих), тем меньше доля респондентов, отметивших вариант полностью бесплатной для всего населения системы здравоохранения (табл. 1).

¹ Опрос ВЦИОМ проведен 17 октября 2018 г. по заказу Центра социального проектирования «Платформа». В опросе приняли участие россияне в возрасте от 18 лет. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1 600 респондентов. – *Примеч. автора*.

Таблица 1. Представления населения о должном устройстве системы здравоохранения
в зависимости от типа поселения, % ответов по столбцу

Какой должна быть, по Вашему			Тип посел	ения		
мнению, система здравоохране-	Свыше	От 250 тыс.	От 100 тыс.	От 50 тыс.	От 5 до	До
ния в России?	1 млн.	до 999,9 тыс.	до 249,9 тыс.	до 99,9 тыс.	49,9 тыс.	4,9 тыс.
ния в госсии:	человек	человек	человек	человек	человек	человек
Полностью бесплатной						
для всего населения	41,7	48,3	54,8	53,1	59,1	60
Смешанной (должна быть как						
платная, так и бесплатная ме-						
дицинская помощь)	46,3	39,3	38,9	35,7	32,7	35
Преимущественно платной	11,3	11,7	5,6	10,5	8,2	5
для трудоспособного населения						
Полностью платной для всего						
населения	0,8	0,7	0,8	0,7	0	0
Итого	100	100	100	100	100	100

Данные опроса демонстрируют различия в представлениях о должной организации системы здравоохранения в группах респондентов, которым приходилось и не приходилось отказываться от лечения или диагностики в медицинских организациях из-за отсутствия финансовой возможности оплатить услугу. Логично, что опрошенным, которым приходилось в течение года отказываться от медицинской помощи из-за невозможности ее оплатить , в большей степени импонирует модель здравоохранения, в которой медицинская помощь оказывается бесплатно всему населению, в то время как в группе респондентов, которым не приходилось отказываться от медицинской помощи по финансовым соображениям, обнаружено сравнительно больше сторонников смешанной и преимущественно платной для трудоспособного населения системы здравоохранения (табл. 2). В целом по стране, по оценкам аналитиков ФОМ², рост доли платных медицинских услуг входит в пятерку наиболее острых проблем здравоохранения в регионах России (29% респондентов указали на данную проблему) [34].

 ${\it Таблица}$ 2. Сопряженность представлений о модели здравоохранения в России с частотой отказов от медицинской помощи по финансовым основаниям, % ответов по столбцу

Какой должна быть, по Вашему мнению, си- стема здравоохранения в России?	года частично или полечения или диагно учреждениях из-за с	м в течение последнего пностью отказываться от остики в медицинских отсутствия финансовой оплатить услугу?	% по выбор- ке
	Да, приходилось	Нет, не приходилось	
Полностью бесплатной для всего населения	62,1	42	50,8
Смешанной (должна быть как платная, так и бесплатная медицинская помощь)	30,1	46,2	39,2
Преимущественно платной для трудоспособного населения	7,5	11	9,5
Полностью платной для всего населения	0,3	0,8	0,6
Итого	100	100	100

Парный корреляционный анализ выявил связь доверия респондентов к медицинским организациям с представлениями о системе здравоохранения: в подгруппах респондентов, доверяющих очень мало или совсем не доверяю-

¹ Таких в целом по выборке – 43,6% респондентов! – *Примеч. автора*.

² «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше 14 апреля 2019 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1 500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%. – Примеч. автора.

щих медицинским учреждениям, в которые приходится обращаться постоянно или время от времени, значительно выше доля респондентов, полагающих, что медицинская помощь должна оказываться бесплатно всему населению (табл. 3).

Какой должна быть, по Вашему мнению,	Доверяете ждениям, щаться п	% по			
система здравоохранения в России?	Вполне доверяю	По большей части доверяю	Очень мало доверяю	Не доверяю совсем	выборке
Полностью бесплатной для всего населения	45,7	45,7	60,6	64,5	50,8
Смешанной (должна быть как платная, так и бесплатная медицинская помощь)	43,4	43,7	31,3	19,4	39,2
Преимущественно платной для трудоспо-	10.1	9.9	8.0	12.9	9.5

0,8

100

0.7

100

0

100

3.2

0,6

100

Полностью платной для всего населения

Итого

Таблица 3. Корреляция представлений о модели здравоохранения в России с уровнем доверия к медицинским организациям, % ответов по столбцу

В целом по выборке опрос продемонстрировал относительно высокий уровень доверия к медицинским организациям, в которые потребителям медицинской помощи приходится обращаться постоянно или время от времени в Причем уровень доверия заметно выше среди группы населения, имеющей постоянного врача в поликлинике по местожительству, с которым есть возможность советоваться по всем или многим вопросам личного здоровья (табл. 4). Поэтому одним из стратегических направлений конструирования доверия общества к системе здравоохранения является развитие института семейного врача и усиление первичного звена оказания медицинской помощи. Согласно результатам нашего исследования, две трети респондентов (66,9%) не имеют постоянного врача в поликлинике по местожительству, с которым они могут обсуждать вопросы своего здоровья.

Таблица 4. Уровень доверия населения к медицинским организациям в зависимости от наличия / отсутствия постоянного врача в поликлинике по местожительству, % ответов по столбцу

Доверяете ли Вы в целом медицинским учреждениям, в которые Вам приходится обращаться постоянно или время от времени?	У Вас есть постоянный врач в поликлинике по место жительству, с которым Вы советуетесь по всем или многим вопросам Вашего здоровья?					
щаться постоянно или время от времени?	Есть	Нет				
Вполне доверяю	18,1	13,7				
По большей части доверяю	60,3	48				
Очень мало доверяю	20,2	33,6				
Не доверяю совсем	1,4	4,7				
Итого	100	100				

Представления о системе российского здравоохранения существенно варьируются в социальных группах, различающихся по возрасту, уровню образования, типу поселения, самооценке здоровья, профессиональному статусу. Так, в старших возрастных когортах чаще наблюдается предпочтение полностью бесплатной для всего населения системы здравоохранения и, соответственно, менее частотен выбор в пользу смешанной и преимущественно

 $^{^{1}}$ 15,1% – вполне доверяют, 52,1% – по большей части доверяют, 29,2% – очень мало доверяют, 3,6% – не доверяют совсем. – *Примеч. автора*.

платной системы здравоохранения (табл. 5). В подгруппе неработающих пенсионеров полностью бесплатная для всего населения модель здравоохранения снискала популярность у 72,3% опрошенных, а, например, в профессиональной подгруппе предпринимателей – всего 39%.

 Таблица 5. Представления о модели здравоохранения в России различных возрастных групп,

 % ответов по столбцу

Какой должна быть, по Вашему мнению, система здраво-		Возраст, лет						
охранения в России?	18-30	31–45	46-59	старше 60	выборке			
Полностью бесплатной для всего населения	42,8	49	56,1	69,5	50,8			
Смешанной (должна быть как платная, так и бесплатная	45,5	38,6	37,1	23,8	39,2			
медицинская помощь)								
Преимущественно платной для трудоспособного населения	11,1	11,4	6,8	5,7	9,5			
Полностью платной для всего населения	0,6	1	0	1	0,6			
Итого	100	100	100	100	100			

Показательной является зависимость представлений населения от самооценки здоровья (табл. 6). Группы опрошенных, оценивающие свое состояние здоровья как удовлетворительное и плохое, чаще останавливали свой выбор на системе здравоохранения, полностью бесплатной для всего населения (56,8 и 67,9% соответственно). Вместе с тем связь распределений ответов на данный вопрос с наличием / отсутствием хронических заболеваний не выявлена.

Таблица 6. Представления населения о должном устройстве системы здравоохранения в зависимости от самооценки здоровья, % ответов по столбцу

Какой должна быть, по Вашему мнению,		Самооце	нка здоровья		
система здравоохранения в России?	Отличное	Хорошее	Удовлетвори- тельное	Плохое	Итого
Полностью бесплатной для всего населения	48,9	44,2	56,8	67,9	50,8
Смешанной (должна быть как платная,					
так и бесплатная медицинская помощь)	39,8	45,8	34	14,3	39,2
Преимущественно платной для трудоспо-					
собного населения	10,2	9,8	8,6	14,3	9,5
Полностью платной для всего населения	1,1	0,3	0,6	3,6	0,6
Итого	100	100	100	100	100

Значимым показателем консервативности / либеральности отношения общества к модели здравоохранения являются представления об основных агентах, несущих ответственность за здоровье человека. Согласно полученным данным, с возрастом у человека увеличивается склонность делегировать ответственность за здоровье другим агентам, прежде всего государству. Молодые респонденты, напротив, сравнительно чаще других отмечали, что сам человек несет основную ответственность за здоровье (табл. 7).

 $\it Tаблица~7$. Представления об ответственности за здоровье в различных возрастных группах, % ответов по столбцу

II D		- D	аст, лет		0/
На Ваш взгляд, кто несет основную ответствен-		% по			
ность за здоровье человека?	18-30	31–45	46-59	старше 60	выборке
Работодатель	2,6	2	1	1,9	2
Страховые медицинские организации	5,6	4,5	2,4	6,7	4,7
Сам человек	73,9	69,3	57,6	54,3	66,5
Лечебно-профилактические учреждения					
и медицинский персонал	10,3	9,9	15,1	18,1	12,3
Государство	7,6	14,4	23,9	19	14,5
Итого	100	100	100	100	100

Представляют исследовательский интерес типичные формы поведения респондентов в ситуации заболевания. 53,6% опрошенных отметили, что когда заболевают – лечатся самостоятельно, не обращаясь к врачам. Несмотря на внушительный объем расходов населения на платные медицинские услуги , социологические данные фиксируют сравнительно невысокий по выборке процент участников опроса, предпочитающих сразу обращаться в платные клиники и / или к частнопрактикующим врачам (12,2%). Можно сделать вывод о том, что обращение за платными медицинскими услугами, как правило, вторично и мотивировано недоступностью медицинской помощи, оказываемой в рамках государственных гарантий. 27,4% респондентов в случае возникновения проблем со здоровьем обращаются в поликлинику, больницу по местожительству, 1,9% - к народным целителям, нетрадиционной медицине, 4,9% – ничего не делают, все пускают «на самотек». В возрастной группе 60+ лет выявлено отклонение от средних значений по выборке: представители старшей возрастной когорты реже прибегают к самолечению (42,9%), платным медицинским услугам (6,7%), предпочитая сразу посетить врача в медицинской организации по местожительству (39%).

Стоит отметить, что социальные представления о недоступности здравоохранения и, как следствие, нежелательности обращения за профессиональной медицинской помощью складываются во многом из-за отрицательного жизненного опыта и значительных институциональных ограничений, а не только из-за безответственного отношения к личному здоровью. Об этом свидетельствуют распределения ответов на вопрос о мотивах самолечения в случае существенного недомогания: «длительное время ожидания приема врача из-за очередей, постоянного недостатка номерных талонов» (32,7%), «недостаток личного времени для посещения врача» (17,7%), «боязнь боли, страх посещения кабинета врача» (10,4%), «недоверие к знаниям и опыту медицинского персонала» (10,4%), «отсутствие индивидуального подхода, внимания, заинтересованности со стороны медицинского персонала» (9,6%), «удаленность, территориальное неудобство расположения медицинских учреждений» (5,9%), «лень и безответственность по отношению к собственному здоровью» (4,7%), «неудобные графики работы врачей» (4,6%), «нежелание беспокоить врачей по пустякам» (3,2%), отсутствие полиса медицинского страхования или иных документов $(0,7\%)^2$.

Данные 27-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) подтверждают результаты нашего исследования по югу России. Так, 56% россиян, испытывавших проблемы со здоровьем в течение 30 дней до проведения опроса ($N=5\,060$ чел., $2018\, {\rm r.})^3$, не обращались к медработникам и / или занимались лечением самостоятельно [35].

Для определения представлений респондентов о справедливости в сфере здравоохранения мы задали следующий вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что

¹ По нашим подсчетам, в течение года 87,7% респондентов несли расходы на медицинскую помощь в диапазоне от 10 до 50 тыс. руб. и выше, исключая покупку лекарств. – *Примеч. автора*.

² Указан валидный процент (всего на вопрос ответили 87,6% респондентов, 12,4% не лечились самостоятельно в случае существенного недомогания либо не испытывали потребности в медицинской помощи). – Примеч. автора.

 $^{^3}$ Общее число опрошенных составило 12 161 человек, из них – 5 060 человек указали, что в течение последних 30 дней до опроса РМЭ3 испытывали какие-либо проблемы со здоровьем. – *Примеч. автора*.

человек, имеющий сравнительно большие финансовые ресурсы, должен иметь возможность получить медицинскую помощь более высокого качества, чем человек со сравнительно меньшими финансовыми ресурсами?». 79,4% опрошенных не согласились с этим провокационным тезисом, в то время как 20,6% лояльны к перспективе дифференциации качества медицинской помощи по критерию платежеспособности. Выявленная разница в ответах свидетельствует о выраженном консервативном характере ценностей социума в сфере здравоохранения и обостренном чувстве социальной справедливости. По данным аналитического агентства «Левада-Центр», 86% российских граждан признают, что получить качественную медицинскую помощь в нашей стране могут лишь те, у кого есть деньги [36]. Причем данное мнение высказано респондентами вне зависимости от достатка или типа населенного пункта¹. Вместе с тем, согласно данным ФОМ, «39% россиян – среди молодых 47% – утверждают, что готовы платить за медицинские услуги, которые в принципе можно было бы получить и бесплатно» (в интересах экономии времени, получения более качественной медицинской помощи и по другим основаниям) $[37]^2$.

Обобщая анализ эмпирических данных, добытых в ходе авторского исследования, можно очертить социальные портреты типичных носителей консервативных, либеральных и гибридных представлений в сфере здравоохранения (табл. 8).

` -	-	, <u>-</u>	-	-	
Социальные и социально-		Предста	авления		
психологические характери- стики потребителей	Консервативные	Неоконсерватив- ные	Неолиберальные	Либеральные	
Пол	Женский	Женский Не имеет значения			
Возраст, лет	60+	46-59	18-30	18–45	
Доход, тыс. руб.	7–25	45+			
Уровень образования	Среднее специальное	Среднее общее, высшее	Неоконченное высшее	Высшее, неокон- ченное высшее	
Тип населенного пункта (по численности жителей), человек	До 49,9 тыс.	От 250 до 999,9 тыс. От 100 до 249,9 тыс.	Свыше 1 млн	Свыше 1 млн. От 250 до 999,9 тыс.	
Локус контроля по отношению к здоровью	Экстері	нальный	Интернальный		
Самооценка здоровья	Низкая	Выс	окая		
Уровень доверия	Низкий	Срелний	Высокий	Выше среднего	

Таблица 8. Социальные портреты носителей консервативных, либеральных и гибридных (неоконсервативных и неолиберальных) представлений о модели здравоохранения

Хочется подчеркнуть условность выделения социальных и социальнопсихологических особенностей приверженцев различных типов представлений, ибо в каждом из четырех типов мы можем обнаружить потребителей с самой непредсказуемой конфигурацией социально-статусных параметров. Поэтому представленную эмпирическую типологию следует рассматривать как матрицу переменных, отражающих повышенную вероятность людей

¹ Всероссийский опрос городского и сельского населения страны старше 18 лет по репрезентативной выборке 1 600 человек из 137 населенных пунктов 48 регионов страны. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. – *Примеч. автора*.

² «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 14 апреля 2019 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1 500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%. – *Примеч. автора*.

с определенным сочетанием социальных и социально-психологических свойств выбирать консервативную, либеральную либо (сравнительно чаще) смешанные стратегии поведения в сфере здравоохранения.

Заключение

Посредством когнитивного моделирования и эмпирического анализа социологических данных многообразные представления в сфере здравоохранения можно свести к двум базовым типам — консервативному и либеральному и двум гибридным — неоконсервативному и неолиберальному, основные отличия между которыми заключаются в особенностях ментальных программ людей, составляющих различные социальные группы российского общества.

Консервативный тип социальных представлений, как правило, приводит пациента к инерционной стратегии поведения и предполагает конформистский стиль социальной адаптации к условиям внешней среды и полное принятие формальных правил игры в здравоохранении. Отличительным признаком консервативных представлений являются экстернальный локус контроля личности в восприятии агентов, несущих ответственность за здоровье человека, и доступность медицинской помощи, патерналистские ожидания, вера в авторитет медицинского сообщества.

Либеральный тип социальных представлений предполагает отношение общества к здравоохранению как к рынку медицинских услуг и ориентацию на эгалитарный тип взаимоотношений с врачом. Данный тип отличает стремление личности к свободе выбора врача, медицинской организации и максимизации полезности от взаимодействия с ними вопреки экстернальным и интернальным ограничениям.

Интерпретация эмпирической информации, полученной в масштабах южнороссийского макрорегиона, показывает, что статистически наиболее распространенным является смешанный (неоконсервативный) тип социальных представлений о модели здравоохранения, в котором присутствуют когнитивные, аксиологические и конативные структуры как консервативного (в большей степени), так и либерального (в меньшей степени) характера.

Социальные представления о модели здравоохранения во многом зависят от индивидуальных социально-психологических особенностей человека, его социального статуса, определяя наиболее предпочтительную для него стратегию и тактику поведения в случае возникновения медицинской потребности. Социокультурные условия и институциональные барьеры, главным из которых является невозможность оказаться на приеме у врача в момент возникновения потребности, также влияют на формирование типичных для регионального социума представлений о здравоохранении. С учетом характера социальных ожиданий россиян необходимы качественные изменения в ментальной программе общества посредством формирования нового типа мышления, в котором ценности, установки и представления о здоровье будут синхронизированы с трансформационными процессами в социальной сфере, поскольку институт здравоохранения не функционирует автономно, а является одним из полей социального пространства с признаками избыточного неравенства [2]. Отдельного внимания в данном контексте заслуживают врачи, средний медицинский персонал и руководители медицинских организаций как особая профессиональная группа [38-40], чьи интересы, ценности, иден-

тичность и установки также нуждаются в гармонизации с интересами других агентов, учитывая вектор трансформации института здравоохранения, поскольку доступность и качество медицинской помощи в конечном итоге зависят от профессионального мышления, мастерства и компетентности медицинского персонала.

Литература

- 1. Вялых Н.А. Модели социального поведения в сфере здравоохранения как предмет социологических исследований на юге России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 3. С. 112—120.
- 2. Вялых Н.А. Механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в России: методологический поворот в современных социологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 122—138
- 3. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Петров М.А., Исенов С.К. Медикосоциологические исследования проблем здоровья: зона социальной ответственности // Социология медицины. 2016. Т. 15, № 2. С. 68–72.
- Седова Н.Н. Проблематика, методология и практический смысл инициативных исследований в отечественной социологии медицины // Социология медицины. 2012. № 2 (21). С. 15–17.
- 5. Юдин С.А., Барканова О.Н., Борзенко А.С., Деларю В.В. Комплементарность оказания медицинской, социальной и психологической помощи во фтизиатрии (в оценках врачей и пациентов) // Туберкулез и болезни легких. 2017. Т. 95, № 4. С. 7–10.
- 6. Юдин С.А., Барканова О.Н., Борзенко А.С., Деларю В.В. Оценка информированности врачей о социальных проблемах пациентов // Туберкулез и болезни легких. 2015. № 12. С. 23—25.
- 7. Деларю В.В., Вершинин Е.Г. Комплаентность: клинический, социологический и психологический подходы к ее оценке // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2015. № 3 (55). С. 100–102.
- 8. *Волчанский М.Е.*, *Фомина Т.К.* Основные направления современных исследований в медицинской конфликтологии // Социология медицины. 2012. № 2 (21). С. 45–46.
- 9. *Аверина Е.А., Попова А.В.* Оценка доступности среды для людей с ограниченными возможностями здоровья (на примере г. Новосибирска) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1 (33). С. 5–14.
- 10. Меренков А.В., Антонова Н.Л., Клейменов М.В. Социальное неравенство в системе медицинского обслуживания на селе // Журнал научных статей «Здоровье и образование в XXI веке». 2017. Т. 19, № 10. С. 397–399.
- 11. Савельева Ж.В., Кузнецова И.Б., Мухарямова Л.М. Информационная доступность медицинских услуг в контексте справедливости здравоохранения // Казанский медицинский журнал. 2017. Т. 98, № 4. С. 613–617.
- 12. *Мухарямова Л.М., Кузнецова И.Б.* Равенство и справедливость в отношении здоровья: к поиску аналитических инструментов оценки // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 4. С. 651–659.
- 13. *Чирикова А.Е., Шишкин С.В.* Эффективный контракт и мотивация: способны ли реформы улучшить работу российских врачей? // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 36–44.
- 14. *Чирикова А.Е.* О мотивации российских врачей: мифы и реалии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11, № 20. С. 54–76.
- 15. Шилова Л.С. Трансформация условий профессиональной деятельности врачей в процессе оптимизации здравоохранения. Ч. 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4 (24). С. 148–160.
- 16. *Шилова Л.С.* Трансформация условий профессиональной деятельности врачей в процессе оптимизации здравоохранения. Ч. 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 117–131.
- 17. *Журавлева И.В.* Актуальные проблемы социальной политики в сфере здоровья // Социология медицины. 2017. Т. 16, № 1. С. 4–9.

- 18. *Русинова Н.Л., Сафронов В.В.* Психологические медиаторы социальных неравенств в здоровье: «уверенность в себе» в Европе и России // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 4. С. 30–53.
- 19. *Русинова Н.Л., Сафронов В.В.* Социальные неравенства в здоровье и психологические ресурсы личности: проект сравнительного исследования в странах Европы и России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. № 1. С. 21–29.
- 20. *Недоспасова О.П., Шибалков И.П.* Социально-экономический статус человека как один из факторов формирования его здоровья // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 140–144.
- 21. Лебедева-Несевря Н.А., Соловьев С.С. Медицинская активность и состояние здоровья работающих различных отраслей промышленности // Медицина труда и промышленная экология. 2017. № 6. С. 48–51.
- 22. Антонова Н.Л., Клейменов М.В. Патерналистские ориентации в системе медицинского обслуживания на селе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 54–62.
- 23. *Антонова Н.Л*. Социальная роль пациента в системе взаимодействия с медперсоналом на селе // Журнал научных статей «Здоровье и образование в XXI веке». 2017. Т. 19, № 7. С. 168–170.
- 24. Лехииер В.Л., Готлиб А.С., Финкельштейн И.Е. Медицинский выбор хронических больных в крупном российском городе: ситуации, практики, факторы // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 2. С. 78–98.
- 25. *Богомягкова Е.С., Орех Е.А.* Современные концепции здоровья: от качества жизни к ее наполненности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 129–139.
- 26. Shultz J.M., Sullivan L., Galea S. Public Health: An Introduction to the Science and Practice of Population Health. N.Y.: Springer Publishing Company, 2019. 450 p.
- 27. Kelly M.P. Cognitive biases in public health and how economics and sociology can help overcome them // Public health. 2019. Vol. 169. P. 163–172.
- 28. Caló F. et al. Exploring the contribution of social enterprise to health and social care: A realist evaluation // Social Science & Medicine. 2019. Vol. 222. P. 154–161.
- 29. Craig N., Robinson M. Towards a preventative approach to improving health and reducing health inequalities: a view from Scotland // Public health. 2019. Vol. 169. P. 195–200.
- 30. Braveman P., Gottlieb L. The social determinants of health: it's time to consider the causes of the causes // Public Health Rep. 2014. № 129 (suppl 2). P. 19–31.
- 31. Вялых Н.А. Социальные факторы дифференциации потребления медицинской помощи: объективизм VS субъективизм // Вестник науки Сибири. 2018. № 4. С. 158–170.
- 32. Бесплатная медицина и ОМС как гарантии нормальной жизни россиян // Аналитический обзор ВЦИОМ № 3820 от 21.11.2018. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9440.
- 33. Panfilova Y.S., Dyatlov A.V., Popov A.V., Goloborodko A.Y., Skudnova T.D. Social wellbeing and adaptive practices of the Russian population in the context of settlement differentiation (a case study of the Rostov region) // Opcion. 2019. Vol. 35, № Special Issue 20. P. 2337–2354.
- 34. Состояние здравоохранения и самые острые проблемы этой сферы // Фонд «Общественное мнение», 2019. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14202.
- 35. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра PAH, 2019. URL: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms; http://www.hse.ru/rlms.
- 36. «Противостояние логик»: врач, пациент и власть в условиях реформирования системы здравоохранения. Сводный аналитический отчет / Левада-Центр, 2016. URL: http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/05/299_1-15_Svodnyj-analiticheskij-otchet.pdf.
- 37. *Платные* медуслуги // Фонд «Общественное мнение», 2019. URL: https://fom.ru/Zdorove-isport/14207.
- 38. *Volchik V.V., Posukhova O.Y.* Institute of professional dynasties in the context of crony capitalism // Journal of Institutional Studies. 2019. Vol. 11, № 4. P. 77–89.
- 39. Volchik V., Klimenko L., Posukhova O. Socio-economic sustainable development and the precariat: a case study of three Russian cities // Entrepreneurship and sustainability issues. 2019. Vol. 6, № 1. P. 411–428.

40. Posukhova O.Y., Maskaev A.I. Precarity of megapolis and professional identity in the context of tacit knowledge // Journal of Institutional Studies. 2016. Vol. 8, № 4. P. 92–105.

Nikita A. Vyalykh, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 157–172.

DOI: 10.17223/1998863X/56/16

SOCIAL REPRESENTATIONS ON THE HEALTHCARE MODEL IN RUSSIAN SOCIETY

Keywords: social representations; medical care consumption; healthcare model; social behavior; social differentiation.

The executive order of the President of the Russian Federation "On the Strategy for the Development of Health Care in the Russian Federation Until 2025" outlines significant challenges to national security in the field of public health along with positive indicators of the health care dynamics. These challenges include the dissatisfaction with the availability and quality of health care, the substitution of free health care by paid services, etc. Moreover, the need to activate social reserves of human capital and to ensure the conditions for the active longevity of the Russians becomes urgent in terms of the pension reform and the problem of the aging of the society. The spontaneously formed existing practices of the population's medical activity can hardly be called positive, i.e. contributing to the positive dynamics of the health status of an individual, the members of most social groups, and the society as a whole. The ideology of health and the culture of health care consumption have not yet been formed in Russian society. At least these two circumstances contribute to the intensification of social inequality among patients and potential patients ("pre-patients") in the access to health care. The relevance of the subject area of the article is determined by the need to overcome the existing differences in understanding the social connotation of medical care consumers' representations and its factors in terms of the transformation of the healthcare institution. The novelty of the research is determined by the use of the neoclassical model of scientific rationality and the methodology of sociological constructivism in the study of internal and external factors that determine the social representations on the healthcare model of the Russians. On the basis of empirical data across the South of Russia, the distinctive features of the two alternative types of social representations on the healthcare model—liberal and conservative—are identified. However, in real life, social representations acquire a hybrid nature. The number of the hybrid type supporters is significant and heterogeneous by its composition. The representatives of this type recognize the necessity and inevitability of market regulators' intervention in the health sector, but suggest that there should be a package of guaranteed free aid and that the state should also bear the burden of financial expenses and responsibility for the quality and availability of medical care. Depending on the direction of the social expectations and demands of medical care consumers, the hybrid type of social representations may manifest itself as neoconservative or neoliberal, integrating the elements of conservative and liberal representations.

References

- 1. Vyalykh, N.A. (2019) Modeli sotsial'nogo povedeniya v sfere zdravookhraneniya kak predmet so-tsiologicheskikh issledovaniy na Yuge Rossii [Social behavior patterns in health care as a subject of sociological researches in the South of Russia]. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politolo-giya, kul'turologiya The Bulletin of Adyghe State University, Series: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. 3. pp. 112–120.
- 2. Vyalykh, N.A. (2018) Differentiation mechanisms of medical care consumption in Russia: a methodological turn in contemporary sociological research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science.* 45. pp. 122–138. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/13
- 3. Reshetnikov, A.V., Prisyazhnaya, N.V., Pavlov, S.V., Petrov, M.A. & Isenov, S.K. (2016) Mediko-sotsiologicheskie issledovaniya problem zdorov'ya: zona sotsial'noy otvetstvennosti [Medical and sociological research of health problems: social responsibility zone]. *Sotsiologiya meditsiny Sociology of Medicine*. 15(2). pp. 68–72.
- 4. Sedova, N.N. (2012) Problematika, metodologiya i prakticheskiy smysl initsiativnykh issledovaniy v otechestvennoy sotsiologii meditsiny [Problems, methodology and practical meaning of

initiative research in the Russian sociology of medicine]. *Sotsiologiya meditsiny – Sociology of Medicine*. 2(21), pp. 15–17.

- 5. Yudin, S.A., Barkanova, O.N., Borzenko, A.S. & Delaryu, V.V. (2017) Complementarity of medical, social and psychological care in tuberculosis control (as reported by doctors and patients). *Tuberkulez i bolezni legkikh Tuberculosis and Lung Diseases*. 95(4). pp. 7–10. (In Russian).
- 6. Yudin, S.A., Barkanova, O.N., Borzenko, A.S. & Delaryu, V.V. (2015) Evaluation of doctors' awareness about social problems of the patients. *Tuberkulez i bolezni legkikh Tuberculosis and Lung Diseases*. 12. pp. 23–25. (In Russian).
- 7. Delaryu, V.V. & Vershinin, E.G. (2015) Compliance: clinical, sociological and psychological approaches to its assessment. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta Journal of Volgograd State Medical University*. 3(55), pp. 100–102. (In Russian).
- 8. Volchansky, M. E. & Fomina, T. K. (2012) Osnovnye napravleniya sovremennykh issledovaniy v meditsinskoy konfliktologii [Main directions of modern research in medical conflictology]. Sotsiologiya meditsiny Sociology of Medicine. 2(21). pp. 45–46.
- 9. Averina, E.A. & Popova, A.V. (2016) Evaluation of environment accessibility for people with disabilities in Novosibirsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science.* 1(33). pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863/33/1
- 10. Merenkov, A.V., Antonova, N.L. & Kleymenov, M.V. (2017) Social inequality in medical service system of rural areas. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke –Health and Education Millennium*. 19(10). pp. 397–399. (In Russian). DOI: 10.26787/nydha-2226-7425-2017-19-10-397-399
- 11. Saveleva, Zh.V., Kuznetsova, I.B. & Mukharyamova, L.M. (2017) The accessibility of information about medical services in the context of the social justice of health care. *Kazanskiy meditsinskiy zhurnal Kazan Medical Journal*. 98(4). pp. 613–617. (In Russian). DOI: 10.17750/KMJ2017-613
- 12. Mukharyamova, L.M. & Kuznetsova, I.B. (2017) Health equality and justice: searching for analytical tools in evaluating healthcare. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki The Journal of Social Policy Studies*. 15(4). pp. 651–659. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-651-659
- 13. Chirikova, A.E. & Shishkin, S.V. (2019) Effective contract and motivation: can reforms improve the work of the Russian doctors? *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 5. pp. 36–44. (In Russian).
- 14. Chirikova, A.E. (2019) About the motivation of Russian doctors: myths and realities. *Inter-aktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya INTERaction. INTERview. INTERpretation.*11(20). pp. 54–76. (In Russian). DOI: 10.19181/inter.2019.20.3
- 15. Shilova, L.S. (2018) Transformation of Professional Values of Doctors in the Process of Optimization of the Public Health Service. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika Sociological Science and Social Practice*. 4(24). pp. 148–160. (In Russian).
- 16. Shilova, L.S. (2019) Transformation of Professional Values of Doctors in the Process of Optimization of the Public Health Service. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika Sociological Science and Social Practice*. 2(26). pp. 117–131. (In Russian).
- 17. Zhuravleva, I.V. (2017) The actual problems of social policy in health sphere. *Sotsiologiya meditsiny Sociology of Medicine*. 16(1). pp. 4–9. (In Russian). DOI 10.18821/1728-2810-2017-16-1-4-9
- 18. Rusinova, N.L. & Safronov, V.V. (2018) The Psychological Mediators of Social Inequalities in Health: Self-efficacy in Europe and Russia. *Sotsiologicheskiy zhurnal Sociological Journal*. 24(4). pp. 30–53. (In Russian).
- 19. Rusinova, N.L. & Safronov, V.V. (2018) Sotsial'nye neravenstva v zdorov'e i psikhologicheskie resursy lichnosti: proekt sravnitel'nogo issledovaniya v stranakh Evropy i Rossii [Social inequalities in health and psychological resources of the individual: comparative research project in Europe and Russia]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 1. pp. 21–29.
- 20. Nedospasova, O.P. & Shibalkov, I.P. (2017) Socioeconomic status (SES) of a person as a health factor. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie ASR: Economics and Management.* 1(18), pp. 140–144. (In Russian).
- 21. Lebedeva-Nesevrya, N.A. & Solovyev, S.S. (2017) Medical activity and health state of workers in various industries. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*. 6. pp. 48–51. (In Russian).
- 22. Antonova, N.L. & Klejmenov, M.V. (2017) Paternalist orientations in healthcare system of rural areas. Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta.

Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin. 2. pp. 54–62. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.4

- 23. Antonova, N.L. (2017) Sotsial'naya rol' patsienta v sisteme vzaimodeystviya s medpersonalom na sele [Social role of the patient in interaction system with the medical staff in the village]. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke –Health and Education Millennium.* 7. pp. 168–170.
- 24. Lekhcier, V.L., Gotlib, A.S. & Finkelshtein, I.E. (2019) Medical Choice of Chronic Patients in a Large Russian City: Situations, Practices, Factors. *Sotsiologicheskiy zhurnal Sociological Journal*. 2. pp. 78–98. (In Russian).
- 25. Bogomyagkova, E.S. & Orekh, E.A. (2019) The current concepts of health: from quality of life to fullness of life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 51. pp. 129–139. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/13
- 26. Shultz, J.M., Sullivan, L. & Galea, S. (2019) Public Health: An Introduction to the Science and Practice of Population Health. New York: Springer Publishing Company.
- 27. Kelly, M.P. (2019) Cognitive biases in public health and how economics and sociology can help overcome them. *Public Health*. 169. pp. 163–172. DOI: 10.1016/j.puhe.2019.02.012
- 28. Caló, F. et al (2019) Exploring the contribution of social enterprise to health and social care: A realist evaluation. *Social Science & Medicine*. 222. pp. 154–161. DOI: 10.1016/j.socscimed.2019.01.007
- 29. Craig, N. & Robinson, M. (2019) Towards a preventative approach to improving health and reducing health inequalities: a view from Scotland. *Public Health*. 169. pp. 195–200. DOI: 10.1016/j.puhe.2019.02.013
- 30. Braveman, P. & Gottlieb, L. (2014) The social determinants of health: it's time to consider the causes of the causes. *Public Health Rep.* 129(2), pp. 19–31. DOI: 10.1177/00333549141291S206
- 31. Vyalykh, N.A. (2018) Socialnye faktory differenciacii potrebleniya medicinskoj pomoshchi: obektivizm VS subektivizm [Social differentiation factors of medical care consumption: objectivism VS subjectivism]. *Vestnik nauki Sibiri Siberian Journal of Science*. 4. pp. 158–170.
- 32. WCIOM.ru. (2018) Besplatnaya meditsina i OMS kak garantii normal'noy zhizni rossiyan [Free medicine and OMI as a guarantee of a normal life for the Russians]. [Online] Available from: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9440 (Accessed: 20th January 2020).
- 33. Panfilova, Y.S., Dyatlov, A.V., Popov, A.V., Goloborodko, A.Y. & Skudnova, T.D. (2019) Social well-being and adaptive practices of the Russian population in the context of settlement differentiation (a case study of the Rostov region). *Opcion*. 35(20), pp. 2337–2354.
- 34. Fond Obshchestvennoe Mnenie. (2019a) *Sostoyanie zdravookhraneniya i samye ostrye problemy etoy sfery* [The state of health care and its most acute problems]. [Online] Available from: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14202 (Accessed: 20th January 2020).
- 35. National Research University Higher School of Economics, OOO Demoscope, Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill, Institute of Sociology of Federal Sociological Research Center for RAS. (2019) *Russia Longitudinal Monitoring survey, RLMS-HSE*. [Online] Available from: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms and http://www.hse.ru/rlms) (Accessed: 20th January 2020).
- 36. Levada Center. (2016) "Protivostoyanie logic": vrach, patsient i vlast' v usloviyakh reformirovaniya sistemy zdravookhraneniya. Svodnyy analiticheskiy otchet ["Opposing logic": doctor, patient, and government in the context of health care reform. Summary analytical report]. [Online] Available from: http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/05/299_1-15_Svodnyj-analiticheskij-otchet.pdf (Accessed: 20th January 2020).
- 37. Fond Obshchestvennoe Mnenie. (2019b) *Platnye meduslugi* [Paid medical services]. [Online] Available from: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14207 (Accessed: 20th January 2020).
- 38. Volchik, V.V. & Posukhova, O.Y. (2019) Institute of professional dynasties in the context of crony capitalism. *Journal of Institutional Studies*. 11(4). pp. 77–89. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.077-089
- 39. Volchik, V., Klimenko, L. & Posukhova, O. (2019) Socio-economic sustainable development and the precariat: a case study of three Russian cities. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 6(1). pp. 411–428. DOI: 10.9770/jesi.2018.6.1(25)
- 40. Posukhova, O.Y. & Maskaev, A.I. (2016) Precarity of megapolis and professional identity in the context of tacit knowledge. *Journal of Institutional Studies*. 8(4). pp. 92–105. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.4.092-105

УДК 316.35

DOI: 10.17223/1998863X/56/17

Е.А. Кранзеева

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

Предметом исследования в статье являются особенности политического сознания и поведения женщин как социальной группы. Основываясь на теоретическом анализе работ и результатах Всемирного исследования ценностей, автор выделяет следующие социокультурные основания специфики политического сознания и поведения женщин: поздний опыт общественно-управленческого участия в политической жизни; особенности формирования социального и человеческого капитала; включенность в приватную сферу как основу социально-политического взаимодействия.

Ключевые слова: женщины, гендер, политика, социокультурные основания, социально-политическое взаимодействие.

Введение

Активное участие женщин в общественной и политической жизни является неотъемлемой частью развития современного социума. Важным является не только наличие формальных правил и процедур политического участия, но и возможность реализации его различных форм в реальных социально-политических взаимодействиях.

Политическое сознание женщин крайне редко является самостоятельным предметом исследований. Между тем имеется ряд работ о политической активности (Н.Л. Пушкарева [1], Н.А. Шведова [2], Г.Г. Силласте [3], Г.Ф. Беляева [4] и др.), политическом поведении (О.А. Хасбулатова [5], Т.М. Дадаева, С.Г. Ушкин [6] и др.), политическом участии (С.Г. Айвазова [7], Г.Л. Кертман и др. [8]) женщин. Анализ этих работ позволяет обозначить противоречия между социальными и политическими практиками женщин, эксклюзию и стигматизацию участия женщин в политической жизни, что может приводить к абсентеизму этой социальной группы. С учетом усиливающихся тенденций гендерной асимметрии в структуре населения [3. С. 56-57], сохраняющихся гендерных неравенств в экономической и политической сфере [9], нарастающих социокультурных рисков [10] вопрос политического сознания и поведения женщин уже не является данью демократическим процессам, а требует пристального внимания исследователей. Указанная выше проблема определила предмет исследования и его цель. Предметом исследования в статье являются особенности политического сознания и поведения женщин как социальной группы. Цель данной статьи – выделить социокультурные основания специфики политического сознания и поведения женщин.

Методы и материалы

Для достижения цели статьи мы исходим из положения, что социальный статус женщин и его изменения тесно связаны с изменением их политического сознания. Отправной точкой в политическом сознании женщин следует

считать появление специфических интересов, востребованных через институт политики. При этом политическое сознание женщин оформляется на начальном этапе в решении повседневных вопросов приватной жизни, организации и обустройства локализованных территорий, изменении ситуаций по отношению к женщине. Переход от приватной сферы в публичную становится поворотным моментом в установлении гендерного равновесия мужчин и женщин на более высоких уровнях организации общественной жизни [11].

Опираясь на работы, посвященные общественному и политическому сознанию (Н. Лапин [12], Ю. Левада [13], Ж. Тощенко [14]), советской гендерной системе (Е. Здравомыслова, А. Темкина [15], Н. Пушкарева [16]), современной гендерной системе общества (Р. Коннел [17], Г. Силласте [18]), социологии жизни (Ж. Тощенко [19], Л. Шпак [20]), социально-политическому взаимодействию (Л. Шпак [21]), исследование политического сознания и поведения женщин строится на анализе сознания в его социальном облике (общественное, групповое, индивидуальное), деятельности и поведения как отражения этого сознания, среды.

Эмпирической базой исследования являются материалы Всемирного исследования ценностей (WorldValuesSurvey(WVS))¹. Это самое большое сравнительное исследование, которое предоставляет базу данных для анализа роли человеческих убеждений и ценностей в социальных, экономических и политических изменениях. Репрезентативные национальные выборки позволяют изучить население каждой страны путем проведения интервью с использованием стандартизированной анкеты. С целью мониторинга этих изменений и изучения их последствий WVS проводит серию волн опросов. Для задач исследования и оценки изменений мы использовали данные по России 3–6 волн.

Результаты

Участие женщин в политике долгое время не соотносилось с предписанной им социальной ролью («хранительница очага», «домашний ангел»), низкую степень их политизации объясняли историческими традициями либо приписыванием качеств, не подходящих для политической деятельности (эмоциональность, пассивность, зависимость, отсутствие чувства благоразумия и др.). При этом политическая активность женщин часто стигматизировалась. Выдающиеся женщины нередко получали стигматоидные прозвища, подчеркивающие их исключительность как в негативном, так и позитивном смысле. Например, премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер стала «Железной леди», имела репутацию человека несгибаемой воли, твердых решений [22].

Распространение феминизма подтолкнуло исследователей к анализу проблем неравенства и дискриминации женщин в политике, где ключевыми становятся вопросы иерархии и власти (в том числе символической) в общественных отношениях [23].

С распространением теорий социального конструктивизма социализация воспринимается как ключевая детерминанта поведения людей, в том числе и

WorldValuesSurvey. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp (дата обращения: 02.02.2020).

в сфере политики. Исследователи создают концепции, основанные на анализе исторически возникших социокультурных факторов. Одним из таких факторов, объясняющих причины маргинальности женщин в политике, и является социализация, формирующая гендерное сознание, которое на уровне индивида поддерживает сложившуюся систему отношений господства и подчинения, а также разделение труда и профессиональных возможностей по гендерному признаку. Формирование «человека политического» как сознательного и активного субъекта политики связывают прежде всего с его индивидуальными особенностями, обусловленными сложнейшим переплетением социокультурных, психологических, биологических компонентов [24. С. 154–155].

По нашему мнению, ряд исторических и социокультурных традиций определил специфические характеристики политического сознания женщин.

Во-первых, *поздний опыт публичного и управленческого участия женщин*. Долгое время, вплоть до XX в., самостоятельная деятельность женщин в публичной сфере была явлением исключительным, политикой и государственным управлением занимались мужчины.

Тем не менее существовали возможности неформального политического участия: религиозная деятельность; фаворитизм; завуалированная политическая активность женщин монаршей семьи; институт салонов и пр. В средневековье, когда религиозное мировоззрение определяло каноны социальнополитической жизни, статус аббатисы позволял оказывать влияние не только на монахинь, но и на вышестоящих по социальной лестнице персон, как правило, мужчин. А, например, значимость роли фавориток в организации общественных дел позволила В. Парето отнести их к политической элите [25. С. 100].

В современной научной литературе появляется понятие «women'spower» (власть женщин, женское влияние), которое применяется во множестве работ, рассматривающих воздействие женщин на политические решения и политические события, их роль в экономике и общественной жизни, влияние на формирование и передачу культурных стереотипов (в том числе посредством собственной творческой работы), а также особенности так называемых женских сетей влияния. Рассматривая с этих позиций участие женщин, отмечается, что отсутствие формального авторитета не мешало им использовать эффективные каналы неформального влияния: устраивая браки, они устанавливали новые семейные связи; обмениваясь информацией и распространяя слухи, формировали общественное мнение; оказывая покровительство, помогали или препятствовали политической карьере мужчин; принимая участие в волнениях и восстаниях, проверяли на прочность официальные структуры власти и т.д. [26].

Под влиянием политической активности женщин и получения ими гражданских и политических прав появляется гендерная разница политической деятельности, оказывающая влияние на взаимодействия субъектов политики, возникает необходимость приспособления политических практик к новым формам, способам и требованиям политического участия. За последнее десятилетие представительство женщин в политике и властных структурах незначительно выросло (например, в Государственной думе VII созыва 15% женщин (VI созыв – 13%)).

Оценивая «запоздалое» вовлечение женщин в публичную политику, мы фиксируем, что интерес к ней у мужчин и женщин на современном этапе различается. По результатам Всемирного исследования ценностей (табл. 1) мы отмечаем, что снизился процент населения, интересующегося политикой, с 34,7% в 1995 г. до 32,6% в 2011 г. Однако среди мужчин этот процент снизился на 8,9% (45% в 1995 г. и 36,1% в 2011 г.), а среди женщин вырос на 2,1% (27,6% в 1995 г. и 29,7% в 2011 г.). Отметим, что среди женщин увеличился процент тех, кто отвечает, что политика их совсем не интересует, с 20,8% в 1995 г. до 22,9% в 2011 г., что соответствует общей тенденции нарастающего абсенте-изма (18,5% в 1995 г. и 22,0% в 2011 г.).

1995-1998 гг. 2005-2009 гг. 2010-2014 гг. (3-я волна), n = 2 040(5-я волна), n = 2 033(6-я волна), n = 2500Вариант ответа Всего Муж. Жен. Всего Муж. Жен. Всего Муж. Жен. Очень интересует 9.6 14.6 6.1 6.7 9.6 4.3 4.7 5.7 3.9 25,1 30,4 21,5 31,4 34,6 28,8 27.9 30.4 25,8 Отчасти интересует 39,4 51,2 40,2 45,0 44,4 45,5 46,3 36,5 43,4 Не очень интересует 20.8 22.0 22.9 18.5 15.1 19.8 17.1 20.4 17.3 Совсем не интересует Затрудняюсь ответить 0,4 0,5 0,4 1,2 1,4 1,1 1,4 1,5 1,3 Нет ответа 0,6 0,7 0,5 0,7 0,7

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вас интересует политика?», %

Примечание. Результаты 4-й волны исследования (1999–2004 гг.) по России в базе данных не представлены.

Источник: Всемирное исследование ценностей. http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp (составлено автором).

Так, интерес к политике является базовой составляющей политического сознания, и можно предположить, что имеющийся гендерный разрыв этой составляющей приведет в дальнейшем к тому, что политизация населения будет происходить именно за счет женщин как социальной группы.

При этом для активного участия в политике женщины сталкиваются с недостаточностью ресурса. Зачастую они не обладают некоторыми необходимыми ресурсами для продвижения на высокие посты в политической элите: как правило, не располагают высоким личным доходом, не занимают влиятельных исходных должностей, часто у них нет соответствующего политического опыта. Отсутствие формальных каналов политического участия приводит к существованию неформальных практик влияния (способность к лоббированию, обаяние, сексуальная привлекательность и пр.). Основной ресурс, способствующий политической деятельности женщин, образование. Активно в политику вовлекаются женщины, занятые в социальных профессиях (учителя, врачи и др.). Это определяет еще одно социокультурное основание особенностей политического сознания и поведения женщин — специфика формирования человеческого и социального капитала.

По мнению С. Бюссе, социальный и человеческий капиталы женщин, их формирование лежат в сфере неформальных отношений [27]. Т. Барчунова отмечает сложность анализа гендерного измерения социального капитала в России в силу ряда причин, к которым она относит совмещение методологии и концептов западных исследований с российскими реалиями, доступность показателей для измерения и оценки, региональные различия накопления социального капитала и пр. [28]. Пожалуй, одним из теоретических подходов,

^{*} Нет данных.

описывающих формирование такого капитала в нашей стране, является теория гендерного контракта. Гендерный контракт — это контекстуально обусловленные, иерархически структурированные образцы взаимодействия полов. Совокупность гендерных контрактов, предписывающих различные гендерные роли и статусы разным сферам общественной жизни, разным социальным слоям, в постсоветский период создает гендерный порядок [29]. В нашей стране Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина определяют его как этакратический гендерный порядок (советский период), в котором доминировал контракт «работающая мать», трансформировавшийся на современном этапе в несколько контрактов: «работающая мать», «карьерно-ориентированная (профессиональная) женщина» и «(мать-)домохозяйка» [15].

Отметим, что значительное влияние на политическое поведение как в условиях традиционной, так и современной модели гендерного порядка оказывают такие факторы, как образовательный уровень, возраст, вид занятости, репродуктивные характеристики (особенно показательно для женщин), наличие времени и др., подробный анализ которых не является целью данной статьи.

Несмотря на выявленные в результате проведенных исследований гендерные различия, женщины более активно принимают участие в выборах, чем мужчины. Однако практика показывает, что уровень участия женщин в кампаниях и в некоторых видах политической деятельности, таких как сотрудничество с общественными деятелями высокого ранга, гораздо слабее.

Все вышесказанное обозначает вопрос значимости активного участия в политической деятельности женщин, однако восприятие этой сферы для реализации женских способностей и устремлений еще сохраняет стереотипные установки. В общественном сознании существует убеждение, что мужчина – лучший политический лидер (табл. 2).

Вариант ответа	19	95–1998	ΓΓ.	20	05-2009	ГГ.	2010–2014 гг.			
-	(3-я во	олна), <i>n</i> =	= 2 040	(5-я во	олна), <i>n</i> =	= 2 033	(6-я волна), n = 2 500			
	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	
Совершенно согласен	18,8	22,4	16,3	22,8	30,7	16,2	19,9	23,8	16,7	
Согласен	34,9	38,0	32,7	35,3	39,2	31,9	37,4	41,1	34,2	
Не согласен	32,2	28,9	34,5	30,4	21,6	37,8	31,5	25,9	36,1	
Совершенно не согласен	3,7	2,5	4,6	5,9	3,6	7,8	6,5	4,5	8,2	
Затрудняюсь ответить	10,4	8,2	11,9	5,5	4,6	6,2	4,3	4,3	4,3	
Нет ответа	*	*	*	0.2	0.4	0.1	0.4	0.4	0.4	

Таблица. 2. Распределение ответов на вопрос «В целом мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины?», %

Примечание. Результаты 4-й волны исследования (1999–2004 гг.) по России в базе данных не представлены.

Источник: Всемирное исследование ценностей. http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp (составлено автором).

Отметим, что согласие с мнением о том, что мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины, высказали 57,3% респондентов, что на 3,6% больше, чем в 1995 г. (53,7% опрошенных). При этом вырос процент несогласных с этой позицией преимущественно за счет респондентов-женщин. Так, при небольшом росте с 35,9% в 1995 г. и 37,5% в 2011 г. процент женщин, не согласных с высказанным утверждением о том, что мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины, вырос на 5,2% (39,1% в 1995 г. и 44,3% в 2011 г.). Мы наблюдаем изменение

^{*} Нет данных.

самосознания женщин как социальной группы, готовность ими воспринимать женщину на лидирующих позициях в политике.

Специфика формирования социального капитала женщин указывает на еще одно важное социокультурное основание политического сознания и поведения — включенность в приватную сферу создает для женщин особую форму общественной жизни, в которой они сотрудничают по вопросам решения бытовых проблем, воспитания детей, преодоления инфраструктурных ограничений. Такие локальные сети между домохозяйствами становятся формой взаимопомощи, социального обмена, женской солидарности, являясь основой социального опыта и коллективных действий, что впоследствии позволяет им создавать общественные, в том числе политические, объединения. Другой формой совместного участия женщин в общественной жизни являлись женские салоны, ставшие в период Нового времени местом обсуждения и пробации прогрессивных идей, впоследствии именно они и станут пространствами феминистских выступлений [30].

С ростом общественной активности граждан создаются более благоприятные возможности для женских общественных объединений. В отличие от публичной политики, где властные функции, в основном, реализуют мужчины, женщины играют ведущие роли во многих общественных организациях и даже возглавляют их (табл. 3).

Следует отметить низкую активность участия россиян в общественных организациях от 0.3 до 2.4%. Мужчины чаще являются активными членами спортивных и досуговых (2.5%), церковных и религиозных (1.9%) организаций. Женщины проявляют активность в профсоюзных (2.7%), спортивных и досуговых (2.4%) организациях, связанных с искусством, музыкой, образованием (2.2%), церковных и религиозных (2.1%) объединениях. Таким образом, мы видим активность участия женщин в разных видах общественных объединений.

	Церковные и религиозные			Спортивные, досуговые			Профессиональ- ные объединения			Профсоюзы			Политическая партия		
Вариант ответа	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.
Не член организа- ции	93,2	93,9	92,6	93,0	92,2	93,8	95,7	96	95,4	88,4	90,2	87,0	96,6	96,7	96,5
Неактивный член организации	4,1	3,6	4,6	3,9	4,8	3,2	1,9	1,9	2,7	8,6	8,0	9,0	2,3	2,2	2,4
Активный член организации	2,0	1,9	2,1	2,4	2,5	2,4	1,4	1,2	1,5	2,0	1,2	2,7	0,5	0,6	0,4
Затрудняюсь ответить	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,2	0,4	0,5	0,4	0,4	0,2	0,6	0,2	0,2	0,3
Нет ответа	0,3	0,2	0,4	0,3	0,2	0,4	0,5	0,4	0,7	0,5	0,3	0,7	0,4	0,4	0,4

Taблица. 3. Членство в общественных организациях и активность в них (2010–2014 гг., n = 2500), %

Источник: Всемирное исследование ценностей. http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp (составлено автором).

Следует отметить, что низким является участие в гуманитарных и благотворительных организациях (0,6%), группах самопомощи и взаимопомощи (1,0%), при этом значимых гендерных различий активного членства мы не наблюдаем, хотя в исследованиях часто отмечается, что благотворительность и взаимопомощь являются «женскими» сферами (табл. 4).

Вариант	Экологиче- ская органи- зация			Организации, связан- ные с искусством, му- зыкой, образованием			и бл	и благотвори- за			Организации защиты прав готребителей			Группы само- помощи и взаимопомощи		
ответа	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	
Не член орга- низации	98,0	98,1	97,9	95,8	96,6	95,1	97,3	97,8	96,9	97,8	97,8	97,7	96,5	97,1	95,9	
Неактивный член организа- ции	0,9	0,9	0,9	2,1	2,2	2,0	1,2	0,5	1,8	1,1	0,9	1,2	1,8	1,4	2,2	
Активный член организации	0,4	0,3	0,4	1,5	0,7	2,2	0,6	0,6	0,6	0,3	0,3	0,4	1	0.8	1.1.	
Затрудняюсь ответить	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3	0,2	0,5	0,7	0,4	0,4	0,5	0,3	0,4	0,3	0,4	
Нет ответа	0,5	0,5	0,4	0,3	0,2	0,5	0,3	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	

Tаблица. 4. Членство в общественных организациях и активность в них (2010–2014 гг., n=2 500), %

Источник: Всемирное исследование ценностей. http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp (составлено автором).

Общественные объединения являются частью гражданского общества, позволяют женщинам активно включаться в решение социальных, политических проблем, отстаивать собственные интересы, выступать с инициативами и влиять на принятие решений. При этом такие общественные объединения становятся инструментом изменения политического сознания женщин. Следует отметить, что, являясь выразителем интересов женщин как группы, общественные организации в социально-политическом взаимодействии выступают защитником интересов других, слабозащищенных, групп населения. На современном этапе общественным объединениям предъявляются расширенные запросы в социально-политическом взаимодействии. В исследовании М.Ю. Миловановой отмечается, что в решении вопросов доступности образования (в том числе дошкольного) и профессионального обучения, жилищных инициатив (ТСЖ, контроль за тарифами ЖКХ, борьба с точечной и уплотнительной застройкой и др.), благотворительности, продвижения женщин в политику и государственное управление и пр. население чаще апеллирует именно к женским организациям [31. С. 104–105].

Заключение

Исторические и социокультурные традиции женского участия в политической жизни общества определили специфические характеристики политического сознания и поведения женщин. К ним отнесены, во-первых, поздний опыт публичного и управленческого участия женщин в политической жизни, что в целом, несмотря на растущий интерес женщин к политике, может отражаться на когнитивной составляющей политического сознания (не всегда предметно выраженный интерес женщин к политике, знания о ней и пр.). Вовторых, специфика формирования социального и человеческого капитала женщин, которая проявляется в ресурсной недостаточности и узости формальных каналов влияния, может приводить к искажению потребностей и мотивов политического поведения женщин. В-третьих, включенность в при-

ватную сферу создает для женщин особую форму общественной жизни, в которой они сотрудничают в решении повседневных бытовых проблем, воспитании детей, преодолении инфраструктурных ограничений и пр. Создаются благоприятные условия для формирования общественных объединений и участия в них женщин, возможности, когда политическое сознание женщин выходит за рамки собственно групповых интересов, возникает необходимость решения социально значимых вопросов и сочетания специфических женских интересов с интересами конкретных общностей, государства и общества: может происходить переход участия от микро- к мезо- и макроуровням общественной жизни.

Литература

- 1. Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (Советская и постсоветская историография) // Женщина в российском обществе. 2017. 2 (83). С. 15–34.
- 2. Шведова Н.А. Промежуточные выборы 2018 в США сквозь призму гонки 2020: гендерный фактор // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 1. С. 4.
- 3. *Силластве* Г.Г. От решения женского вопроса к новому гендерному порядку: движение в модусах социального времени // Гуманитарий юга России. 2017. № 5. С. 48–62.
- 4. *Беляева Г.Ф.* Политическая активность женщин в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 143–164.
- Хасбулатова О.А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново, 2005. 372 с.
- 6. Дадаева Т.М., Ушкин С.Г. Женщины в политике и общественной жизни: Pro etcontra // Регионология. 2014. № 4 (89). С. 172–178.
- 7. Айвазова $C.\Gamma$. Политическое участие женщин: немного истории и теории // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 3–12.
- 8. Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., Кучинов А.М., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Павлова Т.В., Панов Л.Г., Филиппова Л.Е. Институциональный анализ политического пространства в России: предварительные результаты исследования // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 17 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 527–571.
- 9. Шведова Н. А. Развитие человеческого капитала и гендерное равенство: умная политика // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4 (76–77). С. 17–30.
- 10. Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.
- 11. *Кранзеева Е.А.* Макро- и микроизменения в политическом сознании женщин: к постановке исследовательской проблемы // Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ / отв. ред. Л.Л. Шпак. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2016. С. 324–333.
 - 12. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000. 288 с.
- 13. *Левада Ю.А.* Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 507 с.
- 14. *Тезаурус* социологии. Тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.
- 15. *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 3–4. С. 299–321.
- 16. Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 8–23.
- 17. Коннел P. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
 - 18. Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа, 2012. 638 с.
 - 19. Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
- 20. Шпак Л.Л. Социология жизни: научное наследие и современные трактовки. Кемерово, $2007.\ 372$ с.
- 21. Политическое сознание и поведение: эволюционизм и мобилизация / отв. ред. Л.Л. Шпак. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2016. 126 с.

- 22. *Кранзеева Е.А., Шпак Л.Л.* Стигматизация участия женщин в политике современной России // SiberianSocium. 2018. Т. 2, № 2. С. 66–77.
- 23. *Здравомыслова Е.А.*, *Темкина А.А.* 12 лекций по гендерной социологии: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
- 24. *Овчарова О.Г.* Гендерная асимметрия и политика / под ред. А.И. Демидова. Саратов, 2007. 278 с.
- 25. *Ширнина Е.В.* Гендерная асимметрия в сфере российской политики // Вектор науки ТГУ. 2(20). 2012. С. 98–102.
- 26. Репина Л.П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 123–137.
- 27. Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. 2002. № 2. С. 93–104.
- 28. *Барчунова Т.* Гендерное измерение социального капитала в России (на примере Новосибирска) // Социальный капитал и социальное расслоение в современной России / под ред. Дж. Твигти, К. Шектер. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 162–191.
- 29. *Темкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11. С. 4–15.
- 30. Успенская В.И. Выход в общественное пространство: женские салоны в Европе XVII–XVIII веков // Философ в пространстве культуры. К 60-летию Б.Л. Губмана. Тверь, 2011. С. 119–134.
- 31. *Милованова М.Ю.* Гражданские инициативы женских общественных объединений: основные ресурсы для достижения результативности // Женщина в российском обществе. 2013. 3 (68). С. 98–106.

Elena A. Kranzeeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: elkranzeeva@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 173–183.

DOI: 10.17223/1998863X/56/17

THE SPECIFICS OF MODERN WOMEN'S POLITICAL CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOR

Keywords: women; gender; politics; sociocultural foundations; sociopolitical interaction.

The article examines the features of the political consciousness and behavior of women as a social group. The author outlines the contradictions between the social and political practices of women, the exclusion and stigmatization of women's participation in political life, which can lead to the absenteeism of this social group. Researchers should take into account the increasing tendencies of gender asymmetry in the structure of the population, the persistence of gender inequalities in the economic and political sphere, the growth of sociocultural risks; therefore, the issue of women's political consciousness and behavior requires a careful study. The aim of this article is to determine the sociocultural foundations of the specifics of women's political consciousness and behavior. The author proceeds from the scientific position that the social status of women and its changes are closely related to changes in their political consciousness. The emergence of specific interests demanded through the institution of politics should be considered as the starting point in women's political consciousness. At the same time, women's political consciousness takes shape at the initial stage in solving everyday issues of private life, organizing and arranging localized territories, and changing situations in relation to women. The methodological basis of the study is a sociocultural approach. Based on the theoretical analysis of the works and monitoring results of the World Values Survey, the author identifies the following sociocultural grounds of the specifics of women's political consciousness and behavior: the recent experience of women's social and managerial participation in political life; the specifics of the formation of women's social and human capital; inclusion in the private sphere, which creates a special form of sociopolitical interaction for women. At the present stage, this is reflected in women's political consciousness and behavior. Despite women's growing interest in politics, it is general and not always clearly expressed. The lack of resources and the narrowness of the formal channels of women's influence on political processes can lead to a distortion of the needs and motives of their political behavior. The need to address socially significant issues and to combine specific women's interests with the interests of specific communities, the state, and society creates opportunities for women to participate in public associations. At the same time, such public associations are becoming an instrument for changing women's political consciousness.

References

- 1. Pushkareva, I.M. & Pushkareva, N.L. (2017) Women's participation in Russian political life at the beginning of the XX c. (Soviet and Post-Soviet historiography). Zhenshchina v rossiyskom obshchestve Woman in Russian Society. 2(83). pp. 15–34.
- 2. Shvedova, N.A. (2019) 2018 Midterm Elections in the USA through the Prism of the Presidential Race 2020: Gender Factor. Rossiya i Amerika v XXI veke Russia and America in the XXI century. 1. pp. 4. (In Russian). DOI: 10.18254/S207054760004702-9
- 3. Sillaste, G.G. (2017) From the Solution of Women Issue to a New Gender Order: Movement in the Modes of Social Time. *Gumanitariy Yuga Rossii Humanitarians of the South of Russia*. 5. pp. 48–62. (In Russian).
- 4. Belyaeva, G.F. (2008) Politicheskaya aktivnost' zhenshchin v Rossii [Political activity of women in Russia]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* Public Administration Issues. 1. pp. 143–164.
- 5. Khasbulatova, O.A. (2005) Rossiyskaya gendernaya politika v XX stoletii: mify i realii [Russian gender policy in the twentieth century: myths and realities]. Ivanovo: Ivanovo State University.
- 6. Dadaeva, T.M. & Ushkin, S.G. (2014) Women in Politics and Public Life: Pro et Contra. *Regionologiya Russian Journal of Regional Studies*. 4(89). pp. 172–178. (In Russian).
- 7. Ayvazova, S.G. (2009) Politicheskoe uchastie zhenshchin: nemnogo istorii i teorii [Political participation of women: a little history and theory]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve Woman in Russian Society*. 3. pp. 3–12.
- 8. Patrushev, S.V., Ayvazova, S.G., Kertman, G.L., Kuchinov, A.M., Miryasova, O.A., Nedyak, I.L., Pavlova, T.V., Panov, L.G. & Filippova, L.E. (2019) Institutsional'nyy analiz politicheskogo prostranstva v Rossii: predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya [Institutional analysis of the political space in Russia: preliminary results of the study]. In: Gorshkov, M.K. (ed.) *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. Moscow: Novyy Khronograf. pp. 527–571.
- 9. Shvedova, N.A. (2015) Human capital development and gender equality: smart gender politics. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve Woman in Russian Society.* 3–4 (76–77). pp. 17–30. (In Russian).
- 10. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (2018) Socio-Cultural Threats and Risks in Contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 10. pp. 90–99.
- 11. Kranzeeva, E.A. (2016) Makro- i mikroizmeneniya v politicheskom soznanii zhenshchin: k posta-novke issledovatel'skoy problem [Macro- and micro-changes in the political consciousness of women: to the statement of the research problem]. In: Shpak, L.L. (ed.) *Sotsial'naya i politicheskaya mobilizatsiya: mikrosotsiologicheskiy analiz* [Social and political mobilization: a microsocial analysis]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 324–333.
- 12. Lapin, N.I. (2000) *Puti Rossii: sotsiokul'turnye transformatsii* [Ways of Russia: Sociocultural Transformations]. Moscow: RAS.
- 13. Levada, Yu.A. (2011) Sochineniya: izbrannoe: sotsiologicheskie ocherki. 2000–2005 [Selected Works: Sociological essays, 2000–2005]. Moscow: Karpov E.V.
- 14. Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2009) *Tezaurus sotsiologii. Tematicheskiy slovar'-spravochnik* [Thesaurus of Sociology. Thematic Explanatory Dictionary]. Moscow: YuNITI-DANA.
- 15. Zdravomyslova, E.A. & Temkina, A.A. (2003) The Public Construction of Gender in Soviet Society. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki The Journal of Social Policy Studies*. 3–4. pp. 299–321. (In Russian).
- 16. Pushkareva, N.L. (2012) Gendernaya sistema Sovetskoy Rossii i sud'by rossiyanok [Gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5(117). pp. 8–23.
- 17. Connell, R. (2015) *Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika* [Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics]. Translated from English by T. Barchunova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 18. Sillaste, G.G. (2012) *Gendernaya sotsiologiya i rossiyskaya real'nost'* [Gender Sociology and Russian Reality]. Moscow: Al'-fa.
 - 19. Toshchenko, Zh.T. (2016) Sotsiologiva zhizni [Sociology of Life]. Moscow: YuNITI-DANA.
- 20. Shpak, L.L. (2007) Sotsiologiya zhizni: nauchnoe nasledie i sovremennye traktovki [Sociology of life: scientific heritage and modern interpretations]. Kemerovo: Kemerovo State University.
- 21. Shpak, L.L. (2016) *Politicheskoe soznanie i povedenie: evolyutsionizm i mobilizatsiya* [Political consciousness and behavior: evolutionism and mobilization]. Kemerovo: Kemerovo State University.
- 22. Kranzeeva, E.A. & Shpak, L.L. (2018) Stigmatisation of Women's Participation in Politics. *SiberianSocium*. 2(2). pp. 66–77. (In Russian).

- 23. Zdravomyslova, E.A. & Temkina, A.A. (2015) *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii* [Twelve lectures on gender sociology]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
- 24. Ovcharova, O.G. (2007) *Gendernaya asimmetriya i politika* [Gender Asymmetry and Politics]. Saratov: Saratov State Academy of Law.
- 25. Shirnina, E.V. (2012) Gendernaya assimetriya v sfere rossiyskoy politiki [Gender asymmetry in the sphere of Russian politics]. *Vektor nauki TGU Science Vector of Togliatti State University*. 2(20). pp. 98–102
- 26. Repina, L.P. (2000) Pol, vlast' i kontseptsiya "razdelennykh sfer": ot istorii zhenshchin k gendernoy istorii [Gender, power and the concept of "divided spheres": from the history of women to gender history]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' Social Sciences and Contemporary World. 4. pp. 123–137.
- 27. Bussé, S. (2002) Sotsial'nyy kapital i neformal'naya ekonomika v Rossii [Social capital and the informal economy in Russia]. *Mir Rossii Universe of Russia*. 2. pp. 93–104.
- 28. Barchunova, T. (2003) Gendernoe izmerenie sotsial'nogo kapitala v Rossii (na primere Novosibirska) [Gender measurement of social capital in Russia (a case study of Novosibirsk)]. In: Twiggy. J. & Scheckter, K. (eds) Sotsial'nyy kapital i sotsial'noe rassloenie v sovremennoy Rossii [Social Capital and Social Stratification in Modern Russia]. Moscow: Al'pina Pablisher. pp. 162–191.
- 29. Temkina, A. & Rotkirch, A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiya v sovremennoy Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia]. *Sotsis.* 11. pp. 4–15.
- 30. Uspenskaya, V.I. (2011) Vykhod v obshchestvennoe prostranstvo: zhenskie salony v Evrope XVII–XVIII vekov [Exit into public space: women's salons in Europe of the 17th 18th centuries]. In: Uspenskaya, V.I. et al. *Filosof v prostranstve kul'tury* [Philosopher in the Space of Culture]. Tver: [s.n.]. pp. 119–134.
- 31. Milovanova, M.Yu. (2013) Civil initiatives of women's associations: key resources for performance achievement. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve Woman in Russian Society*. 3(68). pp. 98–106. (In Russian).

УДК 612.663.5

DOI: 10.17223/1998863X/56/18

И.Г. Полякова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ДОНОРА СПЕРМЫ НА БЕЗВОЗМЕЗДНОЙ ОСНОВЕ

В статье обсуждаются социально-психологические характеристики мужчин — безвозмездных доноров спермы. В качестве исходного материала взяты результаты опроса 86 респондентов с сайта https://rebenku.biz, критерием отбора послужила готовность к безвозмездному донорству спермы с использованием ВРТ. Средний возраст участников составил 37,4 года (SD = 6,9 года). В качестве базовой модели для классификации потребностей мы использовали концепцию К. Альдерфера, который выделяет три блока потребностей: потребности существования, потребности связи, а также потребность в росте и развитии.

Ключевые слова: бесплодие, вспомогательные репродуктивные технологии (BPT), репродуктивное донорство, донорство спермы.

Проблема бесплодия — одна из самых важных и сложных проблем современного общества. Так, по данным Национального исследования роста семьи (США), 15,5% всех желающих забеременеть женщин в США являются бесплодными. В России количество женщин 18—49 лет, страдающих бесплодием, с 2005 по 2018 г. выросло почти в два раза (Федеральная служба государственной статистики) [1]. Во многих случаях причина бесплодия заключается в плохом качестве спермы партнера либо в отсутствии партнера как такового. Однако эти ограничения преодолеваются с помощью репродуктивных технологий.

Значительная часть репродуктивных технологий требует участия доноров — в частности, доноров спермы. Многие годы в России существовало только коммерческое донорство спермы за редким исключением внутрисемейных случаев. В последнее время получил распространение новый феномен — открытое донорство спермы на безвозмездной основе. Вопрос мотивации таких доноров представляет, на наш взгляд, как научный, так и сугубо практический интерес.

Также несомненный интерес представляют социально-психологические особенности мужчин, декларирующих публично готовность к безвозмездной сдаче спермы. Практическая значимость обусловлена потребностью организаций, применяющих ВРТ, в привлечении новых доноров.

К сожалению, в отечественных источниках данный вопрос практически не освещался. Единственное найденное нами исследование на территории стран СНГ — работа А.Н. Комогорцева и А.Е. Ошибаевой. Было опрошено 120 мужчин репродуктивного возраста, проживающих в г. Алматы, которые могли бы теоретически стать донорами. Авторы не ставили своей целью детальный анализ мотивации респондентов, тем не менее было выявлено три основных мотива: желание помочь другим людям, возможность заработать и гражданский долг [2].

Если рассматривать зарубежные исследования, можно отметить достаточно большое количество мотивов, выделяемых различными авторами. При этом акцент зачастую делается на рассмотрении различных сочетаний мотивов вместо их сопоставления.

Мотивы доноров спермы могут быть как коммерческими (внешними), так и внутренними. Внутренние мотивы разнообразны – от альтруизма до собственного удовольствия (desire to please one's self) [3, 4]. Альтруистические мотивы могут включать желание помочь бесплодным парам стать родителями или внести вклад в человеческую эволюцию [5]. Некоторые рассматривают донорство спермы как обусловленное эгоистическим интересом. Например, коллектив авторов [6] среди основных мотивов выделяет эгоизм, проистекающий из нарциссизма и желания распространить свои гены посредством донорства. Многие удовлетворяют свое желание продолжить свой род и подтвердить свой фертильный статус [7–9].

Соотношение значимости добровольной и коммерческой мотивации донорства установить довольно сложно. Хотя материальная компенсация приветствуется [10], ее отсутствие зачастую не влияет на решение о донации, особенно среди молодежи [3]. Деньги даже оказываются наименее важным фактором [4], а иногда являются не столько собственно наградой за донорство [11], сколько путем обеспечения иных моральных обязательств [5].

Одним из наиболее важных факторов мотивации является анонимность. Некоторые доноры готовы участвовать в процессе только в ситуации анонимности, поскольку это позволяет им избежать непонимания в семье [Ibid.]. Многие доноры считают, что неанонимность означает большую ответственность по отношению к «будущим детям» [Ibid.].

Приемлемость донорства для партнера донора различна, поскольку в некоторых случаях доноры предпочитают не сообщать партнерам об этой практике, тогда как другие хотят получить согласие своих супругов / партнеров на донорство [9]. Доноры серьезно относятся к последствиям своего донорства для себя [Ibid.], они также могут взвешивать последствия для своих семей, что может стать барьером для донорства [6].

Итак, мотивация репродуктивного донорства является внутренне сложным явлением. В то же время мы не нашли работ, в которых бы осуществлялась ее систематизация в рамках существующих мотивационных моделей. На решение данной задачи и направлено текущее исследование. Сразу отметим, что в данной работе термины «мотивы» и «потребности» употребляются как синонимы.

Методика

В качестве базовой модели для классификации потребностей мы использовали концепцию К. Альдерфера, которая является своего рода развитием теории потребностей А. Маслоу. К. Альдерфер выделяет три блока потребностей: потребности существования (Existence), потребности связи (Relatedness), а также потребность в росте и развитии (Growth). [12]. Если сопоставлять данную модель с теорией А. Маслоу, то в первую группу входят физиологические потребности, а также потребности в безопасности; вторая группа включает в себя социальные потребности; третья — потребности в самоуважении и самореализации.

186 И.Г. Полякова

Цель исследования – описать и систематизировать основные социальнопсихологические факторы и мотивы мужчин – безвозмездных доноров спермы.

Характеристики участников исследования были отобраны с сайта https://rebenku.biz. Этот крупнейший в России открытый ресурс для знакомства с целью планирования и рождения ребенка содержит около 5 800 анкет, заполненных мужчинами. Среди активных пользователей было произвольно выбрано 900 анкет. Необходимо отметить, что только каждый седьмой из них согласился отвечать на дополнительные вопросы и участвовать в исследовании.

Далее отбор проводился по нескольким критериям:

- 1. Донор рассматривает возможность зачатия с помощью ВРТ.
- 2. Донор рассматривает возможность безвозмездного донорства.
- 3. Донор рассматривает возможность воспользоваться услугами репродуктивных клиник.

В итоге было отобрано 86 респондентов, которым были предложены вопросы о мотивации безвозмездного донорства. Сбор ответов на вопросы осуществлялся с помощью обработки уже имеющихся на сайте анкет и дополнительного анкетирования. Анкета с сайта содержала вопросы общего характера, позволяющие оценить социальный статус потенциального донора (такие как возраст, страна и город проживания, сексуальная ориентация, семейное положение, достаток, здоровье, возможность заключения брака и т.д.). Дополнительные вопросы призваны были уточнить опыт респондентов в данной области, мотивацию и последующие отношения заинтересованных сторон, в том числе юридические и финансовые (наличие детей в обычных отношениях и путем донорства; материальная поддержка женщины и ребенка, включая ВРТ; необходимость взаимной симпатии, готовность рассказать о своей деятельности близким и т.д.).

Средний возраст участников составил 37,4 года (SD = 6,9 года). 76 респондентов являются жителями России, 6 респондентов — Украины, по 2 человека из Беларуси и Казахстана. 39 жителей России проживают в Москве, 13- в Санкт-Петербурге, оставшиеся — в других крупных городах.

Мотивы участников выделялись с помощью анализа ответов на вопросы «Что повлияло на Ваше решение стать донором спермы?», «Для чего Вам нужно быть донором спермы?» и информации, которую респонденты предоставили о себе дополнительно. Ответы испытуемых были отнесены к трем классам, соответствующим модели К. Альдферера. Один и тот же ответ мог входить в разные классы в зависимости от своего содержания.

Признаком наличия потребности в существовании считается присутствие в ответе следующих причин для участия (индикаторов):

- А1 желание продолжить род:
- о∘ А10 предки здоровые долгожители,
- о∘ А11 профессиональные достижения предков,
- о∘ A12 успешная социализация представителей рода;
- А2 желание как можно шире распространить свои гены:
- о∘ А21 определение своей генетической принадлежности,
- ∘ А22 улучшение генофонда нации,
- о∘ А23 описание достоинств уже имеющихся детей;
- А3 желание наследников;
- А4 желание детей как таковых.

Примеры индикаторов ответов, которые мы определили в класс потребностей существования, представлены в табл. 1.

Подкатегория	Подкатегория	П			
1-го порядка	2-го порядка	Примеры индикаторов			
	A10	«Бабка умерла в 95 с лишним, и до последнего дня у нее было давление 120/80 и сахар в норме», «отец в первый раз обратился к стоматологу в 45 лет»»			
A1	A11	«Родители – доктора наук, мама – преподаватель, папа руководит крупным научным учреждением»			
	A12	«Среди родственников есть несколько знаменитостей: когда-то я подробно воссоздал Семейное Древо – не просто же так?»; «я музыкант в третьем поколении»			
A2	A21	«Генетический потомок северо-русской династии. Определена гаплогруппа. Характерно облысение к 45 годам, длиннорукие, длинноногие дети с крупными глазами»			
AZ	A22	«Рано или поздно нам надо поднимать генофонд страны»			
	A23	«У меня есть двое детей, мальчики, оба здоровенькие»			
A3		«Я хочу оставить за собой хороший след в детях», «по достижении 18 лет запишу на ребенка хорошую квартиру»			
A4		«Хочу вкладывать время и деньги в будущее – в детей»			

Таблица 1. Примеры индикаторов потребностей существования

Перейдем к описанию индикаторов потребности связи. Признаки наличия таких потребностей:

- В1 желание общаться с детьми, участвовать в воспитании;
- В2 чувство одиночества;
- В3 желание помочь людям:
- о∘ В10 желание сделать кого-то счастливым,
- о∘ В11 желание сделать мир лучше.

Примеры индикаторов ответов представлены в табл. 2.

Таблица 2. Примеры индикаторов потребностей связи

Подкатегория 1-го порядка	Подкатегория 2-го порядка	Примеры индикаторов
B1		«Ребенок мне необходим как возможность быть счастливым»
B2		«Я одинок, боялся остаться бездетным»
P.2	B10	«Помогаю женщинам и парам стать счастливее на этом свете»
В3	B11	«Делаю мир немного ярче и теплее»

Наконец, обратимся к индикаторам потребности роста:

- С1 интерес к новой деятельности;
- С2 поиск цели и смысла жизни.

Примеры индикаторов представлены в табл. 3.

Таблица 3. Примеры индикаторов потребностей роста

Подкатегория 1-го порядка	Подкатегория 2-го порядка	Примеры индикаторов
C1		«Открыт для всего нового»
C2		«Нужна нормальная цель в жизни. Я подумал, что ребенок»

В процессе контент-анализа были выявлены ответы, которые указывают на наличие нарциссических и эгоистических черт респондентов (табл. 4) [13]. Индикаторами нарциссизма и эгоизма являются:

• Д1 – акцент на своих физических параметрах;

188 И.Г. Полякова

- Д2 демонстративное описание положительных личных качеств;
- Д3 детальный анализ собственных достижений:
- ∘ Д10 в образовании,
- ∘∘ Д11 в работе,
- Д12 хобби.
- Д4 желание самоутвердиться за счет женщины.

Таблица 4. Примеры индикаторов эгоизма и нарциссизма

Подкатегория 1-го порядка	Подкатегория 2-го порядка	Примеры индикаторов		
	•	«Хорошие зубы без изъянов и пломб, ровные последний раз был		
		у стоматолога в начальных классах на плановом осмотре»,		
Д1		«я высокий и симпатичный брюнет», «спортивного телосложения,		
		голубоглазый шатен, в общем здоровый мужчина «в самом рас-		
		свете сил» (как Карлсон)»		
		«Ответственный и очень заботливый, открытый и общительный,		
Д2		позитивный и интересный», «умен, успешен, адекватен, трудолю-		
		бив»		
		«Интеллект. Со школы – участие в областных олимпиадах.		
	Д10	Красный диплом», «2 высших образования (экономическое		
		и юридическое)»		
пэ	Д11	«Из бедного деревенского пацана развился до обеспеченного		
ДЗ	ДП	москвича», «создал свою коммерческую недвижимость»		
		«Умею красиво фотографировать», «в будущем хочу создать		
	Д12	свой видеоклип, в котором сам напишу слова песни, музыку		
		и сам спою свою песню»		
ПА		«Ищу некурящую, уверенную в себе женщину, естественной		
Д4		красоты», «дамы сильно за 30 и дамы с детьми – не пишите»		

Результаты

Рассмотрим частотность мотивов безвозмездного донорства спермы (табл. 5).

Таблица 5. Частотность потребностей доноров

Мотив	Абсолютная частота	Относительная частота, %	
Потребность существования	48	55	
Потребность связи	36	41	
Потребность роста	12	14	

Как видим, наиболее частотной является потребность существования (55% участников). 41% показал наличие потребности связи, а потребностью роста обусловливают свое участие всего 14% испытуемых. Большинство (76 из 86) респондентов демонстрируют только один тип потребности и лишь 10 – два типа одновременно.

Отметим, что нарциссические и эгоистические черты продемонстрировали 26% испытуемых (т.е. 23 человека).

По профессиональным группам респонденты распределились следующим образом: управленцы -35 человек, инженеры IT-11, технический персонал -7, преподаватели и военные - по 5 человек, сфера услуг, творческие профессии и юристы - по 4 человека, экономика и финансы -3, пенсионеры и безработные -3, прочие -5.

Достаток высокий у 58 человек, средний - у 25 и низкий - у 3. В браке состоят 53 человека, остальные 33 - нет. Из 86 респондентов 71 человек име-

ет высшее образование, 5 – ученую степень, 10 человек не имеют высшего образования.

Большинство потенциальных доноров декларируют хорошее здоровье и отсутствие вредных привычек. Никто не курит, 33 респондента совсем не употребляют алкоголь, остальные делают это редко. Практически все занимаются спортом: 39 – время от времени, остальные – регулярно.

У 44 респондентов уже есть дети, причем у 26 опрошенных – более одного ребенка. У 25 респондентов есть дети, родившиеся в результате донорства спермы, у четырех из них – более десяти.

33 респондента считают дальнейший контакт отца с ребенком желательным, 1 — обязательным, 18 — возможным, 9 исключают такую возможность, и оставшиеся 26 оставляют этот вопрос на усмотрение матери либо считают его несущественным.

При этом в случае рождения ребенка 22 из них готовы юридически признать отцовство.

12 опрошенных в дальнейшем считают возможным заключение брака, 15 считают данный вопрос несущественным, остальные брак исключают.

36 респондентов мотивированы настолько, что готовы приехать в другой город и оплатить при этом свои расходы на проезд и проживание. Один человек готов оплатить проезд и проживание женщины в своем городе. З выражают готовность к поездке в случае оплаты расходов женщиной.

7 респондентов готовы взять на себя расходы по оплате вспомогательных репродуктивных технологий.

53 опрошенных считают себя успешными или вполне успешными людьми. 14 определяют свою успешность как «в чем-то да, в чем-то нет». По одному человеку отметили варианты ответа «успешен в своей сфере», «разносторонне развит» либо «стремлюсь». 16 респондентов относят себя к группе «неуспешных».

Всех респондентов объединяет лояльное отношение к ВРТ (в том числе ЭКО), тем не менее существуют нюансы:

- 28 респондентов относятся к ВРТ положительно;
- 12 респондентов нейтрально;
- 7 респондентов очень мало знают об этом явлении;
- 10 респондентов рассматривают для себя только ВРТ, ЭКО;
- 11 респондентов считают, что это очень вредно для здоровья матери, но оставляют принятие решения за женщиной;
 - 11 респондентов считают, что все средства хороши, главное результат;
- трое респондентов относятся к ВРТ неоднозначно, так как нужно будет подписать договор и предоставить персональные данные;
- трое респондентов считают, что ЭКО можно применять только по медицинским показаниям.

38 опрошенных уже имели опыт донорства спермы. Четверо респондентов заявили о том, что в прошлом были анонимными донорами спермы за вознаграждение на постоянной основе. После выхода из возрастной группы, соответствующей разрешенному возрасту донорства, они продолжили эту деятельность безвозмездно.

Статистический материал позволяет нам впервые увидеть примерный социальный портрет донора спермы на безвозмездной основе, его отношение

190 И.Г. Полякова

к будущим детям и ВРТ. Кроме того, данная статистика может быть основой для последующих исследований.

Суммируя полученные результаты, необходимо отметить несколько основных моментов. Во-первых, выделенные нами мотивы в достаточной степени укладываются в модель Альдферера. Потребности роста остаются относительно низкочастотными. Значительное количество -26% испытуемых (т.е. 23 человека) продемонстрировали нарциссические и эгоистические черты.

Обсуждение результатов

Одним из индикаторов потребности связи, выявленных в нашем исследовании, является желание помочь людям, описанное как ведущий мотив в исследовании коллег из Казахстана [2]. Желание помочь напрямую коррелирует с альтруистическими мотивами, выделенными в статье S. Mohr на примере Дании.

Полученные данные во многом согласуются с результатами онлайнопроса, проведенного на крупнейшем сайте репродуктивных технологий Англии Pride Angel в 2016 г. [4].

Наиболее частотными являются альтруистические мотивы («желание помочь другим», «сделать что-то хорошее в жизни»), относимые к классу потребностей связи, затем мотивы размножения («передать свои гены», «иметь детей, воспроизводство»), определяемые нами как потребности в существовании, далее — мотивы, связанные с личным опытом или обстоятельствами («друзья / члены семьи бесплодны»), которые могут классифицироваться как мотивы существования либо как альтруистические.

Весомое подтверждение получил тезис коллектива авторов [6], которые рассматривают донорство спермы как обусловленное эгоистическим интересом: 26% испытуемых (т.е. 23 человека) продемонстрировали нарциссические и эгоистические черты.

Для одного и того же человека могут быть актуальными несколько потребностей сразу; это согласуется с исследованиями, в которых отмечается, что мотивационная система имеет комплексный характер и представлена в виде интеграции нескольких мотивов [3–5]. Однако для нашего исследования этот вариант является относительно низкочастотным: только 10 человек из 86 показали наличие сразу двух типов потребностей.

К сожалению, нам не удалось найти значимых показателей, характеризующих реципиентов, которые в качестве мотива указывают потребности в росте. Как нам кажется, изучение этой категории доноров также может представлять интерес.

Выводы

1. Наиболее значимыми и распространенными характеристиками респондентов (более 50% опрошенных) являются лояльное отношение к ВРТ, наличие высшего образования, серьезное отношение к своему здоровью и отсутствие вредных привычек, отсутствие официального брака и нежелание его заключать, наличие детей, оценка себя как успешного человека при среднем достатке. Особо стоит отметить имеющийся опыт донорства спермы у 44% опрошенных и наличие детей, зачатых путем донорства, у 29% доноров.

- 2. По результатам контент-анализа и классификации мотивов мы выяснили, что большинство (71 из 86) испытуемых руководствуются только одним типом потребности. У оставшихся десяти было выявлено наличие двух типов потребностей сразу. Ведущим мотивом респондентов является потребность существования 55% участников показали наличие потребности данного типа в своих мотивах; далее, по убывающей, идут потребность связи (41%) и потребность роста (14%).
- 3. 26 % испытуемых (т.е. 23 человека) продемонстрировали нарциссические и эгоистические черты, что довольно значимо для данного исследования и напрямую коррелирует с исследованиями зарубежных авторов. По нашему мнению, данная мотивация является достаточно значимой и требует дальнейших дополнительных исследований.
- 4. Ситуация, когда мужчина не находится в рамках традиционной семьи или гражданского брака, но хочет и может помогать женщине в процессе зачатия, вынашивания и воспитания, является новой для России и, безусловно, требует дальнейшего изучения.
- 5. Очевидно, что данное исследование требует расширения выборки и ее дальнейшего всестороннего рассмотрения. Актуальным также является изучение позиции реципиентов и доноров относительно факта неанонимного донорства как нового для России явления.

Литература

- 1. Социально-экономическое положение России. Доклад Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за январь 2019 года. http://www.gks.ru/wps/wcm/ connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125 (дата обращения: 30.05.2020).
- 2. *Комогорцев А.Н., Ошибаева А.Е.* Проблема донорства мужских половых клеток // Центрально-Азиатский научно-практический журнал по общественному здравоохранению. 2015. № 3. С. 28–35.
- 3. Bay B., Larsen P.B., Kesmodel U.S., Ingerslev H.J. Danish sperm donors across three decades: motivations and attitudes // Fertility and Sterility. 2014. Vol. 101, № 1. P. 252–257.
- 4. Freeman T., Jadva V., Tranfield E., Golombok S. Online sperm donation: a survey of the demographic characteristics, motivations, preferences and experiences of sperm donors on a connection website // Human Reproduction. 2016. Vol. 31, № 9. P. 2082–2089.
- 5. *Mohr S.* Beyond motivation: on what it means to be a sperm donor in Denmark // Anthropology & Medicine. 2014. Vol. 21, № 2. P. 162–173.
- 6. Bossema E.R., Janssens P.M.W., Landwehr F, Treucker R.G.L., van Duinen K., Nap A.W., Geenen R. A taxonomy of possible reasons for and against sperm donation // Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica. 2012. Vol. 92, № 6. P. 679–685.
- 7. Kernberg O. Borderline conditions and pathological narcissism. New York: New York Universities Press, 1975. 978 p.
- 8. *Riggs D.W., Russell L.* Characteristics of men willing to act as sperm donors in the context of identity-release legislation // Human Reproduction. 2011. Vol. 26, № 1. P. 266–272.
- 9. Van den Broeck U., Vandermeeren M., Vanderschueren D., Enzlin P., Demyttenaere K., D'Hooghe T. A systematic review of sperm donors: demographic characteristics, attitudes, motives and experiences of the process of sperm donation // Human Reproduction Update. 2013. № 19. P. 37–51.
- 10. Ernst E., Ingerslev H.J., Schou O., Stoltenberg M. Attitudes among sperm donors in 1992 and 2002: a Danish questionnaire survey // Acta Obstetricia et Gynecologica Scandinavica. 2007. Vol. 86, № 3. P. 327–333.
- 11. *Hoeyer K.* Exchanging Human Bodily Material: Rethinking Bodies and Markets. Dordrecht: Springer, 2013. 191 p.
- 12. Alderfer C.P. An empirical test of a new theory of human needs // Organizational Behavior and Human Performance. 1969. Vol. 4, № 2. P. 142–175.

192 И.Г. Полякова

13. Jadva V., Casey P., Readings J., Blake L., Golombok S. A longitudinal study of recipients' views and experiences of intra-family egg donation // Human Reproduction. 2011. Vol. 26, № 10. P. 2777–2782.

Irina G. Polyakova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: irinapolykova@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56, pp. 184–193.

DOI: 10.17223/1998863X/56/18

THE SOCIOPSYCHOLOGICAL PROFILE AND MOTIVATIONS OF ALTRUISTIC SPERM DONORS

Keywords: infertility; assisted reproduction technologies (ART); reproductive donation; sperm donation.

The article discusses the sociopsychological characteristics of sperm donors who participate in assisted reproductive technologies (ART) altruistically. The study is based on the survey of 86 respondents who were recruited on the site https://rebenku.biz and selected according to their willingness to donate sperm for ART without monetary compensation. The average age of the participants in the study was 37.4 (SD = 6.9 years). The participants (more than 50% of respondents) share a number of characteristics: they have a positive attitude to ART in general; they are graduates of higher education institutions; they adhere to a healthy lifestyle; they are not married and wish not to change their marital status in the future; they have their own children; they report average personal income (belong to the middle class) and assess their professional career as successful. At least 44% of the participants have previous experience of sperm donation, while 29% of the surveyed men have children conceived with the help of ART. In the classification of psychological needs, the author relied on Clayton Alderfer's model, in which three groups of needs are distinguished: existence; relatedness; growth and development. The survey helped identify most frequent motives for donation: altruistic motives ("the desire to help others", "to do something good in life"); reproductive motives ("to pass on your genes", "to have children, reproduction"); motives associated with personal experience or circumstances ("friends / family members are infertile"); the desire for self-affirmation and egoistic motivation. The content analysis and the author's classification of motives have shown that most respondents (71 out of 86) decided to donate due to only one type of need. The rest of the surveyed men were motivated by two types of needs simultaneously. The leading motive of the respondents was the need for existence (55%); then there follows the need for relatedness (41%) and the need for growth (14%). It should be noted that 26% of the respondents (i.e. 23 people) exhibited narcissistic and selfish traits, which is a significant percentage in our study, in particular because of the selection criteria.

References

- 1. The Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Doklad Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki (Rosstat) za yanvar' 2019 goda [Socio-economic situation in Russia. Report of the Federal State Statistics Service (Rosstat) for January 2019]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125 (Accesed: 30th May 2020.)
- 2. Komogortsev, A.N. & Oshibaeva, A.E. (2015) Problema donorstva muzhskikh polovykh kletok [The problem of donation of male germ cells]. *Tsentral'no-Aziatskiy nauchno-prakticheskiy zhurnal po obshchestvennomu zdravookhraneniyu Journal of Central Asian Health Services Research.* 3. pp. 28–35.
- 3. Bay, B., Larsen, P.B., Kesmodel, U.S. & Ingerslev, H.J. (2014) Danish sperm donors across three decades: motivations and attitudes. *Fertility and Sterility*. 101(1). pp. 252–257. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2013.09.013
- 4. Freeman, T., Jadva, V., Tranfield, E. & Golombok, S. (2016) Online sperm donation: a survey of the demographic characteristics, motivations, preferences and experiences of sperm donors on a connection website. *Human Reproduction*. 31(9). pp. 2082–2089. DOI: 10.1093/humrep/dew166
- 5. Mohr, S. (2014) Beyond motivation: on what it means to be a sperm donor in Denmark. *Anthropology & Medicine*. 21(2). pp. 162–173. DOI: 10.1080/13648470.2014.914806
- 6. Bossema, E.R., Janssens, P.M.W., Landwehr, F, Treucker, R.G.L., van Duinen, K., Nap A.W. & Geenen, R. (2012) A taxonomy of possible reasons for and against sperm donation. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*. 92(6). pp. 679–685. DOI: 10.1111/aogs.12059

- 7. Kernberg, O. (1975) *Borderline Conditions and Pathological Narcissism*. New York: New York Universities Press.
- 8. Riggs, D.W. & Russell, L. (2011) Characteristics of men willing to act as sperm donors in the context of identity-release legislation. *Human Reproduction*. 26(1). pp. 266–272. DOI: 10.1093/humrep/deq314
- 9. Van den Broeck, U., Vandermeeren, M., Vanderschueren, D., Enzlin, P., Demyttenaere, K. & D'Hooghe, T. (2013) A systematic review of sperm donors: demographic characteristics, attitudes, motives and experiences of the process of sperm donation. *Human Reproduction Update*. 19. pp. 37–51. DOI: 10.1093/humupd/dms039
- 10. Ernst, E., Ingerslev, H.J., Schou, O. & Stoltenberg, M. (2007) Attitudes among sperm donors in 1992 and 2002: a Danish questionnaire survey. *Acta Obstetricia et Gynecologica Scandinavica*. 86(3), pp. 327–333. DOI: 10.1080/00016340601133913
- 11. Hoeyer, K. (2013) Exchanging Human Bodily Material: Rethinking Bodies and Markets. Dordrecht: Springer.
- 12. Alderfer, C.P. (1969) An empirical test of a new theory of human needs. *Organizational Be-havior and Human Performance*. 4(2). pp. 142–175.
- 13. Jadva, V., Casey, P., Readings, J., Blake, L. & Golombok, S. (2011) A longitudinal study of recipients' views and experiences of intra-family egg donation. *Human Reproduction*. 26(10). pp. 2777–2782. DOI: 10.1093/humrep/der252

УДК 316.42

DOI: 10.17223/1998863X/56/19

А.Б. Рахманов

БИЗНЕС-ЭЛИТЫ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА В 2020 ГОДУ: КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Основным субъектом и ключевым бенефициарием глобализации являются бизнесэлиты ведущих стран мира. Автор, опираясь на рейтинги миллиардеров и статистические исследования миллионеров, анализирует основные характеристики бизнесэлит планеты в 2020 г. и в предшествующие годы. Рассматриваются численность, богатство, гендерный состав, количество детей, степень качества self-таде, образование, отраслевая специализация, олигархичность, расселение по городам и глобальная мобильность бизнес-элит.

Ключевые слова: глобальный капитализм, бизнес-элита, транснациональный капиталистический класс, образование, олигархия, восходящая социальная мобильность, глобальная мобильность.

Введение

Бизнес-элиты ведущих стран мира, распоряжающиеся транснациональными компаниями, являются основными субъектами и бенефициариями глобализации, что и обусловливает наш интерес к ним. К бизнес-элите я отношу миллиардеров, т.е. лиц с чистым богатством на сумму свыше 1 млрд долл. США, и миллионеров — лиц с чистым богатством на сумму свыше 1 млн долл. США¹. Первые образуют высший, а вторые — низший слой бизнес-элиты. Далее, говоря о богатстве бизнес-элит, мы будем иметь в виду их чистое богатство (net wealth, net worth), т.е. капитал, активы.

В мировой научной литературе существует немало работ, посвященных бизнес-элитам мира (например, [1–4]). На мой взгляд, адекватным основанием для их исследования может послужить неомарксистская концепция транснационального капиталистического класса, разрабатываемая рядом зарубежных ученых [5–11]. Согласно этой концепции во времена К. Маркса оболочкой капиталистического способа производства и его классовой структуры было национальное государство, тогда как в начале XXI в. эта оболочка исчезает, поскольку формируется транснациональный (глобальный) капитализм с характерной для него транснациональной социально-классовой структурой. Из интегрирующихся национальных государств и наднациональных политических организаций возникает транснациональное государство, и в качестве аппарата насилия этого государства выступают согласованно действующие вооруженные силы различных стран и частные военные компании.

В настоящей статье будет осуществлено комплексное эмпирическое исследование бизнес-элит ведущих стран мира, причем в качестве источников

¹ В их число входят, разумеется, и миллиардеры. Но, учитывая ничтожность их численности по сравнению с численностью миллионеров, будем считать, что лица с богатством на сумму свыше 1 млн долл. – это миллионеры, т.е. лица с богатством на сумму свыше 1 млн долл., но менее 1 млрд долл.

фактической информации выступят рейтинги миллиардеров и статистические исследования, касающиеся миллионеров ¹.

В мире существует два рейтинга миллиардеров, которые предоставляют детальную информацию о каждом из этих сверхбогачей, – рейтинги американского журнала Forbes и китайского исследовательского института Hurun². Первый составляется с 1987 г., второй – с 2013 г. Рейтинги Forbes и Hurun различаются методикой подсчета, а также тем, что Forbes подсчитывает миллиардеров по гражданству³, а Hurun – по месту постоянного пребывания. В 2020 г. появилось третье различие – Hurun предоставил свой рейтинг 26 февраля (данные за 31.01.20), т.е. до начала вхождения мира в объятия глобального экономического кризиса, а Forbes в связи с последним отложил публикацию своего исследования до 7.04 (данные за 18.03.20)⁴. Forbes отмечает, что в силу переноса публикации рейтинга за 2020 г. окончательный вариант исследования содержал на 226 миллиардеров меньше, чем первоначальный. 51% миллиардеров мира оказались беднее, чем в прошлом году, а совокупное богатство миллиардеров мира за год сократилось на 700 млрд долл. [13].

Источником статистической информации о миллионерах мира являются в первую очередь ежегодные доклады исследовательского института швейцарского банка Credite Suisse, американских консалтинговых агентств Knight Frank и Wealth-X и южноафриканского консалтингового агентства New World Wealth.

Численность и богатство

Рассмотрим численность и совокупное богатство миллиардеров, опираясь на рейтинги Forbes и Hurun. Страны в обоих случаях ранжированы по численности миллиардеров (табл. 1).

	По Forbes				По Hurun			
Ранг	Страна		Совокупное богатство,	Ранг	Страна	Числен- ность, че-	Совокупное богатство,	
гані	Страна	ность, человек	млрд долл.	гані	Страна	ловек	млрд долл.	
1	США	614	2 947,5	1	Китай*	672	2 154,6	
2	Китай	389	1 180,1	2	США	626	3 024,6	
3	Германия	107	447,0	3	Индия	137	443,5	
4	Индия	102	312,6	4	Германия	122	472,7	
5	Россия	99	385,1	5	Великобритания	119	415,9	
6	Гонконг	66	309,9	6	Россия	91	362,4	
7	Великобритания	45	152,9	7	Швейцария	88	358,6	
8	Бразилия	45	127,1	8	Гонконг	76	380,6	

Таблица 1. Численность и совокупное богатство миллиардеров ведущих стран мира в 2020 г.

¹ Осуществляя такого рода анализ, необходимо осознавать его ограниченность, связанную с возможным несовершенством методик построения рейтингов миллиардеров и проведения статистических исследований миллионеров. Одним из средств преодоления названных ограничений может послужить использование максимального количества разных источников эмпирических данных. Вместе с тем подобный анализ, бесспорно, обнаруживает ряд закономерностей развития бизнес-элит ведущих стран мира и выступает как одно из возможных и необходимых направлений их исследования

² Существует еще и рейтинг финансового агентства М. Блумберга, который посвящен 500 самым богатым персонам планеты [12]. По состоянию на 05.05.20 для вхождения в список Блумберга необходимо было обладать состоянием в 3,85 млрд долл., что оставляет большинство миллиардеров мира за его пределами.

³ В случае наличия двойного (тройного) гражданства учитывается первое.

⁴ Forbes публиковал свой рейтинг ежегодно в первой декаде марта.

Ovonnanna	_	1

	По Forbes			По Hurun			
		Числен-	Совокупное			Числен-	Совокупное
Ранг	Страна	ность,	богатство,	Ранг	Страна	ность,	богатство,
		человек	млрд долл.			человек	млрд долл.
9	Канада	44	142,8	9	Бразилия	69	184,2
10	Франция	39	304,3	10	Таиланд	57	134,5
11	Италия	36	125,6	11	Франция	51	435,4
12	Тайвань	36	75,4	12	Тайвань	51	119,3
13	Швейцария	35	96,4	13	Япония	44	158,9
14	Швеция	31	106.6	14	Италия	43	136,7
15	Австралия	31	95,0	15	Канада	41	146,0
16	Южная Корея	28	70,4	16	Австралия	40	125,0
17	Сингапур	27	90,7	17	Сингапур	34	99,1
18	Япония	26	110,0	18	Южная Корея	33	88,0
19	Испания	24	97,1	19	Турция	32	51,3
20	Турция	23	38,9	20	Индонезия	30	98,9
21	Таиланд	20	66,4	21	Мексика	24	154,9
22	Израиль	17	51,3	22	Испания	28	144,6
23	Индонезия	15	53,7	23	Швеция	23	82,1
24	Филиппины	15	31,0	24	Филиппины	20	45,0
25	Мексика	12	103,0	25	ОАЭ	19	56,1
26	Малайзия	12	44,7	26	Израиль	19	52,6
27	Норвегия	12	26,2	27	Дания	17	47,9
28	Нидерланды	11	28,7	28	Чили	17	37,7
29	Австрия	9	41,2	29	Нидерланды	17	28,7
30	Ирландия	9	35,8	30	Монако	15	61,2
	Мир	2 095	8 038,5		Мир	2 816	11 188,4

Примечание. Подсчет автора по: [13, 14].

По Forbes, наибольшее количество миллиардеров сосредоточено в США, по Hurun – в Китае, причем китайские сверхбогачи лидерами стали впервые именно в 2020 г. Но по совокупному богатству миллиардеры США пока еще заметно превосходят своих китайских коллег. Наряду со старыми центрами капиталистического накопления (США, Западная Европа, Канада, Япония, Австралия) развиваются и новые – Китай, Индия, Россия, Гонконг, Бразилия, Тайвань, Таиланд, Сингапур, Турция, Мексика.

Рассмотрим динамику численности и богатства миллиардеров ведущих стран мира с 2005 по 2020 г., опираясь на данные Forbes (табл. 2). Страны ранжированы по доле численности их миллиардеров в общей численности миллиардеров мира в 2020 г.

С 2005 по 2020 г. произошло ослабление позиций миллиардеров США, Японии, Германии, Великобритании, Испании, Турции, Мексики по обеим позициям. Ослабление позиций бизнес-элиты Японии тем более интересно, что с 1987 по 1994 г. самыми богатыми людьми планеты были японские миллиардеры. Укрепились позиции сверхбогачей Индии, России, Гонконга, Бразилии, Тайваня, Австралии, Южной Кореи, Индонезии, Таиланда, а взлет миллиардеров Китая был просто фантастическим. Сверхбогачи Франции, Италии, Швеции и Швейцарии усилились по одному, но ослабли по другому из параметров. Проникновение в глобальную бизнес-элиту сверхбогачей из развивающихся стран возросло. 11 развитых стран, указанных в табл. 2, в 2005 г. располагали 75,26% миллиардеров мира и 75,46% их совокупного бо-

^{*} Нигип приводит данные по Китаю и Гонконгу совокупно, мы же разделяем их. Далее всюду Гонконг в соответствии с мировой статистикой рассматривается отдельно, хотя он, безусловно, является особой административной единицей в составе Китая.

гатства, в 2020 г. — уже только 49,27% миллиардеров и 57,55% богатства. Американо-западноевропейско-японское ядро высшего слоя бизнес-элиты постепенно размывается, но пока еще воспроизводится. Слой миллиардеров становится все более разнородным в национальном отношении.

Таблица 2. Динамика численности и совокупного богатства миллиардеров ведущих стран мира с 2005 по 2020 г.

	Доля численнос	ти миллиардеров	Доля совокупного богатства миллиар-		
Страца	страны в числение	ости миллиардеров	деров страны в совокупном богатстве		
Страна	мир	a, %	миллиардеров мира, %		
	2005	2020	2005	2020	
США	49,35	29,31	45,41	36,67	
Китай	0,29	18,57	0,14	14,68	
Германия	8,25	5,11	9,57	5,56	
Индия	1,74	4,87	2,74	3,89	
Россия	3,91	4,73	4,05	4,79	
Гонконг	2,17	3,15	2,86	3,86	
Великобритания	3,47	2,15	2,32	1,90	
Бразилия	1,16	2,15	0,83	1,58	
Канада	2,46	2,10	2,99	1,78	
Франция	2,03	1,86	3,32	3,79	
Италия	1,45	1,72	2,38	1,56	
Тайвань	1,01	1,72	0,68	0,94	
Швейцария	1,16	1,67	1,24	1,20	
Швеция	1,30	1,48	2,76	1,33	
Австралия	0,87	1,48	0,64	1,18	
Южная Корея	0,43	1,34	0,34	0,88	
Япония	3,47	1,24	3,35	1,37	
Испания	1,45	1,15	1,48	1,21	
Турция	1,16	1,10	0,72	0,48	
Таиланд	0,43	0,95	0,31	0,83	
Индонезия	0,29	0,72	0,21	0,67	
Мексика	1,45	0,57	1,95	1,28	

Примечание. Подсчет автора по [13].

Рассмотрим численность миллионеров в ведущих странах мира, опираясь на доклады Credite Suisse и Knight Frank, причем в обоих случаях самые последние данные касаются 2019 г. Knight Frank предоставляет информацию и о мультимиллионерах, т.е. о персонах с активами на сумму свыше 30 млн долл. Представим эти данные, подсчитав долю богачей каждой страны в мировых сообществах этих категорий (табл. 3). Страны ранжированы по численности миллионеров по Credite Suisse.

Таблица 3. Численность миллионеров и мультимиллионеров в ведущих странах мира в 2019 г.

		Милли	Мультимиллионеры				
C	По Cr	edite Suisse	По Кп	ight Frank	По Кі	По Knight Frank	
Страна	Человек,	% от мировой	Человек,	% от мировой	Человек	% от мировой	
	тыс.	численности	тыс.	численности	человек	численности	
США	18 614	39,8	16 456,5	32,95	240 575	46,87	
Китай	4 447	9,50	7 351,2	14,72	61 587	12,00	
Япония	3 025	6,46	3 652,8	7,31	17 013	3,31	
Великобритания	2 460	5,26	2 240,1	4,48	14 367	2,80	
Германия	2 187	4,67	2 208,2	4,42	23 078	4,50	
Франция	2071	4,43	2120,1	4,24	18776	3,66	
Италия	1496	3,20	1455,5	2,91	10701	2,08	
Канада	1322	2,83	1352,6	2,71	9325	1,82	
Австралия	1180	2,52	1546,2	3,10	3796	0,74	

Окончание табл. 3

		Милли	Мультимиллионеры				
Страна	По Credite Suisse		По Кп	По Knight Frank		По Knight Frank	
Страна	Человек,	% от мировой	Человек,	% от мировой	Человек	% от мировой	
	тыс.	численности	тыс.	численности	TCHOBCK	численности	
Испания	979	2,09	1043,8	2,09	6475	1,26	
Нидерланды	832	1,78	н/д	н/д	н/д	н/д	
Швейцария	810	1,73	933,0	1,87	8395	1,64	
Индия	759	1,62	291,3	0,58	5986	1,17	
Южная Корея	741	1,58	920,1	1,84	5847	1,14	
Тайвань	528	1,13	464,4	0,93	2172	0,42	
Гонконг	516	1,10	609,9	1,22	2737	0,53	
Швеция	374	0,8	450,3	0,90	5174	1,00	
Бельгия	279	0,60	н/д	н/д	н/д	н/д	
Бразилия	259	0,55	332,6	0,67	4812	0,94	
Россия*	246	0,53	504,6	1,01	8924	1,74	
Дания	237	0,51	н/д	н/д	н/д	н/д	
Сингапур	207	0,44	269,0	0,54	3306	0,64	
Мексика	173	0,37	315,5	0,63	3790	0,74	
Саудовская Аравия	147	0,31	272,4	0,55	5100	0,99	
Индонезия	106	0,23	21,0	0,04	675	0,13	
Турция	94	0,20	164,9	0,33	1913	0,37	
Таиланд	88	0,19	26,3	0,05	912	0,18	
Мир	46792	100	49951,4	100	513244	100	

Примечание. Составлено и подсчитано автором по [15. Р. 122; 16. Р. 104].

В развитых странах доля миллионеров от их общемировой численности превышает аналогичный показатель по миллиардерам, тогда как в развивающихся странах – наоборот. Эта закономерность особенно четко проявляется в случае России, в которой относительно много миллиардеров и относительно мало миллионеров. Графически имущественную структуру бизнес-элит развитых стран можно отобразить с помощью треугольника с очень тупым углом, противоположным основанию, а развивающихся стран, в первую очередь России, — с помощью треугольника с очень острым углом.

Миллионеры в развитых странах мира составляли в 2019 г. довольно значительные меньшинства: в Швейцарии – примерно 9,5–10,9, в Гонконге – 6,9–8,1%, в США – 5–5,7, в Австралии – 4,9–6,4, в Канаде – 3,5–3,6, в Великобритании – 3,3–3,6, во Франции – 3,1–3,2, в Германии – 2,6–2,7, в Японии – 2,4–2,9, в Италии – 2,4–2,5% населения. К ним приближаются богачи Тайваня (2,0–2,3%) и Южной Кореи (1,4–1,8%). Напротив, в большинстве развивающихся стран миллионеры были мизерными меньшинствами: в Китае – 0,3–0,5, в России – 0,2–0,3, в Мексике – 0,1–02, в Бразилии – 0,12–0,15, в Индии – 0,02–0,06% населения Многочисленность бизнес-элиты в развитых странах означает наличие мощных корней капитализма в этих обществах, свидетельствует о массовой поддержке капитализма, напротив, малочисленность бизнес-элит в развивающихся странах обусловливает слабую укорененность капиталистических порядков в соответствующих обществах, свидетельствует о ничтожном количестве бенефициариев капитализма в этих странах.

^{*} Согласно Wealth-X, в 2019 г. в России было 293 тыс. миллионеров [17].

¹ Подсчет автора по [15. P.122; 16. P. 104].

Женщины и дети

Важной характеристикой бизнес-элиты является ее гендерный состав. Эмансипация женщин, их все более активное и суверенное положение в обществе — это не просто требование феминизма, а всемирно-историческая закономерность. Природа человека основана на половом диморфизме, и безоглядное доминирование мужчин в нашу эпоху делает общественную систему слишком ригидной, недостаточно гибкой и пластичной, а значит, в конечном итоге — недостаточно инновационной и благополучной. Следовательно, рост присутствия женщин в бизнес-элите является предпосылкой быстрого и гармоничного развития любой страны в будущем. Подсчитаем численность женщин среди миллиардеров ведущих стран мира, используя данные Forbes и Hurun (табл. 4).

	Forbes			Hurun		
Страна	Человек	Доля от миллиар- деров страны, %	Страна	Человек	Доля от миллиар- деров страны, %	
США	83	13,52	США	90	14,38	
Китай	33	8,48	Китай*	39	5,80	
Германия	30	28,04	Германия	28	22,95	
Гонконг	11	16,67	Швейцария	15	17,05	
Швейцария	9	25,71	Великобритания	14	11,76	
Испания	6	25,00	Бразилия	12	17,39	
Швеция	6	19,35	Италия	9	21,43	
Италия	6	16,67	Гонконг	8	10,53	
Индия	6	5,88	Индия	8	5,84	
Австралия	5	16,13	Испания	7	25,00	
Франция	5	12,82	Чили	6	35,29	
Бразилия	5	11,11	Турция	6	18,75	
Турция	4	17,39	Южная Корея	6	18,18	
Великобритания	3	6,67	Австралия	6	15,00	
Норвегия	3	25,00	Франция	Франция 6		
Дания	3	37,50	Швеция	5	21,73	
Мир	243	11,60	Мир	314	11,15	

Таблица 4. Страны с наибольшей численностью женщин-миллиардеров в 2020 г.

Примечание. Подсчет автора по [13, 14].

* Нигип при анализе китайских миллиардеров нередко указывает на парных собственников миллиардных богатств. В частности, с гендерной точки зрения выделяются следующие варианты: 1) m (мужчина), 2) mm (двое мужчин), 3) f (женщина), 4) ff (две женщины), 5) mf, 6) fm. Два последних случая, очевидно, означают пару совладельцев с доминированием мужчины или женщины. В табл. 4 приведена величина, учитывающая только случаи f, ff и fm. Если же учитывать случаи f, ff, fm и mf, то эта величина для Китая возрастает до 141 субъекта-собственника миллиардных богатств с большим или меньшим женским участием.

Доля женщин в высшем слое бизнес-элиты в последние годы в мире неуклонно возрастала. Больше всего женщин-миллиардеров в США, Китае и Германии, которые значительно опережают другие страны. Помимо того, что отражено в табл. 4, Forbes насчитал по 2 женщины-миллиардера в Чили, Южной Корее, России и на Филиппинах, Нигип узрел в Дании 4, Филиппинах — 3, а в Норвегии и России — по 1 сверхбогачке. В Нидерландах, Австралии и Чили в списке миллиардеров первые позиции занимают женщины. В Португалии и Анголе всего по одному миллиардеру, и это женщины. Германию и, возможно, Чили следует считать странами, наиболее близкими к окончательной победе женской эмансипации (и феминизма),

поскольку в этих странах женщины уверенно занимают самые высокие позиции не только в экономике, но и в политике: канцлером Германии с 2005 г. является А. Меркель, а в Чили президентом страны в 2006–2010 и 2014–2018 гг. была М. Бачелет.

Вместе с тем, при бесспорном росте доли женщин в рядах мировой бизнес-элиты существует закономерность: чем большим уровнем богатства обладает слой предпринимателей, тем меньше в нем женщин. Согласно Wealth-X, в 2018 г. женщины среди миллионеров мира составляли 15,8%, а среди мультимиллионеров – 13,7% [18. Р. 20]. Среди лиц с богатством от 5 до 30 млн долл. женщин в 2018 г. было 14,2%, среди лиц с богатством от 30 до 100 млн долл. – 7,3%, лиц с богатством свыше 100 млн долл. – 7,2% [19. Р. 18].

Высший слой российской бизнес-элиты на фоне своих коллег из ведущих стран мира выглядит почти абсолютно мужским. Forbes выделяет в России всего двух женщин-миллиардеров – Е. Батурину и Т. Бакальчук, Hurun – лишь последнюю. По данным РБК, среди руководителей 500 крупнейших компаний России в 2019 г. женщин было всего 32, т.е. 6,4% [20]. Примечательно, что самой богатой женщиной отечественного происхождения является М. Луи-Дрейфус (урожденная Богданова), родившаяся в 1962 г. в Ленинграде и эмигрировавшая в Швейцарию, гражданкой которой она ныне является. Еще одним миллиардером наполовину русского происхождения является Исабель душ Сантуш из Анголы. Ее отец – бывший президент этой страны Ж.Э. душ Сантуш, а мать – советская женщина. По некоторым данным, Исабель владеет русским языком и имеет гражданство России (вероятно, в качестве второго или третьего).

Важным показателем социального бытия миллиардеров из разных стран мира является среднее количество детей, поскольку это, в частности, позволяет судить о перспективах расщепления крупных состояний в результате наследования. Данные о количестве детей сверхбогачей предоставляет только рейтинг Forbes, но его данные неполны: в рейтинге за 2020 г. есть сведения о детях только 1 399 миллиардеров. Наш подсчет показывает, что среднее количество детей миллиардеров мира в целом равно 2,89 ребенка. Для миллиардеров ведущих стран мира было характерно следующее количество детей (в порядке убывания): Израиль – 4,46, Мексика – 4,11, Филиппины – 4, Сингапур – 3,59, Таиланд – 3,46, Австралия – 3,45, Индонезия – 3,4, Испания – 3,36, Канада – 3,24, Франция – 3,18, США и Бразилия – по 3,03, Швейцария – 2,96, Гонконг – 2,89, Россия – 2,79, Германия – 2,72, Италия – 2,63, Великобритания – 2,46, Япония и Южная Корея – по 2,41, Индия – 2,31, Турция – 2,2, Швеция – 2,11, Китай – 1,73 ребенка¹. Во всех странах миллиардеры по количеству детей превосходят население соответствующей страны, что, безусловно, говорит о позитивном влиянии богатства на репродуктивные практики населения.

Для более точного анализа факторов рождаемости у миллиардеров рассмотрим количество детей у разных возрастных когорт миллиардеров мира и нескольких стран с большой численностью сверхбогачей (табл. 5). В некоторых случаях данных о детности рассматриваемых групп мало (менее чем 5 человек).

¹ Подсчет автора по [13].

Страна	Численность миллиардеров,	Возрастные когорты, лет				
или мир	о количестве детей которых есть сведения, человек	До 45	46–55	56–65	66–75	76+
Мир	1 399	1,32	2,61	2,72	2,89	3,48
США	490	1,04	2,39	2,97	3,05	3,55
Россия	95	2,67	2,97	2,83	2,35	-
Индия	89	м/д	1,9	2,14	2,43	2,67
Китай	77	м/д	1,81	1,65	1,81	м/д
Германия	55	м/д	3,00	2,25	2,89	2,89

Таблица 5. Количество детей у миллиардеров разных возрастных когорт

Примечание. Подсчет автора по [13].

В случае миллиардеров мира в целом, США и Индии мы обнаруживаем тенденцию снижения рождаемости от самой пожилой к самой молодой когорте. Это означает то, что современный (поздний) капитализм требует от предпринимателей, в отличие от капитализма 1950-60-х гг., крайне индивидуалистического образа жизни и мировоззрения, которые плохо сочетаются с многодетностью. Случай России – близость количества детей у разных возрастных когорт с небольшим увеличением в сторону самой молодой когорты – говорит, на мой взгляд, во-первых, о том, что восприятие российскими миллиардерами капиталистической идеологии пока еще не привело к соответствующей трансформации семейных ценностей, во-вторых, о том, что состоятельность имеет большое значение для репродуктивного поведения. В случае Китая близкие показатели рождаемости у разных возрастных когорт схожи, что является, скорее всего, результатом политики ограничения рождаемости, проводившейся в свое время в этой стране. Но к случаю Китая нужно подходить осторожно, поскольку Forbes обладает сведениями о детности лишь небольшой части китайских миллиардеров. Случай Германии казалось бы говорит о противоречивых тенденциях, но мы обладаем данными о детности не более чем половины немецких сверхбогачей.

Качество self-made

Весьма важной характеристикой миллиардеров и миллионеров разных стран мира является уровень качества self-made, т.е. то, в какой степени они унаследовали свои богатства или же добились их сами. Высокий уровень этого качества у любой элиты говорит в среднем и типическом случае о высоком уровне ее интеллектуальных и волевых качеств. Чем больше в бизнес-элите лиц с высоким уровнем self-made, тем более современной, инициативной и динамичной она является, тем более эффективные методы управления она применяет и — довольно часто, хотя и не всегда — тем современнее и конкурентоспособнее экономика соответствующей страны.

Вычислим средний уровень self-made у миллиардеров ведущих стран мира, опираясь на данные Нигип, который предлагает оценку этого качества сверхбогачей мира по 5-балльной системе. Средняя степень self-made миллиардеров ведущих стран мира в 2020 г. равна: Китая – 4,85, России – 4,1, Гонконга – 4,0, Великобритании – 3,83, Тайваня – 3,82, США – 3,65, Индии – 3,58, Индонезии – 3,53, Турции – 3,52, Японии – 3,5, Испании – 3,46, Италии – 3,44, Австралии – 3,4, Южной Кореи – 3,39, Швеции – 3,35, Таиланда – 3,32, Франции – 3,27, Швейцарии – 3,24, Германии и Мексики – по 3,17, Бра-

зилии $-3,06^1$. Китайские миллиардеры по качеству self-made в мире лидируют, и их российские коллеги также обнаруживают высокие показатели, и это означает, что бизнес-элиты Китая и России склонны проводить свои интересы более умно, тонко и изобретательно, чем их коллеги из большинства других стран.

Forbes оценивает уровень качества self-made главным образом лишь миллиардеров США, причем только 485 из всех 614, используя при этом 10-балльную систему. Подсчет автора показывает, что средний уровень self-made сверхбогачей США в 2020 г. равен 6,55 балла. Самый высокий уровень качества self-made (10 баллов) характерен для 35 американских миллиардеров. Речь идет об индивидуумах, которые, происходя из социальных низов, благодаря своим способностям и энергии вошли в высший слой бизнес-элиты богатейшей страны мира, являя собой воплощение «американской мечты». Вместе с тем средний возраст миллиардеров-10-балльников (72,83 года) превосходит средний возраст миллиардеров США в целом (66,94 года), и это означает, что социальные лифты в этой стране в последние десятилетия стали работать медленнее.

Существует закономерность: чем выше уровень богатства слоя предпринимателей, тем в меньшей степени им присуще качество self-made. Согласно Wealth-X, в 2018 г. 55,8% миллиардеров мира были self-made-богачами, 13,3% — наследниками, и 30,9% сверхбогачей сочетали эти качества [21. Р. 18]. При этом в 2018 г. среди мультимиллионеров доля self-made-богачей была равна 67,5%, среди миллионеров — 83,8% [18. Р. 19]. Среди лиц с богатством свыше 5 млн долл. в 2019 г. 84,8% были self-made, 4,7% — наследниками, 10,6% совмещали эти качества [22. Р. 15].

Качество self-made в разной степени характерно для мужской и женской части бизнес-элиты. По нашему подсчету на основе данных Нигип, в 2020 г. средний балл self-made у мужчин-миллиардеров мира был равен 4,01, у женщин-миллиардеров – 2,78. Согласно Wealth-X, в 2018 г. среди миллиардеровмужчин мира self-made-дельцов было 61%, наследников – 7,9%, сочетали эти качества 30,1%, тогда как среди миллиардеров-женщин self-made-богачками были только 16%, наследницами – 53,7%, сочетали эти качества 30,3% [21. Р. 22]. Среди мужчин с богатством свыше 5 млн долл. в 2019 г. self-made-богачей было 87,5%, наследников – 3,1%, сочетали эти качества 9,3%, среди столь же состоятельных женщин self-made-богачек было 67,9%, наследниц – 13,9%, сочетали эти качества 18,2% [22. Р. 17]. Очевиден вывод: чем богаче слой бизнес-элиты, тем меньше в нем не только женщин, но и женщин, которые «сделали себя».

Согласно Hurun, в 2020 г. в мире было 100 женщин-self-made-миллиардеров, из которых 61 проживала в Китае², 19 – в США, 6 – в Велико-британии. Следовательно, оптимальные условия для занятий женщин бизнесом существуют в первую очередь в этих странах. Мировыми столицами женщин-self-made-миллиардеров были Пекин (12), Шэньчжэнь (10) и Шанхай (7) [23]. В России была только одна представительница этой категории – Т. Бакальчук.

¹ Подсчет автора по [14].

² Такое большое количество женщин-self-made-миллиардеров Китая объясняется тем, что авторы рейтинга при анализе китайских миллиардеров учитывают и женщин в составе пар совладельцев с доминированием мужчины (см. выше примечание к разделу «Женщины и дети»).

Особого внимания заслуживают молодые self-made-миллиардеры. По Нигип, в 2020 г. в мире было 53 self-made-миллиардера в возрасте не выше 40 лет (в 2016 г. – 39). Из них 20 проживают в США, 19 – в Китае, 4 – в Индии, по 2 – в Австралии, Сингапуре, Швеции и ОАЭ и лишь по одному – в Канаде и России [24]. Самые важные сферы их деятельности – электронная коммерция, социальные сети и бизнес в области совместного использования благ (shared economy). Наибольшее количество молодых self-made-миллиардеров обитает в Сан-Франциско и Пекине (по 11). Таким образом, эти города можно считать главными мировыми столицами наиболее динамичного капитализма, в первую очередь – информационно-коммуникативного капитализма.

Образование: миллиардеры США

Важной характеристикой бизнес-элит разных стран является уровень образования. Forbes предоставляет данные (иногда фрагментарные) о несколько более чем о половине миллиардеров мира. Наиболее полной является информация об американских миллиардерах, причем присутствуют сведения об образовании лишь 532 сверхбогачей из 614. Выделим пять образовательных когорт американских миллиардеров, отнеся к ним лиц¹: 1) лишь со средним образованием, 2) бросивших университеты, не получив степени бакалавра («недоучек»), 3) только со степенью бакалавра, 4) только со степенью магистра, 5) со степенью доктора наук (PhD). Вычислим средний уровень богатства и степень self-made каждой из этих образовательных когорт (табл. 6).

Численность, Среднее богатство, Средняя степень Уровень образования человек млрд долл. self-made, баллы 3,08 9,06 Среднее образование 21 Бросили университет, не получив 52 7,74 8,01 степень бакалавра Бакалавр 232 4,88 6,24 Магистр 148 5,30 6.95 79 PhD 3,86 6,71 Bce 614 4,80 6,55

Таблица 6. Среднее богатство и средняя степень self-made у миллиардеров США в зависимости от уровня образования в 2020 г.

Примечание. Подсчет автора по [13].

Самыми богатыми среди миллиардеров США оказываются лица, бросившие университет, не получив степени бакалавра. Они намного богаче более образованных коллег. Среди них — всем известные Билл Гейтс, Марк Цукерберг, Майкл Делл, Дастин Московиц и Ян Кум. Примечательно, что миллиардеры-доктора наук по богатству серьезно уступают миллиардерам-«недоучкам», бакалаврам и магистрам, хотя и немного опережают миллиардеров со средним образованием.

Самой высокой степенью self-made обладали миллиардеры со средним образованием. Им немного уступают и миллиардеры-«недоучки». Миллиардеры-доктора обладают самым низким уровнем self-made. Это вполне логично: тот, кто делал карьеру своими силами, зачастую не обладал возможностями для получения высшего образования.

¹ Три лица со степенью Associate in Arts/Science учтены в составе персон, бросивших обучение до получения степени бакалавра. Лица, не завершившие обучение в магистратуре, учтены в составе бакалавров.

Уровень образования коррелирует с количеством детей американских миллиардеров следующим образом: лица со средним образованием имеют 4,45, «недоучки» – 2,89, бакалавры – 3,06 ребенка, магистры – 2,97, доктора – 2,85 ребенка. На этом основании можно осторожно предположить, что в среде миллиардеров США многодетность и образованность являются взаимоисключающими явлениями.

Данный анализ образования рейтингов миллиардеров ставит под сомнение ключевые положения концепции постиндустриального общества американского социального теоретика Д. Белла. Согласно его позиции, в США и других развитых странах в 1970-е гг. возникло постиндустриальное общество, в котором знания являются главным ресурсом, а университеты и научные лаборатории - главными социальными институтами и ведущими экономическими субъектами. В постиндустриальном обществе основанием стратификации является отношение к знанию [25]. Однако мы увидели, что самые богатые отнюдь не являются самыми образованными. Кроме того, в рейтинги миллиардеров входят почти исключительно бизнесмены, а в качестве крайне редкого исключения выступают люди из шоу-бизнеса – режиссеры Д. Лукас и С. Спилберг, ведущая шоу О. Уинфри, бывший баскетболист М. Джордан. Некогда входившая в число миллиардеров британская писательница Дж. Роулинг, автор эпопеи о Г. Поттере, покинула их ряды. Современное общество продолжает быть капиталистическим, и в нем основным ресурсом и основанием классобразования является капитал, а главным, наиболее востребованным и вознаграждаемым в первую очередь талантом талант по его созданию и приумножению. Собственно, если бы в современном обществе главным ресурсом было бы знание, которое легко конвертировалось бы в богатство в денежной форме, то Нобелевская премия, премия Филдса и иные премии для ученых были бы упразднены за ненадобностью.

Сведения об образовании американских миллиардеров позволяют скорректировать и концепцию социальной мобильности русско-американского социолога П.А. Сорокина, который выделил ряд социальных лифтов, и образование в их числе [26]. Мы обнаружили, во-первых, что бизнес является более скоростным лифтом, чем образование, во-вторых, получение образования нередко не ускоряет, а замедляет карьеру. Если бы вышеупомянутые 52 миллиардера-«недоучки» не бросили университеты, а продолжили свое образование, став бакалаврами, магистрами и докторами наук, то, вероятнее всего, их деловые карьеры не были бы столь блестящими, и, равным образом, если бы 21 миллиардер со средним образованием сосредоточил бы свои усилия на получении высшего образования, то, скорее всего, речь не пошла бы об успехе такого уровня. Если бы Б. Гейтс получил в своей alma mater степени бакалавра, магистра и PhD, он, вероятно, стал бы профессором Гарвардского университета, получал зарплату в 100 тыс. долл. в год и писал книги – возможно, о роли науки в постиндустриальном обществе, но эти труды едва ли сделали бы его даже мультимиллионером.

Представленные данные заставляют скорректировать и классическое положение американского социолога Миллса [27] о том, что ведущие университеты выступают одним из важных очагов формирования элиты, что в элитных университетах возникают сообщества, поддержка которых является основой успешных карьер выпускников этих университетов. Элитное уни-

верситетское образование рассматривается и как атрибут, и как фактор блестящих деловых карьер. Но наш анализ показывает, что это верно лишь отчасти: индивидуумы, делающие самые быстрые карьеры, не нуждаются в опоре на сообщества выпускников элитных университетов или же нуждаются в них в незначительной степени.

Forbes располагает сведениями об образовании 95 миллиардеров России, и все они имеют высшее образование. Самые богатые из миллиардеров России более образованны, чем их коллеги из США. Это означает, что при формировании бизнес-элиты России высшее образование играло большую роль, чем при воспроизводстве слоя сверхбогачей США.

Отраслевая специализация

Важнейшей характеристикой бизнес-элит является их отраслевая специализация, т.е. распределение по отраслям экономики, в которых работают их представители. Отраслевая специализация миллиардеров той или иной страны весьма важна, поскольку говорит о том, в какой сфере экономики функционируют самые крупные капиталы, и позволяет судить о том, какое место в мировом разделении труда эта страна займет в ближайшие годы, какой будет ее внутренняя и внешняя политика.

Проанализируем отраслевую специализацию миллиардеров ведущих стран мира на основе рейтинга Нигип, который предоставляет подробную информацию об областях экономики, в которых преуспевают наши герои. Подразделим эти области на пять групп отраслей: 1) высокотехнологичную¹, 2) промышленную², 3) потребительских товаров и услуг и сельского хозяйства³, 4) финансово-торговую⁴, 5) энергетико-сырьевую⁵. При этом вне нашего рассмотрения останутся многоотраслевые комплексы, индустрия развлечений, СМИ и некоторые другие отрасли экономики. Рассмотрим то, как распределяются капиталы миллиардеров ведущих стран мира по этим группам (табл. 7). Страны ранжированы по совокупному богатству миллиардеров 1-й группы.

Миллиардеров США и Японии характеризует финансово-торговая и высокотехнологичная ориентация, Китая и Индии — высокотехнологичная и финансово-торговая, Германии — высокотехнологичная, промышленная и финансово-торговая, Великобритании — финансово-торговая и энергетикосырьевая, Франции — ориентация на финансово-торговый сектор и производство потребительских товаров и услуг, Италии — на производство потребительских товаров и услуг и финансово-торговый сектор, Тайваня — финансово-торговая и промышленная, Гонконга, Испании и Бразилии — финансово-торговая, Южной Кореи — высокотехнологичная ориентация. Заметим, что

¹ Информационные технологии, интернет-услуги, телекоммуникации, авиация, медицинские и образовательные услуги, фармацевтика, биотехнологии, электротехника, бытовая электроника, медицинское оборудование и т.п.

² Машиностроение, тяжелая и химическая промышленность, строительство, логистика, транспорт (кроме авиации) и т.п.

³ Легкая, пищевая, мебельная, табачная промышленность, общественное питание, гостиничный бизнес, туризм, сельское хозяйство и т.п.

⁴ Банковское дело, финансовые услуги, операции с недвижимостью, все виды торговли, реклама и т.п.

 $^{^{5}}$ Энергетика, нефть, газ, металлы, горнорудное дело, древесина и т.п.

такая ориентация присуща южнокорейской бизнес-элите в большей степени, чем их коллегам из любой другой страны.

 $\it Tаблица~7$. Распределение богатств миллиардеров ведущих стран мира по пяти группам отраслей экономики в 2020 г.

Страна	Совокупн		ство мил		ов групп,	миллиардеров страны, %			гатстве	
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я
США	869,2	162,1	382,1	1549,2	120,5	28,74	5,36	12,63	51,22	3,98
Китай	701,5	282,3	272,3	620,4	119,3	32,56	13,10	12,64	28,79	5,54
Германия	126,1	121,3	68,9	113,0	5,6	26,68	25,66	14,58	23,91	1,18
Индия	119,3	65,0	29,7	78,5	3,2	26,90	14,66	6,70	17,70	0,72
Швейцария	97,3	70,4	59,4	68,1	50,8	27,13	19,63	16,56	18,99	14,17
Франция	46,7	19,8	94,9	257,5	ı	10,73	4,55	21,80	59,14	_
Южная Корея	44,7	9,6	7,5	7,7	4,3	50,80	10,91	8,52	8,75	4,89
Япония	43,2	2,2	7,5	87,0	_	27,19	1,38	4,72	54,75	_
Гонконг	39,4	29,5	49,7	198,2	16,3	10,35	7,75	13,06	52,08	4,28
Великобритания	30,7	55,0	32,5	155,7	71,4	7,38	13,22	7,81	37,44	17,17
Италия	26,7	14,8	47,8	39,8	1,2	19,53	10,83	34,97	29,11	0,88
Австралия	24,7	22,2	2,9	32,1	29,1	19,76	17,76	1,65	25,68	23,28
Бразилия	19,8	32,0	18,9	97,1	3,6	10,75	17,37	10,26	52,71	1,95
Канада	10,5	7,3	20,9	52,0	13,9	7,19	5,0	14,32	35,62	9,52
Индонезия	10,0	9,3	14,2	41,7	4,2	10,11	9,40	14,36	42,16	4,25
Россия	9,1	16,4	8,0	79,8	239,3	2,51	4,53	2,21	22,02	66,03
Тайвань	7,4	43,2	17,4	44,2	ı	6,20	36,21	14,59	37,05	_
Мексика	6,1	4,4	27,6	94,0	10,6	3,94	2,84	17,82	60,68	6,84
Таиланд	4,2	10,7	82,2	15,0	7,9	3,12	7,96	61,12	11,15	5,87
Турция	3,1	13,9	4,5	9,7	14,3	6,04	27,10	8,77	18,91	27,88
Испания	2,0	16,0	9,2	114,7	1	1,38	11,07	6,36	79,32	_
Мир	2364,4	1160,2	1385,5	4155,5	802,4	21,13	10,37	12,38	37,14	7,17

Примечание. Подсчет автора по [14].

Миллиардеры России отличаются энергетико-сырьевой и финансовоторговой ориентацией. Степень вовлеченности российских сверхбогачей в сырьевую экономику является невероятно высокой: 66,03% от их совокупного богатства вложено в энергетико-сырьевой сектор, и бизнес-элита ни одной страны не отличается столь же односторонней направленностью на какуюлибо отрасль экономики. Российские миллиардеры нацелены в первую очередь на производство сырья и полуфабрикатов, а не наукоемких технологий и высокотехнологичных продуктов. Это обусловливает ориентацию страны на экстенсивное развитие, т.е. развитие посредством использования возрастающего количества ресурсов (людей, месторождений, территорий) при неизменных методах производства. В силу этого следует говорить об экстенсивно-сырьевой модели капитализма в России. Присущий российской бизнесэлите высокий уровень качества self-made в этих условиях не гарантирует становления высокотехнологичного и конкурентоспособного типа экономики, а означает, скорее, виртуозность управления на основе экстенсивносырьевой модели развития. Речь идет о технологичности по форме, но не по содержанию.

Исходя из объема совокупных капиталов отраслевых групп и отраслевой ориентации миллиардеров разных стран, можно спрогнозировать, что лидерами мира в области высоких технологий и наукоемкой промышленности в ближайшие годы будут США, Китай, Германия, Индия и Швейцария. В каче-

стве основных центров классической промышленности выступят Китай, США, Германия, Швейцария и Индия. Если страна является центром какойлибо отрасли промышленности, то это означает размещение на ее территории или соответствующих производств, или центров управления производствами, находящимися в других странах, или же то и другое вкупе. Если же рассматривать не отдельные европейские страны, а Евросоюз в целом, что будет правильнее, то следует говорить о четырех основных центрах высоких технологий и промышленности планеты в будущем - США, Китае, Евросоюзе и Индии. Главными центрами производства потребительских товаров и услуг будут США, Китай, Франция, Таиланд и Германия. При этом очевидна ориентация экономик Франции и Италии на производство предметов элитного потребления (еда, алкоголь, мебель, одежда, обувь, аксессуары) для богатой и зажиточной части населения всей планеты. Центрами глобальных финансовоторговых операций будут США, Китай, Франция, Гонконг и Великобритания. Бразилия, Мексика, а значит, вслед за ними, и вся Латинская Америка не совершат скачков в своем развитии и останутся периферией глобального капитализма. То же следует сказать об Индонезии и Таиланде. Россия будет бесспорным лидером в области многоотраслевой сырьевой экономики. Менее политкорректно и более нелицеприятно место нашей страны в мировом разделении труда следует квалифицировать как сырьевой придаток глобальной экономики.

Олигархичность: метод слоевых пропорций и метод динамического среднего возраста

Важной характеристикой бизнес-элит является их олигархичность. Под этим качеством мы понимаем соотношение слоев предпринимателей (и их интересов), располагающих разными капиталами. Степень олигархичности бизнес-элиты говорит о том, как выстраиваются отношения крупнейших предпринимателей, с одной стороны, средних и мелких – с другой. Низкая степень олигархичности бизнес-элиты означает то, что преобладают более или менее гармоничные отношения между разными слоями бизнес-элиты (при гибком руководстве со стороны высшего слоя). В этом случае происходит регулярная восходящая социальная мобильность, и к высшему уровню богатства поднимаются предприниматели, осуществляющие технологические инновации. И это, безусловно, соответствует интересам развития страны. Высокая степень олигархичности приводит к тому, что высший слой бизнесэлиты довольно жестко навязывает свои интересы средним и мелким предпринимателям. В этом случае для бизнес-элиты и общества в целом характерна крайне невысокая или вовсе отсутствующая восходящая социальная мобильность, что сопряжено с отсутствием технологического прогресса и общественным застоем.

Для выяснения степени олигархичности бизнес-элит ведущих стран мира используем разработанные автором метод слоевых пропорций и метод динамического среднего возраста.

В соответствии с методом слоевых пропорций подразделим бизнес-элиту на три слоя – высший (миллиардеры), средний (мультимиллионеры) и низший (миллионеры). Вычислим, во-первых, отношение численности миллионеров к численности миллиардеров и, во-вторых, отношение численности

мультимиллионеров к численности миллиардеров. Чем больше миллионеров и мультимиллионеров приходится на одного миллиардера страны, тем ниже степень олигархичности ее бизнес-элиты, и наоборот. Это обусловлено тем, что относительная малочисленность низшего и среднего слоев бизнес-элиты является одновременно и результатом, и фактором доминирования ее высшего слоя. Используем данные о численности слоев бизнес-элит за 2019 г., содержащиеся в докладе Knight Frank. Страны ранжированы по отношению численности миллионеров к численности миллиардеров (табл. 8).

Страна	миллионеров к численности	мультимиллионеров к численности
	миллиардеров	миллиардеров
Япония	93 661	436
Франция	42 402	376
Австралия	41 789	103
Испания	37 278	231
Италия	33 079	243
Канада	32 204	222
Великобритания	31 551	203
США	26 080	381
Швейцария	25 916	233
Южная Корея	24 867	158
Китай	23 263	195
Мексика	19 719	237
Германия	17 118	179
Швеция	16 082	185

12 221

9 3 1 4

7918

8 968

8 591

6 109

4 899

2 801

Таблица 8. Слоевые пропорции бизнес-элит ведущих стран мира в 2019 г.

Отношение численности

57

108

115

110

39

71

87

58

Отношение численности

Примечание. Подсчет автора по [16].

Тайвань

Польша Бразилия

Сингапур

Гонконг

Турция

Россия

Индия

Очень значительна численность миллионеров относительно численности миллиардеров в развитых странах мира, а также в Южной Корее, Китае и Мексике, причем Япония является абсолютным лидером. Противоположные позиции занимают бизнес-элиты Индии, России, Турции, Гонконга и Бразилии. С отношением численности мультимиллионеров к численности миллиардеров ситуация примерно такая же.

Метод динамического среднего возраста предполагает анализ изменения среднего возраста миллиардеров ведущих стран мира в период времени в несколько лет или более. Используем данные Forbes (с 2007 г.) и данные Hurun (с 2013 г.) по 2020 г. (табл. 9). Страны ранжированы по изменению среднего возраста миллиардеров в указанный период по Forbes (в порядке от максимального омоложения к максимальному постарению).

 $^{^1}$ 2007 г. в качестве исходной точки отсчета был избран потому, что в ряде стран мира ранее было слишком мало миллиардеров. С 2007 г. численность миллиардеров во всех рассматриваемых странах была не менее 7 человек, чаще всего – намного больше.

	возраста миллиарлер	

		По Forb	es	По Hurun		
Страна			Изменение			Изменение с
Страна	В 2007, лет	В 2020, лет	с 2007 по 2020 г.,	В 2013, лет	В 2020, лет	2013 по 2020 г.,
			лет			лет
Швеция	70,00	59,55	-11,45	70,00	59,13	-10,87
Германия	66,25	64,15	-2,10	64,88	65,31	0,43
Гонконг	65,00	64,34	-0,66	69,65	67,57	-2,08
Франция	68,86	68,24	-0,62	68,08	67,54	-0,54
Швейцария	64,86	65,06	0,20	67,03	65,81	-1,22
США	65,27	66,94	1,67	67,10	67,46	0,36
Австралия	64,08	67,74	3,66	71,27	65,55	-5,72
Испания	62,15	66,71	4,56	67,50	70,89	3,39
Южная Корея	52,70	57,93	5,23	54,35	61,19	6,84
Италия	66,00	71,71	5,71	69,46	71,02	1,56
Бразилия	59,41	65,22	5,81	66,72	67,47	0,75
Япония	64,83	71,62	6,79	68,59	69,37	0,88
Турция	61,28	68,30	7,02	64,19	67,70	3,51
Канада	61,14	68,86	7,72	70,86	71,71	0,85
Китай	48,85	56,90	8,05	54,38	56,41	2,03
Великобритания	59,59	68,02	8,43	63,82	66,34	2,52
Тайвань	62,63	71,11	8,48	70,77	71,31	0,54
Индия	56,29	66,10	9,81	64,33	63,81	-0,52
Россия	46,06	56,86	10,80	51,45	57,63	6,18
Мексика	62,80	75,50	12,70	66,00	67,50	1,50
Мир	62,36	64,27	1,91	63,31	63,98	0,67

Примечание. Подсчет автора по [13, 14].

Попутно заметим: миллиардеры Китая и России и по Forbes, и по Hurun в 2007, 2013 и 2020 гг. были моложе своих коллег из других стран, что является их бесспорным конкурентным преимуществом, ибо молодость, как правило, сопряжена со здоровьем, энергичностью, инициативностью, гибкостью и восприимчивостью к новому.

Согласно нашему анализу данных Forbes, омоложение было характерно для бизнес-элит Швеции, Франции, Германии, Гонконга, незначительное старение — для сверхбогачей Швейцарии, США и Австралии, значительное старение — для миллиардеров Мексики, России, Индии, Тайваня и Великобритании. По Нигип, омоложение происходило в случае бизнес-элит Швеции, Австралии, Гонконга, Швейцарии и Индии, незначительное старение — в случае миллиардеров США, Германии, Бразилии, Италии, Канады, значительное старение было характерно для случаев сверхбогачей Южной Кореи и России. Примечательно, что только миллиардеры России оказались в числе значительно постаревших в обоих случаях.

Омоложение или незначительное увеличение среднего возраста слоя миллиардеров относительно рассматриваемых периодов обусловлены более или менее интенсивным обновлением бизнес-элиты вследствие, во-первых, наследования, во-вторых, вертикальной социальной мобильности, т.е. притока лиц из нижестоящих предпринимательских слоев, осуществивших результативные индустриально-технологические инновации и разбогатевших в результате этого, что могло бы привести к насыщению этой элиты лицами с высоким личным потенциалом. Значительное старение среднего миллиардера говорит об очень медленном обновлении высшего слоя бизнес-элиты, что означает незначительность или отсутствие восходящей социальной мобиль-

ности. То, что миллиардеры России сильно постарели одновременно и по Forbes, и по Hurun, свидетельствует о том, что российской бизнес-элите в высшей степени характерна ничтожная восходящая социальная мобильность.

Сочетая применение методов слоевых пропорций и динамического среднего возраста, мы должны заключить, что бизнес-элита России характеризуется чрезвычайно высокой и беспримерной на уровне других ведущих стран мира степенью олигархичности. В России высший слой бизнес-элиты образуют лица, которые родились главным образом в 1955-1972 гг. (75 из 99 российских миллиардеров на начало апреля 2020 г. пребывали в возрасте от 47 до 64 лет). Это те, кто, начав свои бизнес-карьеры в конце 1980-х и начале 1990-х, стали в 1990-е миллионерами, а в 2000-е и 2010-е гг. – миллиардерами. Сочетание высокого уровня self-made и высочайшей олигархичности бизнес-элиты России обнаруживает важную особенность современного отечественного капитализма: отечественные миллиардеры своими силами поднялись наверх, но, сделав это, они отключили социальные лифты. Войти в высший слой российской бизнес-элиты, превратившийся в замкнутую корпорацию, квазикастовое образование, своего рода брахмано-кшатриев капиталистического накопления, тем, кто не связан с нею родственными или иными личными узами, практически невозможно. Следует говорить о своего рода коммерциализированном непотизме. Социальные лифты в России 1990-х гг. оказались одноразовыми: они сработали как отстреливаемая первая ступень ракеты, а не как космический челнок. Основная экзистенциальная интонация российской бизнес-элиты выглядит так: переживание ошеломляюще быстрого подъема на социальном лифте в запредельную высь богатства и его последующей столь же резкой остановки (для тех, кто остался на первом или цокольном этажах общества).

Об этом же говорит и то, что все 4 российских миллиардера младше 40 лет живут за границей: И. и Д. Бухманы и Н. Сторонский – в Лондоне, а П. Дуров – в Дубае. Сверхбогачи 1980-х гг. рождения, пришедшие в бизнес уже в XXI в., являются чужаками для кастообразного слоя миллиардеров, который начал формироваться в конце 1980-х и начале 90-х гг., и для успешного ведения бизнеса эта молодежь должна была покинуть пределы России.

В отличие от России во многих других странах мира, прежде всего в США и Китае, лифты вертикальной социальной мобильности работают, регулярно поднимая наверх в первую очередь молодых, изначально небогатых предпринимателей, осуществляющих индустриально-технологические инновации, что делает капитализм в этих странах гибким, динамичным и инновационным.

Примечательно то, что миллиардеры России по степени олигархичности заметно превосходят бизнес-элиту Китая, хотя в обеих странах капитализм и бизнес-элиты возникли относительно недавно. Это вполне закономерно: если в России олигархический капиталистический класс интегрирован с высшей государственной бюрократией и во многом это единый субъект, то в Китае Компартия проводит политику, ограничивающую тенденции олигархического капитализма — в противном случае она могла бы потерять власть и в этой стране сменился бы общественный строй. Пока еще Китай остается социалистической страной, хотя и с колоссальным капиталистическим сектором экономики и общества.

В будущем следует ожидать усиления олигархичности российской бизнес-элиты, поскольку выше было установлено (см. табл. 5), что российским миллиардерам в возрасте до 55 лет в отличие от их коллег из других стран характерна высокая детность. Это означает, что через 15–20 среди российских сверхбогачей будет много родных братьев и сестер, и, безусловно, родственные связи усилят замкнутость бизнес-элиты России.

Высокий уровень олигархичности российской бизнес-элиты означает, что в будущем, когда нынешние миллиардеры передадут свои богатства сво-им наследникам, уровень self-made следующего поколения бизнес-элиты России резко упадет и, скорее всего, российские сверхбогачи будут уступать по персональным качествам своим коллегам из других мировых центров глобального капитализма.

Анализ среднего возраста миллиардеров России бросает свет не только на будущее, но и на прошлое, а именно на генезис ее капиталистического класса. Ядро высшего слоя бизнес-элиты составляют те, кто начал заниматься торгово-финансовыми операциями в конце 1980-х и начале 1990-х гг., пребывая в возрасте 20–35 лет. Это означает, что эти персоны не могли быть высокопоставленными представителями, во-первых, партийно-государственной бюрократии, во-вторых, теневой экономики, советской криптобуржуазии. Будущими миллиардерами России были лица с высшим образованием из разных сфер общественной жизни, обладавшие незаурядными предпринимательскими способностями, причем эти способности в 1990-х и в более поздние годы проявлялись в значительной мере в умении выстраивать связи с высшей государственной бюрократией.

Разговоры об олигархической природе капитализма в России ведутся давно, однако они до сих пор не выходили за пределы описательности обыденного сознания, тогда как научное знание доказательно, т.е. нацелено на выявление закономерностей. Вышеизложенное автор предлагает считать эмпирическим доказательством того, что в России действительно сформировался олигархический капитализм.

Территориальное распределение: города богачей

Важной характеристикой бизнес-элиты является ее расселение. О городах, где сконцентрированы богачи, мы можем косвенно судить, в частности, по ценам на элитную недвижимость в разных уголках мира. В декабре 2019 г. на 1 млн долл. можно было купить элитное жилье площадью: в Монако – 16, Гонконге – 21, Лондоне – 30, Нью-Йорке – 32, Сингапуре – 35, Женеве – 38, Лос-Анджелесе – 39, Париже – 45, Сиднее – 50, Шанхае – 58, Токио – 65, Пекине – 68, Берлине – 77, Майами – 90, Мельбурне – 96, Мумбаи – 102, Стамбуле – 115, Дубае – 155, Кейптауне – 174, Сан-Паулу – 202 м² [16. Р. 52]. Эти различия в ценах обусловлены удобством глобального управления активами, наличием инфраструктуры элитарного потребления, климатом, безопасностью и рядом других факторов.

На основе данных Forbes и Hurun определим города мира с наибольшей численностью проживающих там сверхбогачей (табл. 10). Города ранжированы по численности проживающих в них миллиардеров.

Таблица 10. Города с наибольшей численностью миллиардеров в 2020 г.

	По Forbes*			По Huri	ın
	Всех (среди	Доля миллиардеров-			Доля от численно-
Город	них – граждан	граждан от числен-	Город	Чело-	сти миллиардеров,
Тород	других стран),	ности миллиардеров-	Тород	век	проживающих
	человек	граждан страны, %			в стране, %
Нью-Йорк	92 (5)	14,17	Пекин	110	16,37
Гонконг	71 (19)	100	Нью-Йорк	98	15,65
Москва	70 (-)	70,71	Шанхай	83	12,35
Пекин	68 (2)	16,97	Гонконг	76	100
Лондон	56 (38)	40,00	анежинеШ	75	11,16
Шанхай	46 (5)	10,54	Лондон	74	62,18
Ш эньчжэнь	44 (4)	10,28	Москва	72	79,12
Мумбаи	40 (1)	38,24	Бангкок	56	98,25
Сан-Франциско	37 (4)	5,37	Мумбаи	50	36,50
Сингапур	31 (7)	100	Гуанчжоу	45	6,70
Сеул	28 (1)	96,43	Ханчжоу	42	6,25
Лос-Анджелес	27 (3)	3,91	Сан-Франциско	41	6,55
Ханчжоу	25 (1)	6,17	Париж	36	70,59
Тайбэй	23 (1)	61,11	Тайбэй	36	70,59
Сан-Паулу	20 (-)	44,44	Сан-Паулу	40	57,97
Гуанчжоу	20(1)	4,88	Сингапур	34	100,00
Стамбул	19 (-)	82,61	Сеул	33	100,00
Бангкок	18 (-)	90,00	Токио	30	68,18
Париж	18 (1)	43,49	Нью-Дели	30	21,90
Нью-Дели	18(1)	16,67	Стамбул	25	78,13
Даллас	17 (-)	2,77	Лос-Анджелес	23	3,67
Токио	16 (-)	61,54	Джакарта	22	73,33
Стокгольм	16 (-)	51,61	Манила	19	95,00
Пало-Альто	14 (2)	1,95	Сидней	19	47,50
Манила	13 (-)	86,67	Женева	19	21,59
Дубай	11 (7)	100	Даллас	19	3,04

Примечание. Подсчет автора по [13, 14].

Во многих мегаполисах мира живут миллиардеры, не являющиеся гражданами соответствующих стран. Особенно много их в Лондоне, Гонконге и Сингапуре. Москва в отличие от других городов со значительной численностью миллиардеров не привлекает сверхбогачей из других стран.

Для многих стран мира, в том числе для США, Германии, Китая, Индии и Италии, характерно полицентрическое расселение миллиардеров. Очень высокий уровень концентрации сверхбогачей в ведущих городах (свыше 70% и по Forbes, и по Hurun) отличает Южную Корею, Таиланд, Филиппины, Турцию и Россию. Япония, Тайвань, Великобритания, Франция и Бразилия занимают промежуточные позиции.

Согласно New World Wealth, первая десятка городов с наибольшей численностью миллионеров в 2018 г. выглядела так: Нью-Йорк (377,8 тыс.),

^{*}Для анализа расселения миллиардеров мира мы использовали справки о каждом из сверхбогачей, предоставленные Forbes, что мы считаем исходной информацией о каждом из них. При этом журнал разместил на своем сайте интерактивную схему расселения миллиардеров, которая при рассмотрении случая США оперирует понятиями «Большой Нью-Йорк», «Большой Сан-Франциско» и т.д., имея в виду, очевидно, эти города вкупе с агломерациями. Forbes, в частности, в Большом Нью-Йорке обнаруживает 116, в Большом Сан-Франциско – 64 миллиардера. Мы же приводим данные, касающиеся собственно этих городов. Существуют и незначительные различия между упомянутыми справками и интерактивной схемой и в отношении некоторых городов других стран.

Лондон (318,2 тыс.), Токио (315,4 тыс.), Гонконг (235,7 тыс.), Сингапур (222,3 тыс.), Сан-Франциско (220 тыс.), Лос-Анджелес (191,3 тыс.), Чикаго (147,2 тыс.), Пекин (141,6 тыс.), Шанхай (138,5 тыс.) [28. Р. 32]. Москва, занимая по численности миллиардеров среди городов мира 3-е место (по Forbes) или 7-е место (по Нигип), в первую десятку городов по численности миллионеров не входит.

Миллионеры также расселены неравномерно. В 2016 г. доля миллионеров, проживающих в мегаполисах своих стран, от национальной численности миллионеров была равна: Сеул — 81,58%, Тайбэй — 74,39, Бангкок — 64,29%, Джакарта — 54,75, Москва — 51,57, Стамбул и Мехико — по 50, Лондон — 44,48, Сан-Паулу — 41,67, Париж — 38,15, Сидней — 33,18, Торонто — 32,55, Мадрид — 31,42, Рим — 29,82, Токио — 24, Мумбаи — 17,44, Пекин — 16,97, Нью-Йорк — 7,73, Берлин — 4,23% 1 .

По нашему подсчету по данным Forbes, в 2020 г. в России проживали 88 из 99 российских миллиардеров, что близко оценке Hurun (91). Из 11 российских сверхбогачей, живущих за границей, 7 обитают в Лондоне. Миллиардеры в России, помимо Москвы, по Forbes, проживают в Казани (4 человека), Санкт-Петербурге (3), Екатеринбурге (2), Верхней Пышме, Иркутске, Краснодаре, Мурманске, Ростове-на-Дону, Магнитогорске, Соликамске, Сургуте, Челябинске (по 1). Очень схожи данные Hurun: в Казани - 4, Санкт-Петербурге – 3, Екатеринбурге – 2, Челябинске, Краснодаре, Иркутске, Ростове-на-Дону, Верхней Пышме, Сургуте и Мурманске – по 1 миллиардеру. Москва сконцентрировала подавляющее большинство не только миллиардеров, но и миллионеров России. Высочайшую концентрацию богатства России в ее столице подтверждает и то, что штаб-квартиры 223 из 500 крупнейших компаний России располагаются в Москве, их выручка составляет 68,3% от совокупной выручки 500 компаний [30]. В Сибири, которая дает России львиную долю нефти, газа, металлов, древесины и алмазов, проживает самое большее 2 миллиардера. При этом в Сибири находится много городов с тяжелой экологией (Красноярск, Норильск и др.). Между избытком вредных производств и недостатком миллиардеров в Сибири, безусловно, есть связь.

Гиперконцентрация российской бизнес-элиты в Москве является уникальным явлением в силу того, что Россия является самой большой страной в мире, тогда как иные страны с сопоставимым уровнем сосредоточения богачей являются главным образом небольшими или средними по территории. В России сложился москвоцентрический капитализм, причем москвоцентричность выступает как территориальный модус олигархичности российского капитализма.

Сверхвысокий уровень концентрации российской бизнес-элиты и ее капиталов в столице детерминирует значительные социально-экономические различия между Москвой и другими регионами нашей страны, порождая эффект «двух Россий». В Москве — самые высокие доходы и уровень жизни населения, самое высокое качество товаров и услуг, медицины и образования², что приводит к тому, что средний москвич живет дольше, чем средний

¹ Подсчет автора по [29].

² В отношении образования исключением являются, согласно многим рейтингам, университеты Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска и Казани, чей уровень сопоставим с уровнем лучших вузов Москвы.

гражданин России: в 2019 г. средняя продолжительность жизни в Москве была равна 78,36 года, тогда как в среднем по России — 73,34 года [31]. Безусловно, это несправедливо, нерационально и не способствует консолидации населения страны.

Интересам страны соответствовало бы более равномерное распределение бизнес-элиты по регионам и городам России. Я бы перефразировал известную пословицу так: «свой миллиардер ближе к телу» — наличие хотя бы 2–3 сверхбогачей подобного рода в каждом крупном городе способствовало бы улучшению ситуации с экологией, дорогами и в иных сферах.

Удивительным для России с ее извечной москво- и петербургоцентричностью является то, что вторым центром российских миллиардеров служит Казань, а не Санкт-Петербург. Но при этом град Петров по количеству миллионеров и мультимиллионеров все же находится на втором месте в России: в 2016 г. в Москве жили 68,2 тыс., в Санкт-Петербурге — 13 тыс. миллионеров [29. Р. 65], в 2019 г. в Москве было 10 730, в Санкт-Петербурге — 2 580 лиц с богатством свыше 5 млн долл. (данных по Казани и другим городам России нет) [17].

Глобальная мобильность

В эпоху становления глобального общества представление о расселении бизнес-элит по странам и городам следует диалектически снять: говорить об устойчивой привязке богачей к странам и городам является упрощением, и более точным будет исследовать то, что им присущ образ жизни, предполагающей глобальную мобильность. Представители крупного бизнеса не только ведут деловые операции по всему миру, но и постоянно физически перемещаются по всему миру как с деловыми целями, так и с целью отдыха, развлечений, образования детей и личной жизни. В этом случае национальногражданственная принадлежность бизнесменов и представление об их месте постоянного пребывания становятся все более размытыми и номинальными. Ярким примером этого феномена могут послужить самые богатые граждане Великобритании – братья-сикхи Хиндуджа, владельцы транснациональной финансово-промышленной Hinduja Group, чей бизнес, основанный их отцом в британской Индии в 1924 г., был перенесен в Иран, а потом (после исламской революции) - в Лондон, прославившийся (и разбогатевший) весной 2020 г. создатель Zoom Э. Юань, который родился и получил образование в Китае, но переехал в США и стал гражданином этой страны, П. Дуров, названный Forbes «Russia's Zuckerberg» и живущий в Дубае, один из совладельцев Facebook бразильский супербогач Э. Саверин, избравший своей резиденцией Сингапур, и, наконец, второй по богатству гражданин Бразилии Ж. Леман, являющийся этническим немцем и резидентом Швейцарии.

Следует выделить три формы глобальной мобильности бизнес-элиты: 1) долгосрочную (перемещение на годы или десятилетия), 2) среднесрочную (на месяцы) и 3) краткосрочную (на дни или недели).

Рассмотрим долгосрочную мобильность миллиардеров. Наш подсчет по данным Forbes показывает, что в 2020 г. 185 из 2 095 миллиардеров мира, т.е. 8,83%, постоянно проживали за пределами стран, гражданами которых они являлись. В 2005 г. таковых было лишь 39 миллиардеров из 691 (5,64%). На основе данных Forbes определим страны, из которых в наибольшей степени

эмигрировали миллиардеры, и страны, в которые они в наибольшей степени иммигрировали (табл. 11). Страны ранжированы по абсолютным значениям притока и оттока миллиардеров.

		остью миллиарде- ражданами других		наибольшей численностью миллиарде- кдан страны, проживающих за границей		
Страна	Числен- ность, человек	От численности миллиардеров- граждан страны, %	Страна	Числен- ность, человек	От численности миллиардеров- граждан страны, %	
Великобритания	40	88,89	США	15	2,44	
Швейцария	30	85,71	Германия	14	13,08	
Китай	29	7,46	Гонконг	13	19,70	
США	24	3,91	Швеция	11	35,48	
Гонконг	19	28,79	Великобритания	11	24,44	
Монако	12	400,00	Россия	11	11,11	
ОАЭ	9	225,00	Индия	10	9,80	
Сингапур	7	25,93	Китай	9	2,31	

Таблица 11. Долгосрочные миграции миллиардеров мира в 2020 г.

Примечание. Подсчет автора по [13].

В действительности следует полагать, что степень глобальной мобильности миллиардеров еще больше, если учитывать то, что в США и ряде других стран проживают и миллиардеры, не только мигрировавшие в эти страны, но и принявшие их гражданство. Кроме того, Forbes в определенной степени занижает число мобильных миллиардеров. Например, он указывает Москву в качестве постоянного пребывания А. Усманова, М. Фридмана и Р. Абрамовича, тогда как британская газета Sunday Times включила их в свой ежегодный рейтинг самых богатых жителей Великобритании за 2020 г., возведя их на 7, 11 и 12-е места соответственно [32]. Кстати, то, что из России миллиардеры мигрируют, а сверхбогачи из других стран не избирают ее в качестве своей резиденции, на мой взгляд, также говорит о высоком уровне олигархичности российского капитализма. Чужаки-мигранты не могут войти в замкнутую корпорацию российских миллиардеров.

Следует заключить, что направления долгосрочной глобальной мобильности миллиардеров мира в последние годы были двоякими. Во-первых, это перемещение в США, Великобританию, Швейцарию, Гонконг, Сингапур и ОАЭ, во-вторых, это циркуляция между этими командными центрами глобального капитализма.

Интенсивно мигрировали по планете и миллионеры. До 2016 г. главным пунктом приема богачей со всего мира была Великобритания, в первую очередь, Лондон. Согласно New World Wealth, с 1990 по 2016 г. в страну переселились более 80 тыс. миллионеров [28. Р. 28]. Причинами тому были: 1) английский язык, 2) космополитический характер Лондона, 3) простота перемещений в страны Евросоюза, 4) простота осуществления финансовых трансакций, 5) простота приобретения собственности, 6) высокое качество образования. В то же время Сингапур является главным азиатским центром притяжения миллионеров. Секрет притягательности Сингапура заключался, во-первых, в удачном географическом положении, во-вторых, в комфортной налоговой

системе, в-третьих — в космополитическом характере города. Гонконг привлекал главным образом китайских богачей. В ОАЭ переселялись миллионеры в основном Северной Африки, Индии и Ближнего Востока. В субэкваториальной Африке миллионеры устремлялись в самую развитую страну континента — в ЮАР, а также в государство-остров Маврикий [33, 34]. При этом из ЮАР, в которой в 2019 г. проживали 38,4 тыс. миллионеров, с 2009 по 2019 г. уехали около 4 тыс. миллионеров главным образом в Великобританию, Австралию и США [35. Р. 4, 17]. New World Wealth отмечает, что в последние 10 лет все страны БРИКС покинуло большое количество миллионеров.

Начиная с 2017 г. Великобритания позицию главного центра иммиграции миллионеров уступила Австралии, более того — они начали уезжать из Великобритании. Отчизну Адама Смита в 2017 г. покинули 4 тыс., в 2018 г. — 3 тыс. миллионеров [28. Р. 28]. New World Wealth это связывает, во-первых, с Брекситом, во-вторых — с введением налогов на покупку недвижимости для иммигрантов, в-третьих, с высокими налогами на наследование, в-четвертых, с ростом преступности и межконфессиональной напряженности. Австралия привлекает миллионеров всего мира безопасностью, развитой и быстро растущей экономикой, высоким уровнем среднего и высшего образования, прекрасным здравоохранением, отсутствием налогов на наследство, англоязычной средой, климатом, природой и огромной территорией. Мегаполисами мира, в которые в 2018 г. переселились более 1 тыс. миллионеров со всего мира, были Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Майами, Сидней, Мельбурн и Дубай. Основные направления миграций миллионеров на планете в 2018 г. представлены в табл. 12.

Страна-реципиент	Приток миллионеров, тыс. человек	Страна-донор	Отток миллионеров, тыс. человек
Австралия	12	Китай	15
США	10	Россия	7
Канада	4	Индия	5
Швейцария	3	Турция	4
ОАЭ, страны Карибского моря	По 2	Франция, Великобритания	По 3
Новая Зеландия, Сингапур,		Бразилия	2
Израиль, Португалия, Греция, Испания	По 1	Саудовская Аравия, Индонезия	По 1

Таблица 12. Страны с наибольшим притоком и оттоком миллионеров в 2018 г. [28. Р. 25]

О среднесрочной глобальной мобильности бизнес-элиты мы можем судить благодаря Knight Frank. Это агентство приводит данные о колебаниях численности мультимиллионеров в городах мира в 2015 г. (более свежей информации нет). В этом случае к числу мультимиллионеров были отнесены лица с богатством на сумму свыше 10 млн долл. Были учтены только лица, останавливающиеся в своих домах или квартирах (табл. 13).

Сезонные колебания численности мультимиллионеров в городах весьма значительны, и за ними стоят не только внутринациональные, но и международные миграции богачей. Эти колебания обусловлены деловыми и климатическими ритмами.

Город	Максимальная	Минимальная	Месяц	Месяц
	численность	численность	максимума	минимума
Лондон	34 230	10 450	Июль	Январь
Нью-Йорк	32 500	11 870	Июнь	Февраль
Гонконг	24 450	8 680	Июнь	Январь
Цюрих	11 820	4 050	Август	Февраль
Лос-Анджелес	11 170	5 630	Июнь	Февраль
Дубай	10 470	1 560	Ноябрь	Июль
Париж	9 480	2 860	Май	Февраль
Рио-де-Жанейро	6 510	1 980	Декабрь	Июль
Майами	5 410	1 170	Декабрь	Июнь
Монако	5 400	1 480	Июль	Февраль
Сидней	5 050	2 210	Декабрь	Июль
Палм-Бич	4 700	1 080	Декабрь	Июнь
Кейптаун	2 690	380	Декабрь	Июль
Канны	2 220	460	Август	Февраль

Таблица 13. Сезонные колебания численности мультимиллионеров в ряде городов мира в 2015 г. [36. Р. 34].

Краткосрочную глобальную мобильность бизнес-элит мы можем анализировать на основе сведений о распространении и использовании такого технического средства, как бизнес-джеты, т.е. реактивные самолеты для перемещения небольшого количества пассажиров в комфортных условиях. Бизнес-джетами пользуются в первую очередь самые крупные предприниматели. Само появление самолетов такого типа говорит о том, что бизнес-элита нуждается в максимально быстром и гибком перемещении по всей планете, не удовлетворяясь услугами регулярных рейсов крупных авиакомпаний. В 2019 г. в десятку стран с наибольшим количеством бизнес-джетов входили: США (21 888 шт.), Бразилия (1 566), Мексика (1 439), Канада (1 332), Германия (783), Венесуэла (739), Австралия (635), Великобритания (525), Франция (482), Китай (464) [37]. Большое количество бизнес-джетов в трех латино-американских странах, по всей вероятности, обусловлено не столько их значительной территорией, сколько интеграцией бизнес-элит этих стран с основными центрами глобального капитализма в США и Западной Европе.

Компания WINGX Advance, осуществляющая анализ использования бизнес-авиации в странах Европы, указывает, что за 2016 г. из Франции было произведено 80 860, Великобритании – 69 411, Германии – 63 361, Италии – 46 941, Швейцарии – 34 127, Испании – 33 396, Турции – 17 475, Австрии – 15 909, России – 15 561 вылет бизнес-джетов [38. Р. 14]. Рассмотрим маршрутизацию бизнес-джетов 9 стран Европы, опираясь на данные за декабрь 2016 г. (табл. 14). Речь идет о полетах в 15 стран Европы. Страны ранжированы по количеству вылетов бизнес-джетов.

Практики эксплуатации бизнес-джетов в России существенно отличаются от того, что характерно для других европейских стран. Бизнес-элита Россия летает главным образом в страны Европы, тогда как богачи большинства других стран летают в значительной мере по своей стране. Это особенно интересно, если мы вспомним о размерах стран. Примечательно также и то, что во Францию, Швейцарию и Италию бизнес-джеты из России летают чаще, чем из других стран Европы. Эти три страны славятся своей элитной недвижимостью и рекреационной инфраструктурой (Лазурный берег и т.д.), и это заставляет предполагать, что российские дельцы чаще, чем их европейские

218 А.Б. Рахманов

коллеги, используют бизнес-джеты для развлекательных путешествий, что, в свою очередь, позволяет приписывать отечественным нуворишам больший уровень гедонизма, потребление роскошных продуктов и услуг. Их кумиром является, скорее, Лукулл с его пирами, а не веберовский протестантский предприниматель, неугомонно занимающийся капиталистическим накоплением в условиях аскезы.

Страна назначения Страна вылета 15 стран Европы По стране, Великобри-Фран-Швейца-Герма-Италия. совокупно, вылетов % тания, % ция, % рия, % ния, % % Франция 4 298 42.65 14.01 13,42 7.38 5.96 4 246 43,62 14,60 10,83 7,37 3,82 Великобритания 3 841 48,24 8,28 7,81 7,37 3,91 Германия 23,60 Швейцария 2 343 10,58 17,71 12,72 7,98 Италия 2 012 44.04 8.50 12.52 9.19 7.31 Испания 1 472 41,37 12,09 11,62 7,54 10,56 6,73 Австрия 1 044 21,65 5,56 8,52 13,51 24,81 8,14 1 021 77,47 2,74 1,86 6,07 1,76 Турция 4,11 791 12,26 16,43 Россия 0,00 25,28 13,27 10,11

Таблица 14. Маршрутизация полетов бизнес-джетов 9 стран Европы в декабре 2016 г. (внутри Европы)

Примечание. Подсчет автора по [38. Р. 18].

Рост всех форм глобальной мобильности бизнес-элит позволяет говорить о тенденции стирания границ между сообществами крупных бизнесменов ведущих стран мира. Из множества национальных бизнес-элит формируется глобальная бизнес-элита, транснациональный капиталистический класс, что вполне закономерно в эпоху глобального капитализма.

На первый взгляд, ослабление американо-западноевропейско-японского ядра (см. табл. 2) говорит об упадке Запада, что в России обсуждают со времен славянофилов и Н.Я. Данилевского [39], но особенно много в последние годы, и споспешествует идее многополярного мира. Концепция многополярного мира является реинкарнацией концепции культурно-исторических типов Данилевского, испытавшей пропагандистски инициированный upgrade с евразийским послевкусием в эпоху глобализации. Однако, на мой взгляд, всепланетная деловая активность бизнес-элиты, воплощенная в быстром росте всех трех форм ее глобальной мобильности, означает растущую интеграцию транснационального капиталистического класса как основного субъекта и бенефициария глобализации, и это серьезно модифицирует, если не снимает, проблематику соотношения сил различных стран и групп стран, а также их противостояния. Едва ли возможны сколько-нибудь серьезные коллизии, например, между Западом и Индией, Западом и Россией, коль скоро в Великобритании и Швейцарии нет числа предприятиям и резиденциям индийских и российских сверхбогачей. В формирующемся глобальном обществе есть только два полюса - глобальный капитализм во главе с США и Китай. Все другие страны либо примыкают к этим полюсам, либо колеблются между ними. Upgrade претерпел фиаско, и призрак Данилевского, который некоторое время в начале XXI в. робко бродил по России, обратился в бегство, напуганный гулом бизнес-джетов российских миллиардеров и мультимиллионеров, и стремглав понесся в сторону аристотелевско-птолемеевского геоцентризма.

Заключение

Настоящее исследование является попыткой очертить основные характеристики бизнес-элит ведущих стран мира, которые во многом определят будущее этих стран, равно как и всего человечества. Основными тенденциями развития бизнес-элит ведущих стран мира в 2020 г. и предшествующие годы были быстрый рост численности и богатства, уменьшение западного ядра и рост национальной гетерогенности, многосторонняя отраслевая специализация, рост женского присутствия, стабильная вертикальная социальная мобильность и невысокая степень олигархичности (в большинстве стран), довольно равномерное расселение (в большинстве стран), быстрый рост глобальной мобильности. Бизнес-элита России отличается малочисленностью, относительной молодостью, высокой степенью качества self-made, маскулинностью, чрезвычайно высокой ориентацией на работу в энергетикосырьевых отраслях экономики, чрезвычайно высокой степенью олигархичности, сверхконцентрацией в Москве и высокой степенью глобальной мобильности. На основе анализа российской бизнес-элиты мы должны заключить, что в России сложился москвоцентрический олигархический экстенсивносырьевой капитализм, являющийся вместе с тем неотъемлемой частью глобального капитализма.

Некоторые авторы утверждают, что бедствия 2020 г. (пандемия коронавируса и глобальный экономический кризис) подорвут глобализацию, приведя к расколу мира на ряд макрорегионов, и, следовательно, ослабят интеграцию глобальной бизнес-элиты. Но опыт предшествующих пандемий (Юстинианова чума, Черная смерть, «испанка») и экономических кризисов (Великая депрессия 1929—1933 гг., кризис 1974—1975 гг.) свидетельствует о том, что эти природно-социальные и социальные катаклизмы действительно на определенное время снижали уровень интеграции человечества, но потом она неизменно ускорялась. Так, полагаю, будет и в этот раз, и для того чтобы яснее представлять будущее человечества, необходимо дальнейшее исследование бизнес-элит, сплавляющихся в единый транснациональный капиталистический класс, внутри которого, разумеется, сохраняются различия.

Литература

- 1. *Neumayer E.* The super-rich in global perspective: a quantitative analysis of the Forbes list of billionaires // Applied Economics Letters. 2004. Vol. 11. P. 793–796.
- 2. *Petras J.* Global ruling class: Billionaires and how they "make it"// Journal of Contemporary Asia. 2008. Vol. 38, № 2. P. 319–329.
- 3. Fast K., Lindell J. The elastic mobility of business elites Negotiating the "Home" and "Away" continuum // European Journal of Cultural Studies. 2016. Vol. 19, № 5. P. 435–449.
- 4. Treisman D. Russia's Billionaires // American Economic Review: Papers & Proceedings. 2016. Vol. 106, Issue 5. P. 236–241.
 - 5. Sklair L. The transnational capitalist class. Oxford: Blackwell, 2001. 335 p.
- 6. Caroll W.K. The making of a transnational capitalist class. Corporate power in the Twenty-First Century. London, New York: Zed Books, 2010. 320 p.
- 7. Harris J. Global monopolies and the transnational capitalist class // International Critical Thought. 2012. Vol. 2, No. 1. P. 1–6.
- 8. *Robinson W.I.* Debate on the New Global Capitalism: Transnational Capitalist Class, Transnational State Apparatuses, and Global Crisis // International Critical Thought. 2017. Vol. 7, № 2. P. 171–189.
- 9. Sener M.Y. Turkish Managers as a Part of the Transnational Capitalist Class // Journal of World-Systems Research. 2007. Vol. 13, № 2. P. 119–141.

220 А.Б. Рахманов

- 10. Kantor L. Bilderberg Group and Transnational Capitalist Class: Recent Trends in Global Elite Club as Vindication of neo-Marxism // Critique. 2017. Vol. 45, № 1–2. P. 183–204.
- 11. Kauppinen I. Academic capitalism and the informational fraction of the transnational capitalist class // Globalisation, Societies and Education. 2013. Vol. 11, № 1. P. 1–22.
- 12. Bloomberg Billionaires Index. URL: https://www.bloomberg.com/billionaires/ (accessed: 8.04.2020).
- 13. World's Billionaires List. The Richest in 2020. URL: https://www.forbes.com/billionaires/(accessed: 8.04.2020).
- 14. *Hurun* Global Rich List 2020. URL: https://www.hurun.net/EN/Article/Details?num=775CEFAE8BF8 (accessed: 28.03.2020).
- 15. *Global* Wealth Databook 2019. Credit Suisse Research Institute. October 2019. URL: https://www.credit-suisse.com/corporate/en/research/research-institute/global-wealth-report.html (accessed: 9.04.2020).
- 16. The Wealth Report 2020. Knight Frank. URL: https://www.knightfrank.com/wealthreport (accessed: 10.04.2020).
- 17. Wealth-X. The Wealthy in Russia. URL: https://www.wealthx.com/report/spotlight-the-wealthy-in-russia/ (accessed: 12.04.2020).
- 18. Wealth-X. High Net Worth Handbook 2019. URL: https://www.wealthx.com/report/high-networth-handbook-2019/ (accessed: 13.04.2020).
- 19. Wealth-X. A Generational Shift: Family Wealth Transfer Report 2019. URL: https://www.wealthx.com/report/wealth-transfer-report-2019/ (accessed: 13.04.2020).
- 20. *Кто* управляет крупным бизнесом в России: демография рейтинга РБК 500. URL: https://www.rbc.ru/economics/30/09/2019/5d8e112c9a794781604acd8c (дата обращения: 14.04.2020).
- 21. Wealth-X. Billionaire Census 2019. URL: https://www.wealthx.com/report/the-wealth-x-billionaire-census-2019/ (accessed: 14.04.2020).
- 22. Wealth-X. Very High Net Worth Handbook 2020. URL: https://www.wealthx.com/report/very-high-net-worth-handbook-2020/ (accessed: 14.04.2020).
- 23. *Hurun* Richest Self-Made Women in the World 2020. URL: https://www.hurun.net/EN/Article/Details?num=98A9114CEA08 (accessed: 16.04.2020).
- 24. *Hurun* Global 40 & Under Self-Made Billionaires 2020. URL: https://www.hurun.net/EN/Article/Details?num=9A660E5EF44A (accessed: 16.04.2020).
 - 25. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. 783 с.
 - 26. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
 - 27. Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 543 с.
- 28. Global Wealth Migration Review 2019. Full Report (2019). The AfrAsia bank, The New World Wealth. URL: https://issuu.com/newworldwealth/docs/gwmr 2019 (accessed: 10.05.2020).
- 29. The Wealth Report 2017. Knight Frank. URL: https://www.knightfrank.com/wealthreport (accessed: 16.04.2020).
- 30. Большая география. Компании рейтинга РБК 500 по регионам России. URL: https://www.rbc.ru/economics/09/10/2019/5d9c8c359a7947b940d4b3d1 (дата обращения: 16.04.2020).
- 31. *Продолжительность* жизни при рождении по регионам России (ожидаемая) за 2019 и 2018 годы. URL: http://www.statdata.ru/spg reg rf (дата обращения: 18.05.2020).
- 32. The Sunday Times Rich List 2020. URL: https://www.thetimes.co.uk/sunday-times-rich-list (accessed: 17.05.2020).
 - 33. Africa Wealth report 2017. Full report. Johannesburg: New World Wealth, 2017.
 - 34. The South Africa Wealth Report. Johannesburg: New World Wealth, 2018.
- 35. South Africa Wealth Report 2020. The wealthiest cities and towns in South Africa. New World Wealth. URL: https://issuu.com/newworldwealth/docs/south_africa_2020 (accessed: 14.05.2020).
- 36. The Wealth Report 2016. Knight Frank. URL: https://www.knightfrank.com/wealthreport (accessed: 12.05.2020).
- 37. *Mazareanu E*. The leading countries in the world with the highest number of business aircraft in 2019. Statista.com. 10.03.2020. URL: https://www.statista.com/statistics/767643/business-aircraft-fleet-size-leading-countries/ (accessed: 13.05.2020).
- 38. *Business* Aviation Insight. December 2016 Business Jets only (2016). WINGX Advance. URL: https://wingx-advance.com/wp-content/uploads/2018/12/d54ead_3d42c6a2c49d4375aded 247 ebe6ceb8b.pdf (accessed: 14.05.2020).
 - 39. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: РОССПЭН, 2010. 663 с.

Azat B. Rakhmanov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 194–222.

DOI: 10.17223/1998863X/56/19

THE BUSINESS ELITES OF THE LEADING COUNTRIES IN 2020: A COMPLEX STUDY

Keywords: global capitalism; business elite; transnational capitalist class; education; oligarchy; upward social mobility; global mobility.

The main players and key beneficiaries of globalization are the business elites of the world's major economies, which are incrementally uniting into a transnational capitalist class. Features of business elites that allow us to understand the future of their states and the whole world determine our interest in them. The author, based on the ratings of billionaires (Forbes, Hurun) and various statistical studies of millionaires, analyzes the main characteristics of the business elites of the planet. The number, wealth, gender composition, number of children, the degree of self-made quality, education, industry specialization, oligarchy, settlement in large cities are studied. To analyze the level of oligarchy of business elites, the author uses the layer proportions method and the method of dynamic middle age. Special attention is paid to the analysis of movements of business elites around the planet. Three forms of global mobility of billionaires and millionaires are distinguished: long-term, medium-term, and short-term. The main trends in the development of business elites of the world's major economies in 2020 and in previous years were rapid growth in numbers and wealth, a decrease in the western core and an increase in national heterogeneity, multilateral industry specialization, an increase in female presence, stable vertical social mobility, and a low degree of oligarchy (in most states), fairly even expansion (in most states), the rapid growth of global mobility. Russia's business elite is notable for its relatively small number, youthfulness, a high degree of self-made quality, masculinity, an extremely high orientation to work in the energy and raw materials sectors of the economy, an extremely high degree of oligarchy, over-concentration in Moscow, and a high degree of global mobility. The analysis of the Russian business elite allows concluding that Russia has developed a Moscow-centralized oligarchic and extensive-resource capitalism, which at the same time is an integral part of global capitalism.

References

- 1. Neumayer, E. (2004) The super-rich in global perspective: a quantitative analysis of the Forbes list of billionaires. *Applied Economics Letters*. 11. pp. 793–796. DOI: 10.1080/1350485042000258283
- 2. Petras, J. (2008) Global ruling class: Billionaires and how they "make it". *Journal of Contemporary Asia*. 38(2). pp. 319–329. DOI: 10.1080/00472330701822355
- 3. Fast, K. & Lindell, J. (2016) The elastic mobility of business elites Negotiating the "Home" and "Away" continuum. *European Journal of Cultural Studies*. 19(5). pp. 435–449. DOI: 10.1177/1367549415609329
- 4. Treisman, D. (2016) Russia's Billionaires. American Economic Review: Papers & Proceedings. 106(5), pp. 236–241. DOI: 10.1257/aer.p20161068
 - 5. Sklair, L. (2001) The Transnational Capitalist Class. Oxford: Blackwell.
- 6. Caroll, W.K. (2010) The Making of a Transnational Capitalist Class. Corporate Power in the Twenty-First Century. London, New York: Zed Books.
- 7. Harris, J. (2012) Global monopolies and the transnational capitalist class. *International Critical Thought*. 2(1). pp. 1–6. DOI: 10.1080/21598282.2012.660035
- 8. Robinson, W.I. (2017) Debate on the New Global Capitalism: Transnational Capitalist Class, Transnational State Apparatuses, and Global Crisis. *International Critical Thought*. 7(2). pp. 171–189. DOI: 10.1080/21598282.2017.1316512
- 9. Sener, M.Y. (2007) Turkish Managers as a Part of the Transnational Capitalist Class. *Journal of World-Systems Research*. 13(2). pp. 119–141. DOI: 10.5195/jwsr.2007.349
- 10. Kantor, L. (2017) Bilderberg Group and Transnational Capitalist Class: Recent Trends in Global Elite Club as Vindication of neo-Marxism. *Critique*. 45(1-2). pp. 183–204. DOI: 10.1080/03017605.2016.1268458
- 11. Kauppinen, I. (2013) Academic capitalism and the informational fraction of the transnational capitalist class. *Globalisation, Societies and Education*. 11(1). pp. 1–22. DOI: 10.1080/14767724.2012.678763
- 12. Bloomberg Billionaires Index. [Online] Available from: https://www.bloomberg.com/billionaires/ (Accessed: 8th April 2020).

222 А.Б. Рахманов

- 13. World's Billionaires List. The Richest in 2020. [Online] Available from: https://www.forbes.com/billionaires/ (Accessed: 8th April 2020).
- 14. *Hurun Global Rich List 2020*. [Online] Available from: https://www.hurun.net/EN/Article/Details?num=775CEFAE8BF8 (Accessed: 28th March 2020).
- 15. Credit Suisse Research Institute. (2019) *Global Wealth Databook 2019*. [Online] Available from: https://www.credit-suisse.com/corporate/en/research/research-institute/global-wealth-report.html (Accessed: 9th April 2020).
- 16. Knight Frank. (2020) *The Wealth Report 2020*. [Online] Available from: https://www.knight-frank.com/wealthreport (Accessed: 10th April 2020).
- 17. Wealth-X. (2020a) *The Wealthy in Russia*. [Online] Available from: https://www.wealthx.com/report/spotlight-the-wealthy-in-russia/ (Accessed: 12th April 2020).
- 18. Wealth-X. (2019a) *High Net Worth Handbook 2019*. [Online] Available from: https://www.wealthx.com/report/high-net-worth-handbook-2019/ (Accessed: 13th April 2020).
- 19. Wealth-X. (2019b) *A Generational Shift: Family Wealth Transfer Report 2019*. [Online] Available from: https://www.wealthx.com/report/wealth-transfer-report-2019/ (Accessed: 13th April 2020).
- 20. RBC. (2019a) *Kto upravlyaet krupnym biznesom v Rossii: demografiya reytinga RBK 500* [Who runs a large business: demographics of the RBC rating]. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/economics/30/09/2019/5d8e112c9a794781604acd8c (Accessed: 14th April 2020).
- 21. Wealth-X. (2019c) *Billionaire Census 2019*. [Online] Available from: https://www.wealthx.com/report/the-wealth-x-billionaire-census-2019/ (Accessed: 14th April 2020).
- 22. Wealth-X. (2020b) Very High Net Worth Handbook 2020. [Online] Available from: https://www.wealthx.com/report/very-high-net-worth-handbook-2020/ (Accessed: 14th April 2020).
- 23. Hurun.net. (2020a) *Hurun Richest Self-Made Women in the World 2020*. [Online] Available from: https://www.hurun.net/EN/Article/Details?num=98A9114CEA08 (Accessed: 16th April 2020).
- 24. Hurun.net. (2020b) *Hurun Global 40 & Under Self-Made Billionaires 2020*. [Online] Available from: https://www.hurun.net/EN/Article/Details?num=9A660E5EF44A (Accessed: 16th April 2020).
- 25. Bell, D. (1999) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The Coming of Postindustrial Society]. Translated from English. Moscow: Academia.
- 26. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat.
- 27. Mills, C.W. (1959) *Vlastvuyushchaya elita* [The power elite]. Translated from English by V.L. Kon, E.I. Rozental, L.G. Roshal. Moscow: Izdatel'stvo inostrannov literatury.
- 28. The New World Wealth. (2019) Global Wealth Migration Review 2019. Full Report (2019). [Online] Available from: https://issuu.com/newworldwealth/docs/gwmr 2019 (Accessed: 10th May 2020).
- 29. Knight Frank. (2017) *The Wealth Report 2017*. [Online] Available from: https://www.knightfrank.com/wealthreport (Accessed: 16th April 2020).
- 30. RBC. (2019b) *Bol'shaya geografiya. Kompanii reytinga RBK 500 po regionam Rossii* [Great geography. Companies rated RBC 500 in the regions of Russia]. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/economics/09/10/2019/5d9c8c359a7947b940d4b3d1 (Accessed: 16th April 2020).
- 31. Statdata.ru. (n.d.) *Prodolzhitel'nost' zhizni pri rozhdenii po regionam Rossii (ozhidaemaya) za 2019 i 2018 gody* [Life expectancy at birth by regions in Russia for 2019 and 2018]. [Online] Available from: http://www.statdata.ru/spg reg rf (Accessed: 18th May 2020).
- 32. The Times. (2020) The Sunday Times Rich List 2020. [Online] Available from: https://www.thetimes.co.uk/sunday-times-rich-list (Accessed: 17th May 2020).
 - 33. New World Wealth. (2017) Africa Wealth Report 2017. Johannesburg: New World Wealth.
- 34. New World Wealth. (2018) The South Africa Wealth Report. Johannesburg: New World Wealth.
- 35. Knight Frank. (2016) *The Wealth Report 2016*. [Online] Available from: https://www.knight-frank.com/wealthreport (Accessed: 12th May 2020).
- 36. New World Wealth. (2020) South Africa Wealth Report 2020. The wealthiest cities and towns in South Africa. [Online] Available from: https://issuu.com/newworldwealth/docs/south_africa_2020 (Accessed: 14th May 2020).
- 37. Mazareanu, E. (2020) *The leading countries in the world with the highest number of business aircraft in 2019*. [Online] Available from: https://www.statista.com/statistics/767643/business-aircraft-fleet-size-leading-countries/ (Accessed: 13th May 2020).
- 38. WINGX Advance. (2016) Business Aviation Insight. December 2016 Business Jets only (2016). [Online] Available from: https://wingx-advance.com/wp-content/uploads/2018/12/d54ead_3d42c6a2c49d4375aded247ebe6ceb8b.pdf (Accessed: 14th May 2020).
 - 39. Danilevsky, N.Ya. (2010) Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: ROSSPEN.

УДК 304

DOI: 10.17223/1998863X/56/20

Е.Р. Ярская-Смирнова, В.Н. Ярская

АГЕНТНАЯ ПОЗИЦИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1

Статья касается процессов, происходящих в современном российском городе и затрагивающих такое явление, как активизация жизненной позиции людей с инвалидностью в отношении проблем доступности городов. Мы покажем, с какими проблемами сталкиваются люди с инвалидностью и другие граждане и какой опыт приобретают в попытках обнаружить себя в публичных пространствах, активировать коммуникацию и выступить с инициативой по поводу коллективных интересов. Ключевые слова: инвалидность, маломобильные, доступная среда, город, публичное пространство, агентность.

Введение

После подписания в 2008 и ратификации в 2012 г. Конвенции о правах людей с инвалидностью в России предпринимаются систематические усилия по расширению доступа к физическому окружению, транспорту, информации, здравоохранению, образованию и занятости, а также другим объектам и услугам. В этих целях с 2011 г. в рамках госпрограммы «Доступная среда» ежегодно выделяются десятки миллиардов рублей. На нынешнем этапе реализации программы приоритетами являются в том числе «увеличение доли доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры в общем количестве приоритетных объектов (до 61.8% к 2025 г.)»².

По данным Федерального реестра инвалидов, в октябре 2019 г. в стране было 11,95 млн инвалидов³. В 2015 г. в России насчитывалось более 40 млн маломобильных граждан (эта категория включает не только людей с инвалидностью) — 27,4 процента населения⁴. Количество нуждающихся в более доступной городской среде еще больше: это и взрослые с детьми на колясках, пожилые, утратившие зоркость и подвижность, люди, испытывающие немощь ввиду временного или хронического нездоровья, пешеходы с тяжелыми сумками, люди на роликах, самокатах и др.

Люди с инвалидностью, как и другие маломобильные группы, долгое время не допускались к участию в принятии решений, социальному миру в целом, в том числе из логистических соображений — из-за недостатка условий [1. Р. 209]. В постсоветской ситуации, несмотря на многие существенные из-

 $^{^1}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00321.

² Госпрограмма «Доступная среда». https://rosmintrud.ru/ministry/programms/3/0

³ Интерфакс 03.12.2019. https://www.interfax.ru/russia/686454

⁴ Паспорт госпрограммы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 1.12.2015 № 1297. http://zhit-vmeste.ru/gosprogramma-dostupnaya-sreda/

менения, физическая и социальная изоляция людей с инвалидностью попрежнему сохраняется. Однако люди все чаще проявляют себя как активные субъекты, выступающие в публичном пространстве за инклюзию и доступность городов.

Понятие публичного определяется в социальной теории через противопоставление приватному. Публичное — значит открытое и связанное с коллективными интересами, коммуникацией и диалогом [2]. Если рассматривать городское пространство в аспекте публичности, то это не просто локации площади, улицы, построенные объекты. Это всегда пространство, находящееся и создаваемое *между* людьми посредством речи и действий [Там же. С. 69]. Это не статичная сущность, но гибкий перформативный процесс, который создается и пересобирается дискурсами и поступками агентов, наполняется разделяемыми смыслами и эмоциями.

Активная жизнь означает «выступание-в-явленность», основывается это действие на некой инициативе, которую субъект сам предпринимает [Там же. С. 229]. Речь идет об агентности как способности индивида к общественно важному политическому говорению и действию. Она появляется у человека при условии заметности, способности к взаимодействию с другими, способности и возможности проявлять инициативу [3]. При этом человек ориентирован не только на себя, но и на мир, мотивирован не столько личными, сколько коллективными интересами. Публичность, таким образом, становится необходимым условием, фасилитатором агентности.

В этой статье нас интересует, как городское пространство становится публичным и какова роль людей с инвалидностью и других акторов в формировании дискуссий по вопросам доступности городского пространства. Статья построена по четырем условиям агентности на основе идей Арендт, которые применяются к анализу 30 качественных интервью, собранных летом 2019 г. в Казани, Самаре, Саратове и Томске. Мы выражаем признательность коллегам, которые провели интервью в этих городах с местными экспертами-активистами из числа людей с инвалидностью, промоутерами интересов маломобильных граждан, исследователями, блогерами, авторами заметок в СМИ и социальных сетях. Кроме того, было проведено десять интервью в методологии walk along ¹ [4]. Информантами на прогулке выступали представители наименее мобильных групп городских жителей ².

Заметность субъекта

Люди появляются друг перед другом ради признания. Если потребности и право граждан на доступную среду не признаются другими членами общества и / или градоначальниками, идентичность остается скрытой, незамеченной. Нередко инвалиды не могут воспользоваться благами, предоставляемыми муниципалитетом и НКО, посетить спортивные центры и учреждения культуры «лишь потому, что не могут выйти из дома. Существует служба социального такси, но воспользоваться их услугами невозможно без посторонней помощи (отсутствие лифта и злополучные семь ступенек)» (СамЭ2).

¹ Данная методология представляет собой сочетание интервью с участвующим наблюдением в процессе прогулки с информантом.

² Обозначения: KWA – интервью на прогулке, КЭ – интервью с экспертом в Казани; TWA, ТЭ – Томск; СамЭ – Самара; СарЭ – Саратов.

А в Томске, говорит информант, чтобы воспользоваться социальным такси, нужно ждать полмесяца, на весь город всего лишь две машины. Между тем многие ведут активный образ жизни, работают, встречаются с друзьями, им необходим доступный транспорт (ТЭ1).

Нормативы и реалии доступности расходятся во многих учреждениях. Это и банковская сфера, и полиция, и здравоохранение: например, не предоставляют сурдопереводчика, отказывают в приеме (ТЭ7). Наша самарская информантка не смогла пройти курс реабилитации в областной клинической больнице в связи с отсутствием условий в кабинетах врачей и даже в платных палатах. Она, ведущий специалист организации инвалидов, «которая читает лекции о правах пациентов, о том, как нужно бороться за них и их отстаивать, не смогла воспользоваться этими правами» (СамЭ2). Многие объекты остаются недоступными даже после реконструкции из-за нарушений нормативов при переделке, пандусы ведут к лестничному пролету, междверным порожкам и другим препятствиям (ТЭ8, ТЭ9). Магазины, аптеки, а также интересные места — например, музеи, Дом татарской кулинарии, выставки, — неприступны (КWA1).

Если инвалидность не признана социумом как многозначное понятие, мало кто может участвовать в конструировании ее разнообразных смыслов [1. Р. 204]. И если участники городского пространства и допускали, что гдето там, в приватной сфере, у себя в квартирах или в домах-интернатах существуют дети и взрослые с инвалидностью, каким-то образом живут, питаются, получают лечение, то появление девушки на коляске в кафе или каком-то другом месте проведения досуга вызвало удивление: «какая ты классная, молодец, что ты выбралась в караоке!» (ТЭ2).

Пространства потребления, как пишут исследователи городов, — это псевдообщественные пространства [5], не общественные, а общие. А потребитель — худший враг гражданина [6]. Однако эти локации становятся сценами, где происходит культурное признание новых проектов идентичности. Тем самым окружающие уже начинают понимать, что у людей с инвалидностью есть другой уровень потребностей — «в культурном взаимодействии и просто отдыхе» и что жизнь человека с инвалидностью такая же, как у обычных людей, просто с ремаркой, что они не ходят, а, скажем, ездят на коляске (ТЭ2).

Стать видимым перед другими означает не просто раскрыться, выйти из тени, но и произвести перформанс идентичности, проявить «публичное Я». Появление людей с инвалидностью на публике вызывает разные реакции. Наш томский информант рассказал, что ему надоело чувствовать удивление и восторг окружающих, когда те сравнивают с ним своих «здоровых друзей», которые не занимаются спортом: «Получается, что опять же это система, в которой нужно что-то добиваться, преодолевать. А уже как-то начинаешь уставать быть героем, постоянно кому-то что-то доказывать» (TWA2).

Публичность связана с общением и опытом встреч с незнакомыми, с познанием нового и удивлением, вызовами, способными поколебать каноны и истины [7, 6]. Эти встречи и столкновения ожиданий выражаются в разных эмоциях и последствиях. Нам рассказали о том, как уже существующие технологии отключают по просьбе остальных граждан, которым мешают, например, звуковые светофоры в какое-либо время суток (TWA2). В Казани известны аналогичные случаи: из-за жалоб граждан отключили громкоговорители, которые произносили номер автобуса на остановках (КЭЗ).

Появляясь перед другими, заявляя свое «публичное Я», люди с инвалидностью встраиваются в плюральность публичного пространства, сеть человеческих отношений, которая сформирована предыдущими действиями других. И эти другие не всегда принимают в расчет особые реалии, в которых живут люди с ограниченной мобильностью. Те, кто против создания доступной среды для инвалидов, считают, что их интересы тем самым ущемляются, «многих начинает раздражать, что так много времени уделяется нуждам инвалидов» (ТЭ9), «зачем столько парковочных мест для инвалидов, зачем мне в доме пандус, у меня в доме инвалид не живет» (СамЭ1). Поэтому недостаточно своим присутствием обращать внимание на проблемы доступности среды, необходимо открыто заявлять о своей позиции, объяснять ее. Наши информанты — эксперты, активисты — делились опытом: «выходить на улицу ежедневно, быть частью общества и открыто говорить о проблемах, потребностях и производимых изменениях» (ТЭ5).

Все эти «выступания-в-явленность» [2. С. 229] требуют умения рационально формулировать проблемы (ТЭ2), а также обращаться от лица общественной организации или в качестве специалиста по доступной среде как эксперта, «потому что один в поле не воин» (ТЭ1); объединяться, «искать единомышленников и пути решения проблем, когда они возникают» (ТЭ6).

Возможность коммуникации

Публичное пространство характеризуется плюральностью — разнообразием представленных там людей и точек зрения и тем самым делает возможной уникальность каждого. Х. Арендт подчеркивает значение политического равенства внутри полиса, но показывает, что при этом само собой разумеющимся принималось существование в городе-государстве «неравных», которые там составляли большинство [2. С. 43–44].

В современном публичном пространстве некоторые условия могут ограничивать такого рода равенство, например, социальные, культурные или коммуникативные различия [3]. Нередко агентность субъекта с инвалидностью ограничена тем, что окружающие акторы слабо социализированы в новых нормах, не сформирована инклюзивная культура. Незрячий информант, эксперт из Казани, рассказал нам о своих интеракциях с автовладельцаминарушителями правил парковки, которые вели себя оскорбительно (KWA2).

Одного желания выступать в явленность и коммуницировать с окружающими недостаточно, необходимы институты, фасилитирующие такое участие. Развитие таких институтов, встраивание их в культуру повседневности – далеко не быстрый процесс (ТЭ9). Некоторые учреждения, организации известны своим человечным отношением, и хотя этот фактор оставляет проблему доступности нерешенной, в каждом конкретном случае у пользователей появляется шанс решить свою задачу, получить услугу от выходящих наружу сотрудников (ТЭ2). Но не всегда достаточно «услуги на вынос», хотелось бы заходить в магазины, банки, кафе, везде, куда попадают все желающие: «мне хотелось бы на товар самому посмотреть, а не со слов иметь представление» (КWA1).

Новое социальное время характеризуется большей открытостью и доступностью публичного пространства. Городская среда, по мнению экспертов, «точно изменилась, в первую очередь, с человеческой точки зрения: люди на улице сегодня гораздо чаще оказывают помощь, гораздо больше интересуются тобой... в хорошем смысле слова, но периодически встречаешься с такими советскими издержками обслуживания... когда ты пришел с кем-то, но разговаривают не с тобой, а с сопровождающим» (СамЭ7). И хотя городское пространство в целом остается мало приспособленным, «появилось больше информации, как решать проблему. И смелости в принятии решений, так как знаешь о положительном опыте людей» (СамЭ3).

Информанты вспоминают, что лет пятнадцать назад они могли слышать в свой адрес насмешки от окружающих, от прохожих, «невозможно было гулять... сейчас помогают окружающие» (ТЭ4). Информанты видят причину трансформации социальных установок во взрослении людей: «приходит понимание, что... инвалидом и маломобильным гражданином может стать каждый» (СамЭ2). Другой эксперт развивает мысль о взрослении социума: ситуация меняется в лучшую сторону: это «снижение роли "крутизны" и "понтов" в обществе, и принятие разнообразия в других людях, и ощущение глобальной открытости всему миру» (КЭ5). Горожане становятся более чуткими к разнообразию: «Если говорить о менталитете граждан, то благодаря активности нашего брата, действительно отношение меняется. Это потому, что мы начали обращать внимание на то, что доступная среда – это не для инвалидов, это для жителей города» (СамЭ1). Тем самым меняется степень доступности публичного пространства – оно становится более открытым и инклюзивным.

Возникает вопрос, доступность — это цель или условие публичности? Скорее всего, это взаимосвязанные элементы. Чтобы изменить позицию людей, «единственный способ что-то с этим сделать, это говорить, просвещать людей. Чтобы люди узнали, поняли, что они полноценные члены общества, городского пространства», которые имеют на него право (СамЭ7). Раньше водители общественного транспорта удивленно смотрели на людей с инвалидностью, но теперь троллейбусы с низким полом или автобусы с пандусом стали обычным делом (ТЭ2). Раньше всех все устраивало, но технологии меняются: звуковые устройства, тактильная плитка, удобный транспорт — «люди должны понимать, что можно жить лучше» (СамЭ7).

Публичное пространство выступает фасилитатором агентности. Однако оно не может пониматься как фиксированный контейнер, в который помещаются индивиды и группы с активной позицией. Это сами люди создают публичное пространство.

Нужно разбираться в системе ответственности за улучшение доступности и качества городской среды в целом (ТЭ8, TWA1), но как быть, если эта система пробуксовывает (ТЭ4)? Бюрократизм – часть системы барьеров, которые не позволяют осуществляться обратной связи, тормозят коммуникации в публичном пространстве. И хотя вроде бы никто систематически не противодействует «улучшению доступной среды, но проактивной позиции по снижению дефектов... со стороны вовлеченных работников пока не ощущается» (КЭ5). Частных предпринимателей и нерадивых чиновников, «которые ссылаются на недостаток средств, можно заставить что-то выполнить только с

привлечением серьезных инстанций», например прокуратуры (ТЭ4; КЭ7). Саратовский информант высказался о безответственности местных властей, сравнив город с армией: «Если армию поставить по уставу, ни один солдат не выживет... офицеры, солдаты, прапорщики... никто не сможет. Потому что спустили рукава. То же самое и в городе: спустили рукава» (СарЭ3).

Настоящее время — это время личной ответственности и возможностей индивида и коллективных усилий: «Мы отошли от времени Советского Союза, когда государство было "должно". Сейчас по сути каждый человек ответствен за свой город.... Если бы каждый задумывался об этом, уже было бы хорошо» (ТЭ9). Очевидно, необходим посредник, соединяющий чиновников с гражданами. Наилучший вариант, как полагает информант из Казани, «это тандем властей города с людьми с ОВЗ. У первых есть ресурсы, у вторых понимание, что и как нужно менять в инфраструктуре города, чтобы это было эффективно» (КЭ3). В ряде других случаев диалог переходит к делу: с привлечением общественной экспертизы тестируют те или иные властные решения, проверяют технологии и объекты на их работоспособность, безопасность (СамЭ6).

Однако наладить конструктивное взаимодействие удается не всегда: «наша инициативная группа попыталась пообщаться с администрацией нашего района, нас обещали пригласить за круглый стол, но не сделали этого» (КЭ1). И даже если диалог начинается, то «зачастую постепенно сходит на нет. Как фактически прекратилась, например, работа Общественного совета по делам инвалидов» (СарЭ1).

В других регионах нам рассказывали о различных информационных технологиях и сетевых ресурсах, онлайн-приемных, чатах и опросах. Проблема устраняется не всегда, «но реагируют, что-то отвечают» (ТЭ7). Некоторые информанты отзывались скептически о результативности такого рода коммуникаций (ТЭ5), вероятно, потому, что некоторые из таких площадок созданы искусственно (СамЭ7).

Активные пользователи развивают собственные небольшие проекты по просвещению граждан, как наш эксперт из Самары, который ведет программу в голосовом чате Библиотеки для слепых: «Мы будем рассказывать про различные технологии и просто про среду. В основном, конечно, это будет связано с электроникой... но будут затронуты разные вопросы» (СамЭ6).

Участие в таких пространствах коммуникации позволяет заявлять о потребностях индивидов и групп, тем самым вносит вклад в создание постиндустриальной публики с множеством голосов, заявляющих о своих правах на доступное и комфортное жизненное пространство.

Свобода начинаний

Способность и возможность начать, проявить инициативу, действовать — это третье условие агентности. Вхождение в мир, участие в публичном пространстве Арендт называет политическим рождением. И пусть «у нас не будут все зажигать факелы и во всем разбираться, но вот есть какая-то у человека своя зона ответственности и интереса, от которой глаза горят. И если каждый человек хотя бы чуть-чуть начнет что-то делать, задумается, а что я могу сделать для своей страны, города, семьи даже, то мир будет лучше» (TWA1).

В той или иной мере в изменении городской среды заинтересованы и готовы участвовать практически все, убежден эксперт (СамЭ6), например, активисты ТСЖ, некоммерческих организаций, волонтерские отряды, все, кому не безразлична судьба города и его жителей. Не готовы участвовать «люди с низкой гражданской ответственностью или потерявшие веру в закон и власть» (СамЭ2), те, кто не понимает, какие изменения нужны (ТЭ9); не знают, куда обращаться (ТЭ8), у них нет инструментов участия (СамЭ6). Была бы среда, «более приспособленная под инвалидов, многие пассивные члены общества смогли бы переродиться в активистов!» (СамЭ2).

Добрососедское отношение, поддержка порождают чувство сопричастности и желание помогать в ответ: «Когда-то мне люди помогли, потом у меня возникло желание быть полезным» (TWA2). Информанты полагают, что рост общественной активности «сегодня – это общероссийская тенденция... Раньше людей больше волновал вопрос покушать, личных материальных интересов», а сегодня чаще слышны разговоры о достоинстве, о гражданской позиции (СамЭ7).

Наши эксперты солидарны: необходимо внимательное человеческое отношение к отдельным случаям, и «только попробовав использовать, например, банкомат без зрения, можно понять, что это невозможно без посторонней помощи, а значит, нарушает безопасность финансовых средств человека» (ТЭ8). Это один из лейтмотивов в интервью – вовлечение публичных персон в испытания: «Значимым эпизодом изменения восприятия для меня стало участие в прогулке на инвалидных колясках от инициативы «Город без преград», тогда я на тактильном уровне осознала масштаб и серьезность проблемы» (КЭ4). В разных городах такие эксперименты проводились с активным участием интеллектуалов-экспертов, но чиновники, по рассказам информантов, отказывались сесть в коляску и проехать по городу (ТЭ6, ТЭ9, КЭ1).

В одном из случаев произошла забавная ситуация, когда чиновнику всетаки пришлось сесть в коляску: в 2016 г. в Казани состоялась конференция по вопросам доступности транспорта, в частности, РЖД. Мероприятие проводили на втором этаже вокзала в конференц-зале, но из-за недоступности ее не смогли посетить люди на инвалидных колясках, они «развернулись и уехали. В результате министр соцзащиты [на конференции] сама садилась в коляску и показывала, как надо обслуживать и помогать опорникам» (КWA2).

Задача общества, с точки зрения эксперта, не сидеть по кухням, обсуждая недостатки: «если видишь какой-то недостаток, нужно до власти это донести этот сигнал» (СамЭ7). Граждане не должны оставаться «безучастными потребителями. Сейчас для этого есть много возможностей, не выходя из дома» (СарЭ2), саратовский информант рассказал об успехе – по просьбе их общественной организации комитет дорожного хозяйства организовал парковку для инвалидов у бассейна.

Люди предпринимают различные шаги, чтобы их услышали, и некоторые методы оказываются более действенными: «похоже, самый эффективный способ изменения городской среды — это не жалоба, не "хайп" вокруг проблемы... а возможность постановки вопроса и требование ответить на него по существу» (КЭ5). Нам говорили о важности конструктивной позиции: «Я никогда не подниму проблематику, не предположив возможного решения» (СамЭ1). Эксперт дал свою типологию и периодизацию общественных

инициатив за доступную среду: ранние инициативы в виде перформанса (экстрим-съезд на коляске в шлеме по пандусам) и экскурсий на инвалидных колясках предпринимались для привлечения внимания, и их можно считать успешными, а сейчас — этап плотной кропотливой работы над конкретикой (КЭ5).

Наш казанский коллега, проводивший интервью, — социолог и активист Искандер Ясавеев. После интервью-прогулок, где собеседники встретились с барьерами городской среды, Искандер с его информантами Артёмом и Русланом предприняли ряд мер, разместили фото, карту и сообщение о препятствии в чате «Улицы и дворы Казани 2019», опубликовали ряд статей и репортажей в СМИ: о бордюрах, недоступности мечети и неработающих звуковых устройствах. В течение месяца ряд препятствий был устранен, кроме того, власти города объявили о разработке нового мобильного приложения, которое сможет информировать незрячих и слабовидящих о движении городского транспорта. Так наше исследование стало частью процесса пересборки публичного пространства, вызвав к жизни целую цепочку обсуждений и действий в коллективных интересах.

Интерес к миру

Отличительная черта постиндустриального, постмодерного времени — это высокая мобильность и свобода от связей, легкость и текучесть [8]. Вместо этого граждане руководствуются индивидуальными и — время от времени — общими интересами [6]. И все же порой на основе общих интересов могут складываться спонтанные публики, временные объединения людей, стремящихся к одной цели [9, 10].

Наши собеседники рассматривают задачу приспособления среды с точки зрения группы и говорят о своем желании помочь другим (ТЭ1). Чувствуя острую необходимость устранения барьера, наш томский эксперт говорит о рисках для многих других проходящих тем же маршрутом горожан: «...решетка по дороге в [ТЦ] Изумрудный город... была просто опасна. Там зубья ливневки, как решетка, а внизу река протекает. Они были в ужасном состоянии, не было возможности проехать, поэтому я все время ездила по дороге. Потом я решила, что важно сообщить, написала в Facebook, откликнулись люди, которые могут влиять на этот процесс, и через 48 часов эта решетка была заделана, что повысило не только мою личную безопасность, но и маленьких детей, которые на самокатах гоняют, они вообще могли провалиться, человек мог просто споткнуться в темноте и сломать ногу» (ТЭ2).

Доступная среда нужна многим людям, говорит эксперт-активист: «это мамы с колясками, дети на самокатах и роликах, пожилые люди, слабовидящие и слабослышащие люди, получившие временную травму... Существует много общественных организаций, представляющих интересы различных социальных групп, которым нужна доступная среда. Стараемся сообща формулировать совместные требования в адрес властей» (ТЭ3). Среди таких организаций – ВОИ, общества слепых, слабослышащие активисты, а также другие организации и благотворительные фонды (ТЭ6; KWA2). Так постепенно формируется новая публичность [11] — вначале создаются возможности для участия, затем эти практики становятся привычными как для непосредственных пользователей, так и для окружающих.

Велосипедисты, исследователи, руководители социально значимых проектов, исследователи, эксперты включаются в движение по доступной среде. Для Ильи Евлампиева доступная среда — «лишь один из полигонов общей человеческой этики: добиваться надо тех изменений, которые помогают окружающим тебя слабым и твоей "слабой сущности", а тем изменениям, что помогают окружающим тебя сильным и твоей "сильной сущности" надо препятствовать» (КЭ5).

Возможно ли пространство, доступное и комфортное для всех без исключения? Как организовать совместное проживание в мире? Мире, который связывает и разделяет тех, для кого он общий, «в том же смысле, в каком, скажем, стол стоит между теми, кто сидит вокруг него» [2. С. 69]. Информанты рассказывали о некоторых противоречиях доступности с позиций разных групп маломобильных горожан (см. о категориях маломобильных в [12]). Что касается групп с неодинаковой мобильностью, здесь конфликт еще более очевидный — то, что удобно человеку на коляске или незрячему, может сокращать комфорт автомобилиста или, скажем, паркуриста.

Наш казанский эксперт высказался против того, чтобы были услышаны абсолютно все потребности. Горожан с высокой мобильностью и властным ресурсом он называет «сильными сущностями» и выступает за «адвокацию» интересов тех, чьи голоса не слышны, кто сам не может достучаться до высоких чиновников. Чтобы выдержать экзамен на этичность, «сильные должны брать инициативу в свои руки, быть более совестливыми и солидарными, чем те, кто находится на слабой позиции» (КЭ5).

Заключение

Публичное пространство создается как паутина связей и смыслов между людьми в процессе интеракции по поводу обозначения своей идентичности, коммуникации с другими и инициативных начинаний по поводу общественно важных вопросов. Перформанс идентичности наполняется эмоциями и смыслами и сопровождается различными реакциями окружающих. Особенно яркие эффекты достигаются в тех случаях, когда люди с инвалидностью появляются в таких ситуациях и ролях, к которым обыватели не привыкли. Так, рамки и форматы публичности меняются, пространство становится более открытым и инклюзивным. Однако участие в публичном пространстве не означает автоматически сокращение социально-экономических дистанций или расширение доступности городского пространства. Попытки рационального диалога и спонтанных действий не всегда приводят к желаемому результату, могут вести к отказу в агентности.

В публичном пространстве представлены агенты с неравными позициями, навыками коммуникации и шансами быть услышанными. В условиях, когда новые социальные нормы не интериоризированы большинством окружающих, необходимы институты и другие акторы, фасилитирующие участие новичков, менее сильных в публичном пространстве. Создание и рефлексивная пересборка [13, 14] публичных пространств с участием людей с инвалидностью и других ранее молчавших и замалчиваемых субъектов указывают на социализацию общества, в котором становится возможным выражать мнение. Появляется перспектива влиять на решения и действия, ощущать открытость и ответственность на разных уровнях, начиная с индивидуального.

Список информантов

KWA1, м., 47, высшее, использует коляску.

KWA2, м., 28, неоконч. высшее, предприниматель, спортсмен, незрячий, использует трость.

КЭ1, ж., 59, высшее, репетитор, использует коляску.

КЭ3, ж., 28, высшее, юрист, психолог, инвалид по зрению.

КЭ4, ж., 33, высшее, социолог, руководитель НКО, журналист, высшее, без инвалидности.

КЭ5, м., 33, высшее, блогер, без инвалидности.

КЭ6, ж., 74, высшее, пенсионер, инвалид по слуху.

КЭ7, м., 29, высшее, паралимпийский спортсмен, специалист по связям с общественностью, фотограф, ДЦП, использует коляску.

СамЭ1, ж., 33, высшее, директор НКО, хореограф, член общественных советов, консультант по инклюзии и доступности, использует коляску.

СамЭ2, ж., 40, среднее специальное, член общественных советов, консультант по доступности, автор статей в газету, использует коляску.

Сам ЭЗ, ж., 43, высшее, руководитель НКО, использует коляску.

Сам Э6, м., 23, высшее, консультант министерства, специалист по реабилитации, слабовилящий.

СамЭ7, м., 28, высшее, общественный эксперт, консультант регионального правительства, работает в библиотеке, незрячий, использует трость.

Сар Э1, м., 37 лет, высшее, руководитель НКО, социолог, Центр социальной помощи семье и детям, ДЦП, пользуется тростью.

СарЭ2, ж., 43 года, среднее специальное, руководитель отдела НКО родителей детейинвалидов, мама подростка с ДЦП, использующего коляску.

СарЭ3, м., 58 лет, среднее специальное, безработный, пользуется тростью.

TWA1, ж., 29, высшее, педагог допобразования, ДЦП, использует коляску.

TWA2, м., 39, высшее, кандидат наук, преподаватель вуза, практикующий психолог, незрячий, использует трость.

ТЭ1, ж., 29, высшее, эксперт ВОИ, использует костыли.

ТЭ2, ж., 29, высшее, специалист Центра планирования карьеры, использует коляску.

ТЭЗ, м., 40, высшее, специалист ВОИ, активист, использует коляску.

ТЭ4, ж., 24, неоконч. высшее, юрист по защите прав инвалидов, использует костыли.

ТЭ5, ж., 27, высшее, координатор инклюзивных проектов, ведет страницу в социальных сетях, использует коляску.

ТЭ6, ж., 46, высшее, член общественной организации «Союз родителей детей-инвалидов».

ТЭ7, ж., 33, высшее, руководитель общественной организации, слабослышащая.

ТЭ8, ж., 34, высшее, исследователь доступности среды, мама ребенка с нарушением слуха.

ТЭ9, ж., 25, высшее, исследователь проблем инвалидности.

Литература

- 1. *McCrary L.K.* Hannah Arendt and Disability: Natality and the Right to Inhabit the World // Disability and Political Theory / ed. by B. Arneil, N.J. Hirschmann. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 198–221.
 - 2. Арендт X. Vita Activa, или О деятельной жизни: пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
- 3. *Thuma A.* Hannah Arendt, Agency, and the Public Space // Modernities Revisited / ed. by M. Behrensen, L. Lee and A.S. Tekelioglu, Vienna: IWM Junior Visiting Fellows' Conferences. Vol. 29. 2011. https://www.iwm.at/publications/5-junior-visiting-fellows-conferences/vol-xxix/andrea-thuma-2/ (дата обращения: 25.07.2020).
- 4. *Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.* «Право на город в парадигме мобильности» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 165–173.
- 5. Желнина A. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // Лабораториум. 2011. № 2. С. 48–69.
- 6. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности // НЛО. 2012. № 117. С. 67–83.
 - 7. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 424 с.
 - 8. Бауман 3. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- 9. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: The MIT Press, 1989. 301 p.

- 10. Трубина Е. Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / ред. Е. Ярская-Смирнова, П. Романов. М.: Вариант, 2013. С. 25–34.
- 11. *Ярская-Смирнова Е., Романов П.* Публичная сфера: программа исследования // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / ред. Е. Ярская-Смирнова, П. Романов. М.: Вариант, 2013. С. 7–22.
- 12. Киричков И.В. Адаптация объектов современной архитектуры к потребностям маломобильных групп населения // Урбанистика. 2019. № 2. С. 71–81.
- 13. Sendra P. Rethinking urban public space: assemblage thinking and the uses of disorder // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2015. Vol. 19, № 6. P. 820–836.
- 14. Campbell E. Public sphere as assemblage: The cultural politics of roadside memorialization // The British Journal of Sociology. 2013. Vol. 64, № 3. P. 526–547.

Elena R. Iarskaia-Smirnova, Journal of Social Policy Studies (Moscow, Russian Federation); Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

Email: eiarskaia@hse.ru; elena.iarskaia@gmaill.com

Valentina N. Yarskaya, Yury Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russian Federation).

E-mail: maria762003@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 223–234.

DOI: 10.17223/1998863X/56/20

THE AGENCY OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN URBAN SPACE

Keywords: disability; limited mobility; accessible environment; city, public space; agency.

In modern Russia, despite many significant changes, the physical and social isolation of people with disabilities remains. However, people are increasingly manifesting themselves as active actors advocating in public space for the inclusion and accessibility of cities. Urban public space is a space located and created between people through speech and action. The authors refer to agency as an individual's ability to the socially important, political speaking and action. It appears if a person is visible, capable and willing to interact with others, to take on the initiative, be motivated not only by one's own interests, but also by the worldly attachment. The authors show what problems people with disabilities and other citizens face, what experience they gain in trying to find themselves in public spaces, to activate communication, and take on the initiative in collective interests. The article is based on Hannah Arendt's ideas that the authors apply to the analysis of 40 qualitative interviews collected in the summer of 2019 in Kazan, Samara, Saratov, and Tomsk with local experts—activists, including ten interviews in the walk-along methodology. The study showed that public space is created as a web of connections and meanings between people in the interaction regarding the designation of their identity, communication with others, and initiatives on socially important issues. The performance of identity fills the space of communications with new emotions and meanings and is accompanied by various reactions of others. Thus, the scope and formats of publicity are changing, the space becomes more open and inclusive. Participation in public space does not automatically lead to a reduction in inequality or an increase in the accessibility of urban space. In the conditions when new social norms are not internalized by the majority of surrounders, institutions and other actors are needed to facilitate the participation of the less powerful in public space.

References

- McCrary, L.K. (2016) Hannah Arendt and Disability: Natality and the Right to Inhabit the World. In: Arneil, B. & Hirschmann, N.J. (eds) *Disability and Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 198–221.
- 2. Arendt, H. (2000) *Vita Activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita Activa, or On active life]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya.
- 3. Thuma, A. (2011) Hannah Arendt, Agency, and the Public Space. In: Behrensen, M., Lee, L. & Tekelioglu, A.S. (eds) *Modernities Revisited*. Vol. 29. Vienna: IWM Junior Visit-ing Fellows' Conferences. [Online] Available from: https://www.iwm.at/publications/5-junior-visiting-fellows-conferences/vol-xxix/andrea-thuma-2/ (Accessed: 25th July 2020).
- 4. Yarskaya, V.N. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2018) The right to the city in the paradigm of mobility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 45. pp. 165–173. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/17

- 5. Zhelnina, A. (2011) "It's Like a Museum Here": The Shopping Mall as Public Space. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2. pp. 48–69. (In Russian).
- 6. Pachenkov, O. (2012) Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti [Public space of the city in the face of modern challenges]. *NLO*. 117. pp. 67–83.
- 7. Sennett, R. (2012) *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of Public Man]. Translated from English by O. Isaeva, E.A. Grudnitskaya, V. Sofronov, K.K. Chukhrukidze. Moscow: Logos.
- 8. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [The Liquid Modernity]. Translated from English by Ya. Asochakov. St. Petersburg: Piter.
- 9. Habermas, J. (1989) The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: The MIT Press.
- 10. Trubina, E. (2013) Publika: kratkiy ocherk ponyatiya [Audience: a brief outline of the concept]. In: Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P. (eds) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi* [Public sphere: theory, methodology, case study]. Moscow: Varian. pp. 25–34.
- 11. Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P. (2013) Publichnaya sfera: programma issledovaniya [Public sphere: research program]. In: Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P. (eds) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi* [Public sphere: theory, methodology, case study]. Moscow: Varian. pp. 7–22.
- 12. Kirichkov, I.V. (2019) Adaptatsiya ob"ektov sovremennoy arkhitektury k potrebnostyam malomobil'nykh grupp naseleniya [Adaptation of modern architecture objects to the needs of people with limited mobility]. *Urbanistika*. 2. pp. 71–81. DOI: 10.7256/2310-8673.2019.2.29735
- 13. Sendra, P. (2015) Rethinking urban public space: assemblage thinking and the uses of disorder. City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 19(6). pp. 820–836. DOI: 10.1080/13604813.2015.1090184
- 14. Campbell, E. (2013) Public sphere as assemblage: The cultural politics of roadside memorialization. *The British Journal of Sociology*, 64(3), pp. 526–547. DOI: 10.1111/1468-4446.12030

политология

УДК 329

DOI: 10.17223/1998863X/56/21

С.А. Асланов

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ КАК ИНДИКАТОР НЕРЕШЕННОСТИ МИГРАЦИОННОГО ВОПРОСА В ЕС

В статье рассматривается миграционная политика Италии как индикатор степени регулирования миграционного вопроса в ЕС. Ужесточение миграционной политики Италии, применение национальных мер, противоречащих европейским свободам и ценностям, указывает на неспособность ЕС общими усилиями разрешить кризис беженцев, достичь консолидированного решения по миграционному вопросу, которое устраивало бы все государства-члены ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Италия, беженцы, миграционная политика.

Актуальность исследования миграционной политики Италии на современном этапе развития обусловлена ужесточением миграционного законодательства и ростом евроскептических настроений как в Европе в целом, так и в Италии в частности. Начиная с 2015 г. именно Италия претерпела наибольший наплыв беженцев в ходе европейского миграционного кризиса, вызванного массовым перемещением мигрантов в Европу из стран Африки и Ближнего Востока, охваченных военными конфликтами. Италия в силу своего географического положения стала основным пунктом назначения в маршруте мигрантов, пересекающих Средиземное море из Северной Африки в Европу. Сейчас поток мигрантов уменьшился с 181 тыс. человек в 2016 г. до 3 тыс. в 2019 г., не в последнюю очередь благодаря ограничительным антимиграционным мерам и законодательным изменениям [1]. Как отмечает Е. Царёва, опыт Италии как страны-реципиента похож на опыт других стран Южной Европы: Греции и Испании, которые противостоят наплыву нелегальных транзитных миграционных потоков, ужесточая свою политику по контролю морских границ и режима въезда [2. С. 1498].

Современная миграционная политика Италии является ответом на отсутствие консолидированного решения ЕС по миграционному вопросу, которое бы устраивало все государства-члены. Каждая страна пытается минимизировать миграционную нагрузку и переложить ее на другие государства европейского содружества. Отсутствие единой европейской миграционной политики стало критическим фактором, препятствующим урегулированию миграционного кризиса 2015 и последующих годов. Наблюдая неэффективность ЕС в распределении мигрантов, государства, подвергшиеся наибольшей миграционной нагрузке (Греция, Италия, Венгрия), раскритиковали либеральную миграционную политику ЕС и призвали к введению жестких ограничительных мер, самостоятельно прибегая к защите своих границ.

236 С.А. Асланов

Миграционная политика ЕС в отношении беженцев регулируется Дублинскими соглашениями, принятыми для обеспечения равномерного распределения миграционной нагрузки с учетом интересов государств-реципиентов. Однако на практике это система разрозненных актов, которая используется без учета потребностей и особенностей государств. Регламент Дублин-I (Дублинская конвенция, принятая в 1990 г., вступившая в силу в 1997 г.) предусматривает рассмотрение ходатайства просителей убежища, ищущих международной защиты, страной их первого прибытия в ЕС. Неукоснительное исполнение этого регламента означало бы, что все беженцы из Африки по факту остались в странах прибытия – Греции, Италии, Испании. Регламент Дублин-II (2003 г.) предусмотрел, что статус беженца могут предоставлять государства, с которыми проситель имеет устойчивые связи, например родственные, и может их доказать [3].

Политический кризис на Ближнем Востоке способствовал внесению изменений в Дублинскую систему. Согласно регламенту Дублин-III любое государство-участник Дублинской системы может объявить себя ответственным за рассмотрение ходатайств лиц, ищущих убежище. На практике это означало, что третьи страны получили право рассматривать вопрос о предоставлении статуса беженца, если в ходатайстве присутствуют культурные связи просителя убежища с этими государствами.

Д. Иванов и С. Йордановски утверждают, что после вступления в силу регламента Дублин-III власти ЕС утратили контроль над потоками вынужденных мигрантов, поскольку многие мигранты стали обращаться с ходатайством о предоставлении статуса беженца в наиболее благополучных государствах-членах ЕС [4. С. 220]. Отдельные государства, среди которых и Италия, не смогли справиться с наплывом вынужденных мигрантов и стали ограничивать им доступ на свою территорию. Исходя из этого, ученые и аналитики считают, что Дублинская система на практике оказалась малоэффективной, поскольку отдельные государства-члены ЕС после развертывания миграционного кризиса категорически отказываются применять в полном объеме правовые акты, определяющие ее функционирование.

Усиление национальных компонентов в решении миграционного вопроса в противовес общеевропейской свидетельствует о том, что Дублинской системе правовых актов требуется реконструкция, так как неэффективность миграционной политики ЕС, несоблюдение государствами-членами ЕС обязательств миграционного законодательства становятся вызовом всему проекту объединенной Европы. Но бюрократическая система ЕС не спешит с консолидированными решениями — поиском путей выхода из миграционного кризиса ЕС занимается на протяжении двух последних десятилетий, так как уже давно является центром притяжения миграционных потоков.

Таким образом, миграционная политика EC, которая базируется на Дублинских соглашениях, не смогла предложить системного решения проблемы предоставления убежища и равномерного распределения беженцев внутри EC, от чего пострадала в первую очередь Италия. Как уже упоминалось, согласно регламенту Дублин-I решение о предоставлении убежища мигрантам рассматривает страна их первого прибытия в EC, однако выполнение этого предписания оказалось невозможным, ведь вся миграционная нагрузка легла на приграничные государства EC, в частности Италию, которая не могла

справиться с большим количеством беженцев, прибывавших морем. Как следствие образовался целый комплекс проблем, связанных с интеграцией мигрантов в общество, с их социализацией, а также с изменениями демографической, экономической и культурной ситуации, на которые были вынуждены реагировать власти государства [5]. Поскольку миграционные процессы неизбежно ведут к изменению этнического состава и идентичности населения государства, и степень деструктивности этих изменений для обеспечения этнополитической стабильности, сохранения межэтнического согласия и мира в государстве напрямую зависит от эффективности интеграции мигрантов в полиэтническое общество страны-реципиента. В последние годы в Италии участились проявления расизма и ксенофобии, направленные против мигрантов, в частности в г. Мачерата 2 февраля 2018 г. мужчина устроил стрельбу по африканским мигрантам, причастным к убийству 18-летней местной девушки. Реакцией на это преступление стали антирасистские митинги, которым все же не удалось снять внутреннее межэтническое напряжение в Италии.

Непропорциональное увеличение численности этнически отдаленных мигрантов в Италии, трудности с их социализацией и интеграцией в итальянское общество привели к росту крайне правых настроений, что существенно сказалось на электоральных предпочтениях и результатах выборов. Полной неожиданностью стал высокий результат ультраправой партии «Лига», ранее она называлась «Лига Севера», на парламентских выборах 2018 г. – около 18%. Эта политическая сила стоит на консервативных, евроскептических позициях. Завоевала ультраправая партия приверженность итальянских избирателей тем, что в ходе избирательной кампании ее лидер М. Сальвини пообещал депортировать из страны 500 тыс. мигрантов в течение 5 лет. Антимиграционная, антиисламская националистическая политическая риторика «Лиги» нашла отклик у многих итальянцев, которые в целом характеризуются высоким уровнем толерантности, однако перед лицом угрозы размывания итальянской идентичности мобилизовались и поддержали ультраправых. В конечном итоге правоцентристская коалиция в составе партий «Лига», «Вперед, Италия», «Братья Италии» и «Вместе с Италией» победила – получила 37% голосов на выборах в каждую из двух палат парламента.

Лидер ультраправой партии «Лига» М. Сальвини занял пост министра внутренних дел Италии и стал заместителем премьер-министра Д. Конте, приступив к реализации своих предвыборных обещаний. Борьба с нелегальной миграцией и взятие под контроль маршругов перевозки беженцев по Средиземному морю стали одной из приоритетных задач итальянского правительства. Премьер-министр Италии сразу же после вступления в должность призвал ЕС к большей солидарности при распределении беженцев и к усилению охраны внешних границ Евросоюза. В частности, Д. Конте предложил размещать беженцев в их родной стране или государстве, через которое пролегает маршрут мигрантов в ЕС, а также призвал к борьбе с преступными группировками, организующими доставку мигрантов в Европу, что также предусматривает более эффективный контроль внешних границ ЕС [6]. В ходе миграционного кризиса в ЕС осознали необходимость усиления деятельности европейской погранслужбы Frontex (Агентство Европейского союза по безопасности внешних границ) посредством наделения ее дополнительными полномочиями и увеличения численности персонала (с нынешних 238 С.А. Асланов

1 850 человек до 10 тыс. человек в 2027 г.) с целью обеспечения более надежной охраны внешних границ Европейского союза.

Следует заметить, что вследствие увеличения миграционных потоков в некоторых странах Шенгенского соглашения был введен контроль на внутренних границах с целью противодействия неконтролируемой нелегальной миграции. Столь жесткое мероприятие противоречит принципам Шенгена и демократическим свободам, присущим ЕС как интеграционному объединению, а именно – ставит под угрозу передвижение европейских граждан. Но попытки позже полностью отменить временный режим проверок документов на внутренних границах Шенгенской зоны успехом не увенчались. Еврокомиссия в 2017 г. рекомендовала Австрии, Германии, Дании, Швеции, а также Норвегии постепенно отказаться от пограничного контроля с другими странами ЕС, но Германия, Франция и Австрия из соображений безопасности каждые полгода продлевают режим паспортного контроля на внутренних границах, аргументируя эти меры повышенным риском проникновения террористов и нелегальных иммигрантов [7].

Такая ситуация, в которой усматриваются признаки усиления национальных суверенитетов и противодействия европейской интеграции, категорически не устраивает руководство Европейского союза, поскольку подрывает его устои. Еврокомиссар по вопросам миграции, внутренних дел и гражданства заявил, что ограничение передвижения европейцев противоречит принципам и сути Шенгена. По словам Д. Аврамопулоса, Шенгенское соглашение является «одним из величайших достижений европейской интеграции» и нужно как можно скорее вернуться к нормальному функционированию Шенгенской зоны [8]. Без сомнения, основой функционирования ЕС, залогом его процветания являются преимущества общего рынка, подразумевающего свободное перемещение товаров, услуг, людей и капитала.

Любые ограничения этих четырех свобод, пусть они носят временный характер, становятся угрозой для успешного развития европейской интеграции. Ужесточение миграционной политики Италии, наблюдающееся в последние годы, реализация итальянскими властями ультраправых предвыборных обещаний в ответ на миграционный кризис, в ходе которого Италии пришлось в одиночку бороться с наплывом мигрантов, являются звеньями одной цепи — защиты интересов национального государства в противовес европейской интеграции. В связи с этим М. Шибкова констатирует усиление позиций евроскептицизма на всех уровнях ЕС: лишенные голоса на наднациональном уровне, евроскептики способны реализовать свой потенциал влияния на ЕС через активную деятельность внутри своих государств, что и подтверждает итальянский опыт. По ее словам, уровень европейской солидарности в настоящее время снизился настолько, что можно говорить о трансформации экономического кризиса ЕС в истинно политический [9. С. 33].

Поэтому будущее Европейского союза, его дальнейший вектор развития пока весьма туманны и не определенны. Углубление интеграции в сферы, до сих пор исключительно подконтрольные государствам-членам ЕС (политика безопасности, этнокультурная политика), означает усиление противодействия с их стороны. Географическое расширение ЕС на Восток без эффективного решения внутренних проблем, в частности миграции, невозможно. Ужесточение миграционной политики Италии становится индикатором неспособно-

сти ЕС общими усилиями разрешить кризис беженцев. Внедряя нестандартные меры борьбы с нелегальной миграцией, Италия показала успешный опыт защиты национальным государством-членом ЕС своих границ, национальной идентичности и этнического состава населения в условиях всеевропейской неопределенности по миграционному вопросу.

Противодействие началось с того, что летом 2018 г. Италия под разными предлогами перестала принимать судна с мигрантами, чем вызвала осуждение и критику руководства ЕС и испортила отношения с соседними странами. В начале июня М. Сальвини направил судно Aquarius неправительственной организации SOS Méditerranée с 629 спасенными на воде мигрантами на Мальту, сообщив властям островного государства, что ближайший безопасный порт находится у них (судно в то время проходило в 40 милях от побережья Мальты), поэтому в случае отказа их принять итальянские порты будут для него закрыты. Мальта все же отказалась принять Aquarius с мигрантами на борту. В результате препираний на официальном уровне судно согласилась принять Испания, а Италия в лице министра внутренних дел М. Сальвини и его избирателей отпраздновала первую маленькую победу в борьбе с нелегальной миграцией.

В дальнейшем власти Италии продолжили жесткую антимиграционную политическую линию. В ходе скандала вокруг спасательного судна Aquarius министр внутренних дел Италии, он же вице-премьер, М. Сальвини объявил о намерении заблокировать двум немецким спасательным миссиям Sea Watch и Mission Lifeline доступ к портам страны. «Они должны знать, что Италия больше не будет поощрять бизнес на нелегальной миграции, поэтому пусть ищут другие порты», — заявил итальянский политик [10]. Италия последовательно придерживалась антимиграционного политического курса и отказалась принять спасательное судно немецкой благотворительной организации Mission Lifeline, которое подобрало 224 мигрантов, пытавшихся достичь берегов Европы. Таким образом Италия закрыла все свои порты для кораблей с беженцами со стран Африки.

Довольно дерзкие действия властей Италии, не согласованные ни с руководством Европейского союза, ни с соседними странами, вызвали возмущение официального Брюсселя и Парижа. В частности, президент Франции призвал к улучшению европейского управления границами и поиску механизмов европейской солидарности в отношении беженцев. Э. Макрон подтвердил, что миграционный кризис в ЕС перерос в политический, считая критическими факторами не только защиту внешних границ Евросоюза, но и миграционные потоки внутри самого содружества [11].

Твердая антимиграционная позиция Италии и разногласия стран ЕС по вопросу беженцев послужили поводом для созыва мини-саммита ЕС 24 июня 2018 г. при участии шестнадцати европейских государств накануне общего саммита ЕС 28–29 июня. Италия даже планировала заблокировать результаты саммита по торговой и оборонной политике ЕС, если в итоговом тексте не будет отражена концепция совместной ответственности за спасение мигрантов, прибывающих морем. Лидеры Европейского союза договорились по соглашению о мигрантах, в частности, достигли согласия по созданию новых миграционных центров в странах ЕС на добровольной основе (эти центры будут определять, кто является настоящими беженцами, а кто – нелегальны-

240 С.А. Асланов

ми мигрантами, которых вернут), согласовали ограничения движения мигрантов между странами ЕС. Однако это решение было точечным реагированием на проблемы Италии, а не комплексным их решением на уровне Европейского союза. Канцлер Германии считает, что ЕС нужно масштабное соглашение по беженцам, чтобы предотвратить политический кризис [12].

То, что европейский миграционный вопрос остается нерешенным даже в отдельно взятой Италии, подтверждает продолжение жесткой миграционной политики. В сентябре 2018 г. был одобрен пакет законодательных миграционных инициатив М. Сальвини, которые усложняют процедуру предоставления убежища и увеличивают финансирование депортации нелегалов. Летом 2019 г. при активном участии министра внутренних дел был закрыт крупнейший в Европе лагерь для беженцев, расположенный на о. Сицилия. При этом многие итальянцы не поддерживают антимиграционный курс действующего правительства Италии. Весной 2019 г. около 200 тыс. итальянцев вышли на акции протеста в Милане против расизма и антимиграционной политики государства под лозунгами «Люди прежде всего» в ответ на высказывания М. Сальвини «Итальянцы прежде всего» [13]. Участники акции считают, что ксенофобская миграционная политика Италии противоречит общим европейским ценностям и раскалывает государство.

Таким образом, миграционная политика Италии стала индикатором нерешенности миграционного вопроса в ЕС. Затяжной характер миграционного кризиса обусловлен неэффективностью миграционного права ЕС (Дублинских соглашений) в распределении беженцев, отказом национальных государств, в частности Италии, от выполнения его положений, неспособностью ЕС защитить внешние границы от наплыва мигрантов. Ужесточение миграционной политики Италии, попытки решения миграционного вопроса с помощью национальных политико-правовых механизмов, которые противоречат европейским свободам и ценностям, в общем свидетельствуют об усилении центробежных тенденций в ЕС.

Литература

- 1. *Italy's* Salvini shuts Europe's one-time largest migrant centre [Electronic resource] // BBC. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-48920235 (access date: 09.12.2019).
- 2. *Царёва Е.Ю*. Нормативно-правовые основы миграционной политики Италии // Право и политика. 2014. № 10. С. 1497–1505.
- 3. Convention determining the State responsible for examining applications for asylum lodged in one of the Member States of the European Communities Dublin Convention // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/;jsessionid=TTrpTsvTr1VHTFy9MgfSBLj Mcp PCKDrm1cPFy6J4JhpSnhcxvrD2!-228044560?uri=CELEX:41997A0819(01) (access date: 05.12.2019).
- 4. Иванов Д., Йордановски С. Международно-правовые аспекты общеевропейской системы убежища: практика применения Дублинской конвенции, определяющей государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейского союза // 25 лет внешней политике России: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.): в 5 т. Т. 4 : Россия и современный мир: экономика и право: в 2 ч. Ч. 2. М.: МГИМО Университет, 2017. С. 207–229.
- 5. *Копылова В.Ю*. Иммиграционная политика Италии // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11. URL: http://web.snauka.ru/issues/2015/11/ 58951 (дата обращения: 25.11.2019).
- 6. *Итмалия* требует от стран ЕС большей солидарности в вопросе беженцев // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/ru/италия-требует-от-стран-ес-большей-солидарности-в-вопросе-беженцев/а-44284796 (дата обращения: 03.12.2019).

- 7. Border checks in EU countries challenge Schengen Agreement // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/en/border-checks-in-eu-countries-challenge-schengen-agreement/a-51033603 (дата обращения: 04.12.2019).
- 8. EU-Kommission will zurück zu Schengen // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/de/eu-kommission-will-zur%C3%BCck-zu-schengen/a-45469773 (дата обращения: 05.12.2019).
- 9. *Шибкова М.О.* Современный евроскептицизм как вызов европейской солидарности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 31–41.
- 10. Salvini closes Italy's ports to German refugee rescue ship // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/en/salvini-closes-italys-ports-to-german-refugee-rescue-ship/a-50183139 (дата обращения: 05.12.2019).
- 11. *Italy's* Salvini refuses to back EU deal on rescue ship migrants // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2019/jan/09/malta-allow-49-people-stranded-mediterranean-rescue-ships-disembark-eight-european-nations (дата обращения: 07.12.2019).
- 12. *Migrant* crisis: EU leaders split over new migrant deal [Electronic resource] // BBC. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-44660806 (дата обращения: 07.12.2019).
- 13. *Tens* of thousands protest in Milan against racism and discrimination // Euronews. URL: https://www.euronews.com/2019/03/02/tens-of-thousands-protest-in-milan-against-racism-and-discrimination (дата обращения: 07.12.2019).

Stellas A. Aslanov, Uzhgorod National University (Uzhgorod, Ukraine).

E-mail: stelas1969@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 235–242.

DOI: 10.17223/1998863X/56/21

ITALY'S MIGRATION POLICY AS AN INDICATOR OF THE UNCERTAINTY OF THE MIGRATION ISSUE IN THE EU

Keywords: European Union; Italy; refugees; migration policy.

This article studies Italy's migration policy as an indicator of the degree of the regulation of the migration issue in the EU. Italy's current migration policy is a response to the lack of a consolidated EU migration's decision that would fit all member states. Each country tries to minimize the migration burden and shift it to other EU countries. Observing the inefficiency of the EU in the distribution of migrants, the countries most exposed to the migration burden (Greece, Italy, Hungary) criticized the EU's liberal migration policy and called for strict restrictive measures, independently resorting to the protection of their borders. The tightening of Italy's migration policy in recent years, the implementation by the Italian authorities of ultra-right election promises in response to the migration crisis, during which Italy alone had to deal with the influx of migrants, are links in one chain: protecting the interests of the national state opposes to European integration. By introducing non-standard measures to combat illegal migration, Italy has shown successful experience of an EU national state member's protection of its borders, national identity, and ethnic composition of the population in the face of European uncertainty on the migration issue. The geographical expansion of the EU to the East without an effective solution to inner problems, in particular migration, is impossible. Thus, Italy's migration policy has become an indicator of the unresolved migration issue within the EU. The protracted nature of the migration crisis is due to the ineffectiveness of the EU migration law (Dublin Agreements) in the distribution of refugees, the refusal of national states, in particular Italy, to comply with its provisions, the inability of the EU to protect external borders from the influx of migrants. Italy's tighter migration policy and attempts to resolve the migration issue with the help of national political and legal mechanisms that run counter to European freedoms and values indicate the EU's inability to resolve the refugee crisis with common efforts and indicate the strengthening of centrifugal trends in the EU.

References

- 1. BBC.com. (2019) *Italy's Salvini shuts Europe's one-time largest migrant centre*. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-europe-48920235 (Accessed: 9th December 2019).
- 2. Tsareva, E.Yu. (2014) Normative legal fundamentals of the migration policy in Italy. *Pravo i politika Law and Politics*. 10. pp. 1497–1505. (In Russian). DOI: 10.7256/1811-9018.2014.10.13022
- 3. Eur-Lex. (n.d.) Convention determining the State responsible for examining applications for asylum lodged in one of the Member States of the European Communities Dublin Convention. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/;jsessionid=TTrpTsvTr1

242 С.А. Асланов

VHTFy9MgfSBLjMcpPCKDrm1cPFy6J4JhpSnhcxvrD2!-228044560?uri=CELEX:41997A0819(01) (Accessed: 5th December 2019).

- 4. Ivanov, D. & Yordanovski, S. (2017) Mezhdunarodno-pravovye aspekty obshcheevropeyskoy siste-my ubezhishcha: praktika primeneniya Dublinskoy konventsii, opredelyayushchey gosudarstvo, otvet-stvennoe za rassmotrenie khodataystv o predostavlenii ubezhishcha, podannykh v odnom iz gosu-darstv-chlenov Evropeyskogo Coyuza [International legal aspects of the common European asylum system: the practice of applying the Dublin Convention, which defines the state responsible for considering asylum applications filed in one of the member states of the European Union]. In: Voskresensky, A.D. et al. (eds) *25 let vneshney politike Rossii* [25 years of Russian foreign policy]. Vol. 4. Moscow: MGIMO University. pp. 207–229. (In Russian).
- 5. Kopylova, V.Yu. (2015) Italian immigration policy. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 11. [Online] Available from: http://web.snauka.ru/issues/2015/11/58951 (Accessed: 25th November 2019). (In Russian).
- 6. Mylnikov, P. (2018) *Italiya trebuet ot stran ES bol'shey solidarnosti v voprose bezhentsev* [Italy demands EU solidarity on refugee issues]. [Online] Available from: https://www.dw.com/ru/италиятребует-от-стран-ес-большей-солидарности-в-вопросе-беженцев/а-44284796 (Accessed: 3rd December 2019).
- 7. Schacht, K. (2019) *Border checks in EU countries challenge Schengen Agreement*. [Online] Available from: https://www.dw.com/en/border-checks-in-eu-countries-challenge-schengen-agree ment/a-51033603 (Accessed: 4th December 2019).
- 8. Deutsche Welle. (2018) *EU-Kommission will zurück zu Schengen*. [Online] Available from: https://www.dw.com/de/eu-kommission-will-zur%C3%BCck-zu-schengen/a-45469773 (Accessed: 5th December 2019).
- 9. Shibkova, M.O. (2016) Contemporary euroscepticism as a challenge to European solidarity. *Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations*. 6(51). pp. 31–41. (In Russian).
- 10. Deutsche Welle. (2019) Salvini closes Italy's ports to German refugee rescue ship. [Online] Available from: https://www.dw.com/en/salvini-closes-italys-ports-to-german-refugee-rescue-ship/a-50183139 (Accessed: 5th December 2019).
- 11. Guifridda, A. (2019) *Italy's Salvini refuses to back EU deal on rescue ship migrants*. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2019/jan/09/malta-allow-49-people-stranded-mediterranean-rescue-ships-disembark-eight-european-nations (Accessed: 7th December 2019).
- 12. BBC.com. (2018) Migrant crisis: EU leaders split over new migrant deal. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-europe-44660806 (Accessed: 7th December 2019).
- 13. Miner, L. (2019) *Tens of thousands protest in Milan against racism and discrimination*. [Online] Available from: https://www.euronews.com/2019/03/02/tens-of-thousands-protest-in-milan-against-racism-and-discrimination (Accessed: 7th December 2019).

УДК 32.09.51

DOI: 10.17223/1998863X/56/22

Г.Е. Боброва

ЭВОЛЮЦИЯ ИМИДЖА В.В. ПУТИНА В «DER SPIEGEL» В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Имидж В. Путина рассматривается в контексте отражения в «Der Spiegel» важнейших событий украинского кризиса, прежде всего, присоединения Крыма к России, их влияния на качественные характеристики имиджа российского президента, зависимости составляющих образа главы $P\Phi$ от субъектов конструирования этого образа: противники, понимающие Путина и скептики.

Ключевые слова: имидж В. Путина, Spiegel, Крым, демонизация, тенденция, противники, путинопониматели, скептики.

В начале 2012 г. журналисты «Der Spiegel» предрекая В.В. Путину непростой третий президентский срок, акцентировали внимание на внутриполитической ситуации в России, на протестных настроениях и митингах в Москве и Санкт-Петербурге. Но уже в 2014 г. фокус их интереса сместился в область внешней политики России, которая стала играть роль доминирующего фактора конструирования образа российского президента в одном из самых значимых информационно-политических журналов Германии и Европы. Совокупная аудитория «Der Spiegel» насчитывает 5 млн человек [1], позволяя ему оказывать серьезное влияние на формирование общественного мнения в регионе относительно наиболее важных вопросов международной политики и ее ключевых фигур.

Цель статьи – выявить тенденции эволюции внешнего имиджа В.В. Путина в «Der Spiegel» в аспекте событий на Украине.

Данная статья представляет собой продолжение анализа имиджа В.В. Путина в «Der Spiegel», впервые предпринятого нами в 2014 г. [2]. Сохраняется алгоритм исследования, теоретической основой которого выступает представление об имидже как целенаправленно формируемом образе политического лидера, включающем три группы составляющих [3]:

- персональные характеристики, в том числе физические, психофизиологические особенности, характер, тип личности, индивидуальный стиль принятия решений;
- социальные характеристики статус лидера, его модели ролевого поведения, связь с различными социальными группами, интересы которых он представляет, а также с союзниками, оппонентами и явными врагами;
- культурно-символические характеристики идеалы, ценности, представления о мире.

Работая над темой в рамках теории политической коммуникации, мы обращались к публикациям, объектом изучения которых является международный имидж России в СМИ различных стран и одновременно значительное внимание уделяется президенту РФ, роли его личности в имидже страны [4]; к исследованиям, сфокусированным конкретно на анализе образа В.В. Пути-

на в зарубежных mass-media [5], а также к медиатекстам немецкого еженедельника «Der Spiegel».

Отмечая общие моменты в наших исследованиях имиджа российского президента в данной статье и в $2014\,\mathrm{r}$., обратим внимание и на различия между ними.

Во-первых, в 2014 г. имидж В.В. Путина в «Der Spiegel» изучался в период трех президентских избирательных кампаний, сейчас — на относительно непродолжительном временном интервале — с 2014 по осень 2015 г. Выбор нижней границы связан с присоединением Крыма, которое можно рассматривать в качестве разграничительной линии в истории постсоветской России как с точки зрения ее положения в системе международных отношений, так и в аспекте внутреннего и внешнего имиджа российского президента и страны в целом. Осень 2015 г. в качестве верхнего предела нашего исследования выбрана в связи с тем, что с этого времени Украина «уходит» из эпицентра внимания западных СМИ и оказывается «в тени» сирийского конфликта.

Второе различие касается источниковой базы исследования. В 2014 г. она состояла из 57 статей журналистов «Der Spiegel» в авторском переводе с немецкого языка. В данном исследовании мы использовали два информационных ресурса, специализирующихся на переводах материалов зарубежных изданий: инопресса и иноСМИ. Это обеспечило более емкое представление об информации в немецком еженедельнике, поскольку ключевые статьи, отобранные для перевода, далеко не всегда в них совпадают и отличаются его качеством. Сохранена структура и точно передано содержание оригинала в иноСМИ. Дополнительное преимущество этого ресурса — полный перевод интервью с политиками, государственными деятелями, лидерами мнения, в то время как Инопресса ограничивается аннотацией основного содержания беседы. Вместе с тем Инопресса более мобильна с точки зрения предоставления информации и количества материалов.

216 статей, размещенных за полтора года на указанных ресурсах и имеющих отношение к России, были проанализированы в формате кратких резюме на основе метода содержательного контент-анализа по таким переменным, как дата, автор, жанр, проблема, ключевые слова, включая фамилию президента. Из общего перечня медиатекстов были отобраны 80, в которых встречается имя В.В. Путина или слова-заменители, смысл которых не вызывает сомнения, о ком идет речь, и относящиеся к объекту исследования имиджу российского президента в «Der Spiegel». Дальнейшая их обработка проводилась на основе двух комплексов зависимых переменных. В первом учитывалось количество статей по тем переменным, которые указаны выше. Во втором комплексе зависимых переменных принималось во внимание качество статей на основании суждений о том, чьи позиции репродуцировали обществу журналисты: противников президента, понимающих Путина или скептиков. Организованная и систематизированная таким образом информация позволила проследить зависимость качественных характеристик имиджа В.В. Путина от субъектов конструирования этого имиджа, выявить основные тренды и имидж-факторы в этом процессе.

Журналистский корпус, освещающий события, связанные с Россией, был представлен, прежде всего, аккредитованными в ней корреспондентами, среди которых такие «тяжеловесы», как Б. Биддер и К. Нееф, долгое время про-

жившие в Москве (10 и 30 лет соответственно), знавшие ситуацию изнутри, перу которых принадлежала львиная доля материалов о России. Помимо них, более 30 журналистов «Der Spiegel» представили широкий спектр мнений о российском президенте, на основе которых моделировался и презентовался имидж В. Путина немецкому и шире — европейскому сообществу. Сказанное позволяет выйти за рамки устоявшегося представления о том, что западные СМИ демонизируют образ российского президента. Действительно, такая тенденция в эволюции имиджа главы РФ является доминирующей, но ее основу составляют представления о Путине его противников. Между тем «Der Spiegel» обращается к позициям и других групп: назовем их «путинопониматели» и скептики. И это совсем другой коленкор с точки зрения качественных характеристик имиджа российского президента.

На формирование имиджа главы государства в иностранных СМИ оказывают влияние различные факторы. Одним из важнейших является его политический курс. Если в первые два срока правления В. Путина (2000–2004, 2004–2008) оценка внутренней политики России была базовой для конструирования его имиджа в «Der Spiegel», то на третьем ключевая роль принадлежала уже внешней. Точкой отправления для этого стали события на Украине: присоединение Крыма к России и конфликт на востоке страны.

Украинский кризис оказал решающее влияние на эволюцию имиджа В. Путина в период его третьего срока правления, поскольку задал вектор оценок внешней политики и имиджевых характеристик российского президента, причем диаметрально противоположных внутри России и за ее пределами. Прежде всего это касается Крыма.

Немецкие журналисты проявили почти полное единодушие, рассматривая включение полуострова в состав РФ как аннексию и нарушение норм международного права. При этом в материалах «Der Spiegel» представлена и более радикальная позиция, квалифицирующая этот факт как аншлюс. Так, 3. Бжезинский (бывший советник по безопасности президента Джимми Картера), выступая за поставки оружия на Украину и рассматривая их как симметричный ответ западных стран на действия Путина, напомнил о всеобщей пассивности после ввода гитлеровских войск в Судеты и после «аншлюса» Австрии [6]. Параллель между действиями Путина и Гитлера провела Х. Клинтон [7]. Подчеркнем, что подобные суждения не получили широкого распространения. Более того, еженедельник приводит диаметрально противоположное мнение Г. Киссинджера (советник по национальной безопасности и государственный секретарь в администрации Р. Никсона и Джеральда Форда), согласно которому «Крым – это особый случай... Аннексия Крыма не была шагом в сторону глобального завоевания. Это не вхождение Гитлера в Чехословакию» [8].

Не обходят вниманием журналисты «Der Spiegel» и точку зрения тех, кто в присоединении Крыма к России видит разумную реакцию Москвы на расширение НАТО на Восток. Например, бывший канцлер Германии Γ . Шмидт открыто заявил, что «на месте Путина среагировал бы так же в отношении Крыма», еще один экс-канцлер Γ . Шредер признался, что и сам не всегда придерживался норм международного права [9].

Несмотря на различные позиции по Крыму, представленные в еженедельнике, центральный тезис об аннексии полуострова Россией и нарушении

ею порядка, установленного после окончания «холодной войны», проводится весьма последовательно, особенно когда речь идет о последствиях этого события.

Рассматривая отношения между РФ и Западом, немецкие журналисты используют различные логико-грамматические конструкции, четко маркирующие происходящие события как реакцию на присоединение полуострова: после российского вторжения на о. Крым, до аннексии Крыма, в связи с аннексией Крыма, с начала крымского кризиса, после присоединения Крыма, разногласия по поводу Крыма и др. Таким образом, Крым стал своеобразным Рубиконом, который поделил отношения Запада с Россией на «до» и «после» вхождения полуострова в состав Российской Федерации.

В материалах «Der Spiegel» четко прослеживаются две позиции по отношению к России в посткрымский период: жесткая, инициированная президентом Обамой и ориентированная на отказ от переговоров, возвращение к стратегии сдерживания, увеличение военных расходов европейских стран, широкомасштабные санкции и изоляция В. Путина; и мягкая, предполагающая сохранение диалога с Россией, проводниками которой выступали некоторые европейские страны, в первую очередь Германия, играющая главную роль в вопросе дипломатического урегулирования российско-украинского конфликта.

Журналисты обращают внимание на то, что основой для проведения первой, помимо Крыма и войны на востоке Украины, послужили также страхи прибалтийских республик и Польши о российском вторжении, дискуссии о дееспособности НАТО обеспечить их безопасность, настойчивое требование увеличения присутствия НАТО в Европе, восстановление тыловой инфраструктуры Североатлантического альянса в регионе. В еженедельнике представлена целая серия интервью корреспондентов «Spiegel» с государственными и политическими деятелями (действующими и бывшими), в которых затрагиваются указанные проблемы.

Так, по словам президента Литвы Дали Грибаускайте, после вторжения России в Крым она не исключает подобного в отношении собственной страны [10]. По мнению экс-главы ЦРУ Леона Панетты, Украина будет только первым шагом, если не дать понять Путину, что за дальнейшую агрессию он заплатит высокую цену. Апеллируя к своему политическому опыту, он утверждает, что с русскими можно вести переговоры только с позиций силы [11].

Заместитель верховного главнокомандующего войсками НАТО в Европе до 2014 г. британский генерал Ричард Шиффер, автор нашумевшего триллера о вымышленной войне с Россией, настойчиво проводит мысль о российской угрозе и необходимости активизации деятельности Североатлантического альянса по защите территории своих членов, в том числе Прибалтики, и заключает: «Давно пора Европе воспринять аннексию Крыма как сигнал к пробуждению» [12].

В рамках этой позиции наметилась тенденция демонизации образа В. Путина. «Европа привыкла демонизировать российского президента В. Путина и сваливать на него ответственность за все мировое зло... От конфликта на Украине вплоть до миграционного кризиса и движения Pegida: российского президента обвиняют во всем, что на континенте идет не так», —

охарактеризовал эту тенденцию совладелец и колумнист «Der Spiegel» Я. Аугштайн в 2016 г., когда она окончательно сформировалась в связи с вмешательством России в сирийский конфликт [13]. В период с 2014 до осени 2015 г., когда события на Украине находились в центре внимания западных СМИ, проявились лишь первые признаки указанного тренда. В это время massmedia Европы и Америки, по замечанию Я. Аугштайна, считали В. Путина не столько дьяволом, сколько безумцем мировой политики, живущим, по словам А. Меркель, в параллельной реальности [Там же]. Эволюция образа В. Путина на Западе наглядно прослеживается в тех метафорах, которые использовал журналист в своих статьях разного периода, сравнивая Путина с персонажами из русских сказок. И если в 2015 г. это не такое уж злобное существо, как леший, который убаюкивает русских, грезящих о великой евразийской державе, то в 2017 г. – это уже Баба-Яга, злая лесная ведьма, которая летает по лесу в ступе, заметая свои следы метлой. «На Западе Владимир Путин, подобно Бабе-Яге, является олицетворением зла, корнем всех проблем», – делает вывод Я. Аугштайн [14].

Появление новой тенденции не могло не привести к изменениям в качественных характеристиках имиджа В. Путина хотя бы для того, чтобы выглядеть убедительными ее сторонникам.

Одним из важнейших элементов образа политика, определяющим восприятие его обществом, являются личностные качества. В публикациях изучаемого периода применительно к В. Путину они рассматриваются в нескольких аспектах.

Во-первых, через призму их негативной динамики. Б. Биддер, апеллируя к мнению лидеров западных стран (Г. Шредер, Т. Блэр, Б. Клинтон), с которыми был дружен Путин, обращает внимание на то, что они считали его непростым, но надежным собеседником, который всегда держал слово и отличался знанием деталей и осведомленностью [15]. Однако с начала украинского конфликта, утверждает журналист, обман стал практически постоянным элементом российской политики, и приводит его примеры, начиная от категоричного «не обсуждается» в отношении присоединения Крыма к России, отрицания В. Путиным присутствия военных на референдуме на полуострове, до утверждения, что на востоке Украины против сепаратистов действует «легион НАТО» и у Москвы нет возможности повлиять на ополченцев в Донбассе. Описывая эволюцию речи российского президента через дихотомию честность-лживость, Б. Биддер указывает на две ипостаси последней: большая ложь, к которой Кремль осознанно прибегает, чтобы ввести народ в заблуждение, и мелкие ляпы, которые нередко встречаются в речи российского президента. Гипотетически журналист допускает, что причины этого кроются в недостаточной информированности В. Путина, доступности ему только отфильтрованной собственной пропагандой реальности [15].

На эволюцию со знаком «минус» обращает внимание и упоминавшийся выше Леон Панетта, вспоминая времена, когда с российским президентом можно было договариваться по важным вопросам и даже наблюдались подвижки, на смену которым пришел агрессивный настрой. Источником таких перемен экс-директор ЦРУ считает особенности мышления В. Путина как классического человека спецслужб, стремящегося усилить влияние России в

248 Г.Е. Боброва

бывших республиках СССР, не допустить их сотрудничества с Евросоюзом и удержать от вступления в НАТО [11].

Во-вторых, с точки зрения ключевых качеств президента РФ и их влияния на его политический курс. З. Бжезинский в интервью «Spiegel on-line» выделил три таких качества: инстинктивное чутье, политическая страсть и то, что Путин по натуре – игрок. Рассматривая первые два со знаком «+», он подает их в ракурсе, неблагоприятном для имиджа российского президента: недоумевает, почему он почти умышленно настроил против себя 40 млн украинцев, которые до недавнего времени не испытывали к России враждебных чувств; сравнивает В. Путина с Гитлером, когда речь идет о политической страсти, наделяя того и другого этим качеством, одновременно обращая внимание на различие между ними: «Гитлер никогда не был заинтересован в личном обогащении, а Путин в этом очень даже заинтересован. Возможно, именно этот аспект и делает его политическую страсть более умеренной» [6].

Что касается третьей характеристики В. Путина, то американский политик рассматривает ее в качестве наиболее опасной. Заметим, что понятие «игра» встречается довольно часто, когда речь идет о российском президенте. С его помощью характеризуют отношения России и Украины, формулируя их суть в вопросе: «Какую игру на Украине ведет Путин?», отношения России и Запада, которые Л. Панетта охарактеризовал как бесконечную игру В. Путина в одни и те же кошки-мышки, а Я. Аугштайн с сарказмом заметил, что Запад с большой охотой ввязался в покер Владимира Путина [16]. Таким образом, российский президент предстает в качестве доминантного игрока с присущим ему политическим стилем «ставить всех перед жесткими фактами, как это произошло, например, с присоединением Крыма» [17].

Немецкий писатель В. Каминер на страницах «Der Spiegel» обращает внимание на тщеславие главы РФ, хотя и не использует это слово. С иронией упоминает о том, что Путин считает себя европейским политиком и очень трепетно относится к своему имиджу за рубежом; полагает, что российский президент уже долгое время ничего не боится, разве только опозориться; заключает, что на практике имеет место ровно противоположное тому, к чему стремился В. Путин: в глазах населения Европы он превратился в «монстра», «агента зла», и этот ярлык, скорее всего, сохранится за ним даже тогда, когда о нынешнем политическом кризисе уже забудут [18].

В таком же негативном ключе подаются и культурно-символические характеристики президента РФ, которые варьируются в диапазоне от признания его в идейном плане последователем советских вождей, стремящимся к воссозданию неоимперии из бывших союзных республик [19], до объявления наследником фашистов. К такому выводу приходит Я. Фляйшхауэр, проводя параллели со становлением фашизма в Италии: «Там также присутствовал культ тела, патетическая риторика отстаивания своих прав, оценка врага как пришедшего в упадок и деградировавшего, презрение к демократии и западному парламентаризму, раздутый национализм». В подтверждение своей точки зрения журналист обращает внимание на тот факт, что лидеры крайне правых партий видят в Путине человека, разделяющего их идеи, а он, в свою очередь, рассматривает их как «братьев по духу» [20].

Завершая характеристику образа В. Путина в публикациях «Der Spiegel» с позиций его противников, обратим внимание еще на одну отличительную

их черту – обилие лексических единиц с негативной коннотацией : царь, диктатор, монстр, агент зла, «Путин на пути в ад», бестия, наркоман, постфашист, политический труп, фрик, облеченный властью безумец, непредсказуемый, ненормальный супергерой, могильщик демократии, которые выступают в роли некоей подсказки восприятия В. Путина немецкой аудиторией. Такую же функцию выполняет его сравнение с политическими лидерами, оказавшими негативное воздействие на развитие своей страны.

Как было отмечено во вводной части статьи, немецкий еженедельник представляет широкий спектр мнений о российском президенте. Обратимся к позиции тех, кого принято называть «путинопониматели». Это понятие появилось в связи с присоединением Крыма к России и используется в «Der Spiegel» в отношении, прежде всего, политиков, государственных деятелей и представителей бизнеса Европы и Америки, открыто заявляющих о том, что они понимают В. Путина, в той или иной степени поддерживают его, настроены на сохранение диалога с Россией.

В материалах «Der Spiegel» обращается внимание на весьма обширный и разнородный политический состав этого лагеря: от левых до крайне правых; на причины возникновения этого феномена в Германии: интересы немецкой экономики и бизнеса, страх перед новой «холодной (и не только) войной», тесная историческая связь с Россией, распространенный в мире антиамериканизм, любовь к русской культуре [9]; отсутствие корреляции между пониманием мотивов Путина и одобрением его политики [21]; неэффективность санкций: вряд ли приведут к изменению политического курса В. Путина; ошибки, допущенные Западом в ходе украинского кризиса: отсутствие диалога с Россией в вопросе об ассоциации Украины с Евросоюзом в силу ее особого значения для РФ [8].

В ракурсе такого понимания ситуации выстраивается и имидж российского президента. Акцент в нем смещается в сторону таких его характеристик, которые способны снизить тревожность европейских стран в отношении дальнейшей экспансии России. Так, председатель Германо-российского форума М. Плацек называет В. Путина «очень трезвым и реалистичным политиком» [22], а замглавы фракции «левых» в Бундестаге В. Герке считает, что «не следует недооценивать рациональность российской политики» [21]. Заметим, что на страницах «Der Spiegel» не единожды звучала мысль о том, что «ни один член Североатлантического альянса не ждет классической военной агрессии со стороны России ни в отношении Украины, ни против себя», и это были далеко не люди, понимающие Путина [23].

На позитивное восприятие В. Путина направлены представления о нем как о президенте, который «не позволяет другим странам навязывать ему решения», защищая интересы России и россиян [24]. Правда, не стоит забывать, что звучат они из уст лидера «крайне правых» во Франции Марин Ле Пен, репутация которой весьма неоднозначна в Европе.

В целом описание лагеря «путинопонимателей» в еженедельнике в значительной степени построено на анализе немецкого общества с такими представителями политической и экономической элиты, как экс-канцлеры Г. Шмидт и Г. Шредер; сподвижник курса федерального канцлера В. Бранда по разрядке напряженности с СССР Э. Бар (СДПГ); экс-главный редактор партийной газеты ХСС В. Шарнагль; действующие депутаты от разных пар-

250 Г.Е. Боброва

тий, включая феминисток и зеленых; председатель Восточного комитета немецкой экономики Э. Кордес; председатель Германо-российского форума М. Плацек и др.

Особое место в материалах «Der Spiegel» занимают статьи колумниста Якоба Аугштайна. Точка зрения журналиста выбивается из канвы рассуждений о В. Путине как противников российского президента, так и тех, кто пытается его понять. Не жалуя В. Путина (он, как и в прежние годы, называет его царем), Аугштайн вместе с тем резко выступает против демонизации российского президента, о чем сказано выше; подвергает критике политику двойных стандартов руководства Германии в отношении США и России, усматривая причину этого, помимо прочих, в «русской травме», которую получили президент Й. Гаук и канцлер А. Меркель, будучи выходцами из Восточной Германии [25]; указывает на фактическое бессилие Запада в украинском конфликте на фоне хвастливых заявлений Б. Обамы об эффективности западных санкций, которые разрушили экономику России и привели к ее полной изоляции в мире [26]; возражает против обвинений российского президента в каждом обострении ситуации на Украине, включая трагедию с малазийским «Боингом» [27].

Сбитый «Боинг» сыграл особую роль в украинском конфликте. Примечательна солидарная позиция 9 журналистов «Der Spiegel», которые, апеллируя к мнению политологов, считают катастрофу над Донецком «фактором, изменившим правила игры»: под его влиянием 28 европейских стран приняли решение ввести первые жесткие экономические санкции против России [28]. Я. Аугштайн называет сбитый самолет «апогеем конфликта» по той же причине, но в отличие от авторов статьи, которые говорят о «новой мужественной позиции европейцев», он весьма скептичен в вопросе о предельной ясности с ее виновником и разумности последовавшего ответа: «Месть, - пишет журналист, - витает в воздухе: там, где раньше были разумные решения, теперь есть лишь гнев. Но месть - опасная игра, а гнев не самый лучший советчик». Весьма скептичен и вывод, к которому приходит Аугштайн: «Мировая общественность еще не доросла до нынешнего конфликта между Востоком и Западом. Она полагается на старые рефлексы, которые в прошлом приводили в тупик» [27]. «Скептики» – так мы назвали третью позицию в «Der Spiegel», связанную с конструированием имиджа российского президента в еженедельнике, весьма немногочисленную и представленную, главным образом, Я. Аугштайном. Обращение ко всем трем позволяет составить представление об образе главы РФ в еженедельнике в различных проекциях. При этом, учитывая массив статей, посвященных каждой из позиций, можно сделать вывод, что доминируют негативные составляющие имиджа В. Путина, порой крайне нелицеприятные.

Журналисты «Der Spiegel» обращают внимание на усилия России улучшить внешний имидж страны и ее президента. На это, по оценкам западных и отечественных политиков, функционеров и журналистов, были направлены Сочинская олимпиада, освобождение М. Ходорковского, Чемпионат мира по футболу в России. Так, Г. Киссинджер называет главной задачей олимпиады демонстрацию того, что «Россия является прогрессивным государством, связанным с Западом посредством своей культуры, и, следовательно, она предположительно хотела бы быть его частью» [8]. А. Сорокин (генеральный ди-

ректор Оргкомитета по подготовке и проведению ЧМ по футболу «Россия-2018») рассуждает в этом же направлении, рассматривая проведение ЧМ в РФ как «возможность показать новую Россию, современную и открытую миру» [29]. М. Шепп, апеллируя к содержанию секретного письма экс-министра иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншера, сыгравшего решающую роль в освобождении М. Ходорковского, называет в качестве основных мотивов решения Путина о помиловании главы «ЮКОСа» – желание улучшить имидж России [30].

Неудачи с корректированием образа В. Путина и РФ в позитивную сторону журналисты немецкого еженедельника и их собеседники связывают, помимо прочего, с предрассудками, мифами в отношении России. Например, бывший вице-президент Еврокомиссии Г. Ферхойген обращает внимание на широко распространенное представление о том, что Россия возвращается в варварство. Развенчивая этот миф, он обращается и к образу российского президента, утверждая, что «В. Путин – это не восставший из гроба дух Ивана Грозного или Иосифа Сталина» [31].

О тенденциозности и предвзятости по отношению к России говорил в интервью «Der Spiegel» упомянутый выше А. Сорокин, рассматривая клишированные представления о своей стране, которые не соответствуют действительности, но тем не менее искусственно поддерживаются. В частности, о среднестатистическом русском в виде этакого верзилы из голливудских фильмов про Джеймса Бонда, о природе России, где якобы весь год мороз минус десять градусов или больше, о людях, которые не имеют никакого представления о демократии. В пику этому мифу российский функционер замечает, что россияне ничем не отличаются от европейцев, у них те же самые интересы, ценности и мечты [29].

О смаковании «ужасных картинок» из России, перехода критики за все разумные границы писал Б. Биддер по поводу критики Сочинской олимпиады. Не отрицая серьезных недостатков при ее подготовке, журналист резюмирует: «Россия в целом не заслуживает того злорадства, какое появляется у иностранцев при виде неработающей дверной ручки или сломанной скамейки... Злопыхательство оскорбляет их (россиян. – Γ .E.): они организуют праздник, а мы, гости, каждый вечер потягиваем прохладительные напитки, а потом во всю глотку ржем в туалете, что русские опять облажались». К интересному выводу приходит Б. Биддер, практически прогнозируя развитие дальнейших событий: «Некогда российский галерист Марат Гельман высказался в том смысле, что для Запада все будет в порядке, только если из России будут приходить плохие новости. Очень бы хотелось, чтобы Гельман ошибся в своей оценке» [32].

В целом, обобщая результаты исследования имиджа В. Путина в «Der Spiegel» в контексте украинского кризиса, прежде всего присоединения Крыма, следует отметить ключевую роль, которую сыграли эти события в дальнейшей эволюции образа российского президента, задав вектор оценок его внешней политики как определяющего имидж-фактора. Качественные характеристики имиджа президента России в «Der Spiegel» варьируются в зависимости от субъектов конструирования его образа. Противники В. Путина делают акцент на личностные качества и культурно-символические элементы образа российского президента со знаком «минус», которые порой

предстают в крайне нелицеприятном виде. В лагере «понимающих» Путина ударение ставится на реализм и «трезвый» подход к делу главы РФ для нейтрализации страхов соседей России в отношении ее экспансионистских устремлений. Скептики весьма критично оценивают политику Запада в отношении России, в том числе тенденцию демонизации образа ее президента, попытки сваливать на него ответственность за все мировое зло.

Обращение ко всем трем позициям позволяет составить представление об имидже главы РФ в еженедельнике в различных проекциях и таким образом выйти за пределы устоявшегося представления о том, что западные СМИ лишь демонизируют его образ. Во всяком случае — это не про «Der Spiegel», который с момента основания Аугштайном придерживался принципа объективности и достоверности информации.

Литература

- 1. *Афонский А*. Ни «денег», ни «власти». «Коммерсант» закрывает два журнала // Профиль: сетевой журнал. 2017. URL: https://profile.ru>Общество>item/114483-kommersant (дата обращения: 18.08.2018).
- 2. *Боброва Г.Е., Комарова И.Н.* Трансформация имиджа В. Путина в еженедельнике «Spiegel» (на примере трех президентских избирательных кампаний) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3. С. 83–96.
- 3. Сдельников В.А. Роль личности президента В.В. Путина в современном имидже России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3. С.217-225.
- 4. Оганесян К.С. Образ В.В. Путина в качественных западных СМИ: по материалам ежедневных газет США, Франции, Германии, Великобритании в 2012–2014 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 231 с.
- 5. Политическая имиджелогия / под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перелыгиной и др. М. : Аспект Пресс, 2006. 400 с.
- 6. Фишер С., Хольгер Ш. 3. Бжезинский: Мы находимся в состоянии «холодной войны». URL: https://inosmi.ru>Mup>20150630/228876356.html (дата обращения: 18.08.2018).
- 7. Биддер Б.Д. Трамп и В. Путин: признания в любви из Москвы. URL: https:// inopressa.ru>article/25may2016/spiegel/trump_putin (дата обращения: 18.08.2018).
- 8. *Миттельштедт Ю., Фоллат Э.* Как обеспечить мировой порядок через хаос или проникновение в суть? Интервью Γ . Киссинджера. URL: https:// inosmi.ru>Mup>20150313/226823694.html (дата обращения: 18.08.2018).
- 9. *Нойкирх Р*. Проблема с пониманием. URL: https:// inopressa.ruvarticle/31mar2014...germ_rus1.html (дата обращения: 18.08.2018).
- 10. Xаммерштайн K. Президент Литвы Даля Грибаускайте: «Мы должны всерьез воспринимать паранойю Путина». URL: https:// inosmi.ru>Политика>20160711/237148554.html (дата обращения: 22.08.2018).
- 11. Экс-глава Пентагона: «Русские понимают только язык силы». URL: https:// expert.ru>2015/02/18/leon-panetta...russkimi-nuzhno... (дата обращения: 22.08.2018).
- 12. Гебауэр М., Хаммерштайн К., Мюллер П., Шульт К. Риски для НАТО весьма высоки. URL: https:// inosmi.ru>politic/20171026/240622785.html 2015/02/18/leon-panetta...russkiminuzhno... (дата обращения: 05.09.2018).
- 13. *Аугштайн Я.* Запад против России: виноват всегда Путин. URL: https://inosmi.ru>Политика>20160216/235431091.html (дата обращения: 05.09.2018).
- 14. *Аугштайн Я.* Путин Баба-Яга. URL. https:// inosmi.ru>Политика>20171226/241092038.html (дата обращения: 05.09.2018).
- 15. Биддер Б. Верит ли Путин собственной пропаганде. URL: https:// inosmi.ru>Мир> 20150129/225912610.html (дата обращения: 12.09.2018).
- 16. Аугштайн Я. Война по недоразумению. URL: https:// inopressa.ru>article/29Apr2014... augstein.html (дата обращения: 12.09.2018).
- 17. Вайланд С. «Большая семерка» отжила свое. URL: https:// inopressa.ru/article/16Apr2015/spiegel/g7 rus.html (дата обращения: 12.09.2018).

- 18. Каминер В. Путин сам себе санкция. URL: https://inopressa.ru>article/30Jul2014...kaminer.html (дата обращения: 12.09.2018).
- 19. Биддер Б. Три «опции» Путина. URL: https:// inopressa.ru>article/15apr2014/spiegel/putin ukr1 (дата обращения: 19.09.2018).
- 20. *Фляйшхауэр Я.* Идеология сверхнарода. URL: https:// inopressa.ru>article/02May2014/spiegel... (дата обращения: 19.09.2018).
- 21. Зюдов К. Депутат немецких «левых»: «Понимать позицию России означает всего лишь понять, почему она действует таким образом. Необязательно высказывать одобрение». URL: https://inopressa.ru/article/11apr2014...gehrcke.html (дата обращения: 19.09.2018).
- 22. Хофманн К., Шепп М. Председатель Германо-российского форума: «Путин-реалист». URL: https:// inopressa.ru>article/19May2014/spiegel/put1.html (дата обращения: 19.09.2018).
- 23. Гебауэр М., Шульт К., Вигрефе К. Затупленное копье. URL: https:// inopressa.ru>article/01dec2014/spiegel/nato 2 (дата обращения: 23.09.2018).
- 24. *Редакция*. Марин Ле Пен: Внимание, госпожа Меркель! URL: https:// inopressa.ru>article/02jun2014/spiegel/marin (дата обращения: 23.09.2018).
- 25. Аугштайн Я. Плохой русский, хороший американец. URL: https:// inopressa.ru>article/11dec2013/spiegel/... (дата обращения: 23.09.2018).
- 26. Аугштайн Я. Прощай, старое могущество! URL: https:// inopressa.ru>article/20feb2015...augstein.html (дата обращения: 23.09.2018).
- 27. Аугштайн Я. МН-17: Почему поиск виновных ни к чему не приведет. URL: https:// in-opressa.ru>article/25Jul2014/spiegel/crash1.html (дата обращения: 03.10.2018).
- $28. \, Биддер \, Б., \, Бломе \, H., \, Xecce \, M., \, Kнаул \, Б., \, Heeф \, K., \, Паули \, K., \, Зауга \, M., \, Шиндлер \, \r M., \, Шмити \, \Gamma.\Pi. \, Позднее пробуждение. URL: https://inopressa.ru/article/28jul2014/spiegel/rus_1.html (дата обращения: <math>03.10.2018$).
- 29. Эберле Л., Шепп М. Алексей Сорокин: «У нас благородные мотивы». URL: https:// in-opressa.ru>article/15dec2014/spiegel/sport (дата обращения: 13.10.2018).
- 30. Шепп М. Секретное дело: Ходорковский. URL: https:// inopressa.ru>article/15dec2014...khodorkovsky.html (дата обращения: 03.10.2018).
- 31. *Шепп М.* Интервью с Гюнтером Фергойгеном: Путин не призрак Сталина. URL: https://inosmi.ru>Mup>20150929/230530006.html (дата обращения: 23.10.2018).
- 32. Биддер Б. Дурацкое злорадство Запада. URL: https:// inopressa.ru>article/10Feb2014/spiegel/sochi3.html (дата обращения: 23.10.2018).

Galina E. Bobrova, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation).

E-mail: g.bobrova@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 243–255.

DOI: 10.17223/1998863X/56/22

THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF VLADIMIR PUTIN IN $\it Der Spiegel$ in the context of the ukrainian crisis

Keywords: image of Vladimir Putin; *Spiegel*; Crimea; demonization; trend; opponents; Putin understanders; skeptics.

At the beginning of 2012, the journalists of *Der Spiegel*, predicting a difficult third presidential term for Vladimir Putin, focused on the home political situation in Russia, on protest moods and rallies in Moscow and St. Petersburg. But in 2014 the focus of their interest shifted to the field of Russia's foreign policy, which began to play the role of the dominant factor in constructing the image of the Russian president in one of the most important information and political magazines in Germany and Europe. The article aims to identify trends in the evolution of the external image of Vladimir Putin in the weekly *Der Spiegel* in the context of the most important events of the Ukrainian crisis, first of all, the inclusion of Crimea to Russia, which played a special role in the evolution of the image of the Russian president, setting the vector of foreign policy assessments as the determining factor in the design of this image. On the materials of *Der Spiegel*, different positions are considered in relation to Russia in the post-Crimean period in Europe and the world. Based on these positions, the author identifies three wings with variations characterizing the components of Putin's image: opponents, "Putin understanders", and skeptics. If the first wing focuses on the personal qualities and cultural-symbolic elements of the image of the Russian president in a negative perspective, sometimes in an extremely unflattering form, the second one emphasizes Putin's realism and "sober" approach to the role in neu-

254 Г.Е. Боброва

tralizing fears of Russia's neighbors about the country's expansionist aspirations. Skeptics are represented mainly by Jakob Augstein, the columnist and co-owner of *Der Spiegel*, who is very critical in his assessment of the Western policy towards Russia, its tendency to demonize the image of the president, and attempts to shift the responsibility for all the world evil to him. Considering all the three positions contributes to forming a clear view of the image of the head of the Russian Federation in the weekly in various projections and thus to moving beyond the established idea that the Western media only demonize his image: anyway, this is not about *Der Spiegel*.

References

- 1. Afonsky, A. (2017) *Ni "Deneg", ni "Vlasti". "Kommersant" zakryvaet dva zhurnala* [Neither "Money" nor "Power". "Kommersant" is closing two magazines]. [Online] Available from: https://profile.ru/Obshchestvo/item/114483-kommersant (Accessed:18th August 2018).
- 2. Bobrova, G.E. & Komarova, I.N. (2014) The transformation of the image of V.Putin in the weekly «SPIEGEL» (on the example of the three presidential election campaigns). *Vestnik Tomskogo gosu-darstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 3. pp. 83–96. (In Russian).
- 3. Sdelnikov, V.A. (2016) Role of personality of the President V.V. Putin in the modern image of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 3. pp. 217–225. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/35/23
- 4. Oganesyan, K.S. (2017) Obraz V.V. Putina v kachestvennykh zapadnykh SMI: po materialam ezhednevnykh gazet SShA, Frantsii, Germanii, Velikobritanii v 2012–2014 gg. [The image of V.V. Putin in high-quality Western media: based on the USA, France, Germany, Great Britain daily newspapers in 2012–2014]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- 5. Derkach, A.A., Perelygina, E.B. et al. (ed al.) *Politicheskaya imidzhelogiya* [Political Imageology]. Moscow: Aspekt Press.
- 6. Fischer S. & Holger, Sh. (2015) *Z. Bzhezinskiy: My nakhodimsya v sostoyanii kholodnoy voyny* [Z. Brzezinski: We are in a cold war]. [Online] Available from: https://inosmi.ruv Mirv20150630/228876356.html (Accessed: 18th August 2018).
- 7. Bidder, B.D. (2016) *Tramp i V. Putin: priznaniya v lyubvi iz Moskvy* [Trump and V. Putin: declarations of love from Moscow]. [Online] Available from: https://inopressa.ruvarticle/25may2016/spiegel/trump putin (Accessed: 18th August 2018).
- 8. Mittelstedt, J. & Follat, E. (2015) *Kak obespechit' mirovoy poryadok cherez khaos ili pro-niknovenie v sut'? Interv'yu G. Kissindzhera* [How to ensure world order through chaos or penetration into the essence? G. Kissinger's interview]. [Online] Available from: https://inosmi.ru>Mir>20150313/226823694.html (Accessed: 18th August 2018).
- 9. Neukirch, R. (2014) *Problema s ponimaniem* [The problem with understanding]. [Online] Available from: https:// inopressa.ru/article/31mar2014...germ_rus1.html (Accessed: 18th August 2018).
- 10. Hammerstein, K. (2016) Prezident Litvy Dalya Gribauskayte: "My dolzhny vser'ez vosprinimat' paranoyyu Putina" [President of Lithuania Dalia Grybauskaite: "We must take Putin's paranoia seriously"]. [Online] Available from: https://inosmi.ru>Politika>20160711/237148554.html (Accessed: 22nd August 2018).
- 11. Ekspert-online. (2015) *Eks-glava Pentagona: "Russkie ponimayut tol'ko yazyk sily"* [The Pentagon ex-head: "Russians understand only the language of power"]. [Online] Available from: https:// expert.ru>2015/02/18/leon-panetta...russkimi-nuzhno...(Accessed: 22nd August 2018).
- 12. Gebauer, M., Hammerstein, K., Müller, P. & Schult, K. (2017) *Riski dlya NATO ves'ma vysoki* [Risks for NATO are very high]. [Online] Available from: https://inosmi.ruvpolitic/20171026/240622785.html 2015/02/18/leon-panetta...russkimi-nuzhno... (Accessed: 5th September 2018).
- 13. Augstein, J. (2016) *Zapad protiv Rossii: vinovat vsegda Putin* [West against Russia: Putin is always to blame]. [Online] Available from: https:// inosmi.ru>Politika>20160216/235431091.html (Accessed: 5th September 2018).
- 14. Augstein, J. (2017) *Putin Baba-Yaga* [Putin Baba Yaga]. [Online] Available from: https://inosmi.ru>Politika>20171226/241092038.html (Accessed: 5th September 2018).
- 15. Bidder, B. (2015) *Verit li Putin sobstvennoy propagande* [Does Putin Believe His Own Propaganda]. [Online] Available from: https:// inosmi.ru>Mir>20150129/225912610.html (Accessed: 12th September 2018).

- 16. Augstein, J. (2014) *Voyna po nedorazumeniyu* [War of misunderstanding]. [Online] Available from: https://inopressa.ru/article/29Apr2014...augstein.html (Accessed: 12th September 2018).
- 17. Vayland, S. (2015) "Bol'shaya semerka" otzhila svoe ["Great Seven" has outlived its own]. [Online] Available from: https:// inopressa.ruvarticle/16Apr2015/spiegel/g7_rus.html (Accessed: 12th September 2018).
- 18. Kaminer, V. (2014) *Putin sam sebe sanktsiya* [Putin as his own sanction]. [Online] Available from: https://inopressa.ru/article/30Jul2014...kaminer.html (Accessed: 12th September 2018).
- 19. Bidder, B. (2014) *Tri "optsii" Putina* [Three "options" of Putin]. [Online] Available from: https://inopressa.ruvarticle/15apr2014/spiegel/putin ukr1 (Accessed: 19th September 2018).
- 20. Fleischhauer, J. (2014) *Ideologiya sverkhnaroda* [Ideology of the supernation]. [Online] Available from: https://inopressa.ruvarticle/02May2014/spiegel...(Accessed: 19th September 2018).
- 21. Sydow, K. (2014) Deputat nemetskikh "levykh": "Ponimat' pozitsiyu Rossii oznachaet vsego lish' ponyat', pochemu ona deystvuet takim obrazom. Neobyazatel'no vyskazyvat' odobrenie [Deputy of the German "leftist": To understand the position of Russia is just to understand why it acts in this way. It is not necessary to give approval]. [Online] Available from: https://inopressa.ru/article/11apr2014... gehrcke.html (Accessed: 19th September 2018).
- 22. Hofmann, K. & Shepp, M. (2014) *Predsedatel' Germano-rossiyskogo foruma: "Putin-realist"* [Chairman of the German-Russian Forum: "Putin-Realist"]. [Online] Available from: https://inopressa.ruvarticle/19May2014/spiegel/put1.html (Accessed: 19th September 2018).
- 23. Gebauer, M., Schult, K. & Wigrefe, K. (2014) *Zatuplennoe kop'e* [Blunt spear]. [Online] Available from: https:// inopressa.ru/article/01dec2014/spiegel/nato_2 (Accessed: 23rd September 2018).
- 24. Der Spiegel. (2014) *Redaktsiya. Marin Le Pen: Vnimanie, gospozha Merkel'!* [Editorial. Marine Le Pen: Attention, Mrs. Merkel!]. [Online] Available from: https://inopressa.ru/article/02jun2014/spiegel/marin (Accessed: 23rd September 2018).
- 25. Augstein, J. (2013) *Plokhoy russkiy, khoroshiy amerikanets* [Bad Russian, good American]. [Online] Available from: https://inopressa.ruvarticle/11dec2013/spiegel/... (Accessed: 23rd September 2018).
- 26. Augstein, J. (2015) *Proshchay staroe mogushchestvo!* [Farewell to the old power!]. [Online] Available from: https:// inopressa.ru/article/20feb2015...augstein.html (Accessed: 23rd September 2018).
- 27. Augstein, J. (2014) MN-17: Pochemu poisk vinovnykh ni k chemu ne privedet [MN-17: Why the search for the culprits will not lead to anything]. [Online] Available from: https:// inopressa.ru>article/25Jul2014/spiegel/crash1.html (Accessed: 3rd October 2018).
- 28. Bidder, B., Blome, N., Hesse, M., Knaup, B., Neef, K., Pauli, K., Zauga, M., Schindler, J. & Schmitz, G.P. (2014) *Pozdnee probuzhdenie* [Late awakening]. [Online] Available from: https://inopressa.ru/article/28jul2014/spiegel/rus_1.html (Accessed: 3rd October 2018).
- 29. Eberle, L. & Shepp, M. (2014) *Aleksey Sorokin: "U nas blagorodnye motivy"* [Alexey Sorokin: "We have noble motives"]. [Online] Available from: https://inopressa.ru/article/15dec2014/spiegel/sport (Accessed: 13th October 2018).
- 30. Shepp, M. (2014) *Sekretnoe delo: Khodorkovskiy* [A secret case: Khodorkovsky]. [Online] Available from: https:// inopressa.ruvarticle/15dec2014...khodorkovsky.html (Accessed: 3rd October 2018).
- 31. Shepp, M. (2015) *Interv'yu s Gyunterom Fergoygenom: Putin ne prizrak Stalina* [Interview with Gunther Ferhoigen: Putin is not the ghost of Stalin]. [Online] Available from: https://inosmi.ru>Mir>20150929/230530006.html (Accessed: 23rd October 2018).
- 32. Bidder, B. (2014) *Duratskoe zloradstvo Zapada* [Foolish malevolence of the West]. [Online] Available from: https:// inopressa.ruvarticle/10Feb2014/spiegel/sochi3.html (Accessed: 23rd October 2018).

УДК 32+33

DOI: 10.17223/1998863X/56/23

Б.А. Исаев, И.Ф. Игнатьева

ГЕОЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТ, СОДЕРЖАНИЕ, ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается одна из структурных составляющих геополитики геоэтнополитология с точки зрения ее соотношения с родственной дисциплиной этнополитологией, общими для той и другой дисциплин факторами развития. Анализируется практическое использование наработок этих дисциплин в политической жизни (этнополитика и геоэтнополитика). Геоэтнополитология понимается как наука о разделе мира между этносами, расами и нациями, об их происхождении, расселении по поверхности Земли, обустройстве на разных континентах, в разных географических и климатических зонах.

Ключевые слова: *структура геополитики*, *этнополитология*, *геоэтнополитология*, *этнополитика*, *геоэтнополитика*.

Ввеление

Геоэтнополитология представляет собой структурный элемент геополитики, ее важную часть. В содержательном смысле геоэтнополитология является суммой концепций, теорий и гипотез о происхождении рас и народов, их расселении по поверхности Земли, обустройстве на разных континентах, в разных географических и климатических зонах, о разделе мира между этносами и нациями. Поскольку эти вопросы являются центральными для предмета науки геополитики в целом геоэтнополитологию можно считать одним из существенных элементов геополитики как науки. Рассмотрим ее содержание с точки зрения анализа структуры геополитики.

Научные подходы к анализу структуры геополитики

Геополитика, как и любая научная дисциплина, имеет сложный состав. Она может быть дифференцирована как по фактическим физическим средам Земли, где происходят реальные геополитические процессы, так и по теоретически возможным исследовательским полям, как по предмету исследования, так и по создаваемым геополитиками исследовательским моделям.

Дифференциация геополитики происходит:

Во-первых, по фактическим средам обитания человека.

В физическом смысле классическая геополитика в средно-сферном пространстве, по мнению Фридриха Ратцеля, подразделяется на такие среды, как суша, море и воздух, или на такие сферы, как геосфера, гидросфера и атмосфера [1. С. 35–43]. Современная геополитика, ввиду бурного развития науки и технологий, фактически удвоила число физических сред обитания людей, за которые борются государства. Теперь это:

- суша;
- недра;
- море;

- подводная среда;
- воздух;
- аэрокосмическая среда.

В географическом смысле геополитику по средам-пространствам обитания людей можно подразделить:

- на глобальную геополитику, изучающую земную поверхность в целом как среду обитания всего человечества;
- континентальную геополитику, изучающую влияние географии на политику государств Земли по континентам;
- регионально-планетарную геополитику, изучающую экономические, политические, географические, климатические, этнические, конфессиональные и другие регионы нашей планеты;
- регионально-государственную геополитику, изучающую регионы внутри государственной территории;
- локальную геополитику, изучающую влияние местных условий (ограниченных небольшим ареалом) на политику в рамках, как правило, одной страны.

Во-вторых, геополитику можно подразделить по виртуальным средам, созданным самим человеком.

К физическим средам геополитики следует добавить еще так называемые виртуальные среды, а именно:

- среду радиоэфира;
- среду телеэфира;
- среду печатных научно-популярных изданий: газет, журналов, книг по геополитике;
- среду научных и экспертных изданий: монографий, научных статей, диссертаций, экспертных исследований и вообще любой печатной продукции, имеющую влияние на рождение геополитических идей, концепций, теорий, так или иначе воздействующих на практическую геополитику или геостратегию государств;
 - среду Интернета.

В-третьих, геополитику можно дифференцировать по предмету исследования и среде, в которой проявляет себя этот предмет исследования.

Как сформулировали геополитики-классики, предметом исследования и актором геополитики должно быть государство, а взаимоотношения между наиболее могущественными государствами и ведут к разделу мира. При этом пространства, на которых проявляют себя эти государства, разные. У Фридриха Ратцеля предметом исследования выступают не государства, а его среды обитания: геосфера, гидросфера, атмосфера [1. С. 35–43]. У Рудольфа Челлена — это государства и науки об их устройстве: топополитика, изучающая положение государства по отношению к соседним странам, морфополитика (или картополитика) как учение о форме (фигуре на карте) государственной территории и физиополитика, изучающая проблемы физического наполнения территории государства [2. С. 242–291]. У Эриха Обста — это великие колониальные державы, делящие между собой земную поверхность [3. С. 242–291].

У современных геополитиков в этом вопросе еще большее разнообразие. У Збигнева Бжезинского предметом исследования является «великая шахматная доска», на которой каждая держава и небольшие государства строят свою игру, у него же — средой борьбы государств выступает весь мир, который представляет собой как бы вселенную, в которой каждая держава играет определенную роль: крупной звезды, планеты, черной дыры и т.д. [4. С. 117–133]. У Алекса Бэттлера — это пирамида геополитических и геоэкономических статусов ведущих государств планеты [5. С. 73–80]. У Мортона Каплана — это государства в пространстве полюсов одно-, двух- или многополюсной картины мира [6. С. 220–235], у Игнасио Рамоне — это «большой хаос» [7] и т.д.

В-четвертых, геополитику можно подразделить по исследовательским моделям.

Одна из первых геополитических моделей – модель «растительного» мира – была создана Ратцелем, который представлял государства как живые растительные организмы – водоросли или губки [1. С. 55], а границы государств – как органы этих растений, как их щупальца. По Ратцелю, у развивающегося государства выбор заключается либо в прорастании на территорию соседей путем нахождения своими щупальцами наиболее слабых мест на их границах, либо проявляя свою слабость, уступая свою территорию соседним растущим государствам. В реальном мире эта модель довольно достоверно отражала процесс роста колониальных держав.

Другую модель *«дерево-государство» и «лес-геополитическая система»* набросал Челлен. Она (модель) хорошо иллюстрировала закономерность неравномерности геополитического развития, согласно которой государства постоянно борются за место под солнцем, за выживание, за возможности развиваться и увеличивать свою территорию и население. При этом показатель роста населения, его количественных и качественных характеристик и есть то, что мы сегодня называем этнополитикой.

Челлен создал еще и так называемую *«животную» модель*, которая представляет государство как животную особь. При этом великие колониальные державы (тогда это были Великобритания, Россия, Франция, Германия) напоминают хищников, жестко контролирующих свою территорию, малые колониальные государства (на то время это Испания, Португалия, Голландия, Бельгия) напоминают мелких хищников, удерживающих свою добычу, т.е. колониальные владения. Народы колоний выступают аналогами травоядных животных, их территория подлежит разделу. Эта модель адекватно представляла картину мира начала XX в.

Совсем иная планетная модель геополитического мироустройства была создана Фридрихом Науманном. В ней государства есть некие аналоги планет, а окружающее их пространство — аналог космоса. К главным «планетным центрам» Науманн отнес Британскую империю, США и Россию. К планетным державам будущего он отнес Японию и Китай. Планетные державы, согласно космическим законам, имеют большую силу притяжения и включают в свою орбиту народы колоний, «народы-спутники», которые хоть и имеют собственную культуру, но, будучи втянутыми в ту или иную орбиту, служат усилению планетных государств, следуют по их пути развития [8. С. 94].

Наиболее проработанные *полюсные модели* современного мира предложил в 1960-е гг. американский геополитик Мортон Каплан [9]. Он обосновал шесть моделей международной системы: 1) системы баланса сил, 2) гибкой

биполярной системы, 3) жесткой биполярной системы, 4) универсальной системы, 5) иерархической системы, 6) системы единичного вето [6. С. 220].

В основе модели *«восьми (семи с половиной) цивилизаций»* современного мира Самуэля Хантингтона просматривается классическая модель баланса сил Каплана, т.е. равновесная система семи культурных образований (восьмая африканская цивилизация еще находится в процессе формирования) — цивилизаций: китайской, индийской, японской, арабской, российской, европейской и американской.

Российский геополитик Сергей Переслегин, опираясь на теорию дрейфа материков А. Вегенера, предложил этномектоническую модель мира, согласно которой этнокультурные плиты перемещаются, сталкиваются, наползают одна на другую, создавая этнополитические конфликты, увеличивая свое и уменьшая «чужое» этнокультурное пространство [10. С. 695–697].

Таким образом, геополитику (и этнополитологию) можно структурировать по моделям государства и мира на:

- геополитику, описываемую «растительными» моделями;
- геополитику, описываемую «животными» моделями;
- геополитику, описываемую «человеческими» моделями;
- геополитику, описываемую планетными и вообще космическими моделями;
 - геополитику, описываемую этнокультурными моделями.

Последняя геополитика, очевидно, наиболее близка этнополитологии.

В-пятых, геополитику можно подразделить по субдисциплинам, составляющим ее научную структуру, на следующие составные части [11. С. 222]:

- геоисторию (геохронополитику);
- геоэкономику;
- геоэтнополитологию;
- геокультурологию, исследующую взаимодействие различных культур и цивилизаций;
 - геоконфессиологию;
 - геоконфликтологию;
 - геофутурологию.

С этой точки зрения (т.е. с точки зрения научной структуры геополитики) геоэтнополитология представляет собой структурный элемент геополитики, ее важную структурную часть. В содержательном смысле геоэтнополитология является суммой концепций, теорий и гипотез о происхождении рас и народов, их расселении по поверхности Земли, об обустройстве их на разных континентах, в разных географических и климатических зонах, о разделе мира между этносами и нациями.

По месту в системе наук геоэтнополитология является не только частью геополитики, но и граничит с родственной ей дисциплиной этнополитологией.

Соотношение геополитики и этнополитики

На проблему соотношения геополитики и этнополитики существует две точки зрения. По мнению Челлена, сама геополитика должна стать одной из государствоведческих дисциплин и занять свое место в системе наук о государстве. Эта система состоит из геополитики, экополитики — науке об экономике, демополитики (этнополитики) — науке о населении, социополитики —

науке об обществе, кратополитики – науке о власти [2. С. 202–204]. Как видим, у Челлена этнополитика представляет собой самостоятельную науку, которая равно соотносится с геополитикой (такой же самостоятельной наукой) и вместе с ней и другими государствоведческими дисциплинами составляет систему наук о государстве. Эту линию на утверждение самостоятельности этнополитики продолжает современная этнополитология.

Другая точка зрения, наоборот, утверждает зависимость этнополитологии от геополитики. Согласно этой позиции, этнополитология является частью геополитики и называется теперь уже геоэтнополитологией. Этой точки зрения мы будем придерживаться в данной статье.

Отличие этнополитологии от этнополитики

Этинополитология — это теоретическая научная дисциплина, изучающая участие этносов в политическом процессе, их взаимодействие с государством. Она концентрируется на исследованиях государственной политики в отношении различных этносов, составляющих население страны, на обеспечении прав этнических меньшинств, и в целом, на месте и роли фактора этничности в политическом процессе. Этнополитологию также интересуют: обратное влияние социально-политических и культурно-экономических процессов на политическое поведение этносов, их политическое участие, поддержка ими тех или иных политических сил. Важное место в этнополитологии занимают исследование этнополитических конфликтов, их урегулирование, деятельность политических институтов и общественных организаций по формированию этнополитического сознания.

Этинополитику в наше время понимают двояко. Во-первых, как прикладную часть этнополитологии, которая реализует на практике этнополитологические теории и концепции [12. С. 7–13], во-вторых, как деятельность государства по управлению энополитическими процессами. У нас речь пойдет не об этнополитологии как самостоятельной науке и не об этнополитике как реализации этнополитологических наработок.

Разумеется, этнополитология и этнополитика, что называется, «растут из одного корня», точнее говоря, из двух корней. Действительно, их общим знаменателем выступают, во-первых, науки об этносах — этнология и этнография и, во-вторых, наука о политике — политология.

Разница заключается в понимании места этнополитологии и этнополитики в системе наук и в соотношении той и другой с геополитикой.

В нашей статье речь пойдет о *геоэмнополимологии* как части геополитики, как научной субдисциплине геополитики.

Соотношение геоэтнополитологии и геоэтнополитики

Обе научные дисциплины, геоэтнополитология и геоэтнополитика, являются частями геополитики. И та и другая в основе своей имеют этнологическое начало, на которое, если так можно выразиться, наложено геополитическое продолжение. И этнологическое начало, и геополитическое продолжение этих дисциплин объединяет их в систему геополитических наук, хотя и позволяет тесно взаимодействовать с разными этнологическими дисциплинами.

Соотношение геоэтнополитологии и геоэтнополитики конгруэнтно соотношению этнополитологии и этнополитики, а именно: геоэтнополитология выступает в данной паре наук как ее теоретическая и основная, базовая, часть, а геоэтнополитика – как прикладная, практическая, часть.

Под *геоэтнополитологией* мы понимаем научную дисциплину, содержащую теоретические построения (концепции, теории, гипотезы и пр.) отношений и соотношений этносов, рас и наций, исследование их места и роли в мировой политике, их взаимодействий между собой (как внутри государств, так и на международной арене), изучение образуемой при этом расстановки этнополитических сил и конфигурации глобальной этнополитической системы.

Под *геоэтнополитикой* мы понимаем практические действия государств по осуществлению научных концепций, теорий и гипотез, выдвинутых геоэтнополитологами, по составлению научно обоснованных программ, по регулированию этнонациональных отношений, урегулированию этнополитических конфликтов и изменению соотношения этносов, рас и наций.

Приставка «гео» перед названиями «геоэтнополитология» и «геоэтнополитика» понимается нами, во-первых, как «географическое», т.е. относящееся к географии Земли, происходящее на земной поверхности, следовательно, обусловленное земными факторами (местом, близостью или отдаленностью морей и океанов, климатом, почвой, недрами, воздушной средой и т.д.); вовторых, как «глобальное», «планетарное», т.е. разворачивающееся в масштабе всей планеты, как минимум в масштабе континента или «фигуры больших государств», действия которых могут изменить глобальный политический климат, всю глобальную систему международных отношений.

Факторы становления и развития этнополитики и этнополитологии, геоэтнополитики и геоэтнополитологии

Этинополитика зародилась там и тогда, где и когда возникла необходимость регулировать взаимоотношения разных этносов с государством и между собой при помощи государства. В таком случае мы имеем дело с древнейшим видом деятельности — с искусством регулировать взаимоотношения разных племен и этносов, управлять завоеванными народами и странами. Тогда можно предположить, что отмеченная выше необходимость появилась в империях Древнего мира и существует уже по крайней мере пять тысяч лет.

Геоэтнополитика – более молодая научная дисциплина и политическая практика, чем этнополитика, которая была призвана решить задачу размещения этносов и рас по земной поверхности. Она могла появиться только тогда, когда «мир замкнулся», т.е. земная поверхность была полностью разделена между государствами, этносами и расами и дальнейшие изменения соотношений сил этносов и рас требовали передела мира. Как политическая практика геоэтнополитика, очевидно, появилась сразу после завершения колониальных захватов «свободных» для колониальных держав территорий и построения колониальных империй, т.е. перед Первой мировой войной, точнее, в конце XIX в.

Проблемы, рожденные колониальными захватами, не учитывавшими границы расселения этносов и рас, и стали движущими силами становления геоэтнополитики. Другими факторами становления геоэтнополитики явились проблемы, образовавшиеся в результате неучета этнического происхождения

населения при формировании империй Европы. Третьим фактором геоэтнополитики стали проблемы формирования новых государств Северной и Южной Америк в условиях смешивания коренных этносов и пришельцевколонистов. Главной задачей, решить которую была призвана геоэтнополитика, стала проблема несовпадения государственных и этнических границ. С тех пор (т.е. с XIX в.) границы размещения этносов на земной поверхности не раз пересматривались, но геоэтнополитическая картина мира по-прежнему далека от совершенства.

Эмнополимология, в отличие от этнополитики, молодая наука, появившаяся в последней трети XX столетия для решения таких этнополитических проблем, как рост этнического национализма и возникновение этнических конфликтов, распад федеративных государств СССР, Югославии и Чехословакии, связана с повышением роли этнического фактора в политических процессах, в управлении многоэтничными государствами [13. С. 88].

Геоэтнополитология зародилась в трудах геополитиков-классиков. Ратцель всегда отличал страны и народы¹, политику государств и политику этносов. Челлен в состав государствоведческих наук наряду с геополитикой включил и демополитику (этнополитику)². Именно от этих классических базовых положений берет свое начало геоэтнополитология.

С появлением этнополитологии геоэтнополитология развивалась параллельно с ней. Бурному развитию этих научных дисциплин в XX и XXI вв. способствовали следующие факторы:

- появление ряда новых государств, возникших после распада европейских империй в результате Первой мировой войны, и формирование этнонационального самосознания и этнонаций;
- создание Лиги Наций (1919), которая провозгласила принцип совпадения этнических и государственных границ при этнополитическом размежевании;
- возникновение Организации Объединенных Наций в 1945 г., где были сформулированы основополагающие принципы международного права, в числе которых важное место заняло право наций на самоопределение;
- запуск процесса деколонизации после Второй мировой войны, в результате которого на основе многоплеменного населения бывших колоний были созданы десятки новых государств и процессы нациестроительства приобрели глобальный характер [13. С. 88–89];
- распад Югославии, СССР и Чехословакии, активизация этнонационалистических и сепаратистских движений в других странах Европы и регионах мира [14];
- провал политики мультикультурализма, выразившийся в прекращении этнокультурной ассимиляции, этнической и конфессиональной толерантности, росте этнической миграции в страны Европы и Америки, росте беспорядков и преступлений на этнической почве и т.д.

¹ Одна из главных работ Ратцеля так и называется «Страны и народы». Соединение страны, т.е. ее географического положения и политического устройства и ее народа, т.е. всех этносов, проживающих на территории этой страны, и дает начало этнополитологии.

² У Челлена демополитика означает политику государства по отношению к народу (демосу), т.е. всем этносам и этническим группам, проживающим на территории государства.

Становлению и развитию этнополитологии и геоэтнополитологии в нашей стране в особенности способствовали следующие причины:

- распад великой державы СССР (1991) по достаточно условным, но все же этнополитическим границам и угроза дальнейшего распада РФ по уже существующим этнополитическим границам республик, национальных областей и округов;
- необходимость учитывать то, что Россия не только многонациональная, но и двухрасовая страна;
- необходимость изучать этнополитические проблемы, которые возникали и множились как внутри новой Российской Федерации, так и по ее периметру;
- необходимость на научной основе разрешать многочисленные этнополитические внутренние и пограничные конфликты;
- появление или возрождение казалось бы забытых этнополитических теорий и проектов о «цивилизационной отсталости» северокавказских этносов и их неминуемом «уходе» из России, об усилении сепаратистских настроений среди различных этнических элит (в том числе элиты финноугорских народов и возрождении идеи «Великой Финляндии»), об усилении протурецкой ориентации тюркских народов на некую тюрко-исламскую цивилизацию (пантюркизм), о возможном отходе российского Дальнего Востока к Китаю в результате проникновения туда китайцев [13. С. 89];
- активизация этнокультурных и националистических групп, организаций и массовых движений;
- превращение национальной политики (этнополитики и геоэтнополитики) в одно из важных направлений внутренней политики Российского государства: создание в конце 1991 г. Государственного комитета по национальной политике Российской Федерации (председатель его имеет ранг федерального министра); принятие в 1996 г. Концепции государственной национальной политики Российской Федерации; принятие в том же году Государственной Думой Закона о национально-культурной автономии [Там же. С. 90].

В зарубежной литературе термин «геоэтнополитология» используется в разных аспектах. Так, Карен Кнопп и др. исследуют геоэтнополитический фактор наряду с экономическим и административным при анализе федерализма на уровне региона [15. Р. 334–335].

Геоэтнополитическая проблематика обнаруживает себя при изучении этнических конфликтов. Ларс-Эрик Седерман и др. анализируют этнополитические проблемы, возникающие в период гражданской войны, рассматривают вопросы взаимодействия этнических групп в условиях этнического и политического конфликта, воздействия на них демографических и географических факторов [16].

Этнические конфликты в современном мире, как правило, имеют геоэтнополитическую природу [17, 18]. Такие конфликты чаще всего связаны с борьбой за ресурсы, разделенные между этническими группами. Предмет конфронтации обычно либо непосредственно, либо символически связан с этнической группой. В демократических обществах эти конфликты обычно институционализируются и регулируются деятельностью государственных структур и проявляются через ненасильственные демонстрации и забастовки, хотя не всегда этнический конфликт, перерастающий в насилие, можно предотвратить мирными средствами. В авторитарных системах этнические меньшинства подвержены длительным фазам этнического молчания, здесь недовольству позволяют «нагноиться», что может привести к вспышке насилия [19].

Любые этнические группы независимо от факторов, их объединяющих, могут вступать в геоэтнополитический конфликт. В зависимости от того, какой преимущественно источник применяется для определения групповой этнической идентичности, выделяют следующие типы этнические групп: этнолингвистические, подчеркивающие общий язык, диалект или письменность (например, гэлы); этнонациональные, подчеркивающие общую политику или чувство национальной идентичности (например, иракцы); этнорасовые, подчеркивающие общую внешность на основе генетического происхождения (например, афроамериканцы); этнорегиональные, подчеркивающие особое местное чувство принадлежности, проистекающее из относительной географической изоляции (например, жители южных островов); этнорелигиозные, подчеркивающие общую принадлежность к определенной религии, конфессии или секте (например, сикхи). В большинстве случаев этническую идентичность определяют несколько источников (например, принадлежность к еврейскому народу) [20].

Проблемами геоэтнополитологии в практическом аспекте активно занимаются в странах ближнего зарубежья. В частности, изучение различных аспектов био-, этно- и гео-власти и соотнесение их с изменениями внутренней и внешней политики в группе постсоветских и постсоциалистических стран выполняется в Институте политических исследований им. Йохана Скитте Тартуского университета [21]. Там регулярно проводятся летние школы для молодежи, в которых основными вопросами изучения выступают различные аспекты этнополитической динамики в Центральной и Восточной Европе, странах Балтии, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Обсуждение их осуществляется через призму этноцентризма / биополитики, а также в аспекте этнополитической и территориальной проблематики. При этом Европа изучается как континент с большим разнообразием мест, культур и идентичностей. Особое внимание уделяется процессу дивергенции этносов стран ЕС, особенностям их культур, религии, традиций и языка.

Предмет этнополитологии и геоэтнополитологии

Приведем определение *предмета этнополитологии* одного из известных в России авторов учебников Г.Т. Тавадова: «Под предметом и проблематикой этнополитологии понимаются место и роль этнонациональных сообществ (этносов, наций, этнических групп) в истории человечества и политической жизни общества, их взаимодействие между собой, с государством и его органами, закономерности этнополитических процессов, начала и принципы этнонациональной политики, политические устремления народов и приобретение тех или иных форм национальной государственности, политического и правового статуса, пути и методы урегулирования этнополитических конфликтов и обеспечения этнополитической стабильности в отдельном государстве и в мире в целом» [22. С. 25].

Соглашаясь в принципе с вышеприведенным определением этнополитологии, попробуем определить предмет геоэтнополитологии. При определении последего необходимо учитывать следующее: во-первых, он должен быть ори-

ентирован на предмет этнополитологии, так как вытекает из него. Однако под прицел исследователей здесь должны попадать не только этнонациональные сообщества (этносы, нации и этнические группы), но и более крупные группы людей – расы. Во-вторых, предмет геоэтнополитологии должен охватывать все поле геополитики, т.е. вырастать до глобальных размеров мировых политических систем. В-третьих, предмет геоэтнополитологии должен быть нацелен на то, как складывалось и сложилось распределение геоэтнополитических сил или акторов геоэтнополитологии на мировой арене.

Предметом геоэтнополитологии, по нашему мнению, следует считать место и роль этносов, рас и наций в мировой политике, их взаимодействие между собой как внутри ведущих держав, так и на международной арене; образуемую при этом расстановку этнополитических сил и конфигурацию глобальной этнополитической системы.

Содержание геоэтнополитологии и геоэтнополитики

Содержание современной геоэтнополитологии и геоэтнополитики вытекает из определений их предметов исследований.

Содержание геоэтнополитологии, по нашему мнению, складывается из исследования роли и места этносов, рас и наций в мировой политике, их вза-имодействия между собой и с ведущими державами, образуемой при этом расстановки этнополитических сил и конфигурации глобальной этнополитической системы; изучения глобальных этнополитических процессов, тенденций и проблем, построения статических и динамических этнополитических моделей, создания концепций, гипотез, теорий, научных прогнозов, адекватно описывающих происходящие этнополитические изменения и трансформацию геоэтнополитической структуры современного мира.

Содержанием геоэтнополитики, очевидно, является деятельность государств по регулированию взаимоотношения разных этносов и рас с государством и между собой, по урегулированию этнополитических конфликтов, по изменению соотношения этнополитических сил и конфигурации этнополитической карты мира.

Геоэтнополитология и геоэтнополитика имеют свою статическую и динамическую составляющую. Динамика базируется на геоэтнополитических процессах.

Одним из наиболее актуальных геоэтнополитических процессов в современном мире стал процесс миграции, который не только изменяет соотношение этносов и рас в мировом масштабе, но и создает немало проблем во внутренней геоэтнополитике.

Рассмотрим этот процесс и проблемы, из него вытекающие, сформулированные исследователями тех стран, где они сформировались, на примере наиболее развитых и влиятельных государств и союзов: США, Европейского союза (ЕС) и РФ.

Современный американский публичный политик и геоэтнополитик Патрик Бьюкенен утверждает¹, что в США «людей разделяет не уровень доходов,

¹ Патрик Бьюкенен по партийной принадлежности республиканец, занимающий в партии правоконсервативные позиции. Как геополитик стал известен после публикации в 2002 г. книги «Смерть Запада», в которой, как когда-то Шпенглер Европе, предрек скорую гибель западной цивилизации. Гибель обусловлена именно геоэтнополитическими причинами.

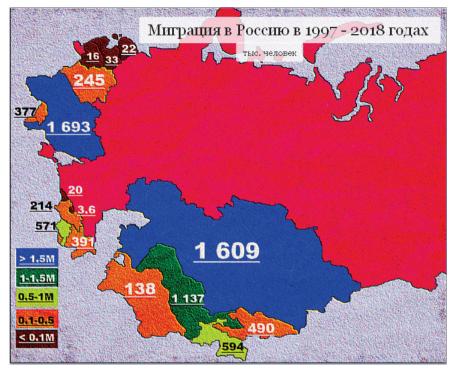
не идеология и не вера, но этническая принадлежность и идентификация» [23. С. 12]. В современной Америке в отличие от Америки 1950–1970-х гг. (не говоря уже о довоенных временах) более не работает концепция «плавильного тигля», согласно которой уже дети приезжавших мигрантов чувствовали себя коренными американцами. Современных мигрантов, как официальных, так и неофициальных, так много и селятся они так компактно, что процесс «плавления», т.е. ассимиляции их в единую нацию, фактически остановился. Американские геоэтнополитологи и геополитики выдвинули новую этнополитическую концепцию - концепцию «этнического салата», согласно которой американское общество представляет собой совокупность неассимилирующихся и довольно резко отличающихся друг от друга расовых и этнических общин белых, черных, желтых, красных, цветных американцев, афроамериканцев, латиноамериканцев, азиаамериканцев, арабоамериканцев, американцев индейского, китайского, японского, индийского, еврейского и др. происхождения. Эта совокупность различных культурных, расовых и этнических общин, с одной стороны, объединена территорией единого государства, общим языком и культурными ценностями, с другой - общины не смешиваются между собой, а продолжают существовать, как разные овощи в салате, используя свой язык, свои этнические и культурные традиции. «Неуправляемая иммиграция, - делает вывод Бьюкенен, - грозит уничтожить страну... и превратить Америку в хаотическое скопление народов, не имеющих фактически ничего общего между собой – ни истории, ни фольклора, ни языка, ни культуры, ни веры, ни предков» [Там же. С. 14].

Похожая ситуация складывается по эту сторону Атлантики, в Европе. Французский демограф и геоэтнополитолог Жан-Клод Шенэ определяет демографию (очевидно, и геоэтнополитику) как «политическую арифметику» или «судьбу нации». Своими исследованиями он показывает влияние миграции, других геоэтнополитических процессов на изменение геоэтнополитической структуры мира, соотношение различных этносов разных географических регионов Земли. В XVII в., по его расчетам, прирост населения в Европе значительно выше мирового. Доля населения Европы с 1492 г. (год открытия Америки) по 1930 г. увеличилась с одной шестой до одной трети всего населения Земли. Однако с конца XIX в. в Западной Европе намечается замедление прироста населения в то время, как в странах третьего мира начался демографический подъем. Численность населения Европы в 1995 г. составляла лишь 20% от мировой, а в 2030 г. она, по прогнозам, составит уже менее 10%. Это не может не отразиться на международных отношениях. Перенаселенные государства третьего мира обязательно потребуют свою долю полномочий во всех международных организациях. Период европейского господства, делает вывод Ж.-К. Шенэ, заканчивается [24. С. 284–293].

Шенэ вторит другой французский геоэтнополитолог Жан-Фернан Дюмон, который показывает влияние на геополитику этнополитических характеристик: численности, географического распределения населения, его национального и религиозного состава, уровня образования, уровня жизни, наличия или отсутствия диаспоры. Эти геоэтнополитические характеристики меняют актуальную силу и международный статус державы [25. С. 284–293].

Для современной России характерны многие из приведенных геоэтнополитических проблем, в том числе рассмотренная нами на примере США и ЕС

проблема миграции. Приведем карту результатов процесса миграции в РФ, составленную на основе данных Федеральной службы государственной статистики [26].

Карта результатов геоэтнополитического процесса миграции в РФ (1997–2018)

На этой карте видно, что в 1997—2018 гг. в Россию на легальных основаниях прибыло 8 056 138 человек, из них 7 247 482 из стран СНГ и 808 656 из стран дальнего зарубежья 1 .

Наибольшее количество переселенцев прибыло из Украины (1 693 366), Казахстана (1 609 313) и Узбекистана (1 137 065). Меньше всего переселенцев, по данным Росстата, из Литвы (16 326), Эстонии (22 072) и Латвии (33 129).

Со всеми странами бывшего СССР наблюдается следующая тенденция: в 1997 г. достигнут промежуточный максимум, затем до 2005 г. – снижение, а затем постоянный рост вплоть до 2018 г. Если же смотреть не по абсолютным цифрам, а относительно населения стран-контрагентов, то наивысший показатель у Армении, в 2018 г. ее население составляло 2,93 млн человек, а за рассматриваемый нами период в Россию из Армении выехало 571 тыс. человек.

Со всеми странами бывшего СССР Россия имеет положительный миграционный баланс.

Что касается других государств, то наибольшее количество мигрантов прибыло в РФ из КНР (88 721), Германии (67 026), КНДР (41 164), Израиля (26 261), Индии (25 833). При этом убыло за это же время в Германию 421 772, в Израиль 82 272 человека.

¹ Росстат относит Грузию, Абхазию, Южную Осетию, Литву, Латвию и Эстонию к странам дальнего зарубежья. Отсюда и такая высокая цифра – ведь только из Грузии прибыло 214 223 человека.

Несмотря на такой казалось бы оптимистический для России миграционный процесс, общее геоэтнополитическое положение РФ в мире за время, прошедшее после распада СССР, безусловно, ухудшилось. Если население СССР в 1991 г. составляло 290 млн человек, проживавших на площади более 22 млн км², то население современной РФ составляет 146 млн человек, проживающих на площади 17 млн км² [27]. Поддержание численного состава РФ – важнейшей геоэтнополитической характеристики – является одной из ведущих задач государственной геоэтнополитики. Следует отметить, что решается пока она, в первую очередь, за счет миграции из ближнего зарубежья.

Другой важной проблемой геоэтнополитологии выступает проблема изменения геоэтнополитической карты мира. Конфигурация этой карты напрямую зависит от изменения количества населения ведущих стран. По данным известного британского историка экономики Ангуса Мэддисона, население всех ведущих стран от времен Средневековья до наших дней существенно выросло [28].

Страна	Рост населения (в разы)	Количество населения в Средние века, млн человек	Количество населения в наши дни, млн человек
Франция	3	Ок. 20	Ок. 65
Англия (Великобритания)	10	Ок. 6	Ок. 60
Италия	7	Ок. 9	Ок. 60
Германия	8	Ок. 10	Ок. 82
Индия (включая Пакистан			
и Бангладеш)	15	Ок. 100	Ок. 1 700
Китай	15	Ок. 100	Ок. 1 400
Византийцы / греки	Не было роста	Ок 10	Ок 10
Россия (включая Украину			
и Белоруссию)	30	Ок. 6	Ок. 190

Рост населения ведущих стран мира

Даже если взять территорию только современной Российской Федерации, то рост должен получиться не менее грандиозным [29]. Однако в последние несколько десятилетий наша страна имеет практически нулевые или даже отрицательные показатели этнического роста.

Из вышеприведенной таблицы можно сделать несколько выводов.

Во-первых, наличие сильного государства обеспечивает сохранение геополитического пространства и быстрый рост населения. Государственность
является тем самым щитом, который охраняет население не только от внешней агрессии, но и от внутренних депопуляционных катаклизмов. Это хорошо видно из отсутствия роста численности греческого этноса, потерявшего
на долгие годы свою государственность и, наоборот, быстрого роста населения России, всегда бдительно заботившейся о сохранении и укреплении
государственности (см. таблицу).

Во-вторых, численность населения есть величина переменная. Это особенно заметно на длительной исторической дистанции. Несмотря на бурный рост со времен Средневековья и до XX в., сегодня такие европейские державы, как Великобритания, Франция, Германия, Италия, потеряли положительную геоэтнополитическую динамику и медленно выходят из числа ведущих государств мира, в которое уже вошел Китай и входит Индия — страны с вы-

соким приростом населения, постепенно повышающие и другие геополитические показатели.

В-третьих, Россия должна принять правильные решения, вытекающие из выводов геоэтнополитологии, и проводить такую геоэтнополитику, которая обеспечит быстрое развитие всех российских этносов и нахождение государства в числе ведущих стран мира. В то же время россиянам необходимо помнить, что они живут в двухрасовом и многоэтничном государстве, что им необходимо уметь строить толерантные отношения не только внутри русского этноса, но и с представителями других рас и этносов, являющихся российскими гражданами.

Выводы по статье

- Научно-дисциплинарную структуру геополитики составляют геоистория, геоэкономика, геоэтнополитология, геоконфессиология, геокультурология, геоконфликтология, геофутурология. Геоэтнополитология здесь выступает структурным элементом геополитики.
- Линию на утверждение самостоятельности этнополитики по отношению к геополитике, идущую от Челлена, продолжает современная этнополитология.
- Если этнополитология занимается изучением участия этносов в политическом процессе, их взаимодействия с государством в первую очередь на теоретическом уровне, то этнополитика прикладная наука. Это искусство применения теоретического знания для регулирования отношений между этносами и между этносами и государством.
- Предметом геоэтнополитологии являются место и роль этносов, рас и наций в мировой политике, их взаимодействие между собой как внутри ведущих держав, так и на международной арене, а также образуемая при этом расстановка этнополитических сил и конфигурация глобальной этнополитической системы.
- Содержанием геоэтнополитологии является исследование роли и места этносов, рас и наций в мировой политике, их взаимодействия между собой и с ведущими державами, изучение образуемой при этом расстановки этнополитических сил и конфигурации глобальной этнополитической системы.
- Содержанием геоэтнополитики выступает деятельность государств по регулированию взаимоотношения разных этносов и рас с государством и между собой, по урегулированию этнополитических конфликтов, по изменению соотношения этнополитических сил и конфигурации этнополитической карты мира.
- Геоэтнополитология находится в тесной связи с этнополитологией, а геоэтнополитика с этнополитикой. Отношения геоэтнополитологии с этнополитологией и геоэтнополитики с геоэтнополитикой конгруэнтны.
- Геоэтнополитология имеет статическую и динамическую составляющие. К статике геоэтнополитологии относятся сложившееся соотношение этнополитических сил, геоэтнополитическая картина мира, к динамике — этнополитические процессы, изменяющие это соотношение и эту картину, геоэтнополитические проблемы, возникающие в ходе развития указанных процессов, протекание геоэтнополитических конфликтов, теоретически возможные изменения геоэтнополитических показателей, геоэтнополитических картин мира.

 Геоэтнополитология представляет собой часть геополитики, ее важный структурный элемент или субдисциплину геополитической науки.

Литература

- 1. Ратцель Ф. Политическая география // Землеведение. 1898. Кн. I-II. С. 35-43, 52-108.
- 2. *Челлен Р*. Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 319 с.
 - 3. *Обст Э.* Англия, Европа и мир. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. 325 с.
 - 4. Бжезинский 3. Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 1998. 256 с.
- Бэттлер А. Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее (Теория) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 73–80.
- 6. Каплан М. Система и процесс в международной политике // Теория международных отношений: хрестоматия / науч. ред. П.А. Цыганков. М.: Гардарики, 2002. 590 с.
 - Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001. 128 с.
 - 8. *Науманн* Ф. Срединная Европа. Петроград: Огни, 1918. 136 с.
- 9. Kaplan Morton A. System and process in International Politics. New York: United Kingdom. ECPR Press, 2005. 258 p.
- 10. Переслегин С. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики // Классика геополитики. XIX век: сборник / сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003. С. 680–701.
- 11. *Игнатьева И.Ф., Исаев Б.А.* Геоэкономика как структурный элемент геополитики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 213–223.
- 12. $\mathit{Кислицын}$ С.А. Прикладная этногеополитика. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС при президенте РФ, 2018. 304 с.
- 13. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 376 с.
- 14. Ronald Wixman. Discussant: Thomas Poulsen. Eastern Europe 25 Ethnic and Territorial Conflicts in Eastern Europe // Proceedings from a conference "The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in the 1990s: Geographic Perspectives". 30 September to 1 October 1993. Washington, 1993. P. 25–42. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1995-10-01A.pdf (дата обращения: 22.12.2019).
- 15. Rethinking Federalism. Citizens, Markets, and Governments in a Changing World. Edited by Karen Knop, Sylvia Ostry, Richard Simeon and Katherine Swinton. Vancouver: UBC Press. 1995, P. 334–335. 364 p. URL: https://books.google.ru/books?id=xwF09lTM-V0C&pg=PA318&lpg=PA318&dq=Karen+Knopp+Rethinking+Federalism&source=bl&ots=qRV4c6VyjS&sig=ACfU3U3z7TIOkSiIm9KF0swl_jsZ0rgRQQ&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwi7hqjV0ZznAhVmxosKHfiwDEU4ChDoATAAegQICBAB#v=onepage&q=Karen%20Knopp%20Rethinking%20Federalism&f=false (дата обращения: 22.12.2019).
- 16. Cederman Lars-Erik, Buhaug Halvard and Rød Jan Ketil. Ethno-Nationalist Dyads and Civil War: A GIS-Based Analysis // The Journal of Conflict Resolution. Vol. 53, № 4, Disaggregating Civil War (AUGUST 2009). P. 496–525. URL: https://www.jstor.org/stable/20684600?seq=1 (дата обращения: 22.12.2019).
- 17. *Topic*: Ethnic Conflict. URL: https://www.jstor.org/topic/ethnic-conflict/?refreqid=excelsior%3A046f5100a978fd3ef4f27bf1b5beb578 (дата обращения: 12.01.2020).
- 18. Murphy Alexander. Geographic Perspectives on Ethnic Conflict // Proceedings from a conference "The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in the 1990s: Geographic Perspectives". 30 September to 1 October 1993. Washington, 1993. P. 5–15. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1995-10-01A.pdf (дата обращения: 22.12.2019).
- 19. Knight David B. Identity, Territory, and Self-Determination: Factors Underlying 15 Potential National and International Conflict // Proceedings from a conference "The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in the 1990s: Geographic Perspectives". 30 September to 1 October 1993.- Washington, 1993. P. 16–25. URL: https://www.cia.gov/library/reading-room/docs/1995-10-01A.pdf (дата обращения: 22.12.2019).
- 20. *Topic*: Ethnic Groups. URL: https://www.jstor.org/topic/ethnic-groups/?refreqid=excelsi-or%3A592a14dea4173c242488800c0d5e936b (дата обращения: 15.01.2020).
- 21. *Bio*-, Geo- and Ethnopolitics of the Post-Communist Transformations: 1989–2019. URL: https://www.summerschoolsineurope.eu/course/11278/bio--geo--and-ethnopolitics-of-the-post-communist-transformations-1989-2019 (дата обращения: 23.01.2020).

- 22. Тавадов Г.Т. Этнология. М.: Проект, 2002. 352 с.
- 23. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. 444 с.
- 24. *Шенэ Ж.-К.* Демография и стратегия: закат Запада // Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М.: Известия, 2002 (Прил. 3). С. 284–294.
- 25. Дюмон Ж.-Ф. Демография и геополитика // Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М.: Известия, 2002 (Прил. 4). С. 294–310.
- 26. Сколько мигрантов приехало в Россию за последние десятилетия. Откуда они переезжают? URL: https://zen.yandex.ru/media/statistica/skolko-migrantov-priehalo-v-rossiiu-za-poslednie-desiatiletiia-otkuda-oni-pereezjaiut-5ded546704af1f00b2bda30d (дата обращения: 11.11.2019).
- 27. Исаев Б.А. Геополитические эпохи развития российского государства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1, № 2. С. 140–152.
- 28. *The* Unz Review: An Alternative Media Selection. A Collection of Interesting, Important, and Controversial Perspectives Largely Excluded from the American Mainstream Media. Top 25 Cool Demographics Facts. ANATOLY KARLIN. URL: http://www.unz.com/akarlin/top-25-cool-demographics-facts/ (дата обращения: 11.11.2019).
- 29. Исаев Б.А. Российская цивилизация как вид европейской цивилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2, № 1. С. 270–279.

Boris A. Isaev, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: isaevboris@yandex.ru

Irina F. Ignatyeva, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: iifed@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 256–273.

DOI: 10.17223/1998863X/56/23

GEO-ETHNO-POLITOLOGY: SUBJECT, CONTENT, DEVELOPMENT FACTORS

Keywords: structure of geopolitics; ethno-politology; geo-ethno-politology; ethno-politics; geo-ethno-politics.

Geopolitics as a scientific discipline has a complex structure. It can be differentiated by actual human environments, by virtual environments people create themselves, by the object of research and the environment in which the object of research manifests itself, by research models, and by subdisciplines. The article considers one of the structural components of geopolitics, geo-ethnopolitology, and shows its difference from the science of ethno-politology. The terms "geo-ethnopolitics" and "ethno-politics" are explained as a practical use of the developments of the disciplines of geo-ethno-politology and ethno-politology in political life. The authors define geo-ethno-politology as the science of the division of the world between ethnoses, races, and nations, their origin, settlement on the Earth's surface, arrangement on different continents, in different geographical and climatic zones. They note that ethno-politics originated when there was a need to regulate the relationship of different ethnic groups and among themselves with the help of the state, that is, in the empires of the Ancient world. Geo-ethno-politics as a political practice is younger than ethno-politics. It appeared when the "world closed off", the Earth's surface was completely populated. It is designed to solve the problem of dividing and redeviding the world between ethnoses, races, and nations. The content of geo-ethnopolitology is the study of the role and place of ethnic groups, races, and nations in world politics, their interaction with each other and with the leading powers, the study of the resulting alignment of ethnopolitical forces and the configuration of the global ethno-political system. The content of geo-ethnopolitics is the activity on the settlement of ethno-political conflicts, on changing the ethno-political map of the world. The authors analyze factors in the development of geo-ethno-politology and ethnopolitology: the emergence of new states as a result of the First and Second World Wars; the formation of ethno-national identity and ethno-nations; the emergence of the United Nations which formulated the right of nations to self-determination; decolonization; the breakup of Yugoslavia, the USSR, and Czechoslovakia; the intensification of ethno-nationalist and separatist movements in European countries and other regions of the world; the failure of the policy of multiculturalism; the cessation of ethnic and cultural assimilation, ethnic and religious tolerance; the growth of ethnic migration to Europe and America; the growth of riots and crimes on ethnic grounds, etc. Geo-ethno-politology has static and dynamic components. The static component of geo-ethno-politology studies the existing correlation of ethno-political forces and the geo-ethno-political picture of the world. The dynamic component of geoethno-political processes that change this picture, geo-ethno-political conflicts, and changes in geo-ethno-political indicators.

References

- 1. Ratzel, F. (1898) Politicheskaya geografiya [Political geography]. In: Anuchin, D.N. & Kruber, A.A. (eds) *Zemlevedenie* [Geography]. Vol. I II. pp. 35–43, pp. 52–108.
- 2. Kjellen, R. (2008) *Gosudarstvo kak forma zhizni* [State as a form of life]. Translated from Swedish by M.A.Isaev. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- 3. Obst, E. (1931) *Angliya, Evropa i mir* [England, Europe and the World]. Translated from German. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz.
- 4. Brzezinski, Z. (1998) *Velikaya shakhmatnaya doska* [The Grand Chessboard]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- 5. Battler, A. (2002) World's Contours in the First Half of XXI Century and a Bit Beyond (Theory). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya World Economy and International Relations*. 1. pp. 73–80. (In Russian).
- 6. Kaplan, M. (2002) Sistema i protsess v mezhdunarodnoy politike [System and process in international politics]. In: Tsygankov, P.A. (ed.) *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Theory of International Relations]. Moscow: Gardariki.
- 7. Ramone, I. (2001) *Geopolitika khaosa* [Geopolitics of Chaos]. Translated from French by I.A. Egorov. Moscow: TEIS.
 - 8. Naumann, F. (1918) Sredinnaya Evropa [Middle Europe]. Petrograd: Ogni.
- 9. Kaplan, M.A. (2005) System and process in International Politics. New York, United Kingdom: ECPR Press.
- 10. Pereslegin, S. (2003) Samouchitel' igry na "mirovoy shakhmatnoy doske": osnovnye ponyatiya geopolitiki [A self-instruction manual for playing on the "world chess board": the basic concepts of geopolitics]. In: Korolev, K. (ed.) *Klassika geopolitiki. XIX vek* [Classics of Geopolitics. The 19th Century]. Moscow: AST. pp. 680–701.
- 11. Ignatieva, I.F. & Isaev, B.A. (2018) Geo-economics as a structural element of geopolitics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 44. pp. 213–223. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/21
- 12. Kislitsyn, S.A. (2018) *Prikladnaya etnogeopolitika* [Applied ethnogeopolitics]. Rostov on Don: RANEPA.
- 13. Tishkov, V.A. & Shabaev, Yu.P. (2011) *Etnopolitologya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow: Moscow State University.
- 14. Wixman, R. & Poulsen, T. (1993) Eastern Europe 25 Ethnic and Territorial Conflicts in Eastern Europe. *The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in the 1990s: Geographic Perspectives.* Proc. of the Conference. September 30 to October 1. Washington. pp. 25–42. [Online] Available from: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1995-10-01A.pdf (Accessed: 22nd December 2019)
- 15. Knop, K., Ostry, S., Simeon, R. & Swinton, K. (eds) *Rethinking Federalism. Citizens, Markets, and Governments in a Changing World.* Vancouver: UBC Press. pp. 334–335. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=xwF09lTM-V0C&pg=PA318&lpg=PA318&dq=Karen+Knopp+Rethinking+Federalism&source=bl&ots=qRV4c6VyjS&sig=ACfU3U3z7TlOkSiIm9KF0swl_jsZ0rgRQQ&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwi7hqjV0ZznAhVmxosKHfiwDEU4ChDoATAAegQICBAB#v=onepage&q=Karen%20Knopp%20Rethinking%20Federalism&f=false (Accessed: 22nd December 2019).
- 16. Cederman, L-E., Buhaug, H. & Ketil, R.J. (2009) Ethno-Nationalist Dyads and Civil War: A GIS-Based Analysis. *The Journal of Conflict Resolution*. 53(4). pp. 496–525. [Online] Available from: https://www.jstor.org/stable/20684600?seq=1 (Accessed: 22nd December 2019).
- 17. Wikipedia. (n.d.) *Ethnic Conflict*. [Online] Available from: https://www.jstor.org/topic/ethnic-conflict/?refreqid=excelsior%3A046f5100a978fd3ef4f27bf1b5beb578. (Accessed: 12th January 2020).
- 18. Murphy, A. (1993) Geographic Perspectives on Ethnic Conflict. *The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in the 1990s: Geographic Perspectives.* Proc. of the Conference. September 30 to October 1. Washington. pp. 5–15. [Online] Available from: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1995-10-01A.pdf (Accessed: 22nd December 2019).
- 19. Knight, D.B. (1993) Identity, Territory, and Self-Determination: Factors Underlying 15 Potential National and International Conflict. *The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in the 1990s: Geographic Perspectives*. Proc. of the Conference. September 30 to October 1.

- Washington. pp. 16–25. [Online] Available from: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1995-10-01A.pdf (Accessed: 22nd December 2019).
- 20. Wikipedia. (n.d.) *Ethnic Groups*. [Online] Available from: https://www.jstor.org/topic/ethnic-groups/?refreqid=excelsior%3A592a14dea4173c242488800c0d5e936b (Accessed: 15th January 2020).
- 21. Summerschoolsineurope.eu. (n.d.) *Bio-, Geo- and Ethnopolitics of the Post-Communist Transformations: 1989–2019.* [Online] Available from: https://www.summerschoolsineurope.eu/course/11278/bio--geo--and-ethnopolitics-of-the-post-communist-transformations-1989-2019 (Accessed: 23rd January 2020).
 - 22. Tavadov, G.T. (2002) Etnologiya [Ethnology]. Moscow: Proekt.
- 23. Buchanan, P.J. (2003) Smert' Zapada [Death of the West]. Translated from English by A. Bashkirov. Moscow: AST.
- 24. Chenet, J.-C. (2002) Demografiya i strategiya: zakat Zapada [Demography and strategy: the decline of the West]. In: Kiselev, S.G. (ed.) *Osnovnoy instinkt tsivilizatsiy i geopoliticheskie vyzovy Rossii* [Basic instinct of civilizations and geopolitical challenges of Russia]. Moscow: Izvestiya. pp. 284–294.
- 25. Dumont, J.-F. (2002) Demografiya i geopolitika [Demography and geopolitics]. In: Kiselev, S.G. (ed.) *Osnovnoy instinkt tsivilizatsiy i geopoliticheskie vyzovy Rossii* [Basic instinct of civilizations and geopolitical challenges of Russia]. Moscow: Izvestiya. pp. 294–310.
- 26. Zen.yandex.ru. (2019) Skol'ko migrantov priekhalo v Rossiyu za poslednie desyatiletiya. Otkuda oni pereezzhayut? [How many migrants have arrived in Russia over the past decades. Where are they coming from?]. [Online] Available from: https://zen.yandex.ru/media/statistica/skolkomigrantov-priehalo-v-rossiiu-za-poslednie-desiatiletiia-otkuda-oni-pereezjaiut-5ded546704af1f00b2bda30d (Accessed: 11th November 2019).
- 27. Isaev, B.A. (2005) Geopoliticheskie epokhi razvitiya rossiyskogo gosudarstva [Geopolitical eras of development of the Russian state]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS Political expertise: POLITEX*. 1(2), pp. 140–152.
- 28. Karlin, A. (2019) The Unz Review: An Alternative Media Selection. A Collection of Interesting, Important, and Controversial Perspectives Largely Excluded from the American Mainstream Media. Top 25 Cool Demographics Facts. [Online] Available from: http://www.unz.com/akarlin/top-25-cool-demographics-facts/ (Accessed: 11th November 2019).
- 29. Isaev, B.A. (2006) Rossiyskaya tsivilizatsiya kak vid evropeyskoy tsivilizatsii [Russian civilization as a type of European civilization]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS Political expertise: POLITEX*. 2(1). pp. 270–279.

УДК 32

DOI: 10.17223/1998863X/56/24

О.М. Михайленок, А.В. Назаренко

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

В статье предпринята попытка детерминировать потенциально возможные топологические исходы сетевой «сингулярности», разграничив понятие сети и понятие сетевой структуры. Показаны негативное влияние лапласовского исторического детерминизма социальной системы как базовой единицы анализа, а также ограниченность и бесперспективность акцента на ее иерархическое организационное устройство. Сделан акцент на вневременное становление человека, начинающего играть ключевую роль в осмыслении подлинной бытийной сути и потенциала социальной сетевой аксиоматики.

Ключевые слова: социальная система, сингулярность, сетевая структура, сеть, ризома.

На наших глазах происходит стихийная бифуркация в осмыслении сущности социальной системы. По мере того как человек все больше осознавал себя человеком, его восприятие мира, построенного им же самим на «сплетенной», общей для всех мифологии» – на библейской истории творения, на сказаниях о «предначальных временах», на греческих мифах, на религиозных догмах, на социальных и националистических мифах современных государств, все быстрее менялось [1. С. 34]. Возврат в центр мироздания человека открывал перед ним, наконец, возможность выстраивать собственную реальность – инобытийную и конкурирующую с предзаданными условиями, порождаемыми спецификой функционирования «социальной машины». Однако на этом пути человека поджидало старое препятствие - объективизм, синтезирующий реальность по лекалам ее следствий. Вернув человеку способность конструировать собственный мир, постмодернизм не освободил его созидательность от обновляющей ее результаты истории. Человеческое тождество вновь вынуждено было встраиваться в возникшую конфигурацию различия, поскольку не существовало «закона отношения самосознания к действительности, к миру, противополагающемуся ему» [2. С. 250]. В силу их «равнодушия друг к другу» психологическое наблюдение оказалось «отброшенным назад, к специфической определенности реальной индивидуальности» - «в себе самой» и для «себя самой». Это привело к невозможности называть «великого воина», «великого труса» и «пацифиста-вымогателя», чье дело будет кончено в первый же день настоящей войны одним «мировым духом на коне» [3. С. 293]. Людям быстро «удалось извратить очень многое: национальность, социализм... миф, жизненную философию, иррациональность, веру, молодость, революцию и что угодно», и в заключение возник соблазн извратить еще и себя как «великого человека». В результате «мировой дух на коне» на «соответствующей ступени его проявления» быстро «приходил в негодность» [Там же. С. 294]. Это означало то, что для адекватной оценки и преобразования социальности человеку необходимо будет «переутвердить» себя «посредством вытеснения интенсивного зародышевого тока, великой биологической памяти, которая затопила бы любую попытку коллективного устроения» [4. С. 300].

Можно констатировать то, что четырехсотлетний период социальных мифов и революционных потрясений завершается закономерной имплозией обвалом социального и культурного «внутрь», к человеку с его внутренним – духовным миром. Лишившись, по мере крушения социальных мифов, индивидуальности, и не обретая при этом субъективного личного в силу иррационального поведения «дионисийской смысло-порождающей машины», человек достиг состояния сингулярности. Больше его невозможно однозначно детерминировать ни индивидуальным «означаемым», ни личным «означающим». Теперь это постоянное «перескакивание» из одного состояния в другое, и «где нонсенс и смысл уже не просто противостоят друг другу, а, скорее, соприсутствуют вместе внутри нового дискурса» «чистого, неоформленного» [5. С. 145-146]. Поскольку в этом состоянии невозможно однозначно выявить человеческую индивидуальность и универсальность, частность и общность, то и любые частные и коллективные события, происходящие в результате взаимодействия сингулярностей, становятся неопределенными. В этих событиях уже «все сингулярно, а значит, одновременно коллективно и частно, особенно и всеобще, не-индивидуально, но и не-универсально» [Там же. С. 200]. То есть сложились условия для интуитивной смены социальной аксиоматики в пользу сети сингулярных «желающих машин» как диссипативной системы, сложность которой локализуется «на уровне интеракций между индивидами» [6. Р. 894]. Сеть превращается в пространственную и вневременную «сингулярную социальность» без явно выраженной вертикальной, горизонтальной временной направленности, возникающую в результате человеческого «глубинного умопомешательства», выбравшегося на поверхность, изменения и захват которой влекут за собой «радикальные расхождения во всех отношениях» [5. С. 216].

В рамках настоящей статьи попытаемся детерминировать потенциально возможные топологические исходы сетевой «сингулярности» - ее вертикальную, «башенную», или горизонтальную, «площадную», временную направленность в их взаимосвязи. Попробуем также детерминировать и время, наделяющее то, что «изменяется, формой неизменной, но претерпевающей изменение» [7. С. 310]. Начнем с того, что попробуем разграничить понятие сети и понятие сетевой структуры. Заметим, что это сделать непросто. Большинство исследователей достаточно вольно обращаются с понятием сети, не делая особой разницы между ней и понятием «структура». Для одних она, например, «коммуникативная структура» [8. С. 65]. Для других – «структура, которую люди образуют самым естественным путем», которая может принимать самые разнообразные формы и масштабы - от замкнутых тайных обществ до общедоступных движений» [9. С. 47]. Но и те и другие все же сходятся в том, что сеть «может быть определена как совокупность связей между элементами единицы», где элементы – это узлы, а единица – система [10. P. 24].

Заметим, что практически все исследователи, так или иначе связанные с сетевой проблематикой, предпочитали сразу уходить на более высокий уровень – на уровень сети как новой, но в то же время и старой формы социальной системы, априори предполагая, что ее узлами являются люди – «соци-

альные животные», склонные к объединению в группы. Но и это еще не все — их в основном интересовала организация единицы и соотношение узлов, т.е. простая топология. К сожалению, подобный традиционный подход — от общего к частному с акцентом на топологию сетей — хорош лишь для ретроспективных исторических исследований — ограничение свободы человека и его вхождение в иерархические структуры шли рука об руку. Присущая этому политическая, юридическая и этическая рациональность, по сути, переформатировала весь понятийный аппарат, артикулирующий отношения между человеческим действием и нормой, жизнью и правилом. И даже «среднестатистический» человек в пределах сети как социальной группы «с малым охватом» вряд ли мог бы избежать «охвата» властью, культурой, религией, моралью. Вывод о том, что сети существовали всегда, с доисторических времен, когда homo sapiens породил «нечто более изощренное» — то, что «мы называем культурой», действительно разделяют большинство исследователей [1. С. 9].

Важно понимать, что практически все сетевые «формы» так или иначе сводились к иерархическим структурам, детерминированным определенным «организующим» началом. Религиозный человек, поддерживаемый верой, признавал Бога как «другого», политический человек, поддерживаемый той или иной идеологией, признавал власть как «другого», психологический человек уже априори считал себя разумным, сознательным и рациональным, создавая определенную «сетевую-структурную» социальную «итерацию», которая оказывалась в конце концов «жесткой властной вертикалью». В результате централизованные, иерархические модели отношений много лет верно служили человечеству, помогая создавать властям всех уровней достаточно устойчивые социальные формации с уже заданными параметрами. Означаемые ими, а затем транслируемые по заранее выбранным и фиксированным каналам передачи информации политические - властные дискурсы достаточно надежно интегрировались в массив категорий, фиксирующих систему социального действия - стратегического, нормативно драматургического и коммуникативного. Именно последнее и позволяло формировать достаточно стабильную систему легитимных отношений, а с нею и устойчивых личностных структур [11. Р. 353–428].

Очевидно, что структурное господство иерархий в прошлом становится серьезным тормозом для полета человеческой фантазии сегодня — «у нас нет больше глаз в небесах, в животных или в растительных становлениях, а есть лишь центральный исчисляющий глаз, обшаривающий все пределы» [12. С. 116]. Тенденции к централизации и маргинализации действительно очень плохо экстраполируются в будущее. Фактически остается один путь — создание очередной древовидной «кальки» с ее главным принципом — воспроизводством [Там же. С. 21]. «Желательность» иметь дело «с более крупной единицей анализа, чем отдельно взятый индивид» превращается, таким образом, в «необходимость» рассматривать ситуацию на «макроуровне», с которого сетевые взаимодействия и их «плотность» будут однозначно детерминированы в плане целеполагания — «создания социальной сплоченности» для возможности мобилизации [13. С. 43]. Рамки анализа сетевых взаимодействий фактически сужаются до формального анализа графов с его «центральностью» и эйлеровской «геометрией положений» [14. Р. 198–207].

Отсюда проистекает вывод о том, что возможны три вида сетей – «случайные», где у каждого центра равное количество связей с другими центрами; «безмасштабные» у которых нет «типичного узла», но существует «иерархия связующих центров», поддерживающих «единство» сети, и чистые «иерархии». Подавляющее большинство из них – «безмасштабные» сети, для которых важен лишь центр, тогда как «масштаб» связей не имеет никакого значения. При этом центров, произвольно «организующих» социальные сегменты, может быть много, тогда как сетевая «копия» всегда будет единой. Именно это позволяет рассматривать социум как семью, а государство как город [9. С. 71–73]. Напрашивается закономерный вывод о том, что перед нами своеобразный «эталон» сетевых взаимодействий для всех случаев жизни, являющийся, как ни прискорбно, и отправной точкой для любой социальной «иерхаризации». Приходится согласиться с тем, что «между централизованным и сегментарным нет противостояния», ибо существует «глобальное целое, объединенное и объединяющее», а значит, «современная жизнь не рассталась с сегментарностью» - «примитивной» или «гибкой», а только «ужесточила ее» [12. С. 115]. С точки зрения создания социальной сплоченности и мобилизации это действительно благо.

Все вышеизложенное прекрасно вписывается в делезовское понимание социальной организации. Каждой ее «артикуляции» соответствует «определенный тип сегментарности или множественности». Первый из них – «сеть», «податлива, молекулярна и упорядочена», второй – «структура», «тверда, молярна и организована». Заметим, что первая из них – «упорядочена», тогда как вторая – «организована». В результате справедливым выглядит вывод: несмотря на то, что «структура» традиционно ассоциируется с «центрированием, унификацией, тотализацией, интеграцией, иерархизацией и целеполаганием», сеть также не испытывает нехватки в систематических взаимодействиях. Благодаря этому «устанавливаются бинарные отношения» между ее узлами и «соответствующими сегментами». Что касается отношений между сегментами одной социальной артикуляции – сети и сегментами другой – структурой, то здесь возникают уже «дву-однозначные отношения, повинующиеся куда более сложным законам». Можно говорить лишь о «структуре», которая способна обозначать общую совокупность этих связей и отношений (курсив наш. – Aвт.), что, однако, не «гарантирует того, что различие между двумя артикуляциями это всегда различие между молекулярным и молярным» [4. С. 69]. Речь фактически идет о диалектической связи социальности и ее субъектов, их взаимной дополняемости и воспроизводимости. Очевидно, что она не самодостаточна, поскольку непрерывно трансформируется посредством действий отдельных узлов, поддерживающих ее в заданных рамках «глобального целого, объединенного и объединяющего».

В этом контексте справедливым выглядят рассуждения о двух типах сетевой социальной аксиоматики — пронизывающих и противостоящих друг другу — «масса» и «стая». Первой из них присущи «массовость, делимость, равенство членов, концентрация, общественный характер, единственная иерархическая направленность, территоризация, генерирование знаков и символов». Второй — «малость, ограниченность, постоянное рассеивание, вариабельные дистанции между ее членами, качественные метаморфозы, неравенство как остаток или переход, невозможность фиксированной тотализации

или иерархизации, броуновское разнообразие в направлениях концентрации, детерриторизация и выброс частиц» [15. С. 181–182]. То есть опять в зависимости от направленности «глобального целого, объединенного и объединяющего» социум можно ассоциировать со «стаей» или «массой». Какой из этих типов более соответствует современному состоянию социума – остается вопросом, вероятно, это зависит от еще одного фактора – времени. Согласимся с тем, что глобальное предполагает «массу», а «культурное», «национальное», «религиозное», «экономическое», наоборот, толкает мир к состоянию сосуществования различных «стай», осваивающих глобальное пространство. Из всего вышеизложенного напрашивается важный вывод о том, что акцент «на организацию и отношение элементов, влекущий за собой меньшее внимание к самим элементам – узлам и единицам – системам» (курсив наш. – Авт.) при исследовании сети – ограничен вчерашним днем и фактически бесперспективен с точки зрения будущего [10. Р. 24]. Второй связанный с первым вывод не менее важен - выпадение обоих элементов из фокуса исследований приводит к серьезному искажению аксиоматики сети в пользу традиционной структурной «иерархии». Ее фактическое «назначение», исходя из «калькирования» прошлого, можно рассматривать как «закон», отождествляемый «в каждой точке с жизнью», но тем самым ее же и «уничтожающий» [16. С. 22].

Если для взгляда в глубину веков и на сегодняшний день в надежде выявить «конспирологические» источники революционных социальных потрясений – заговорщиков, объединенных в тайные сети, смещение акцента на «на организацию и отношение элементов» может быть ценным, то для того чтобы попытаться заглянуть за горизонт «событий», этого явно недостаточно. По нашему мнению, необходимо будет отказаться от «лапласовского» исторического детерминизма социальной системы как сетевого сообщества, устойчивого к «малым» возмущениям, и следовать прямо противоположному принципу - зависимости от управляющего воздействия каждого его узла человека. То есть нужно прекратить однозначно рефлектировать наличную структурную «сетевую» данность, создавая понятия исходя из того, что существовало или уже существует. Речь должна идти не только о том, чтобы исследовать запутанное нагромождение искушений, скрупулезных правовых или моральных предписаний, дружеских увещеваний и жестоких кар, аскетических техник и хронологий, при помощи которых «социальная обитель, «нацеленная на спасение от греха и мира», утверждает себя как «правильную жизнь», - сколько о том, «чтобы прежде всего правильно (курсив наш. -Авт.) понять диалектику, которая таким образом устанавливается между терминами «правило» и «жизнь», фактически поменяв их местами [16. С. 9]. Возможно, что, отбрасывая «правила» и освобождая таким образом понятия «сети» от бесполезных структурных «наслоений», исследователям удастся заглянуть за горизонт и понять ту социальность, которой еще пока нет, но которая, даже в противовес здравому смыслу о недопустимости «хаоса», способна все же возникнуть.

Освобождение социальных практик от различного рода регулирующих начал — «глобального целого, объединенного и объединяющего» существенно расширяет человеку пространство для творческого конструирования своей идентичности. Конечно, это не предполагает автоматического возрастания способностей человека к свободному творчеству и сознательной ориентации

на него – речь пока идет только о его потенциальных возможностях. Тем более, что имеются серьезные сомнения относительно способности человека хоть как-то прояснить духовную ситуацию в современном обществе, в котором наметился переход от анализа объективных социальных явлений к исследованию новой интеллектуальной субъективности. Вспомним о том, что анализ проблемы идентичности субъекта в современной философии – в экзистенциальной метафизике Хайдеггера, в психоанализе Лакана, в постмодернистском синтезе постструктурализма и психоанализа Дерриды, Фуко и Делеза - выявлял не только разные подходы, но и различные перспективы. Попытка Хайдеггера пересмотреть метафизический подход к субъекту нашла поддержку у Дерриды, однако стремление первого найти новый путь к «истине бытия» явно не соответствовало мировоззренческим установкам второго на отрицание самой возможности существования первоначала происхождения феноменов и его ставке на реляционный скептицизм. Интенциональность хайдеггеровского субъекта была переосмыслена Дерридой как «желание» – бессознательная, стихийная, иррациональная сила. Несмотря на все многочисленные попытки ее рационально-осознанного оформления, она так и не избавилась от своей иррациональности - результаты «желания» никак не хотели совпадать с самим «желанием». Ни витгенштейновский логикоматематический подход, ни лакановский подход к топологизации структуры субъекта и эдипизации его «желания» вплоть до раболепного шизофренического желания человека быть любимым, в свою очередь не разделялся Делезом. Разрушение всех структуралистских мифологем - фрейдовской личности, витгенштейновского «церемониального животного», структуралистских представлений о коммуникативности, бинарного принципа различия – объяснялось им последовательно с позиций «желающих машин», затем с позиций «тела без органов» как их виртуального образа с потенциальными чертами, аффектами и возможностями, и наконец, с позиций подвижной, децентрированной сетки – ризомы. Именно она окончательно зафиксировала новый нелинейный способ организации целостности в противовес традиционному сегментированному и стержневому. При таком подходе исчезали все «непересекаемые границы», т.е. уже не может быть «сегментов», «систем» и самих «узлов» в их традиционной интерпретации, а значит, открывается возможность к неограниченной самоконфигурации, позволяющей многократно множить реальности. В результате в противовес традиционным бинарным различиям возникают новые неожиданные, несистемные, несегментные и неузловые различия. Можно говорить о том, что ризома – это образ нового мира постмодерна, в котором есть центры - узлы как дематериализованные «образы движения» и линии соединения, но нет «генерала», а значит, нет и не может быть традиционной упорядоченности «глобальным целым».

Специфика феномена власти Фуко как власти над сознанием человека научных дискурсов, имеющих «негативный императив», получила благодаря Делезу новое, дополненное измерение — «желание». Теперь власть как стихийная сила субъективного бессознательного, противостоящая целеполаганию сознания субъекта, могла в равной мере играть роль как подавляющей, репрессивной силы зла, так и высвобождающей, эмансипирующей силы добра. Если вернуться назад, к иерархическим структурам, то возникает много вопросов относительно их реальности. Но самым важным в контексте се-

тевой проблематики, на наш взгляд, является этический и эстетический поворот, обусловленный «заботой о себе» в понимании Фуко. Исследования в этом направлении не только вернули в поле зрения этики «желания» и телесные практики – здоровье, экологию, медитацию и сексуальность, но и поменяли приоритеты, ослабив внимание к проблемам социальной справедливости, демократии и прав человека. На самом деле новые дисциплинарные телесные «техники», меняющие этическую чувственность человека как «желающей машины» и его социальные отношения, выявили и очертили новое недоисследованное поле микрополитик, без учета которых любая традиционная «глобальная» политика «суверенитетов» и «прав человека» неизбежно заходит в тупик. Стало ясно, что без изменения установок на эмпатию, способствующую возникновению новых культурных форм у человечества, возможно, не будет шансов на глобальное «озеленение» жизни, на создание различных «экосистем», на «расширение» прав и на справедливое перераспределение богатства и власти. Этика и эстетика в этом контексте начинают восприниматься в качестве сложного передаточного механизма между моралью, чувственно-аффектными стилями поведения и общественными настроениями. Заметим, что упомянутый выше этический поворот способствовал тому, что власть предержащие стали уделять больше внимания визуальным инструментам - кино, театру, религиозным практикам, медиаритуалам и другим «неканоническим» средствам формирования этической воли [17. C. 12].

В результате всего вышеизложенного в постструктурном мире эмоциональных желаний сеть, возможно, возвращает себе первоначальное значение как связи между актантами, в роли которых могут выступать любые сущности, как человеческие, так и нечеловеческие. Научные открытия и информационные технологии лишь подстегнули процесс создания новых связей не только между людьми как узлами-агентами, но и между ними и «невитальными» «квазиагентами» и силами-актантами, ранее воспринимаемыми исключительно в терминах объектов человеческого «желания» [18. С. 266]. То есть возникли предпосылки для закономерной, хотя и интуитивной смены общественной аксиоматики в пользу сети, рассматриваемой как совокупность связей между ее узлами — «желающими машинами», подкрепленной «помощью» со стороны «мощных рычагов техники» [4. С. 397]. Согласимся с тем, что «на сей раз естественная реальность проявляется в виде выкидыша главного корня, но тем не менее корневое единство существует как прошлое или грядущее, как возможное» [12. С. 10]. Заметим — только возможное.

Очевидно, что множественность нельзя создать посредством «более высокого измерения». Мы уже знаем, что это заканчивается одним единством. Следовательно, стоит попытаться пойти по другому пути — «вычитания единственного из множества», т.е. о «просто-напросто умеренности на уровне измерений» или иначе — без акцента на определенные центры «глобального целого». В результате и возникает образное и интуитивное понятие «ризома», которую можно полагать как онтологию сети [Там же. С. 11]. Заметим, что между этими понятиями нельзя ставить знак равенства. Если сеть — это временное структурное понятие, тогда ризома — вневременное постструктурное понятие. В сети всегда есть центры, пусть даже временные, определяющие ее ограниченную топологию, а в ризоме — узлы, которые имеют свой собственный эволюционный путь. Значимыми становятся линии их соединения.

Именно за счет автономии и онтологического равенства узлов меняются все правила их взаимодействия, все превращается в игру их возможностей. Если сеть можно полагать интуитивной ассоциативно-теоретической социальной конструкцией, то ризома, наоборот, представляется в виде интуитивной ассоциативно-практической жизненной конструкции. Эволюционное выделение узловых центров, неоднородность и соединение, множественность, означающие разрывы, декалькомания и картография – все это происходит в реальной жизни, а значит, может рассматриваться как «потенциал» сети. Мы же отлично видим, как на практике играют и «смешиваются» узлы. Актанты человека как «желающей машины» в сети уже трудно отличить от «бота», который является «желающей» программой, написанной другим «желающим» человеком и адаптированной к возможностям вычислительной техники, являющейся одновременно и интерфейсом, и коммуникатором, созданным еще одним «желающим» человеком, - и так до бесконечности. Невольно возникает ассоциация с детским стихотворением о доме, который построил Джек. А если спуститься еще на уровень ниже - на уровень нейронных связей и электрических цепей? Действительно, все сложнее ответить на вопрос - где и благодаря какому способу кодирования – цифровому, биологическому, политическому, экономическому или эстетическому - происходит соединение узлов, меняющее как их внешние статусные «знаки», так и их внутренний статус. В этом контексте и множественность воспринимается по-другому. У нее теперь нет ни субъекта, ни объекта, а есть только определение, величина и измерение. Человек как «желающая машина» один или вместе с вычислительной техникой и программным обеспечением и их цифровой начинкой. При этом и сама цифра перестала быть «универсальным концептом, соразмеряющим элементы согласно их месту в каком-либо измерении», и стала «множеством», изменяемым согласно «желанию» человека. Такую потенциально «виртуальную» сеть действительно можно разорвать лишь условно, поскольку в ней легко обнаруживаются все новые и новые связи между ее узлами благодаря их «множественности», «неоднородности» и «соединениям». Калькирование всего этого – возврат к традиционной структуре с выделением сегментов, субъектов и объектов, связанных бинарными отношениями. Речь, конечно, идет о картографировании, т.е. о конструировании социальности посредством «соединения полей» и разблокирования виртуального - потенциальных возможностей узла в плане раскрытия «отношений, аффектов, движений». Это не настоящее, но возможное будущее - «произведение искусства», «политическое действие» или «медитация» [12. С. 12-27]. Коронавирус, причем вне зависимости от его происхождения, это тоже ризома, соединяющая в причудливую сеть животных, человека, экологию, социальность, культуру, экономику, политику, этику, религию, т.е. весь мир на разных уровнях и посредством разных способов кодирования. Мы видим, как на наших глазах возник сетевой «хаос» и насколько беспомощными оказались при этом традиционная генеалогия и структура.

В этом контексте нельзя не обратиться в проблеме становления, которая благодаря делезовской ризоматической оптике начинает играть ключевую роль в осмыслении сетевой аксиоматики. Речь идет о временном эволюционно-революционном «становлениии» поверхности узла — «желающей машины» как актанта при вневременном «становлении» ее глубины. Согласимся с

Делезом в том, что «нельзя подняться к поверхности, не изменив своей природы» [5. С. 217]. Это значит, что все внутренние изменения — «глубинное помешательство» человека с его «виртуальными» потенциальными чертами, возможностями, отношениями, аффектами, выходя на поверхность, получают возможность актуализироваться и активироваться, меняя тем самым весь рисунок сети. Ведь именно смысл «дает существование тому, что его выражает», обретая существование в том, «что его выражает» [Там же. С. 218]. А он, как мы помним, сосредоточен на «заботе о себе». Это значит, что «желающие машины» «будучи живой материей», а значит, «центрами неопределенности», специализировав одну из своих граней — эмоциональную и определенные точки как «неподвижные» «рецептивные органы», «делегировали свою активность органам реагирования», таким образом «освобождая их».

То есть активность «желающих машин» может быть сосредоточена вокруг эмоциональных «тенденций» и «усилий», которые «заменят действие, ставшее на данный момент или в данном месте невозможным» [7. С. 116-118]. Допустимо говорить о том, что внутренний «виртуальный образ» человека как «желающей машины» с его эмоциями и потенциальными чертами, «ответствует» его «внешнему актуальному образу». Это означает, что «круг "актуальное-виртуальное" образуется прямо на месте, а не посредством актуализации виртуального, зависящей от перемещения актуального» [Там же. С. 380]. Поскольку «внутреннее» человека как объекта программирует его же перепрограмирование через внешнее, т.е. «не только порождение вторично по отношению к циклу, но и передача вторична по отношению к информации или коммуникации», можно говорить о том, что человек действительно оказался на пороге настоящей кибернетической революции. Согласимся с тем, что, вероятно, «не существует передачи потоков в собственном смысле, а существует коммуникация кода или аксиоматики и комбинаторики, оформляющей потоки», - эмоциональная и рациональная, определяющая в нем коммуникацию бессознательных. Это можно распространить и на социальное поле - «его кодирование или его аксиоматика исходно определяют в нем коммуникацию» [4. С. 435]. Рациональное будет определять структуру, в то время как эмоциональное - кибернетику. Невольно напрашивается вывод о том, что если в процессе исследования сети попытаться пойти по пути «вычитания единственного из множества», т.е. «погружения» в целое - в саму систему и ее узлы в сочетании с «умеренностью на уровне измерений», не позволяющей акцентировать исследования вокруг единственного центра «глобального целого», станет возможным раскрытие ее потенциала. Подобные исследования предполагают закономерный переход сетевой аксиоматики от интуитивной ассоциативно-теоретической социальной конструкции к интуитивной ассоциативно-практической конструкции - ризоме, которая оказывается более жизненной.

В заключение хочется добавить, что все «внутренние» изменения человека — его «глубинное помешательство», его «виртуальные» потенциалы, его эмоции, его «произведения искусства», его «медитация», его «политическое действие», влияющая на топологию сети, — это никак не прошлое и даже не настоящее, но возможное будущее. И именно в этом направлении необходимо двигаться при исследовании сетевой аксиоматики современной социальности. Тем более, что отдельные аспекты благодаря информационно-

технологической революции и развитию возможности вычислительной техники в плане ее производительности, совершенствованию интерфейсов и коммуникаций позволяют не только увидеть это, но и детерминировать.

Литература

- 1. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2018.
- 2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Академический проект, 2008.
- 3. *Манн Т.* Аристократия духа: сборник очерков, статей и эссе. М.: Культурная революция, 2009.
 - 4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
 - 5. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011.
- 6. Prigogine 1. Festschrift for Immanuel Wallerstein // Journal of World-System Research. Vol. 6, № 1 Spring 2000. Special Issue: Part II, P. 892–898.
 - 7. Делез Ж. Кино. М.: Ад Маргинем, 2004.
- 8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017.
- 9. Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М. : ACT : CORPUS, 2020.
- 10. *Dijk Jan A.G.M.* The Network Society. Social Aspects of New Media. Second edition. SAGE Publications Ltd 1 Oliver's Yard 55 City Road London EC1Y 1SP, 2006.
- 11. Habermas J. The Theory of communicative action vol.1 Reason and the rationalization of society. Boston: Beacon Press, 1984.
- 12. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория. 2010.
- 13. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
- 14. Hopkins B., Wilson R. The Truth About Konigsberg // The College Mathematics Journal. 2004. Vol. 35.
 - 15. Канетти Э. Масса и власть. М.: Астрель, 2012.
- 16. Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. СПб. : Издво Ин-та Гайдара. Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020.
- 17. Баннет Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь : Гиле Пресс, 2018.
 - 18. Латур Б. Политика природы. Как привить демократию. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- *Oleg M. Mikhaylenok*, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Aleksey V. Nazarenko, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: alek nazarenko@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 274–284.

DOI: 10.17223/1998863X/56/24

NETWORK COMMUNITIES: PAST AND FUTURE

Keywords: social system; singularity; network structure; network; rhizome.

Today, we are witnessing a spontaneous bifurcation in comprehending the essence of the social system. Bringing man back into the hub of the universe opened up an opportunity for them to build their own reality characterized by otherness and competing with the predetermined conditions developed as influenced by the specific features of the social machine functioning. The four-hundred-year period of social myths and revolutionary upheavals results in a natural implosion – a collapse of the social and the cultural "inward", to a person with their spiritual world. We see the development of objective conditions for an intuitive change in social axiomatics in favor of a network of singular "desiring-machines" as a dissipative system. The article attempts to determine the potentially possible topological outcomes of network "singularity"—its vertical "tower-shaped" or horizontal "areal" temporal orientation in their historical interconnections. It distinguishes between the concepts of network

and network structure. The latter is always singular and hierarchical since it is determined by a certain "organizing" origin. For many years, hierarchical relationship models have truly served humanity, helping the authorities at all levels develop fairly stable social formations with preset parameters. Today, the structural dominance of hierarchies is seriously limiting the stretch of human imagination. The liberation of social practices from different kinds of regulatory principles substantially expands a person's space for creative construction of their own identity and the identity of others. We see the developing prerequisites for a regular, although intuitive, change in public axiomatics in favor of a network, considered as a set of multiple connections between its nodes — "desiring-machines". Multiplicity is well described by Deleuze's concept "rhizome", which should be considered as network ontology. Deleuze's rhizomatic optics gives us a chance to take a new look at the role of man as a "desiring-machine", since their internal, timeless development starts playing a key role in understanding the true existential essence and potential of the network axiomatics of sociality. The future of the network is human thoughts, emotions, and actions.

References

- 1. Harari, Yu.N. (2018) Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Translated from English. Moscow: Sindbad.
- 2. Hegel, G.V.F. (2008) Fenomenologiya dukha [The phenomenology of the spirit]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
- 3. Mann, T. (2009) *Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statey i esse* [Aristocracy of the Spirit. Collection of essays and articles]. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
- 4. Deleuze, J. & Guatari, F. (2007) *Kapitalizm i shizofreniya* [Capitalism and schizophrenia]. Translated by D. Kralechkin. Ekaterenburg: U- Faktoriya.
- 5. Deleuze, J. (2011) *Logika smysla* [The Logic of Meaning]. Translated from English. Moscow: Akademicheskiy proekt.
- 6. Prigogine, I. (2000) Festschrift for Immanuel Wallerstein. *Journal of World-System Research*. 6(1). Special Issue. pp. 892–898.
 - 7. Deleuze, J. (2004) Kino [Cinema]. Moscow: Ad Marginem.
- 8. Castells, M. (2017) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. Translated from Spanish. Moscow: HSE.
- 9. Ferguson, N. (2020) *Ploshchad' i bashnya. Seti i vlast' ot masonov do Facebook* [The Square and the Tower: Networks and Power, from the Freemasons to Facebook]. Translated from English. Moscow: AST: CORPUS.
- 10. Dijk, J.A.G.M. (2006) The Network Society. Social Aspects of New Media. 2nd ed. SAGE Publications Ltd
- 11. Habermas, J. (1984) The Theory of Communicative Action. Vol.1. Boston: Beacon Press, 1984
- 12. Deleuze, J. & Guatari, F. (2010) *Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus. Capitalism and schizophrenia]. Translated from English. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
- 13. Granovetter, M. (2009) Sila slabykh svyazey [The power of weak ties]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya Economic Sociology*. 10(4). pp. 31–50.
- 14. Hopkins, B. & Wilson, R. (2004) The Truth about Königsberg. *The College Mathematics Journal*. 35. DOI: 10.1080/07468342.2004.11922073
- 15. Canetti, E. (2012) *Massa i vlast'* [Mass and Power]. Translated bu L.G. Ionin. Moscow: Astrel'.
- 16. Agamben, J. (2020) *Vysochayshaya bednost'. Monasheskie pravila i forma zhizni* [The Highest Poverty: Monastic Rules and Form-of-Life]. Translated from Italian and Latin by S. Ermakova. St. Petersburg: The Gaidar Institute. Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University.
- 17. Bannett, J. (2018) *Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchey* [Vibrant Matter. A Political Ecology of Things]. Translated from English by A. Sarkisiyants. Perm: Gile Press.
- 18. Latour, B. (2018) *Politika prirody. Kak privit' demokratiyu* [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy]. Translated from French by E. Blinov. Moscow: Ad Marginem Press.

УДК 32 + 141.201: 021.141 DOI: 10.17223/1998863X/56/25

А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО¹

Политическое конструирование образа будущего связано с моделированием смыслового мира. Востребованность образа будущего имеет свои непреходящие основания в культурно-семиотическом, конструктивно-творческом и проективном потенциале человека. В статье рассматриваются теоретические подходы и исторический опыт обращения к образу будущего как политическому конструкту в различные эпохи, актуальные проблемы политического управления сознанием в моменты системных и внесистемных кризисов.

Ключевые слова: *политическое конструирование, образ будущего, моделирование, текст, смысл, коммуникация, управление, реальность.*

Согласно политико-конструктивистскому подходу, политическая реальность искусственно создается в образно-символической форме, т.е. она предстает в виде смыслового мира, имеющего субъективный генезис. Политический же момент в деле символизации реальности связан с конструктивной деятельностью власти, которая (посредством еще одного суррогата, медиареальности) задает интерпретационные рамки и дискурсивно навязывает определение мира [1]. Процесс политического конструирования реальности организуется в виде действия моделирования, когда программа или моделирующий образ выступает символической репрезентацией, тем самым задавая конституцию потребной реальности. Отсюда очевидно, что сконструированный образ мира или оформленное представление о мире является лишь символической сущностью, субститутом политической действительности. Конечно, такого рода политическое конструирование происходит в ходе коммуникации как символического обмена. Итак, под образом мы будем понимать искусственный конструкт, конституированный символическим способом и служащий для передачи значимого сообщения в коммуникации. Здесь проявляется семиотичность трактовки, поскольку в нашем понимании политическая коммуникация преимущественно говорит на «языке образов».

Конструктивно установленный образ обладает качеством репрезентации или представленности, замещает и подменяет политический мир. На основании высказываний П. Рикера и Э. Кассирера (см.: [2; 3]) мы можем констатировать, что репрезентация связана с феноменом памяти, оформленным концептуально. Тем самым репрезентация выражена в комплексном представлении об объекте. Однако представленность объекта здесь не прямая, но выражается через некий заместитель или медиатор. Этим заместителем может выступать и выступает образ, но образная представленность (как и представленность вообще) никогда не бывает полной. Образная репрезентация динамична, поскольку каждая новая власть в переломный момент выступает

 $^{^1}$ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России», № 20-011-31664.

конструктором политической реальности: формирует представление о себе самой и переопределяет реальность. При всей своей динамичности образ мира интегрален и отражает некую целостность. Будучи феноменом, по сути, содержанием политического сознания, образ структурирован, и элементами его структуры выступают факты-конструкты креативного сознания. Это значит, что образ не содержит произвольных и «чистых» фактов, но всегда включает отобранные, проинтерпретированные и значащие элементы (см.: [4]). Так, согласно политическому конструктивизму, создаются образы прошлого, настоящего или будущего. И образ будущего, выступая конструкцией его наиболее ожидаемых характеристик, отличается лишь сугубо абстрактным, умозрительным и даже метафизическим способом креатива.

Образ, с конструктивистских позиций, концентрирует в себе систему понимания и трактовки. Это значит, что образы выступают в качестве носителей смысла, смысловых конструкций. С точки зрения социальной феноменологии осмысление осуществляется способом подведения под интерпретативную схему. В случае успешного «наложения схемы» субъективный смысл объективируется в коммуникации, утверждаясь в интерсубъективном плане. Поскольку предметом нашего исследования выступает политическое конструирование образа будущего, то на первый план выходит именно коллективный феномен смысла. Другими словами, образы как знаки, передающие понятия, включены в семиотику языка, а язык, в свою очередь, трактуется в качестве знаковой системы. То есть образы здесь выступают сообщениями, передающими значимую информацию посредством коммуникации, символического обмена. Чтобы коммуникация стала смыслонесущей, надо определиться с языком, в котором кодируются сообщения.

И здесь мы обращаемся к понятию языка культуры, поскольку культура выступает основным значащим контекстом для социума. Итак, осмысление любой реальности, в том числе и политической, осуществляется в языке культуры. Именно в языке культуры конституируются значимые представления и их интерпретации. Следовательно, язык культуры, отличаясь фиксированными значениями, становится «формой» понимания и «рамкой» ориентации. В итоге в языке конституируется и общая структура смысла, которая постоянно воспроизводится коммуникативно. Языковыми средствами, с помощью которых люди вступают в смыслонесущую коммуникацию, служат знаки, символы и тексты. Для нас базовой семиотической категорией в контексте понимания культуры выступает текст, требующий смыслового перевода с одного языка на другой. От проблемы релевантного перевода, когда совершается обмен значимыми высказываниями между культурами, зависит рецепция.

К. Гирц, исследуя культуру на предмет феномена смысла, использует категорию «политика смысла». Политика вообще, полагает он, задается конструктивными особенностями культуры. И культура здесь понимается как структура смысла, а политика — это одно из поприщ, где данные структуры публично представляются [5. С. 362–363]. Получается, что культуры отличаются согласно ими же установленным конфигурациям смысловых конструкций. Некоторые значимые представления, образы, интерпретации, а также их концептуальные оформления закрепляются в культуре и становятся ее традиционными элементами. Для одной культуры значимо одно, для другой — иное.

Культурные значения придаются общественному сознанию с помощью культурных моделей. Модели объективируют значения, воплощая их в понятия, и затем воспринятые значения становятся образцами одобренного в культуре поведения. Культурная модель – это своего рода программа, и она выступает репрезентацией / образом / символом программируемой реальности [6. С. 111-112]. Тем самым значимые образы культуры превращаются в программирующие прототипы для сознания и поведения. Другими словами, культура конструктивна по своей сути, она всегда «вырабатывает» смысловые культурные феномены. Культурные модели образуются в виде целого комплекса символов, по принципу системы, когда каждый элемент имеет свое значимое место и экстраполируется на конфигурацию одобренных в культуре смыслов. Именно значимые образы репрезентируют культуру, ее особенности, а конфигурация смыслов относится к константам культуры. Культурное моделирование – это универсалия, так как способом символического моделирования конструируются все реальности, в том числе и политическая, о чем уже упоминалось.

С семиотической точки зрения культура представляет собой искусственно созданную реальность, конструктами которой и выступают тексты. Ю.М. Лотман во многих своих работах связывал понятия текста, культуры и коммуникации. Поскольку культура является текстом сложного строения, то, с точки зрения идентификации культуры «существуют только те сообщения, которые являются текстами» [7. С. 436]. Лотман для определения и текста, и культуры использует понятие системы. Если же собрать все базовые характеристики текста, понимаемого семиотически разными исследователями, то получится, что текст – это любая искусственно сотворенная и структурированная знаковая система, наделенная определенным значением, содержащим определенный смысл. Такой текст-сообщение выступает одной из форм языка культуры, а образ, в свою очередь, в контексте коммуникации можно понимать как текст. И сегодня очевидно, что язык, трактуемый в широком семиотическом ключе, не просто нейтральный «передатчик» информации, но именно в языке конструируется реальность. Например, текст-сообщение о будущем конструирует реальность будущего, и мы «читаем» этот текст на языке образов. Культура по своей природе одновременно является и сложившейся системой значимых текстов (и образов), и контекстом смыслов, который постепенно меняется по мере смены исторических эпох.

Политическая культура, тесно связанная с общекультурными моделями, нами трактуется наподобие символической системы и структуры особых политических значений. Получается, что осмысление политической реальности осуществляется в особом языке политической культуры, и здесь мы опять обращаемся к ее базовому языковому средству — политическому тексту. В политической культуре как фиксированной структуре значимых текстов особую роль играет текст будущего, но «текст этот нами еще не прочитан» [8. С. 37]. В данной связи политический текст будущего заведомо проявляет свой проективный характер. Будущее предстает воображению в виде общезначимой цели, и потому программа будущего имманентно содержит миссию возрождения мира.

Когда мы ведем речь о будущем, то всегда отмечаем взаимосвязанность трех ориентированных на время «слоев» опыта жизни человека и мира: про-

шлое – настоящее – будущее. Блестящий пример в отношении конструкта событийного ряда прошлого дает исследование исторической репрезентации у П. Рикера. Прошлое «виртуально», полагал он, мы «вспоминаем» прошлое, и тогда оно становится образом настоящего [2. С. 83]. Получается, что прошлое, в виде текста, знаковой конструкции, передающей определенный смысл, репрезентировано настоящим. Потому ключевой момент для оценки уроков прошлого и переписывания текста прошлого - это настоящее, следовательно, текст прошлого «читается» в настоящем. Для нас в деле сопоставления прошлого, настоящего и будущего важно не столько понятие времени, сколько категория реальности. Здесь под реальностью нами понимается смысловой мир, субъективно выстроенная образная конструкция. Данные миры значений конституированы креативным сознанием, т.е. именно сознание определяет состав фактов-конструктов потребной реальности. Миры прошлого, настоящего и будущего относятся к значимым образам политической культуры, когда знание должно положительно коррелировать с пониманием. То есть они заведомо ориентированы коммуникативно, это образысообщения о том, что было, есть и будет.

При этом прошлое и настоящее имеют разный онтологический статус. Настоящее существует в виде данности и действительности, которую можно непосредственно воспринимать, познавать опытным путем и верифицировать. Хотя, с точки зрения конструктивизма нет абсолютно «чистых» фактов. Факты – это всегда конструкты сознания, результат интерпретации и переработки. Даже события настоящего сознание трансформирует в субъективно понимаемые факты (не говоря уже о медиафактах, заведомо сконструированных). Ментальный образ, будучи представлением о чем-то, создается путем абстрагирования, выделения лишь существенных черт реальности. Даже образ настоящего, полученный в результате «простой» репродукции, представляет собой уже преобразованную реальность. Но сознание еще и креативно, фантазируя и воображая другие миры. Будущее, в отличие от настоящего, существует гипотетически и умозрительно, его образ – всегда результат метафизического опыта. Это исключительно субъективно фиксируемая реальность, родственная миру фантазмов. Однако образ будущего, с другой стороны, не сводится исключительно к воображаемому, представление о будущем есть результирующая действия практического разума [9]. Конечно, мы можем фантазировать и о прошлом, в этом смысле Рикер назвал его «виртуальным», ведь оно существует не только в «чистой» памяти, но и в воображении. Но прошлое как таковое уже было, поскольку его событийный ряд конституирован, и хронологическая последовательность того, что свершилось, доведена до настоящего. Прошлое как объект истории уже состоялось, но субъективно в любой момент настоящего дано для актуальной интерпретации в тексте. Будущее же существует в модусе вероятности и казусе возможности. Оно дается как предмет в настоящем лишь в категориях апперцепции и заведомо бытует в виде конструкции сознания. Будущее «реально» в абстрактных понятийных формах, в идеализациях креативного сознания, в мистических прозрениях, в футуристических фантазиях. Будущее возможно лишь в теории, это буквально «иная» реальность, та, которой здесь и сейчас еще нет. Оно виртуально по существу, но злободневность будущему и его коллективному образу придают политические проекты власти.

Какие же конструктивистские операции совершает сознание в отношении экспликации прошлого и будущего, когда они требуют актуализации? Текст прошлого подвергается мыслительной операции реконструкции. С позиции настоящего текст прошлого подвергается расшифровке, для этого выбирается язык или код. Уже раскодированный текст осмысливается и понимается с позиции настоящего, подводится под актуальную интерпретативную рамку. И все это совершается в коммуникации, как правило, носящей политический характер. Собственно в настоящем и создается образ или историческая репрезентация прошлого. Потому прошлое всегда переосмысливается в политическом ключе, а история переписывается. Как мы уже подчеркивали, доминантное значение в отношении семантики прошлого задает настоящее, с которым связано и будущее. Тем более что настоящее неизбежно станет будущим, и потому оба представления связаны тесной смысловой связью. Если прошлое видится в перспективе настоящего, то будущее само служит репрезентацией перспективы настоящего. Знаки будущего не просто семиотизированы в настоящем, но имеют проекции значений в будущем. Будущее, в категориях нашего научного подхода, конструируется как смысловой мир.

Поскольку речь идет о коммуникации с текстом будущего, то будущее «шифруется» в настоящем. Для этого выбирается «код» или язык шифровки текста будущего. В качестве «писателя» текста будущего мы чаще всего представляем футуролога, социального ученого или политического провидца. «Читателем» же обычно выступает «коллективная личность», как Б. Успенский называет социум, участвующий в коммуникации с текстом. Относительно содержания текста, этой совокупности существенных и отличительных признаков будущего, то его образуют отдельные конструкты сознания, представляющие собой «факты» гипотетической реальности будущего. Так «пишется» и «читается» текст будущего. Данный текст конструируется с помощью культурного моделирования, о котором уже шла речь. То есть символическая программа будущего воспроизводится в структуре «фактов» актуально потребной реальности, когда каждому символическому элементу модели соответствует структурный элемент проекта будущего. В результате субъективная реальность будущего обретает понятийную форму и в силу своей концептуальной «законченности» становится текстом. Так формируется представление или образ будущего, репрезентирующий, по сути, какой-то ментальный тренд настоящего (возможно, связанный и со значимым прошлым). Конструируемое представление о будущем как целостность, вся структура создаваемого образа «завязаны» на знаках, потому связь настоящего и будущего сугубо символическая.

Итак, знаки будущего означиваются в настоящем и в смысловом контексте настоящего становятся знаками будущего. Шифровка будущего происходит в политическом языке, понимаемом семиотически. К примеру, политическим языком может выступать любая теория (классический марксизм или новомодная теория заговора). С точки зрения феноменологии будущее станет «реальностью», если феномены будущего (содержания коллективного сознания, характеризующие будущее) как бы выйдут из-под контроля нашего личного сознания. И мы, хотим того или нет, но будем считать неизбежным наступление фазы коммунизма или всеобщее «чипирование» человечества. То есть, по сути, требуется вера в реальность феноменов будущего, а «зна-

ние» черт и качеств будущего дает нам эту веру в «реальность» (человек обречен либо на социальную справедливость, либо на тотальный контроль). Собственно, люди верят в «код», «знание» о котором сообщается посредством политической коммуникации. Теперь мы «знаем», что так «будет».

Какова же распространенная модель кода или шифра реальности будущего? Такой универсальной рамкой представления выступает мифосхема, что имеет под собой культурно-антропологические основания. И если текст будущего кодируется и посылается как значимое послание политической властью, то перед нами политическое конструирование будущего. Власть при этом навязывает социуму стратегию-цель будущего и заботится о понимании знакового ряда своих сообщений. Месседж о будущем относится к разряду судьбоносных, обозначающих черты нового порядка и нового мира. В основе модели лежит мифосхема: «хаос – космос». В начале нарратива (повествования на языке образов) следуют характеристики того, как мир впадает в состояние хаоса и идет к своему концу. Природа, общество, сферы деятельности человека и он сам характеризуются упадком. Государство и власть полагаются ввергнутыми в состояние беспорядка. Далее, после описания самой низкой точки падения, следует рассказ о возрождении и спасении мира. Мир, согласно логике мифа, неизбежно возрождается к новой жизни и новому порядку. При этом власть (герой) возлагает на себя не только миссию спасения, но и берет все под свой контроль. Тогда мир космизуется. В семиотическом плане главное значение уже прописанному тексту будущего сообщает «новизна», так как все новое после возрождения сакрализуется.

Указанная мифосхема «работает» в контексте общей концепции политически управляемого будущего, не важно, опирается ли она на идею предопределения или идею научного детерминизма. И здесь два типа сознания, «космологическое» и «историческое» (по Успенскому), прекрасно уживаются в пределах одного политического концепта. Космологическое сознание опирается на исходный онтологический (по сути, мифологический) текст, который постоянно воспроизводится событийно, предопределяя текст будущего. Потому будущее символически опосредовано этим первоначальным и интегральным состоянием. Историческое же сознание опирается на причинноследственную связь, ведущую в будущее в качестве его эволюционной проекции. Если для космологического сознания значимо прошлое, то для исторического – будущее [8. С. 27–28]. Оба типа сознания по-разному представляют время (циклично или линейно), но при моделировании текста будущего одна трактовка может переходить в другую. И текст политически конструируемого будущего, как правило, демонстрирует феномен мифологизации. Связь времен прерывается, и политический лидер-спаситель присваивает символическую роль демиурга нового мира (отсюда значима роль революций). Поскольку текст будущего имеет метафизическую природу, постольку возрождение мира и описывается в символах и мифологических категориях (наступления новой эры). Интересно, что у нас распространено мифологическое представление о том, что история России постоянно повторяется и зацикливается и мы снова и снова «читаем» исходный текст.

Как бы то ни было, несмотря на гипотетичность самого феномена будущего, издавна существовало представление о заданности его параметров. Конкретным выражением данного воззрения стали идея предопределения и идея детерминизма. Обе они трактовали будущее предначертанным и потому познаваемым. Еще в Средневековье существовали специалисты по предсказанию будущего по символическим знакам настоящего. Тем самым средневековое предвидение будущего «основывается на идее предопределенности: подобно тому, как существует событийный текст прошлого, существует и событийный текст будущего - все, что будет, уже заранее предопределено (с той или иной степенью конкретности)» [8. С. 37]. То есть предсказатели старались разгадать конкретную версию текста будущего, закодированного в исходном тексте текстов, в Священном Писании. В эпоху модерна будущее полагалось детерминированным исключительно направлением общественной эволюции и ходом прогресса, потому предсказанием будущего занялась наука. На этой основе стадия будущего, точнее, образ будущего становился политически контролируемым феноменом. Потребный образ будущего, репрезентируемый властью, экспонировался в виде социальной цели и политической ценности. Но сам модерн был в историко-семиотическом контексте назван «Новым временем», которое последовало за эпохой Возрождения, своего рода культурно-светской революцией. Итак, ценность «нового» была провозглашена сущностью эпохи, европейский мир космизировался в качестве нового мира.

Европейский модерн, опираясь на достижения науки и технологий, на протяжении XIX и XX столетий демонстрировал материально осязаемые фрагменты будущего, которое позволит изменить судьбу человечества: паровые двигатели, электричество, радио и телефония, летательные аппараты тяжелее воздуха, кинематограф и телевидение и т.п. Уместно здесь провести разграничения между «будущим» и «новым». И в этом плане стоит обратиться к Б. Гройсу. Автор предпосылает своей работе, посвященной постмодерну с его гипертрофированным отрицанием нового как главной черты модерна, экскурс в историю Нового времени, Просвещения. Следующие за ними эпохи, оформляясь идейно-политически подобно предшественницам, сочетали новизну и финализм в понимании будущего. Вместе с тем «будущее в модернистском сознании выглядит приблизительно так же, как представляли себе прошлое: гармоничным, неизменным и подчиненным единой истине. Утопизм модерна – своего рода консерватизм будущего» [10. С. 29–30]. Гройс помещает новое между прошлым и будущим. Новое – это ценное другое, позволяющее менять ход событий, имеющее основание войти в историческую память, в традицию. Это не слепое следование традиции (прошлому) и не ее полное отрицание. Отсюда инновации – это своего рода переоценка ценностей.

Скорость новых открытий, их наглядная утилитарность выглядели очевидным подтверждением достижимого и обустроенного будущего, покончившего с «домодерном». Мало того, презентация нового служила подтверждением того, что «мироправители века сего» служат будущему, а это снимало подозрение в том, что нынешний господствующий класс имеет одну задачу «быть в будущем». М.М. Бахтин замечал: «Вечная угроза сегоди няшнего дня (разрядка Бахтина. — Aem.) всему, что хочет выйти за его пределы: несвоевременно, не нужно, не соответствует задачам. Самое несвоевременное бывает самым свободным, самым правдивым, самым бескорыстным. Сегодняшний день не может не лгать... Сегодняшний день всегда выдает себя (когда он насильничает) за слугу будущего. Но это будущее —

будущее продолжения, преемственного гнета, но не выход на свободу» [11. С. 65–66]. Таким образом, современность подправляет образ несовершенного настоящего отсылками к «временным трудностям» на пути к будущему, пояснениями, что «слуги будущего» стараются его приблизить, одновременно используя *новое* в доказательство правильности движения по этому пути и гарантированности лучшего будущего.

Управляемое настоящее и гарантированное «будущее продолжения» закреплялись полицейскими функциями государства, причем грань между современными (право)охранительными функциями государства и стремлением к единственно верному обустройству общества, как изначально определялся полицеизм, достаточно тонкая. Но именно изначальное понимание полицеизма является онтологией гарантии беспроблемного будущего [12]. Сегодня исследователи обращаются к истории «полицейского общества» на фоне карательных акций и реакции мировой общественности на массовые протесты в США, вызванные действиями полиции, приведшие к гибели афроамериканца Дж. Флойда в Миннесоте. Эти протесты фактически вызвали непропорциональный ответ президента Трампа, пригрозившего бросить армию на подавление беспорядков, т.е. расширившего полицейские функции государства до предела. Ливия Гершон в этой связи рассматривает лишь один аспект — соотношение негосударственной и государственной полиции по защите порядка, читай — прав имущего класса [13].

Мысли 3. Баумана относительно обеспокоенности правящего класса опасностью будущего, кроющегося в вольнолюбии, строптивости, непредсказуемости подданных, совпадают с вышеприведенной оценкой М.М. Бахтиным страхов «сегодняшнего дня» перед свободой, связанной с будущим. Как и Бахтин, Бауман отмечает, что «нет более надежного противоядия от мятежных нашептываний будущего, чем монотонная, строго контролируемая рутина и любимый лозунг власть имущих: "Нет выбора!" [14]. Таким образом, оба автора сходятся в одном: власть и контроль в настоящем принадлежат тому, кто контролирует будущее. «Для достижения этой цели необходимо объявить, — писал Бауман, — что установлены такие исторические закономерности или божественные постулаты, которые образ будущего определили окончательно и бесповоротно, — или что удалось достичь такого могущества, которое позволяет влиять на ход грядущих событий, направляя их в намеченное русло» [Там же].

Консьюмеристская природа капитализма по мере сил развеивала сомнения в полноценности настоящего, давая возможность купить «будущее» в виде технических новинок, модных вещей сезона, новых продуктов питания, чудодейственных лекарств, модных фильмов и т.п. И самое примечательное, что синонимичные постмодерну теории отрицания старой эпохи модерна (цифровая, информационная, знания, сетевая и пр.), делая акцент на качественном характере перемен, не избавили будущую перспективу человечества от вещной гарантии будущего «здесь и теперь». Но капитализм в своей бинарной природе породил и альтернативную идею будущего – коммунистическую. Образ такого будущего не выходил за привычные рамки модерна, огрубляя, можно сказать, была изменена полярность: «Мы путь земле укажем новый / Владыкой мира будет труд», как пелось в популярной в социалдемократических кругах песне начала ХХ в. «Красное знамя» (Czervony

sztandar). С победой же пролетарской революции в России коммунистическая идея не просто получила «юридическую прописку» на шестой части земного шара, но могла влиять в качестве примера достижимого будущего на сознание и поведение людей за пределами советского государства. При этом задача презентации преимуществ социалистического будущего осознавалась с первых месяцев «новой эры», как определили временной водораздел творцы и идеологи революции.

Символически оформив миссию в виде восходящего солнца на гербе первого государства рабочих и крестьян, ведя борьбу с прошлым на всех фронтах – от общественного строя до быта, советская власть ухватила главную идею, чем эта революция отличалась от предшественниц. Она стала работать со смыслами, и в основу этой работы был положен Проект Великого будущего - коммунизма, сопутствовавший революционному проекту. Революционность будущего достигалась тем, что его элементы, не только вещные, но и идейно-смысловые, с энтузиазмом обнаруживались в настоящем и активно пропагандировались. Революционные мечты оформлялись в социально-политические конструкты нередко наивно-утопического характера [15]. Политическая оптика социализма была основана на том, чтобы видеть и предвидеть. И хотя предвидение было уделом классиков марксизмаленинизма в силу обладания «единственно верным» учением, а потому в их опубликованных работах, архивах, воспоминаниях о вождях отыскивалось обоснование соответствия конкретного этапа страны и, следовательно, верного пути к светлому будущему. Вместе с тем опыт внутренней классовой борьбы показал, что образ будущего «не считывается» без подготовленного реципиента, а отсюда возникла задача, как ее обозначил в своей книге Е. Добренко, «формовки советского читателя», которому в художественной форме преподносились и положительный герой, и нужные паттерны, и привлекательные образы. Но механика «политики поэтики» начинается на более высоком уровне: чтобы состоялась «формовка советского читателя», была нужна «формовка советского писателя» [16, 17]. Сила художественного слова, образы в художественных фильмах, проникая в повседневность, образовывали гибридное общество, мирящееся с трудностями настоящего во имя светлых идей будущего.

Отдельно стоит отметить индоктринационную составляющую, характерную для советской школы, и ее образный компонент, формирование плакатного стиля политического мышления [18]. В целом об обеспечении нужного будущего заботится дисциплинарная, как ее назвал М. Фуко, власть. Проявление такой власти «воздействует непрерывно, причем обращена она не на промашку или нанесенный урон, но на некую поведенческую виртуальность. Еще до того, как поступок будет совершен, должно быть замечено нечто, позволяющее дисциплинарной власти вмешаться – вмешаться в известном смысле до совершения поступка, до тела, жеста или слова, на уровне виртуальности, предрасположенности, воли; на уровне души» [19. С. 70]. Фуко отмечает паноптический характер этой власти: «Видеть все, видеть всегда, видеть всех». Добавим, и видеть дальше всех, по крайней мере, навязывать эту мысль людям. Работа с образом будущего сродни формированию иллюзий, надо создать впечатление у людей, что они видят то, чего нет. И эта работа велась не только в индоктринационном пространстве школьного класса, но и

общества в целом и, шире, в мировом масштабе. Фактически страна Советов стала школой будущего для всего мира. Ф. Фюре писал: «Иллюзия не просто "сопровождает" коммунизм, она его созидает: она не зависит от его развития ибо предшествует опыту... Ее основой является политическое воображение современного человека» [20. С. 14]. Человеку модерна капитализм предложил идею прогресса вместо идеи Бога, социализм как отрицание капитализма - на тех же принципах прогресса всеобщее царство коммунизма. Крах этой идеи, дегуманизация образа коммунизма вновь ввергла наших современников в темный туннель истории, где не видно конца, «куда человек углубляется, не зная, к чему приведут его действия, не уверенный в своем будущем и в научной обоснованности того, что он делает. Лишившийся Бога, демократический индивид увидел с тоской, как в конце века зашаталось на своем пьедестале божество истории: эту тоску ему еще предстоит заклясть. Страх перед неуверенностью соединяется в его сознании с возмущением по поводу того, что будущее закрыто» [Там же. С. 558]. Таким образом, опыт альтернативного советского проекта показал, с одной стороны, важность образа будущего и работы по его формированию, а с другой – человек, живущий в двух мирах – реальном и иллюзорном, не мог быть постоянно очарованным последним, закрывая глаза на действительность, и политическую в том числе.

Конструирование будущего в модерне производилось в категориях исторического сознания, постулировавшего, что все человечество идет по одному пути, заданному объективными законами. Этот путь ведет к моноцели - достижению высшей стадии социального развития. Такому уровню соответствовали «коммунистическое» общество (К. Маркса) и «постиндустриальное» общество (Д. Белла), но и то и другое представляли собой лишь умозрительно созданные конструкции социальных ученых. Такой подход позволял считать неотвратимое будущее предсказуемым, а значит, политически управляемым. Интересно, что в конце 1980-х гг. Ф. Фукуяма под своей знаменитой метафорой «конца истории» подразумевал, что история должна была завершиться на стадии «либеральной демократии». Однако, полагал он, высшая стадия пролонгируется в виде текста в пределах дальнейшего внутреннего совершенствования формы. Итак, научная абстракция гиперпроектов, основанная на изучении объективных законов, перешла в обычный философский текст, содержащий субъективную точку зрения. В отличие от Фукуямы, прогноз которого до сих пор критикуется за несбыточность, Ф. Уэбстер полагает, что постиндустриальное общество (ПИО) и есть «информационное общество» в конце прошлого века [21. С. 79]. А мы, получается, живем в будущем информационного общества, его цифровой «версии».

Несмотря на фантазийную природу образа будущего, ассоциируемого с индивидуальным креативным сознанием, образ будущего является и в виде социальной типизации, возникающей в коллективном сознании, особенно в переломные эпохи. В чем же состоит политическое управление образом будущего в контексте коммуникации? В данном понимании образ будущего выступает в виде проекта или замысла о будущем, который власть презентует в качестве социально привлекательного. Другими словами, управление начинается с конструирования конкретного образа будущего, признанного самой политической властью в качестве социальной стратегии. У власти есть два варианта источника для моделирования такого рода доминирующего пред-

ставления о будущем. Первый вариант — используется креативное творчество интеллектуала (социального ученого, футуриста), создающего сам воображаемый объект и его субъективную конструкцию, она и кладется в основу официальной стратегии-репрезентации будущего. Второй — за основу социальной стратегии берутся готовые социальные типизации и продукты коллективного воображения, которые оформляются в политические проекты власти. И в том и в другом случае власть «запускает» проект будущего в коммуникативный процесс семиотического «чтения» текста.

При этом само будущее как феномен, воспроизведенный в представлении или образе, становится репрезентативной социальной ценностью и превращается в объект политического управления социальным «знанием» о будущем, опирающимся на научное предвидение. Потому футурология в новое время постепенно трансформировалась в особую отрасль социологии будущего со своим футурологическим методом. Основным способом описания будущего стала прогностика, выстраивающая модель будущего в качестве объекта прогнозирования. А поскольку будущее как объект может быть лишь фантазийным, модель заведомо приобрела характер абстракции. Объективная сторона такого моделирования сводилась к использованию «объективных» законов, основанных на объективно же понимаемых верифицируемых фактах. Но с точки зрения феноменологии, как уже подчеркивалось, факты всегда субъективно проинтерпретированы, потому и выведенные из «фактов» законы и приобретали характер сугубо умозрительный. Получалось, что все конструкции общества будущего заведомо являются абстракциями социальных ученых. По сути же, политическое управление будущим заключалось в навязывании одной идеальной модели в качестве эталонного образа, соответствующего эксклюзивной истине, которая дискурсивно «производилась» самой властью.

Более того, представление модернистского толка об обусловленности будущего естественными законами общественного развития парадоксально сводилось к превращенному, хотя и научно обоснованному суждению о вероятном, т.е. о возможном состоянии объекта управления. Тем самым даже политически управляемое будущее оказывалось все же достаточно неопределенным с точки зрения его основ. Если будущее при этом становилось политической целью, то власть создавала управленческую стратегию, релевантную для ее достижения. Но в силу неопределенности феномена будущего и субъективности образной конструкции само направление «движения» к целибудущему могло приобретать лишь качественное описание. Потому научное прогнозирование в деле политического управления сознанием подменялось действием «культурного» моделирования, т.е. уже ранее нами описанного символического программирования будущего, и оформлением понятия.

Тем самым будущим можно было управлять, но управление осуществлялось, по сути, виртуально с помощью символического образа будущего. В данном случае сама модель становилась синонимом репрезентации или образа. Управляемое будущее сводилось к некоей конструкции сознания, субъективной реальности (в случае веры в будущее-ценность), и фактами-конструктами данной реальности выступали символические характеристики. При этом «альфой и омегой» моделирования все равно выступает «теоретическая» база, само наличие теоретического компонента. И образ будущего отображает не столько «факты» настоящего, сколько абстрактную схему,

вписанную в ментальный контекст исторической эпохи [22]. В целом представление о будущем вошло в доминирующий модернистский дискурс в пределах структуры общепризнанного знания. Смысловым маркером, носителем смысла и значимой характеристикой постиндустриального общества стало символическое качество «информатизация».

Если в модерне научно сконструированный образ будущего полагался репрезентативным, адекватно отражающим объективную действительность в ее развитии, то в постмодерне образ вообще (и образ будущего, в частности) потерял именно свою репрезентативность. Так называемый «кризис репрезентации» поставил под сомнение возможность социальных наук познавать будущее на основе макропроектов, артикулировавших образец, в сущности, безальтернативного будущего. В постсовременности, особенно 1990-х гг., получили распространение сценарии будущего. Сценарирование представляло собой суперабстрактную спекуляцию, содержащую заведомые варианты, гипотетически обозначающие интенции будущего. Универсальная конфигурация включала три подсценария: пессимистический, оптимистический и промежуточный. Этот типовой спектр возможностей делал предсказание будущего еще более неопределенно-абстрактным, а семиотику будущего разнонаправленной. Не удивительно, что политическая власть в лице ее представителей с тех пор и по сей день не любит говорить о будущем, сводя разговор о ценностях к настоящему или прошлому. То есть образ будущего из сферы конструктивного творчества политической власти, когда представление о будущем конституировалось как смысловой мир, переместился в пространство политической деконструкции текстов. Сегодня будущее как политический текст превращается в «пустую» символическую форму, когда знаки ничего не обозначают и обессмысливаются. И проблема здесь коммуникативная, поскольку нет адекватного языка для «написания» текста будущего. Модернистский политический текст будущего «разобран», но не переосмыслен для постмодернистской эпохи. Представление о прогрессивном грядущем обществе разрушено, но новое будущее еще не изобретено и «не облечено» в форму образа.

Однако в 2020 г. в глобальной политической коммуникации стали воссоздаваться смысловые конструкции на языке образов. Так, в связи с коронакризисом актуализировалась мифосхема «хаос – космос» и в настоящем стали выявляться символические «предзнаменования» будущего. В медиатекстах появились значащие сообщения типа: «Следом за коронавирусом 2020 г. обещает нагревающейся планете пожары, ураганы, наводнения, засуху. А также библейское нашествие саранчи» [23]. Эсхатологичность характеристик предсказываемого будущего свидетельствует о том, что медианарратив о кризисе стал разновидностью политического текста. Медианарратив, «пишущийся» сегодня на языке образов конца света, преподносит «историю» с очевидным смыслом и создает почву для встречного предложения политических проектов будущего во спасение мира. Теперь очередь за конструктивной политической властью.

Литература

1. *Щербинина Н.Г.* Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 219–232.

- 2 Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной лит., 2004. 728 с.
- 3. *Кассирер* Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарика, 1998. С. 440–722.
- 4. *Щербинина Н.Г.* Политический образ и имидж: соотношение понятий // Политический маркетинг. 2010. № 4 (145). С. 71–78.
 - Гирц К. Политика смысла // Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 362–380.
- Гирц К. Религия как культурная система // Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 104–148.
- 7. *Лотман Ю.М. (совместно с А.М. Пятигорским)* Текст и функция. Статьи по типологии культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство СПб, 2001. С. 434–442.
- 8. *Успенский Б.А.* Вместо введения. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Этюды о русской истории. СПб. : Азбука, 2002. С. 9–76.
- 9. Гаврилюк Т.В. Понятие «образ будущего» в категориальном поле феноменологической психологии. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-obraz-buduschego-v-kategorialnom-pole-fenomenologicheskoy-psihologii (дата обращения: 29.05.2020).
- 10. Гройс Борис. О новом. Опыт экономики культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 240 с.
- 11. *Бахтин М.М.* Риторика, в меру своей лживости... // Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 63–70.
- 12. *Щербинин А.И*. Через полицеизм к тоталитаризму // ПОЛИС. Политические исследования. 1994. № 1. С. 142–149.
- 13. $Gershon\ L$. The Birth of the "Policed Society" https://daily.jstor.org/the-birth-of-the-policed-society/
- 14. *Бауман 3*. Пять прогнозов и множество оговорок // Иностранная литература. 2006. № 8. URL: https://magazines.gorky.media/inostran/2006/8/pyat-prognozov-i-mnozhestvo-ogovorok.html (дата обращения: 01.06. 2020).
- 15. Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. NY-Oxford: Oxford University Press, 1989. 307 p.
- 16. Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. Серия: Современная западная русистика. СПб. : Академический проект, 1997. 322 с.
- 17. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. Серия: Современная западная русистика. СПб. : Академический проект, 1999. 558 с.
- 18. *Щербинин А.И*. Плакатный стиль политического мышления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 59–75.
- 19. Φ уко M. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 году. СПб. : Наука, 2007. 450 с.
 - 20. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem, 1998. 639 с.
 - 21. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
- 22. Желтикова И.В. Образ будущего как исследовательская парадигма. URL: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2011/Philosophia/6_89151.doc.htm (дата обращения: 30.05.2020).
- 23. *За коронавирусом* идут потоп, засуха и голод. Прогнозы на 2020 год становятся все мрачнее. 27.04.2020. https://news.mail.ru/society/41556131/ (дата обращения: 03.06.2020).

Alexey I. Shcherbinin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: shai52@mail.ru

Nina G. Shcherbinina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 285–299.

DOI: 10.17223/1998863X/56/25

POLITICAL CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF THE FUTURE

Keywords: political construction; image of the future; modeling; text; meaning; communication; management; reality.

In the article, the image of the future is examined as a symbolic form for political communication and is associated with the constructive activities of the authorities to represent the future. Therefore, the image appears in a conceptual form, being the bearer of meaning. The main semantic context is

culture, and the language of political culture creates a form of understanding, while the main linguistic means is text. In terms of producing texts and meaningful messages, culture is constructive. The authors interpret the image of the future as such a text. Construction is based on a modeling method where the cultural model serves as a program. So, a text message about the future constructs the reality of the future and we "read" this text in the language of images. In political culture, the text of the future shows its projective character, and the future appears to the imagination as a universally valid goal. When juxtaposing times in the semiotic way, the first place is taken by the present, where all images are signified. The image of the future is given only in the categories of apperception; this is an indubitable construct, idealized and close to the imaginary world. Since the future exists in the modus of probability and in the casus of opportunity, it is, in fact, virtual. In the present, the future is encoded in language. If the "writer" of the text is usually a futurologist, a social scientist, or a political visionary, then the "reader" is the "collective personality". This is how the image of the future, representing the mental trend of the present (connected with the past), is formed. Actually, people believe in the "code", "knowledge", which is transmitted through political communication. The main model of a politically controlled future is the "chaos - cosmos" mythology, according to which a new world is being proclaimed. The medieval foresight of the future was based on the idea of predestination. In the modern period, with its value of the "new", the idea of determinism dominated, which is paid special attention to in the article. In view of this, the concepts "new" and "future" are distinguished. It is concluded that political power used the symbolism of the "new" to shift the emphasis from the problems of the present to a prosperous future and thus drew its foundation from it (Zygmunt Bauman). Both Mikhail Bakhtin and Zygmunt Bauman came to the same conclusion: control over the future legitimizes power in the present. But the nature of capitalism and the class character in the distribution of its symbolic awards led to the materialization of two projects of the future: "Soviet" and "informational". Two modes of penetration of the future into the present arose: the purchase of its material attributes and the preparation of special political optics for its identification. In the era of postmodernity, under the conditions of the deconstruction of the image of the future, the symbolic activity of the authorities in modeling the future almost came to naught.

References

- 1. Shcherbinina, N.G. (2019) The Definition of Media Reality and Communication in the Context of the Theory of the Political Construction of Reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 219–232. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/19
- 2. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat'*, *istoriya*, *zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
- 3. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Experience about man. Introduction to the philosophy of human culture]. Translated from German by A.N. Malinkin et al. Moscow: Gardarika. pp. 440–722.
- 4. Shcherbinina, N.G. (2010) Politicheskiy obraz i imidzh: sootnoshenie ponyatiy [Political image and image: correlation of concepts]. *Politicheskiy marketing*. 4(145). pp. 71–78.
- 5. Geertz, C. (2004a) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN. pp. 362–380.
- 6. Geertz, C. (2004a) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN. pp. 104–148.
- 7. Lotman, Yu.M. & Pyatigorsky, A.M. (2001) Tekst i funktsiya. Stat'i po tipologii kul'tury [Text and function. Articles on the typology of culture]. In: Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo SPB. pp. 434–442.
- 8. Uspensky, B.A. (2002) *Etyudy o russkoy istorii* [Sketches on Russian History]. St. Petersburg: Azbuka. pp.9–76.
- 9. Gavrilyuk, T.V. (2016) The "image of the future" concept in the categorical field of the phenomenological psychology. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 5. (In Russian). [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-obraz-buduschego-v-kategorialnom-pole-fenomenologicheskoy-psihologii (Accessed: 29th May 2020).
- 10. Groys, B. (2015) *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [About the new one. The experience of the economy of culture]. Moscow: Ad Marginem Press.
- 11. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 63–70.

- 12. Shcherbinin, A.I. (1994) Cherez politseizm k totalitarizmu [Through policeism to totalitarianism]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya Polis. Political Studies*. 1. pp. 142–149.
- 13. Gershon, L. (2016) *The Birth of the "Policed Society"*. [Online] Available from: https://daily.jstor.org/the-birth-of-the-policed-society/
- 14. Bauman, Z. (2006) Pyat' prognozov i mnozhestvo ogovorok [Five forecasts and many reservations]. *Inostrannaya literatura*. 8. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/inostran/2006/8/pyat-prognozov-i-mnozhestvo-ogovorok.html (Accessed: 1st June 2020).
- 15. Stites, R. (1989) Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York; Oxford University Press.
- 16. Dobrenko, E. (1997) Formovka sovetskogo chitatelya: sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury. Seriya: Sovremennaya zapadnaya rusistika [Forming the Soviet reader: social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature. Series: Modern Western Russian Studies]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
- 17. Dobrenko, E. (1999) Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury. Seriya: Sovremennaya zapadnaya rusistika [Forming a Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literary culture. Series: Modern Western Russian Studies]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
- 18. Shcherbinin, A.I. (2011) Poster style of political thinking: distinctiveness and ways of formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 3(15). pp. 59–75. (In Russian).
- 19. Foucault, M. (2007) *Psikhiatricheskaya vlast': Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1973–1974 godu* [Psychiatric power: A course of lectures at the College de France in 1973–1974]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.
- 20. Furet, F. (1998) *Proshloe odnoy illyuzii* [The Past of One Illusion]. Translated from French by E.M. Kozhokin. Moscow: Ad Marginem.
- 21. Webster, F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow: Aspekt Press.
- 22. Zheltikova, I.V. (2011) *Obraz budushchego kak issledovateľ skaya paradigm* [The image of the future as a research paradigm]. [Online] Available from: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2011/Philosophia/6 89151.doc.htm (Accessed: 30th May 2020).
- 23. BBC. (2020) Za koronavirusom idut potop, zasukha i golod. Prognozy na 2020 god stanovyatsya vse mrachnee [The coronavirus is followed by flood, drought and famine. Forecasts for 2020 are getting gloomier]. 27th April. [Online] Available from: https://news.mail.ru/society/41556131/(Accessed: 3rd June 2020).

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УЛК 329.12

DOI: 10.17223/1998863X/56/26

Л.Г. Фишман

МОРАЛЬ И КАПИТАЛИЗМ: КОНЕЦ ДАРМОВОГО РЕСУРСА?

Статья посвящена анализу некоторых аспектов положения, которое занимает мораль в политических, философских, религиозных и научных дискурсах, посвященных капитализму. Описана парадоксальная ситуация, связанная с тем, что в этих дискурсах моральные ценности описываются одновременно как товар и не-товар. Выдвигается предположение, что истоки данной ситуации связаны с необходимостью использования морали как «дармового ресурса» на ранних этапах развития капитализма. Рассматриваются ключевые тенденции в области экономики и идеологии, свидетельствующие об истощении этого «дармового ресурса».

Ключевые слова: капитализм, мораль, товар, коммодификация, неолиберализм.

У капитализма традиционно сложные отношения с моралью. Они обусловлены тем, что в господствующих политических и научных дискурсах капитализм (рынок) не способен сам по себе обеспечить индивида действительно сильной моральной мотивацией. Капитализму парадоксальным образом соответствует кантовское представление о действительно моральном действии как действии, лично не заинтересованном по определению. С этой точки зрения капиталистический рынок, агенты которого руководствуются императивом максимизации прибыли, не может породить никакой достойной этого звания собственно «морали». И даже если мы не столь категоричны и признаем присущую капиталистическому рынку негативную свободу в качестве моральной ценности, то она слаба именно как моральная. Большая часть попыток описать капиталистический рынок как источник самостоятельных моральных ценностей (прежде всего, негативной свободы) исходит из представления о человеке как максимизаторе прибыли. Но это верно лишь для меньшей части общества – предпринимателей, тогда как большая часть агентов на рынке таковыми не является. Трудящиеся вовсе не обязательно рассматривают себя как максимизаторов прибыли хотя бы потому, что получают не ее, а заработную плату. Словом, какими бы яркими ни были выступления апологетов капиталистических рынков как генераторов моральных ценностей, вроде Айн Рэнд, эта точка зрения остается уделом меньшинства. Для большинства капитализм легитимируется только как нечто ограниченное моралью извне, причем сама мораль в деньгах не оценивается.

Таким образом, специфически моральная мотивация фактически исключается из поведения человека на рынке. Если мораль на нем имеет значение, то либо внешнее, либо узко инструментальное. В последнем случае имеется в виду то, что рынок вознаграждает не собственно «моральное» поведение, а лишь следование таким конвенциональным нормам поведения на рынке, ко-

торые призваны обеспечить для большинства его агентов достижение прибыли. Конечно, никто не может помешать индивиду на рынке вести себя более морально, чем требуется. Но это «избыточная моральность» – и этим все сказано [1. P. 414–417].

Мы здесь хотим обратить внимание на то, что в итоге на уровне господствующих идеологем не создается сильных предпосылок для приписывания морали экономической ценности. Моральная *ценность* принципиально не рассматривается как нечто способное конвертироваться в рыночную *цену*: добродетель — сама себе награда. Ряд влиятельнейших идеологических дискурсов (от христианских до социалистических) основывается на прямом отрицании товарности моральных ценностей. В радикальной постановке вопроса моральные ценности — не товары, но то, что либо прямо противостоит, либо ограничивает сферу товарных отношений. Более того, нередко считается, что капитализм только и способен существовать, если его ограничивает сфера нетоварной морали (христианской, традиционной, демократически или социалистически идеологизированной и т.д.); капитализм эволюционирует под давлением этой морали и пр.

В то же время издавна ведутся разговоры о продаже всего при капитализме – в том числе и моральных ценностей. Еще Маркс писал: «Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это – время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т.д., – когда все, наконец, стало предметом торговли. Это – время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносится на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости» [2. С. 28].

Мораль как товар и не-товар

Иными словами, при капитализме *мораль одновременно признается* одним из товаров и отрицается в качестве такового.

Чем обусловлено такое до сих пор актуальное, парадоксальное положение морали в дискурсах, как легитимирующих, так и критикующих капитализм? И будет ли этот парадокс когда-либо преодолен?

Такое положение, на наш взгляд, обусловлено наследием ранних этапов развития капитализма. В данном случае мы имеем дело с базовым уровнем буржуазной идеологии¹, исторически предназначенным для «внутреннего употребления», т.е. для легитимации капитализма в глазах членов обществ, в которых капитализм зародился автохтонно, а не был привнесен извне (страны центра капиталистической миросистемы). Почему описанная выше парадоксальная ситуация остается чрезвычайно важной для легитимации и становления капитализма?

¹ Под буржуазной идеологией в данном случае мы подразумеваем совокупность политических, религиозных, моральных дискурсов, способствующих воспроизводству капитализма как общественного строя.

302 Л.Г. Фишман

Капиталистическая стратегия максимизации прибыли естественным образом заинтересована в сокращении расходов. Капитализм, таким образом, нацелен на поиск ренты под видом честной прибыли с труда и капитала [3]. Поэтому максимально возможное количество используемых ресурсов должно быть дешевым, а желательно и вовсе дармовым, по крайней мере, пока общество и государство не переведут их в разряд платных. С этой точки зрения исключение морали из рынка является одним из ключевых условий для развития капитализма - и далеко не только в том смысле, что это снимает моральные барьеры в погоне за прибылью. Это также означает и переведение морали в категорию дармового ресурса – ресурса, который в действительности присутствует на рынке как образующий стоимость товаров фактор, но подчеркнуто игнорируется, не учитывается. Отголосок этого мы видим еще у М. Вебера в его тезисе о развитии духа капитализма как непреднамеренного следствия эволюции протестантской морали и религии. Действительно, какой разговор может быть о рыночной стоимости морали, если ее реципиенты видят «в труде и интенсивном предпринимательстве свой долг перед Богом» [4. C. 204]?

Это одна, возможно, такая же непреднамеренная, как развитие духа мирской аскезы из религиозной, - стратегия превращения морали в дармовой ресурс. Другая, которая имеет место быть и сегодня [5, 6], заключается в приписывании рынку мощного генерирующего мораль значения - «рынок дал миллиардам смысл жизни, шанс на веру и надежду путем непосредственного участия в создании вещей для рынка» [7]. Этот имеющий давнюю историю ход мысли начинает с того, что дух коммерции смягчает нравы, продолжает тем, что работные дома избавляют пролетариев от порока лени, а фабрика воспитывает в них аккуратность и дисциплину и т.д. И это в какойто мере подтверждается историей. Столетие-полтора назад, как иронично замечает Ха-Джун Чхан, «японцы были ленивыми, а не трудолюбивыми; чрезмерно независимого склада... а не преданными «тружениками-муравьями»; эмоциональными, а вовсе не непроницаемыми; беспечными, а не серьезными; живущими сегодняшним днем, а не строящими планы на будущее... немцы были праздными, а не эффективными; индивидуалистами, а не склонными к сотрудничеству; эмоциональными, а не рациональными; туповатыми, а не толковыми; бесчестными и вороватыми, а не законопослушными; беззаботными, а не дисциплинированными» [8]. Что избавило немцев и японцев от этих неприглядных черт? Конечно, капитализм! И такие же благодеяния он оказал и другим народам. Словом, предполагается, что соответствующая качественной наемной рабочей силе (и вообще модерну) мораль изначально не существует и формируется самим капитализмом в людях ради их же собственного и общественного блага. Таким образом, общество должно быть благодарно капитализму за моральное совершенствование и как бы не само доплачивать ему за это.

Какими бы разными ни казались описанные выше два дискурса относительно соотношения капитализма и морали, результат на базовом уровне буржуазной идеологии один: *мораль в обоих случаях не учитывается как источник стоимости товаров*. С ней примерно такая же ситуация, какая до недавних пор была с «невидимостью женщин» [9. С. 88–89] в экономической науке: с одной стороны, вроде бы очевидно, что их домашний труд и выпол-

нение ряда социальных ролей имеет огромное экономическое значение; с другой – его веками не учитывают и почти не пытаются оценивать в деньгах, поскольку он как бы не относится к сфере «экономики». Так же и по тем же причинам обстоит дело и с моралью. Ее роль как экономического фактора очевидна на уровне здравого смысла. Так, еще со средних веков, если не с античности, труд добросовестного, следующего, к примеру, гильдейским моральным кодексам работника оценивается выше, чем труд бездельника. Позже капиталист требует от своих работников прилежания, трудолюбия, честности и пр., резонно полагая, что иначе он не извлечет из их труда достаточного количества прибавочной стоимости. Но на рынке мораль официально не стоит ничего. В лучшем случае моральные качества производителей товаров подразумеваются в качестве одного из источников рыночной цены, если речь заходит о «репутации» или «брэнде». Тем не менее обычно говорится об оплате «труда», «квалификации», о вознаграждении «изобретательности» и «инициативы» (если речь идет о предпринимателе), но не моральных качеств производителя товара или услуги. И все это происходит под аккомпанемент рассуждений о недопустимости сведения морали к товару, о бесценности моральных ценностей, о высоком значении бескорыстного служения обществу и т.д., с которыми мы имеем дело и сегодня.

Мораль как дорогой всемирно-исторический товар

Картина сильно меняется, когда мы переходим к идеологическим и научным дискурсам, в которых капиталистические общества с их моралью рассматриваются в глобальном историческом и политическом контексте, когда речь заходит об экономическом (и не только) оправдании доминирования развитых капиталистических стран. Тут мы сталкиваемся с фактическим признанием огромной денежной (по крайней мере «экономической») цены определенных моральных ценностей. Мораль, чья цена с негодованием игнорируется на уровне идеологии «для внутреннего употребления», начинает почти открыто описываться как источник стоимости (сравнительно более высокой капитализации) на другом уровне идеологии. Такое обычно происходит при сравнении экономической эффективности и прогрессивности капитализма и предшествующего ему общественного строя, особенно при сравнении передовых и отсталых стран. Иными словами, мораль почти буквально приобретает огромную цену во всемирно-историческом контексте. В ранней идеологической версии признания этой цены моральное превосходство Запада объявляется чуть ли не главным источником экономических и политических преимуществ. Дух империализма в значительной мере определяется этим специфическим сочетанием морального преимущества в хозяйстве и такого же преимущества в военной области. Передовые народы подавляют своих противников в экономике и на поле боя также и своим моральным превосходством «белого» «цивилизованного» человека. И что, в таком случае, как не мораль, является источником «империалистической ренты» [10] – разницы между уровнями оплаты труда в центре мирового капитализма и на его периферии?

Ослабленный вариант этого сплава империалистического самодовольства и морально-экономической калькуляции мы обнаруживаем в современных вариациях реалистической или волюнтаристской парадигм, описываю-

304 Л.Г. Фишман

щих культурные и институциональные предпосылки «успешной экономики» (капитализма). В реалистической парадигме культурные картины мира порождают (или не порождают) рыночные институты; капитализм процветает в одних моральных и культурных контекстах, но спотыкается в других. С волюнтаристской точки зрения, наоборот, заимствование пронизанных «правильной» моралью экономических и политических институтов может стать достаточной причиной для достижения процветания: «нужны лишь правильные ингредиенты и политическая воля, чтобы воплотить план в действие» [11. С. 160].

В любом случае как в изначальном империалистическом дискурсе, так и в его сравнительно вегетарианских вариациях (вроде «культура имеет значение») мораль *оплачивается* опосредованно на глобальном уровне, являясь источником своего рода морально-империалистической ренты. Разумеется, большая часть ее достается элитам, но свою долю в качестве «крошек с барского стола» получают и остальные — как члены передовой морально-экономической общности.

Конец дармовщины?

Сохранится ли в буржуазном идеологическом дискурсе подобное парадоксальное отношение к морали в дальнейшем? Есть основания предполагать, что в обозримом будущем товарность морали будет признана *на всех уровнях* буржуазной идеологии, большинством доминирующих политических, экономических, научных дискурсов.

Так, популярная критика неолиберальной коммодификации обличает ее в распространении «экономических» отношений на то, что раньше не покупалось и не продавалось: неолиберальная рациональность торжествует «в государственном управлении и на рабочих местах, в юриспруденции, образовании, культуре и широком поле повседневной деятельности», преобразуя «отчетливо политические характер, смысл и действие фундаментальных элементов демократии в экономические» [12. С. 99]. Предсказывается полная коммодификация человеческой природы, когда товаром станут наши гены, мечты и страхи, а прибыль будет извлекаться из тюрем в такой же мере, как из спекуляций основными продуктами питания [13]. Критиками капитализма неолиберальная коммодификация описывается как уже практически актуально всеохватная: человек целиком, от его телесного здоровья до личных связей, начинает осмысливаться как «человеческий капитал», в который нужно постоянно инвестировать. Но даже если отложить в сторону критический пафос, то трудно не замечать новейшей тенденции, которая заключается, по словам Дж. Малагана, в формировании «экономики отношений»: «поражает не рост использования технологий облачного хранения и обработки данных или генной терапии, но, скорее, переход от экономики, состоящей из вещей, из производства, продажи и потребления, к экономике, основанной на отношениях, обслуживании и заботе» [14. С. 228]. Так, в развитых экономиках уже сейчас в образовании, здравоохранении, туризме и т.д. занято больше людей, чем в производстве. И при этом основная их деятельность связана не с использованием каких-то новых технологий, а подразумевает предложение клиенту «заботы», «дружбы», «понимания», «общения» и даже «близости» – всего того, что невозможно не только эффективно продавать, но и в принципе производить, если производитель услуги не обнаруживает в себе ряда соответствующих моральных качеств.

В то же время на уровне социальной теории, прежде всего экономической социологии, достаточно давно уже стало мейнстримом описывать мораль и рынок как глубоко переплетающиеся сферы [15]. Современная экономическая социология дистанцируется от некогда популярных предположений о том, что экономическое поведение по своей природе является асоциальным [16. Р. 141].

Казалось бы, от этого остается только один шаг до фактического признания морали товаром.

Проблема заключается в том, что полное признание товарности морали означает исчезновение важнейшего для капитализма дармового источника стоимости. С этой точки зрения давно высказываемое негодование и сожаление ввиду тенденции к полной коммодификации моральных ценностей вызвано страхом перед тем, что дармовой ресурс заканчивается и постепенно истощится совсем. Зеркальная разновидность выражения этого страха заключается в сетованиях по поводу утраты «трудовой этики», а также ряда других укорененных в культуре моральных качеств, ранее обеспечивавших динамизм и высокую конкурентоспособность западной культуры [17. С. 10–11]. Здесь страх и сожаление высказываются как раз по поводу обесценивания моральной компоненты рабочей силы — так товарность морали признается по принципу от противного.

В любом случае мы имеем дело с глобальным феноменом тотальной коммодификации, когда товаром постепенно начинает признаваться все – от культуры в широком смысле слова до морали как ее части. Ведь если культура и мораль имеют не только «значение», но и цену, то это оправдывает требования со стороны работников *платить еще и за это*. Иными словами, то, что сейчас осмысливается как неолиберальная коммодификация все новых сфер жизни, имеет свою оборотную сторону: она подразумевает и для трудящихся моральное право требовать платы «за все».

Но возможность потребовать платы «за все» означает очередной подкоп не только под капитализм, но и под сопутствующие ему политические институты, которые также нуждаются в дармовой морали в виде бескорыстного гражданского духа. Однако социально-политические последствия окончательного исчезновения дармовой морали — тема отдельного исследования.

Литература

- 1. Ci T. Justice, Freedom, and the Moral Bounds of Capitalism // Social Theory and Practice. Vol. 25, № 3 (Fall 1999). P. 409–438.
 - 2. Маркс К. Нищета философии. М.: ОГИЗ. ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941. 184 с.
- 3. *Фишман Л.Г., Давыдов Д.А.* От капитализма к рентному обществу? // Полития. 2015. № 1. С. 39–54.
 - 4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- 5. *Нравственность* капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. М. : Новое издательство, 2012. 138 с.
 - 6. Рэнд А. Апология капитализма. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 360 с.
- 7. Маклосски Д. Умирание с понедельника по пятницу: делает ли нас труд рабами капитализма. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/16951-umiranie-s-ponedelnika-po-pyatnitsu-delaet-linas-trud-rabami-kapitalizma (accessed: 01.02.2019).

306 Л.Г. Фишман

- 8. *Xа-Джун Чхан*. Недобрые самаритяне: Миф о свободе торговли и тайная история капитализма. 2008. URL: http://worldcrisis.ru/files/1613511/chang_bad_samaritans_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4 2. Pdf (accessed: 01.02.2019).
- 9. Вулли Φ . Феминистский вызов неоклассической экономической теории // Thesis. 1994. Вып. 6. С.77–100.
- 10. Амин С. Траектория исторического капитализма и призвание марксизма в третьем мире. URL: http://scepsis.net/library/id 3642.html (accessed: 01.02.2019).
- 11. Фуркад М., Хили К. Моральные воззрения на рыночное общество // Символическая власть: социальные науки и политика. Socio/ΛΟΓΟΣ'2011. М.: Университетская книга, 2011. С. 127–186.
- 12. Браун В. Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта // Неприкосновенный запас. 2018. № 4. С. 99–129.
- 13. Leys C., Harriss-White B. Commodification: the essence of our time. URL: www.opendemocracy.net/ourkingdom/colin-leys-barbara-harriss-white/commodification-essence-of-our-time (accessed: 08.11.2018).
- 14. *Малган Дж*. Саранча и пчела: Хищники и творцы в капитализме будущего. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 400 с.
- 15. *Бердышева Е.С.* От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2012. Т. 13, № 1. С. 67–85.
- 16. Macekura S., Mcrorie C., Cebul B., Ticona J., Maiers C., Elias A., O'Connor J., Schrum E. The Relationship of Morals and Markets Today: A Review of Recent Scholarship on the Culture of Economic Life // An Interdisciplinary Journal. 2016. Vol. 99, № 2. P. 136–170.
- 17. *Фелис Э.* Массовое процветание: Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 472 с.

Leonid G. Fishman, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: lfishman@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 300–307.

DOI: 10.17223/1998863X/56/26

MORALITY AND CAPITALISM: DEPLETION OF THE FREE RESOURCE?

Keywords: capitalism; morality; commodify; commodification; neoliberalism.

The article analyzes some aspects of the position of morality regarding political, philosophical, religious, and scientific discourses devoted to capitalism. The paradoxical situation of these discourses is that they describe moral values simultaneously as a commodity and a non-commodity. On the one hand, exclusion of morality from the market is one of the key conditions for the development of capitalism, and not only in the sense that it removes moral barriers in pursuit of profit. It also means the transfer of morality into the category of a free resource. This resource is actually present on the market as a cost factor, but is pronouncedly ignored, not considered. On the other hand, for the ideological and scientific discourses that analyze capitalist societies in a global historical context, the picture is completely different. Here we face the actual recognition of the enormous monetary value of certain moral values. The authors of these discourses almost openly describe morality, whose price is ignored at the level of ideology "for internal use", as a source of value. Overall, the authors recognize that morality is paid indirectly at the global level, being the source of a kind of a moral-imperialist rent. In conclusion, the author of the article raises the question; will a similar paradoxical attitude to morality continue in ideological discourses that legitimize capitalism? He suggests that in the foreseeable future most of the dominant political, economic, and scientific discourses will recognize moral marketability. One can see the consideration of some trends in the field of economics and ideology, testifying to the actual recognition of morality as a commodity, i.e. to the depletion of morality as a "free resource". Political consequences of this can be quite ambitious: if morality has not only value but also price, this implies a moral right of workers to demand payment "for everything".

References

1. Ci, T. (1999) Justice, Freedom, and the Moral Bounds of Capitalism. *Social Theory and Practice*. 25(3). pp. 409–438. DOI: 10.5840/soctheorpract199925324

- 2. Marx, K. (1941) *Nishheta filosofii* [The Poverty of Philosophy]. Translated from German. Moscow: OGIZ; GOSPOLITIZDAT.
- 3. Fishman, L.G. & Davydov, D.A. (2015) From capitalism to rent society? *Politiya Politeia*. 1. pp. 39–54. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2015-76-1-7-39-54.
- 4. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
- 5. Palmer, T. (ed.) (2012) Nravstvennost' kapitalizma. To, o chem vy ne uslyshite ot prepodavateley [The Morality of Capitalism: What Your Professors Won't Tell You]. Translated from English by M. Korobochkin. . Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- 6. Rand, A. (2003) *Apologiya kapitalizma* [Apology of Capitalism]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 7. Maklosski, D. (n.d.) *Umiranie s ponedel'nika po pyatnitsu: delaet li nas trud rabami kapitalizma* [Dying from Monday to Friday: Does Labor Make Us Slaves of Capitalism]. [Online] Available from: https://theoryandpractice.ru/posts/16951-umiranie-s-ponedelnika-po-pyatnitsu-delaet-li-nas-trud-rabami-kapitalizma (Accessed: 1st February 2019).
- 8. Chang Ha-Joon. (2008) *Nedobrye samarityane: Mif o svobode torgovli i taynaya istoriya kapitalizma* [Bad Samaritans: The Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism]. [Online] Available from: http://worldcrisis.ru/files/1613511/chang_bad_samaritans_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4 2. Pdf (Accessed: 1st February 2019).
- 9. Woolley, F. (1994) Feministskiy vyzov neoklassicheskoy ekonomicheskoy teorii [The Feminist Challenge to Neoclassical Economics]. *Thesis*. 6. pp. 77–100.
- 10. Amin, S. (n.d.) *Traektoriya istoricheskogo kapitalizma i prizvanie marksizma v "tret'em mire"* [The Trajectory of Historical Capitalism and Marxism's Tricontinental Vocation]. [Online] Available from: http://scepsis.net/library/id 3642.html (Accessed: 1st February 2019).
- 11. Fourcade, M. & Healy, K. (2011) Moral'nye vozzreniya na rynochnoe obshchestvo [Moral Views of Market Society]. In: Shmatko, N.A. (ed.) *Simvolicheskaya vlast': sotsial'nye nauki i politika* [Symbolic power: social sciences and politics]. Moscow: Universitetskaya kniga. pp. 127–186.
- 12. Brown, W. (2018) Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovyvaet gosudarstvo i sub"ekta [The Destruction of Democracy: How Neoliberalism Transforms the State and the Subject]. Translated from English by S. Loseva. *Neprikosnovennyy zapas*. 4. pp. 99–129.
- 13. Leys, C. & Harriss-White, B. (n.d.) *Commodification: the essence of our time.* [Online] Available from: www.opendemocracy.net/ourkingdom/colin-leys-barbara-harriss-white/commodification-essence-of-our-time (Accessed: 8th November 2018).
- 14. Malgan, J. (2014) Sarancha i pchela: Khishchniki i tvortsy v kapitalizme budushchego [The Locust and the Bee. Predators and Creators in Capitalism's Future]. Translated from English by I. Kushnareva. Moscow: The Gaidar Institute.
- 15. Berdysheva, E.S. (2012) From Criticism toward Analytics: Commodification of Vital Goods as an Actual Research Problem in the New Economic Sociology. *Ekonomicheskaya sotsiologiya Journal of Exonomic Sociology*. 13(1). pp. 67–85. (In Russian).
- 16. Macekura, S., Mcrorie, C., Cebul, B., Ticona, J., Maiers, C., Elias, A., O'Connor, J. & Schrum, E. (2016) The Relationship of Morals and Markets Today: A Review of Recent Scholarship on the Culture of Economic Life. *An Interdisciplinary Journal*. 99(2). pp. 136–170. DOI: 10.5325/soundings.99.2.0136
- 17. Phelps, E. (2015) Massovoe protsvetanie: Kak nizovye innovatsii stali istochnikom rabochikh mest, novykh vozmozhnostey i izmeneniy [Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change]. Translated from English. Moscow: The Gaidar Institute.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

STASIULIS Nerijus – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Vilnius Gediminas Technical University, Faculty of Creative Industries, Department of Philosophy and Cultural Studies (Vilnius, Lithuania).

E-mail: nerijus.stasiulis@vgtu.lt

АВЕРКОВ Михаил Сергеевич — аспирант 3-го года обучения кафедры социологии и массовых коммуникаций гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск), старший преподаватель Красноярского краевого ресурсного центра по работе с одаренными детьми (г. Красноярск), руководитель образовательных программ Красноярской региональной молодежной общественной организации «Сибирский дом» (г. Красноярск).

E-mail: mgolota@yandex.ru

АНДРУШКЕВИЧ Александр Геннадьевич — техник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

АНТУХ Геннадий Геннадьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Томского научного центра СО РАН.

E-mail: g.antukh@yandex.ru

АСЛАНОВ Стеллас Антипович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и государственного управления Ужгородского национального университета (г. Ужгород, Украина).

E-mail: stelas1969@gmail.com

БАЖАНОВ Валентин Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск).

E-mail: vbazhanov@yandex.ru, http://staff.ulsu.ru/bazhanov

БОБРОВА Галина Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и обществознания Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк).

E-mail: g.bobrova@bk.ru

БУКИНА Елена Евгеньевна – аспирант кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: bukinaee@yandex.ru

ВОЛКОВА Светлана Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: s.v.volkova@spbu.ru

ВЯЛЫХ Никита Андреевич – кандидат социологических наук, докторант, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: sociology4.1@yandex.ru

ГАШКОВ Сергей Александрович — кандидат философских наук, доцент, доктор философии Университета г. Пуатье (г. Пуатье, Франция); доцент Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, факультет «Международного промышленного менеджмента и коммуникаций», каф. Р7 «Теоретическая и прикладная лингвистика» (г. Санкт-Петербург).

E-mail: sgachkov@hotmail.com, sergegachkov@mail.ru

ДЕРЯБИН Андрей Александрович – MSc Social Psychology, научный сотрудник Научно-исследовательского центра социализации и персонализации образования детей Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва).

E-mail: deryabin-aa@ranepa.ru

ИГНАТЬЕВА Ирина Федоровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социального управления Института экономики и управления Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: iifed@mail.ru

ИСАЕВ Борис Акимович — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Государственный университет аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург).

E-mail: isaevboris@yandex.ru

КРАЕВА Александра Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент по специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания», доцент кафедры философии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск).

E-mail: kraevalex@list.ru

КРАНЗЕЕВА Елена Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета.

E-mail: elkranzeeva@mail.ru

МАЛЬШЕВА Наталия Ивановна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: n.malysheva@spbu.ru

МИХАЙЛЕНОК Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, заведующий отделом исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

НАЗАРЕНКО Алексей Владимирович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: alek_nazarenko@mail.ru

НЕХАЕВ Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета (г. Тюмень); профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета, доктор философских наук (г. Омск); научный сотрудник Томского научного центра СО РАН, доктор философских наук (г. Томск).

E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

ПЕТРОВА Галина Ивановна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, профессор кафедры культурологии, теории и истории культуры Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: seminar 2008@mail.ru

ПОЛЯКОВ Андрей Васильевич – доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург).

E-mail: polyakov2008@gmail.com

ПОЛЯКОВА Ирина Геннадьевна – научный сотрудник Уральского межрегионального института общественных наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: irinapolykova@yandex.ru

ПОПОВ Александр Анатольевич – доктор философских наук, доцент, заведующий научно-исследовательским сектором «Открытое образование» научно-исследовательского центра социализации и персонализации образования детей Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва), заведующий лабораторией компетентностных практик образования Института системных проектов Московского городского педагогического университета (г. Москва), профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск).

E-mail: popov-aa@ranepa.ru

РАХМАНОВ Азат Борисович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

РЕЗНИКОВ Владимир Моисеевич — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: mathphil1976@gmail.com

СТОЛЯРОВА Ольга Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (г. Москва).

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

ТУЛУПОВА Ольга Николаевна — заместитель начальника департамента по экономике и финансам Департамента здравоохранения Томской области (г. Томск).

E-mail: tulupova@yandex.ru

ФИШМАН Леонид Гершевич – доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).

E-mail: lfishman@yandex.ru

ХВАСТУНОВА Юлия Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры права, философии и социологии, Горно-Алтайский государственный университет (г. Горно-Алтайск, Россия).

E-mail: hvastunovoy@mail.ru

ЧАПЛИНСКАЯ Яна Игоревна – ассистент, факультет инновационных технологий, кафедра управления качеством Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: yana16071992@yandex.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: chernic@mail.tsu.ru

ЩЕРБИНИН Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: shai52@mail.ru

ЩЕРБИНИНА Нина Гаррьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

ЮДИНА Марина Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: m.udina@spbu.ru

ЯРСКАЯ Валентина Николаевна – доктор философских наук, профессор, директор Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований, профессор кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. (г. Саратов).

E-mail: jarskaja@mail.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, PhD, профессор, руководитель Международной лаборатории исследований социальной интеграции, профессор департамента социологии, главный редактор Журнала исследований социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: eiarskaia@hse.ru; elena.iarskaia@gmaill.com

ЯЦЕВИЧ Мария Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета (г. Кемерово).

E-mail: maria762003@list.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

2020, № 56

Редактор *Е.Г. Шумская* Оригинал-макет *О.А. Турчинович* Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл», факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Подписано в печать 03.09.2020 г. Дата выхода в свет 11.09.2020 г. Формат $70x100^{1}/_{16}$. Печ. л. 19,5; усл. печ. л. 25,35; уч.-изд. л. 26,75. Тираж 50 экз. Заказ № 4400. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49 http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru